

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

34

ЖХУ съезд КПСС и задачи советского китаеведения

Японо-американский союз и новая обстановка в Азии

Филиппины: надежды и проблемы

На родине Лу Синя

Основные идеологические течения современной Японии

Жунвэйбины — штурмовые отряды маоистов

3

1976

Институт Дальнего Востока АН СССР

СОДЕРЖАНИЕ

- 3 XXV съезд КПСС и советское китаеведение

ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА

- Японо-американский союз и новая обстановка в Азии
19 *Д. В. Петров*
- К событиям 5 апреля в Пекине
36 *А. М. Михайлов*
- Надежный ориентир социализма (к 20-летию VIII съезда КПК)
43 *К. В. Кукушкин*
- К 20-летию подписания Совместной советско-японской декларации
47 *Н. Н. Николаев*
- Нефтяная дипломатия Пекина
59 *В. П. Поляков*
- Пограничная политика Китая и принцип сохранения «статус-кво»
71 *Е. Д. Степанов*

ИДЕОЛОГИЯ

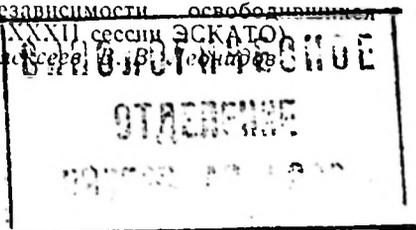
- Основные идеологические течения современной Японии
81 *Ю. Б. Козловский*

ИСТОРИЯ

- К 55-летию I съезда КПК
96 *К. В. Шевелев*
- О «движении 9 декабря» 1935 года
103 *А. С. Титов*
- История Китая в освещении буржуазной синологии
117 *Г. В. Ефимов*
- Хунвэйбины — штурмовые отряды маонистов
129 *В. Н. Усов*

КОММЕНТАРИИ

- В интересах упрочения экономической и политической независимости освободившихся стран (к итогам XXXII сессии ЭСКАТО)
141 *И. А. Алехин*

КУЛЬТУРА

- 146 К проблеме китайского поэтического наследия
Н. Т. Федоренко
- Антигуманизм — курс культурной политики Пекина
- 157 *А. Н. Желуховцев*

ВОСПОМИНАНИЯ

- На родине Лу Сня (к 40-летию со дня смерти
великого китайского писателя)
- 166 *В. Н. Рогов*

ОЧЕРКИ И СООБЩЕНИЯ

- Филиппины: надежды и проблемы
- 178 *В. И. Григорович*
- Китайская деревня прежде и теперь (к 80-летию
со дня рождения Пэн Бая)
- 188 *А. М. Малухин*

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

- Надежный путь к миру и безопасности в Азии
- 196 *Ю. К. Луговской*
- Японский синолог о кампании «критики Линь Бяо
и Конфуция»
- 199 *Л. С. Переломов, Г. А. Кулик*
- Политика Пекина в Африке
- 203 *Ф. И. Димин*
- Критика японских адептов «идей Мао Цзэ-дуна»
- 206 *Б. В. Валентинов*
- Путь маонстов
- 209 *Л. М. Гудошников, Л. В. Гречко*

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- XXV съезд КПСС и проблемы современного Ки-
тая
- 212 *В. В. Зайцев*
- Проблемы формирования границ Китая в совре-
менной историографии
- 215 *Р. А. Мировицкая*
- Актуальные вопросы сельского хозяйства КНР
- 217 *Е. В. Бубенцов*

ЮБИЛЕИ УЧЕНОГО

- 220 П. А. Миф (к 75-летию со дня рождения)
- 221 К 70-летию В. Н. Рогова

Адрес редакции: Москва, 117218
ул. Кржижановского, д. 14, корп. 2,
тел. 127-08-49

© «Проблемы
Дальнего Востока»,
1976

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М. И. СЛАДКОВСКИЙ (и. о. главного редактора),
В. А. АРХИПОВ (зам. главного редактора),
Г. В. АСТАФЬЕВ, Р. С. БЕЛОУСОВ, Г. А. БОГДАНОВ,
Г. В. ЕФИМОВ, М. С. КЛИЦА, В. А. КРИВЦОВ,
С. М. ПОПОВ, О. Б. РАХМАНИН, Б. В. САГАРЕВ
(отв. секретарь), В. М. СОЛНЦЕВ, М. Л. ТИТАРЕНКО,
С. Л. ТИХВИНСКИЙ, Р. А. УЛЬЯНОВСКИЙ,
Н. Т. ФЕДОРЕНКО

XXV съезд КПСС и советское китаеведение

В Отчетном докладе Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева на XXV съезде, в выступлениях делегатов съезда и многих зарубежных гостей была дана развернутая характеристика антимарксистской, антисоциалистической сущности маоизма, той опасной роли, которую таят в себе действия КНР на международной арене. Внимательно и объективно проанализировав итоги истекшего пятилетия, определив принципиальный политический курс нашей партии и страны на предстоящие годы, форум советских коммунистов подтвердил правильность выработанного XXIV съездом курса в отношениях с Китаем. Установки XXV съезда, его оценки идеологии и политики маоизма имеют программное значение для нашего китаеведения.

На протяжении последних полутора десятилетий наша партия вместе с другими марксистско-ленинскими партиями, активно борясь за чистоту марксистско-ленинского учения, социалистических идеалов, разоблачает маоизм, сущность которого составляет мелкобуржуазный национализм, принявший крайние формы великоханьского шовинизма, агрессивного гегемонизма и антисоветизма.

В этой борьбе были пройдены различные этапы. До середины 60-х гг. китайское руководство, развертывая широким фронтом подрывную работу против мировой социалистической системы, международного коммунистического и национально-освободительного движений, вместе с тем не порывало организационных и политических связей с коммунистическими партиями, мировым коммунистическим движением. Маоизм тогда еще не обнажил так открыто свое социал-шовинистское нутро, продолжал рядиться в тогу защитника «революционных принципов документов международных совещаний компартий», борца «за чистоту марксизма-ленинизма», прикрываясь крикливыми антиимпериалистическими лозунгами. Братские партии, критикуя раскольническую, антимарксистскую идеологию и политику лидеров Китая, пытались преодолеть расхождения в рамках внутренней дискуссии в коммунистическом движении на основе поисков путей к единству действий в борьбе за мир, против общего врага — империализма. В то время «идеи Мао Цзэ-дуна» подвергались критике как ошибочное толкование положений марксизма-ленинизма, как проявление «левацкого» уклона.

В период 1964—1966 гг. «идеи Мао Цзэ-дуна» довольно отчетливо обнажили свою враждебную социализму, делу всеобщего мира, социал-шовинистскую агрессивную сущность. Открытая подрывная деятельность против социалистических стран, организация провокаций на гра-

нице, выдвижение территориальных притязаний к Советскому Союзу, разрыв организационных и идейно-политических связей с мировым коммунистическим движением, отказ от совместных действий с братскими партиями и социалистическими странами в борьбе с агрессией империализма во Вьетнаме и открытые антисоветские авансы Западу, контрреволюционный переворот, предпринятый в ходе «культурной революции», — все это свидетельствовало о том, что речь идет не о теоретических разногласиях маонистов с марксистско-ленинскими партиями, а об осуществлении ими на практике курса, глубоко враждебного делу мира и социализма.

Эволюция маонизма в сторону антисоциализма и антисоветизма и разрыва с марксизмом-ленинизмом поставила задачу по-новому определить отношение к идеологии и политике маонистского руководства. Декабрьский (1966) Пленум ЦК КПСС, а затем Международное совещание коммунистических и рабочих партий 1969 г., XXIV и XXV съезды КПСС являются принципиально важными, этапными вехами в борьбе мирового коммунистического и рабочего движения с маонизмом как антимарксистским, антиленинским течением.

Развертывание «культурной революции» в КНР (1966), срыв китайским руководством конструктивных акций КПСС и Советского правительства, усиление раскольнической антисоветской деятельности группы Мао Цзэ-дуна поставили перед Центральным Комитетом нашей партии вопрос об усилении политического и идеологического противодействия Мао Цзэ-дуну и его политике. Аналогичная задача встала и перед всеми братскими партиями.

Состоявшийся в августе 1966 г. XI пленум ЦК КПК одобрил осуществление «культурной революции». На этом же пленуме были подтверждены все антисоветские мероприятия, проведенные маонистами в предшествующие годы. Сразу после него, в августе — сентябре, начались хулиганские действия хунвэйбинов против советского посольства.

Состоявшийся в декабре 1966 г. Пленум ЦК КПСС указал, что события в Китае, решения XI пленума ЦК КПК свидетельствуют о вступлении великодержавной, антисоветской политики китайских руководителей в новую опасную фазу. В постановлении Пленума, принятом по докладу Генерального секретаря ЦК КПСС тов. Л. И. Брежнева, говорилось: «Курс, который нынешние руководители КПК проводят на международной арене; их политика по отношению к социалистическим странам; враждебная кампания против нашей партии и советского народа и раскольнические действия в международном коммунистическом движении — все это не имеет ничего общего с марксизмом-ленинизмом. Такая политика, такие действия наносят ущерб интересам социализма, международного рабочего и освободительного движения, социалистическим завоеваниям самого китайского народа и объективно оказывают помощь империализму»¹. Принципиальные оценки, данные этим Пленумом ЦК КПСС, положили начало новому этапу идейно-политической борьбы нашей партии и других братских партий против маонизма — этапу развернутого наступления на эту враждебную марксизму-ленинизму идеологию и политику.

В 1966 и в последующие годы антисоветизм группы Мао Цзэ-дуна продолжал нарастать. 5 мая 1968 г. в докладе на торжественном заседании, посвященном 150-летию со дня рождения К. Маркса, товарищ М. А. Сулов отмечал: «Грубым выражением левацко-авантюристического извращения марксизма является деятельность группы Мао Цзэ-дуна.

¹ «Правда», 14. XII. 1966.

Она начала с того, что крикливо заявляла о «защите» марксистской теории от «ревизионистского большинства в коммунистическом движении», а на деле отбросила марксистско-ленинское учение, перешла на позиции мелкобуржуазного национализма и шовинизма и провозгласила высшей истиной цитатник Мао Цзэ-дуна»².

В марте 1967 г. руководители нашей партии и правительства на встречах с избирателями разоблачили маоистское руководство, провоцировавшее обострение советско-китайских отношений. 10 марта 1967 г. товарищ Л. И. Брежнев говорил, что «легенда о «пролетарской культурной революции» — это всего лишь неуклюжая маскировка чуждой марксистско-ленинизму политики», что «это больше похоже на подавление социалистической революции» и «на реакционный военный переворот»³.

В октябре 1968 г. состоялся XII пленум ЦК КПК, на котором маоисты закрепили новую фазу в развитии политической ситуации в Китае — разгром партии. Пленум проходил в обстановке полного попрания элементарных норм партийной жизни. Он одобрил директиву Мао Цзэ-дуна «огонь по штабам» от 5 августа 1966 г., подтвердил «постановление о великой пролетарской культурной революции» от 8 августа 1966 г. Все материалы XII пленума были пронизаны яростным антисоветизмом.

Оценка того периода развития событий в Китае была дана в редакционной статье журнала «Коммунист» «Обстановка в Китае и положение в КПК на современном этапе», в которой подчеркивалось что Мао Цзэ-дун и его группа стремятся «оправдать «культурную революцию», отмежеваться от линии VIII съезда КПК и тем самым перечеркнуть период развития КНР по социалистическому пути, идеологически подготовить страну к становлению новой системы власти»⁴.

Особое место в возведении антисоветизма на уровень партийно-государственной доктрины, как известно, сыграли провокации маоистов на реке Уссури (2—15 марта 1969 г.). Они предшествовали IX съезду КПК (апрель 1969 г.). События на Уссури явились своеобразной подготовкой к этому форуму маоистов, открыто взявшему курс на борьбу против СССР.

Московское Совещание коммунистических и рабочих партий (июнь 1969 г.) явилось важным этапом в борьбе марксистов-ленинцев против маоистского курса. Оно придало этой борьбе поистине интернациональный характер.

В выступлении на московском Совещании коммунистических и рабочих партий 1969 г. Генеральный секретарь ЦК КПСС тов. Л. И. Брежнев сказал:

«Всесторонний марксистско-ленинский анализ классового содержания событий в Китае за последние годы и корней нынешнего курса руководителей КПК, ставящего под угрозу социалистические завоевания китайского народа, — большая и серьезная задача... Сказать об этом тем более важно, что какая-то часть прогрессивного общественного мнения до сих пор еще сохраняет веру в революционные устремления нынешнего китайского руководства, верит его заявлениям о том, что оно якобы ведет борьбу против империализма»⁵. Таким образом, перед марксистско-ленинским китаеведением была поставлена фундаментальная и долговременная задача большого научного и политического значения.

² «Правда», 11. III. 1967.

³ «Правда», 6. V. 1968.

⁴ «Коммунист», 1969, № 4.

⁵ Л. И. Брежнев. О внешней политике КПСС и Советского государства. Речи в статье. М., 1973, стр. 170.

XXIV съезд КПСС теоретически и политически сформулировал стратегические направления нашей партии в китайском вопросе. Это касается и идеологического аспекта — борьбы против маоизма, это касается и межгосударственных отношений, защиты интересов нашей Родины. Крупный вклад в идейно-политический разгром маоизма, в разоблачение его подрывных действий, а также оппортунистических тенденций в отдельных компартиях внесли теоретические и политические выступления КПСС в период 100-летия со дня рождения В. И. Ленина и 50-летия образования СССР.

«Что такое сегодня внешнеполитический курс Пекина, если говорить без прикрас? — указывал Л. И. Брежнев в докладе «О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик». — Это нелепые притязания на советскую территорию, злобная клевета на общественный и государственный строй СССР, на нашу миролюбивую внешнюю политику. Это откровенный саботаж усилий по ограничению гонки вооружений, борьбы за разоружение и за разрядку международной напряженности. Это постоянные попытки расколоть социалистический лагерь и коммунистическое движение, внести разброд в ряды борцов за национальное освобождение, противопоставить развивающиеся страны Советскому Союзу и другим социалистическим государствам. Это, наконец, беспринципное блокирование на антисоветской основе с любыми, даже самыми реакционными силами...»

Теоретические и политические выступления КПСС дали не только оценку политики Пекина, как она сложилась к 1972 г., но, вскрыв внутреннюю логику антисоциалистической, антисоветской политики, указали главные тенденции развития этой политики. В самом деле, последующие события, нынешние действия маоистов на международной арене еще раз полностью подтвердили эту оценку. Эти положения являются для советских китаеведов методологической установкой при анализе внешнеполитической деятельности маоистского руководства Китая.

Осуществление курса КПСС в отношениях с Китаем, предусмотренного XXIV съездом, ознаменовалось крупными достижениями.

Последовательно отстаивая принципы марксизма-ленинизма, КПСС раскрыла полный разрыв «идей Мао Цзэ-дуна» с марксистско-ленинским учением, их теоретическую несостоятельность и беспочвенность попыток Пекина выдать «идеи Мао Цзэ-дуна» за «вершину развития марксизма-ленинизма в современную эпоху». С внешней и внутренней политики китайского руководства в значительной мере сорвана «социалистическая» маскировка, разоблачена антинародная сущность маоистского режима военно-бюрократической диктатуры. Сейчас ни одна серьезная политическая партия, ни один сознательный общественный деятель не решается говорить о своей причастности к маоизму.

Борьба против извращений маоистами марксизма-ленинизма дала дополнительный толчок развитию нашего революционного учения в соответствии с конкретными условиями сегодняшнего дня (о мирном и немирном переходе к социализму, о сущности диктатуры пролетариата и социалистической демократии, о содержании и значении в наше время принципов пролетарского интернационализма и др.). Глубокому анализу подверглись проблемы современного мирового развития, включая характеристику современной эпохи, вопросы войны и мира, формы и способы разрешения противоречия между двумя противоположными социальными системами, мирное сосуществование, пути укрепления социалистического сотрудничества и достижения победы социализма в международном масштабе, взаимодействие рабочего и национально-освободительного движения и т. д.

В результате последовательной борьбы КПСС за единство коммунистического движения и тесной координации действий с другими марксистско-ленинскими партиями сорвана попытка лидеров Пекина повести за собой коммунистические партии под флагом выдвинутой им «генеральной линии», а также оформить в международном плане маоистское политическое течение. Укрепляющаяся тенденция критики раскольнических действий китайского руководства, расширился ее фронт, что находит отражение как в партийных документах, так и в печати марксистско-ленинских партий социалистических и капиталистических стран.

Социалистическое содружество стало более единым и сплоченным в китайском вопросе, более активным в борьбе против раскольнической деятельности маоистов. Удалось своевременно раскрыть и нарушить маоистские планы, нацеленные на его раскол, а также укрепить коллективные организации социалистических государств. В ходе борьбы с маоизмом еще более возросла сплоченность братских социалистических стран, твердо стоящих на марксистско-ленинских позициях.

В национально-освободительном движении и среди развивающихся стран меры КПСС позволили парализовать осуществление притязаний китайского руководства на захват лидерства в «третьем мире», пекинские попытки разрушить связи стран, входящих в него, с Советским Союзом.

Выдающиеся успехи в борьбе против маоизма, за укрепление единства коммунистического движения, социалистических стран и национально-освободительного движения, достигнутые на базе решений XXIV съезда КПСС, вполне очевидны. XXV съезд КПСС, подтвердив жизненность линии этого съезда, поставил на первый план задачи борьбы против поджигательской политики и идеологии маоизма. Политика нынешних руководителей Китая, подчеркнул в Отчетном докладе XXV съезду Генеральный секретарь ЦК КПСС тов. Л. И. Брежнев, «откровенно направлена против большинства социалистических государств. Более того, она прямо смыкается с позицией самой крайней реакции во всем мире — от милитаристов и врагов разрядки в западных странах до расистов Южной Африки и фашистских правителей Чили. Эта политика не только совершенно чужда социалистическим принципам и идеалам, но по существу стала важным резервом империализма в его борьбе против социализма».

XXV съезд нашей партии вооружил мировое коммунистическое, рабочее и национально-освободительное движение, все миролюбивые силы глубоким марксистским анализом важнейших проблем современности. Научное предвидение и политический реализм, отличающие все документы съезда и его решения, по достоинству оценены международной общественностью. Рассматривая вопрос об отношениях с Китаем, Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев в Отчетном докладе указал на то, что во внешней политике Пекина произошел резкий сдвиг вправо, к прямому смыканию с империализмом. «Большую опасность для всех миролюбивых народов, — подчеркнул далее Л. И. Брежнев, — представляют лихорадочные попытки Пекина сорвать разрядку, не допустить разоружения, сеять недоверие и вражду между государствами, его стремление спровоцировать мировую войну, а самому погреть на этом руки. Такая политика Пекина глубоко противоречит интересам всех народов».

Исключительно важным для понимания нынешнего этапа эволюции маоизма имеет содержащееся в Отчетном докладе положение о том, что «теперь уже мало сказать, что маоистская идеология и политика несов-

местимы с марксистско-ленинским учением. Они прямо враждебны ему». Именно это и определяет наше принципиальное отношение к маоизму.

Повседневная практика идеологической борьбы на международной арене подтвердила правильность общих оценок идеологии и политики маоизма, сделанных в последнее время нашей и другими марксистско-ленинскими партиями и состоящих в том, что:

- маоизм — разновидность антикоммунизма;
- борьба против маоизма неразрывно связана с борьбой против империализма;
- маоизм — это угроза войны, враг разрядки и источник международной напряженности.

Курс Мао на подготовку к войне ущемляет прежде всего жизненные интересы китайских трудящихся, ведет к неоправданным растратам людских и материальных ресурсов страны. Поджигательская политика маоистов на международной арене, их выступления против разрядки и разоружения тесно связаны с проводимым внутри страны антинародным курсом на милитаризацию народного хозяйства КНР, линией маоистов на военно-политический сговор с крайней реакцией. Маоисты предъявляют несостоятельные и носящие авантюристический характер территориальные притязания ко всем соседним с КНР государствам. Маоистские концепции о «сверхдержавах», «трех мирах», «богатых и бедных государствах» и т. д. имеют заведомо антимарксистский, ненаучный, враждебный социалистическим странам, всем прогрессивным силам смысл.

Мао Цзэ-дун ныне стремится увековечить свою антинародную политическую доктрину, придать необратимый характер процессу развития Китая по антисоциалистическому пути, обеспечить такое руководство партией и страной, которое гарантировало бы и в дальнейшем сохранение господствующего положения теории и практики маоизма.

Глубокий политический кризис в Китае усугубляется нарастанием среди населения недовольства маоистской диктатурой, массовыми репрессиями, политикой замораживания низкого уровня жизни. Положение, сложившееся ныне в Китае, дает основания полагать, что в результате антисоциалистической внутренней и внешней политики маоизма, стремления дискредитировать мировой опыт строительства социализма в СССР и других социалистических странах, а также вследствие фактического смыкания группы Мао с силами империалистической реакции Китая может оказаться перед угрозой возрождения феодальных, капиталистических порядков.

Коммунисты видят историческую обреченность маоизма. Здесь уместно вспомнить прекрасные слова, прозвучавшие в выступлении на XXV съезде нашей партии тов. Фиделя Кастро: «Подлинную историю пишут не реакционеры, клеветники, интриганы и предатели, будь то фашисты, будь то буржуи или маоисты, ибо сама история сметет их со своего пути».

В свете решений исторического XXV съезда КПСС советские китаеведы четко видят главные задачи работы на предстоящие годы. Эти задачи состоят в том, чтобы:

- давать отпор враждебной делу мира и социализма поджигательской политике и пропаганде маоистов, защищать интересы Советского государства, социалистического содружества, мирового коммунистического движения;
- показывать враждебность идеологии и политики маоизма марксистско-ленинскому учению, вести борьбу с маоизмом, борьбу принципиальную, борьбу непримиримую;

— содействовать нормализации отношений между СССР и КНР на принципах мирного сосуществования.

Во всей нашей практической деятельности по выполнению этих задач необходимо и впредь руководствоваться положением о том, что «мы не отождествляем выступления и действия нынешнего китайского руководства ни с чаяниями и стремлениями, ни с подлинными интересами Коммунистической партии Китая, всего китайского народа. Мы глубоко убеждены, что не на путях борьбы против СССР и других стран социализма, против всего коммунистического движения, а на путях союза и братского сотрудничества с ними может быть достигнуто подлинное национальное возрождение Китая, обеспечено его социалистическое развитие»⁶.

Для китаеведов-марксистов сейчас нет более важной, более актуальной задачи, чем задача подчинить все свои интеллектуальные силы, весь свой талант ученых, все свои знания идейно-политическому разгрому маоизма, который выступает ныне опаснейшим врагом марксизма-ленинизма, дела мира, демократии и социализма, врагом и самого китайского народа.

Внутренние и международные условия складываются благоприятно для решения этой сложной, трудной и долговременной задачи.

С точки зрения внутренних процессов в Китае это:

— перманентный кризис, переживаемый маоистским режимом и маоистской идеологией, несмотря на ужесточение военно-бюрократической диктатуры;

— углубление противоречий между маоизмом, маоистской диктатурой и реальными потребностями развития страны, потребностями народа;

— усиление межклановой борьбы за власть среди маоистов;

— сужение социальной базы маоизма, что реально обозначается уже в настоящее время и исторически непреодолимо будет нарастать;

— рост стихийного недовольства китайских трудящихся политикой замораживания низкого жизненного уровня народа, тотальной милитаризацией страны;

— обострение межнациональных противоречий внутри Китая.

В международном плане это:

— неуклонный рост авторитета и влияния Советского Союза и социалистического содружества, их успехов в коммунистическом и социалистическом строительстве и проводимой ими политике мира;

— рост понимания прогрессивной и демократической общественностью того, что маоизм — это апология мировой войны, это пособник империализма;

— разоблачение псевдореволюционного камуфляжа маоистов как результат их блокирования с архиреакционными, рваншистскими, агрессивными кругами империалистических стран;

— разоблачение маоистов как противников левых сил в капиталистических странах;

— саморазоблачение маоизма, его враждебности прогрессивным, антиимпериалистическим тенденциям в национально-освободительном движении как результат союза маоизма с врагами национально-освободительного движения в Анголе и подрывной деятельности против прогрессивных режимов развивающихся стран, тесных контактов с реакционными прозападными режимами в развивающихся странах;

⁶ Международное совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы. М., 1969, стр. 73.

— усиление процесса дискредитации маоизма в сознании трудящихся социалистических стран как итог политики великодержавного диктата и давления на соседние с Китаем социалистические страны, подрывных действий против социалистических стран.

XXV съезд знаменует начало нового этапа в борьбе против маоизма. Это связано прежде всего с тем, что в последние годы четко обнаружилось контрреволюционная сущность маоизма и его превращение в важный резерв империализма, причем в первую очередь тех его сил, которые делают ставку на пересмотр итогов второй мировой войны и вооруженную контрреволюционную борьбу против социалистического содружества, выступают за гонку вооружений, против разрядки и мирного сосуществования. Это значит, что борьба с маоизмом приобретает поистине глобальный характер, становясь одной из самых острых и неотложных задач прогрессивного человечества.

Поэтому для мирового революционного движения, всех истинно демократических сил борьба против маоизма становится ныне неотъемлемой частью борьбы за социализм, за мир и международное сотрудничество, за свободу и независимость народов. Эта борьба носит принципиальный характер, и ее первоочередная важность для самого Китая, для китайского народа определяется тем, что она является и борьбой за социалистическую перспективу развития Китая.

Оценка маоизма как силы, прямо враждебной социализму, не позволяет никому, кто на деле преисполнен забот о развитии и углублении мирового революционного процесса, оставаться в стороне от борьбы против этой антисоциалистической идеологии, занимать «нейтралистские» позиции. Об этом хорошо сказал Генеральный секретарь Компартии США Гэс Холл, выступая с трибуны XXV съезда КПСС: «Маоизм является классическим примером того, куда может завести тропа оппортунизма, если ему не давать отпора. На дне мутного болота оппортунизма находится контрреволюция. И маоизм достиг этого дна... Занимать позицию нейтралитета в такой принципиальной борьбе — значит приспособливаться к оппортунизму»⁷.

Нельзя не признать, однако, что маоистские нападки на научный коммунизм и пролетарский интернационализм способствуют активизации антимарксистских сил и националистических тенденций. Распространяется своего рода промаоистский оппортунизм, состоящий в том, что под прикрытием терпимости к идеологическим установкам китайского руководства в среде коммунистов протаскиваются чуждые марксизму-ленинизму взгляды. Этой же цели служат старания Пекина насадить нейтралистское отношение к маоизму, выдавая свою борьбу против марксизма-ленинизма и коммунистического движения за «спор» только с КПСС и призывая другие партии не вмешиваться в этот «спор».

Нынешнее положение в международном коммунистическом движении, современный этап борьбы с антикоммунизмом наглядно показывают ту реакционную роль, которую играет на международной арене маоизм. С одной стороны, маоизм выступает как разновидность антикоммунизма, с другой — как катализатор различных оппортунистических идей в международном коммунистическом движении. Маоизм питает «аргументацией» и антикоммунизм, и оппортунизм, и реакционный национализм. Таким образом, к маоизму «прилипают», ищут в нем опору все враги марксизма-ленинизма, пролетарского интернационализма, научного коммунизма.

⁷ «Правда», 2. III. 1976.

Что значит занимать нейтралистскую позицию в идеологической и политической борьбе с маоизмом? В идеологической области это означает молчаливое согласие с теми чудовищными извращениями марксизма-ленинизма, которые маонисты выдают за его развитие, согласие с попытками маоистского руководства навязать свою, принципиально враждебную марксизму-ленинизму идеологию мировому революционному движению.

В связи с этим перед китаеведами-марксистами стоит острая задача — разоблачать не только маоизм сам по себе, вскрывать его идейные, классовые истоки, его реакционную, антисоциалистическую, антигуманистическую, шовинистическую сущность, но и вести столь же решительную борьбу с различными формами промаоистского оппортунизма в мировой синологии.

Историки-китаеведы имеют возможность внести свой вклад в развернувшуюся сейчас борьбу марксистов-ленинцев за чистоту нашего революционного учения, показав характер и эволюцию националистических антиленинских извращений пекинских отступников. Маоизм еще в 30-х гг. специализировался на оппортунистических идеях разделения марксизма-ленинизма на «всеобщие» и «частные» принципы и «национализации» этого интернационального учения.

Еще в 1938 г., выступая на VI пленуме ЦК КПК шестого созыва, Мао Цзэ-дун выдвинул задачу «китаизации» марксизма-ленинизма, придания марксизму, научному коммунизму «национальных черт». По сути дела, это была едва замаскированная постановка задачи подмены интернационализма национализмом.

Начав с правильных тезисов о «сочетании всеобщей истины марксизма-ленинизма с конкретной практикой китайской революции», Мао Цзэ-дун и его группа изменили политические акценты в этой формуле и, существу, отбросили марксистско-ленинское учение, подменив его социал-шовинистской идеологией маоизма и призвав «водрузить над земным шаром знамя идей Мао Цзэ-дуна».

Ныне, когда кое-где пытаются принизить интернациональное значение марксизма-ленинизма, мирового опыта социализма, особенно актуальное значение имеет напоминание об истории эволюции идеи «китаизации марксизма-ленинизма».

Именно маоизм подкрепляет правый оппортунизм в его нападках на учение о диктатуре пролетариата.

Именно маоизм, прикрываясь марксистской фразеологией, вместе с тем выступает проповедником национальной ограниченности и обособленности. Борьбу против пролетарского интернационализма маоизм ведет с позиций великоханьского шовинизма, пытаясь одновременно подогревать и использовать националистические пережитки.

В унисон с империалистической пропагандой маоизм широко использует в своих интересах все формы антисоветизма, националистические тенденции.

Опыт борьбы с маоизмом в последние десять лет наглядно показывает как исключительное значение принципов пролетарского интернационализма, так и важность правильного понимания соотношения интернационального и национального для деятельности каждой партии, каждого коммуниста.

События в Китае еще раз наглядно продемонстрировали опасность отклонений от принципов марксизма-ленинизма, от общих закономерностей социализма, опасность противопоставления интернациональных и национальных интересов в строительстве социализма.

Нынешнее развитие событий в Китае вновь возвращает нас к выводам VIII съезда КПК (сентябрь 1956 г.), 20-летие со дня созыва которого исполняется в этом году. Значение этого съезда состояло прежде всего в том, что он:

— подчеркнул непреходящее значение принципов пролетарского интернационализма для победы дела социализма в Китае;

— указал, что решение в Китае вопроса «кто — кого» в пользу социализма нераздельно связано с тесным сотрудничеством КНР с мировым социализмом и первой страной победившего социализма — Советским Союзом, с международным коммунистическим движением, отметил, что без такого союза успешное строительство социализма в Китае невозможно;

— подчеркнул, что Компартия Китая может успешно руководить всеми трудящимися в деле строительства социализма только на основе марксистско-ленинской науки, в соответствии с общими закономерностями социализма, проводя политику мира, развивая отношения дружбы и сотрудничества с Советским Союзом и всеми другими странами мировой социалистической системы.

Китаеведы-историки, философы, экономисты не могут не видеть стоящей перед ними большой задачи — продолжать углубленно исследовать борьбу двух линий в КПК и китайской революции — интернационалистической и мелкобуржуазно-националистической, — показать огромный вред делу китайской революции, делу прогресса и социализма в Китае, который был нанесен и наносится подрывной деятельностью маоистской группы и лично Мао Цзэ-дуном.

Борьба против маоизма, против нынешней антисоциалистической политики китайского руководства не является самоцелью, борьбой ради борьбы, она является органической составной частью классовой политики КПСС. Наша партия ставит своей целью борьбу за социалистический Китай, борьбу за создание условий для подлинной нормализации отношений Китая с другими социалистическими странами в том числе — для восстановления дружбы и добрососедства между СССР и КНР.

Борьбу против маоизма советские марксисты ведут с принципиальных, интернационалистских, классовых позиций. Советское Китаеведение верно принципам пролетарского интернационализма, проникнуто духом дружбы и уважения к китайскому народу, служит целям утверждения социалистической перспективы КНР. Борясь против маоизма, мы не выступаем против Китая, антимаоизм и есть последовательное выражение дружбы к китайскому народу и его стране.

* * *

Советское Китаеведение пришло к XXV съезду нашей партии как дочечно дифференцированная, развитая наука, основывающаяся на марксистско-ленинской методологии. В академических центрах, университетах и других вузах, в практических организациях работает большой ряд квалифицированных специалистов.

Советские Китаеведы, где бы они ни работали — в партийно-государственном аппарате или научных учреждениях, — вносят свой вклад в выполнение задач, поставленных перед ними партией. И сделано уже немало. Это касается и изучения актуальных вопросов современного положения в Китае, критики теории и практики маоизма. Это касается и исследования новой и новейшей истории Китая, истории КПК, китайской революции.

Это касается и исследования и разоблачения антисоциалистической, великодержавно-шовинистической сущности внешней политики маоистов, истории русско- и советско-китайских отношений. Это касается и исследований китайской философии, культуры, литературы, языка и т. п.

Словом, советское китаеведение многогранно, но оно едино своей марксистско-ленинской, классовой методологией, своей партийностью, своей преданностью принципам пролетарского интернационализма, идеям дружбы народов СССР и Китая.

В опубликованных журналом «Коммунист» и газетой «Правда» редакционных статьях последних лет, в серии недавно изданных монографий обобщены итоги научных исследований советскими китаеведами политической сущности маоизма, его социальных, идейных, теоретических истоков и исторических корней, дана критика теории и практики маоизма, изложены принципиальные концепции, содержащие марксистскую оценку нынешних событий в Китае, истории КПК, экономического развития КНР, маоистской внешней политики, новой и новейшей истории Китая, советско-китайских отношений, формирования границ Китая, истории русско-китайских отношений, политики группы Мао Цзэ-дуна в национальном вопросе и в области культуры. Комплексный анализ наиболее острых вопросов современного положения в Китае, маоистской внутренней и внешней политики содержится в коллективной монографии «Основные аспекты китайской проблемы».

Проведенные исследования позволили сделать научный вывод о том, что главным противоречием современного китайского общества является противоречие между обобществлением средств производства, носящим социалистический характер, происшедшим в КНР до 60-х гг., и военно-бюрократической надстройкой, маоистской диктатурой.

В трудах советских китаеведов выработано научное определение маоизма как мелкобуржуазного, националистического течения, в основе которого лежат великоханьский социал-шовинизм и гегемонизм. Выявлены социальные и идейные истоки маоизма, прослежена его эволюция. Результаты этой работы отражены в таких изданиях, как «Критика теоретических концепций Мао Цзэ-дуна», «Истоки и эволюция идей Мао Цзэ-дуна», «Об антимарксистской сущности маоизма», «Страницы политической биографии Мао Цзэ-дуна», «Антимарксистская сущность философских взглядов Мао Цзэ-дуна», «Великоханьский шовинизм — сущность маоизма».

В содружестве с марксистами из братских стран советские ученые осуществляли всесторонний разбор теории и практики маоизма, разоблачили опасный характер этого антисоциалистического, антимарксистского явления. Итоги этих исследований были изложены, в частности, в коллективном труде марксистов ряда социалистических стран «Маоизм — идейный и политический противник марксизма-ленинизма», в сборниках «Маоизм глазами коммунистов», в серии сборников «Опасный курс» и др.

Результатом широкого исследования экономики КНР явилось издание серии монографий, раскрывающих проблемы развития современного Китая, социально-экономические противоречия его индустриального развития, изменение социально-экономической структуры китайской деревни, положение рабочего класса, национальной буржуазии и т. д. Институтом Дальнего Востока подготовлена 4-томная коллективная монография «Экономика КНР. 1949—1974». В этих работах впервые в советской и зарубежной литературе дается количественный и качественный анализ изменений в современной социально-экономической струк-

туре, экономической политике, в важнейших отраслях народного хозяйства КНР.

Важной представляется разработка узловых проблем новой и новейшей истории Китая. Очищение событий новой и новейшей истории Китая от маоистских фальсификаций, научно-обоснованная периодизация китайской революции, анализ социально-экономической структуры китайского общества содержится в «Новейшей истории Китая. 1917—1970», «Новой истории Китая», в цикле работ по истории Коммунистической партии Китая. Для правильного понимания проблем новейшей истории Китая, условий, в которых победила китайская революция, имеют принципиальное значение новые материалы и выводы, относящиеся к периоду 1945—1949 гг.: о роли Советского Союза в достижении победы революционно-демократических сил Китая в 1949 г., о значении в этом Маньчжурской военно-революционной базы, о подлинном образе действительный Мао Цзэ-дуна в этот ответственный период развития китайской революции.

Националистические, антисоветские истоки деятельности группы Мао Цзэ-дуна четко показаны в работах китайского коммуниста-интернационалиста Ван Мина, бывшего военного советника Коминтерна при ЦК КПК О. Брауна, в воспоминаниях советских специалистов, в разное время работавших в Китае. Дневники П. П. Владимирова «Особый район Китая» вызвали исключительный интерес в нашей стране и за рубежом. Эти публикации позволили восстановить научную истину, дать объективный анализ событий в Китае 30-х — начала 40-х гг., показать предательскую роль Мао Цзэ-дуна и его сторонников в тяжелые для Советского Союза годы накануне и в период Великой Отечественной войны против гитлеровской Германии (измена интернациональному долгу, антисоветская кампания в Яньани, избиение марксистских кадров в ходе «движения за упорядочение стиля работы»).

Советскими китаеводами дана оценка политического строя, установленного в КНР после маоистского переворота, как военно-бюрократической диктатуры группировки Мао Цзэ-дуна, показан механизм функционирования нового маоистского политического режима. Научной критике подвергнута шовинистическая национальная политика маоистского руководства, направленная на насильственную ассимиляцию неханьских народов Китая, антинародная политика маоистов в области культуры и образования.

Анализ истории и нынешнего состояния внешней политики Китая оформился в последние годы как самостоятельная область нашего китаеведения. Существенную помощь нашей идеологической и практической борьбе против маоизма оказывают работы советских китаеведов, освещающие важнейшие проблемы советско-китайских отношений и истории отношений России с Китаем. Большое политическое и научное значение приобрели объективные научные исследования истории территориального разграничения между Китаем и соседними странами, в особенности истории формирования границы между Россией и Китаем.

Важные научные выводы о продолжении в Компартии Китая борьбы двух линий — националистической, во главе с Мао Цзэ-дуном, и интернационалистской, марксистско-ленинской, которая была представлена другими деятелями КНР, выступавшими против курса Мао Цзэ-дуна и его сторонников, — были сделаны в опубликованных работах по истории советско-китайских отношений. Эти работы на богатом фактическом материале показывают действия маоистов, направленные на подрыв советско-китайских отношений, искусственное стимулирование ан-

тисоветизма, использование антисоветизма во внутривнутриполитической борьбе в Китае.

Публикация крупных монографий — «Внешняя политика и международные отношения КНР. 1949—1973 гг.», «Международные отношения на Дальнем Востоке» — позволила рассмотреть основные аспекты внешнеполитического курса маоистов, основанного на антисоветизме, беспринципном стремлении к гегемонизму, прямом сговоре с империалистическими кругами. Прослежены экспансионистский традиционализм и опасный авантюризм пекинской дипломатии.

В «Истории торгово-экономических отношений народов России с Китаем» и документальных сборниках «Русско-китайские отношения в XVII в.» доказано, что Россия отнюдь не являлась «традиционным агрессором» в отношении Китая, как это утверждает маоистская и империалистическая пропаганда, что территориальные притязания пекинских лидеров к нашей стране не имеют никаких исторических оснований, а все несправедливости в отношении Китая, порожденные политикой царской России в период империализма, давно сброшены со счетов истории Великой Октябрьской социалистической революцией.

В Советском Союзе также широко издаются работы, посвященные истории и культуре Китая древних времен и средних веков. Многочисленны монографии советских ученых, посвященные различным аспектам истории и культуры Китая прошлых веков. Большими тиражами на русском языке и других языках народов СССР издаются в нашей стране произведения китайской классической литературы.

С 1972 г. советские китаеведы имеют возможность публиковать результаты своих исследований в журнале «Проблемы Дальнего Востока», ставящем своей целью освещение международных проблем Дальнего Востока, а также жизни народов стран этого региона, в том числе и Китая. Журнал освещает проблемы советско-китайских отношений, широко знакомит читателей с событиями, происходящими в Китае, состоянием китайской экономики, внутренней и внешней политики, идеологии и культуры, публикует исследования по древней и новой истории Китая.

В центре внимания журнала постоянно находятся вопросы политической и идеологической борьбы с маоизмом, разоблачения антинародного и антисоциалистического курса группы Мао Цзэ-дуна. На страницах журнала освещаются такие проблемы, как экономическое положение в КНР, внешняя и внутренняя политика маоистского руководства, его стремление к гегемонии в международном коммунистическом и революционном движении, разжигание антисоветской истерии в КНР и притязания на территории сопредельных стран.

Полезным было проведение Всесоюзной научной конференции китаеведов, состоявшейся в ноябре 1971 г., где было поставлено значительное количество острых вопросов развития советского китаеведения. Сегодня задача заключается в том, чтобы сделать такого рода встречи китаеведов регулярными.

* * *

Значительно возрос авторитет советского китаеведения на международной арене. Советские китаеведы являются сейчас крупным отрядом специалистов, ведущих исследование проблем Китая с позиций марксизма-ленинизма. Высокие идеалы и проницательность нашей политики в отношении Китая, китайской революции и китайского народа много-

кратно подтверждены жизнью, и это привлекает внимание и симпатии многих людей в мире. В свете решений XXV съезда перед советскими китаеводами стоит задача еще более активно пропагандировать идеи нашей партии, оказывать еще большее влияние на мировое китаеведение, на формирование общественного мнения по китайскому вопросу.

Этим целям служат успешно развивающиеся научные связи советских китаеведов с китаеведческими центрами братских социалистических стран, взаимный обмен визитами, публикациями и взаимопомощь в осуществлении учебных программ.

Значительное повышение профессионального уровня китаеведческих исследований в СССР, введение в научный оборот широкого круга документальных источников, постановка крупных проблем — все это заставляет наших идеологических противников признать значение советских работ. Если в 40—50-х гг. за рубежом велась в основном публикация библиографических справочных работ по советскому китаеведению, то в 60-х и особенно в 70-х гг. наступает период использования результатов работ советских китаеведов. Значительно увеличивается число рецензий на наши труды, ряд работ переводится и издается в США, Японии и других странах.

На международных конгрессах востоковедов, китаеведческих конференциях доклады советских ученых неизменно вызывают интерес и пользуются успехом. Видные зарубежные специалисты по Китаю становятся частыми гостями в стенах наших академических институтов и университетов. В свою очередь советские ученые получают приглашения посетить зарубежные исследовательские центры.

Вступление советских китаеведов в лице Института Дальнего Востока в Европейскую ассоциацию китаеведения, несомненно, будет способствовать дальнейшему укреплению авторитета советского китаеведения на международной арене.

Буржуазное китаеведение ныне выполняет важный социальный заказ — использовать теорию и практику маоизма для дискредитации марксизма-ленинизма, международного опыта реального социализма, для клеветы на Советский Союз и коммунистические партии, стоящие на марксистско-ленинских позициях. Поэтому советское китаеведение использует все возможности для активной пропаганды научных концепций современного развития Китая, его истории, культуры, международных отношений. Советские китаеведы давали и будут давать отпор любым формам буржуазной идеологии и империалистической пропаганды, в том числе и буржуазному китаеведению. Вооруженные точными научными знаниями, они будут и впредь разоблачать любые «новинки» в этой области, выходят ли они из-под пера Р. Гароди или С. Шрама, У. Хинтона или Н. Максвелла.

Нельзя не отметить и известные недостатки в нашей научно-исследовательской работе по Китаю. Все еще остается достаточно обширным перечень проблем, требующих более глубокого исследования, их оценки в соответствии с современными научно-идеологическими концепциями. Далеко не всегда удовлетворителен научно-теоретический уровень работ по проблемам Китая. Нуждаются в совершенствовании планирование, координирование, а также и весь производственный процесс, связанный с нашей отраслью науки. Непозволительно много времени занимает у нас еще издание нужной китаеведческой книги.

В области общественных наук документы XXV съезда нацеливают нас на то, чтобы обеспечить дальнейшее развитие фундаментальных и прикладных научных исследований, сосредоточить внимание ученых на важнейших проблемах социалистического прогресса, от решения кото-

рых в наибольшей степени зависит успешное развитие экономики, культуры и самой науки. Это, без сомнения, имеет прямое отношение и к нашему китаеведению.

Глубокой научной оценки требуют социальные и экономические особенности нынешнего этапа развития Китая. Эта оценка должна быть результатом серьезного анализа соотношения базиса и надстройки современного китайского общества, определения их характера, выяснения перспектив развития. Это весьма сложные и трудные вопросы. К сожалению, недостаточность информации об экономическом и социально-политическом положении в стране ставит известные трудности перед специалистами, оставляя ряд вопросов дискуссионными. Одним из важных аспектов характера и направленности общественно-политического развития КНР является милитаризация страны, нуждающаяся в самом серьезном изучении.

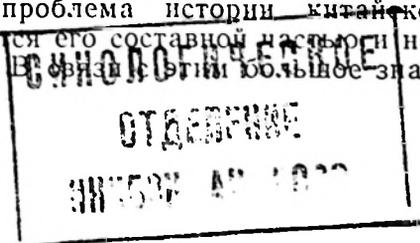
При любых экономических и политических исследованиях коренных проблем современного Китая необходимы точные научные данные о демографической ситуации в стране, тенденциях ее развития, применение марксистско-ленинской методологии решения проблем народонаселения КНР.

По-прежнему сохраняет свою актуальность разработка вопросов истории китайской революции и Компартии Китая. Маоисты спекулируют на авторитете китайской революции и будто бы решающей роли в ней Мао Цзэ-дуна. Им удастся ввести в заблуждение определенный круг лиц в Китае и за рубежом. Пекинская пропаганда изображает Мао в качестве «бессменного» вождя КПК, возглавившего революцию с самого начала и приведшего ее к полной победе. В свою очередь империалистическая пропаганда, ряд представителей буржуазного китаеведения, а также ревизионисты сейчас всячески возвеличивают Мао Цзэ-дуна. Подобные фальсификации могут быть легко опровергнуты реальными историческими фактами из истории китайской революции и Коммунистической партии Китая. Поэтому они замалчивают важные антимаоистские работы и выступления.

Принципиальное значение для правильного освещения китайской революции, причин ее победы, показа исторической интернациональной роли помощи Советского Союза имеет дальнейшее углубление изучения периода 1945—1949 гг., включающего и разгром Японии, освобождение Маньчжурии, новую вспышку освободительной борьбы против гоминьдана, образование Маньчжурской военно-революционной базы, освобождение от чанкайшистов материковой части Китая, подготовку и образование КНР. Перед историками стоит задача разоблачать маоистские фальсификации о роли личности Мао в образовании этой базы, ее действительном вкладе в антияпонскую войну, в победу китайской революции.

Поэтому необходимо создавать работы, посвященные жизни и взглядам китайских коммунистов-интернационалистов Ли Да-чжао, Цю Цю-бо, Ван Мина и других. Эти работы будут развенчивать миф о Мао Цзэ-дуне как создателе КПК и руководителе китайской революции.

Острота идеологической борьбы вокруг многих проблем новейшей истории Китая выдвигает перед советскими китаеоведами задачу скорейшего создания фундаментальных работ, в которых получила бы отражение история китайской экономики, общественной мысли, культуры и т. д. Особого внимания заслуживает проблема истории китайского национализма, поскольку маоизм является его составной частью и наиболее реакционной формой проявления. В связи с этим большое значе-

ние будет иметь и исследование истории возникновения и развития китайской нации.

Безусловно, для всех советских Китаеведов, какими бы проблемами они ни занимались, вопросы отношений нашей страны с Китаем выйдут за рамки их чисто профессиональных интересов. Эти вопросы привлекают самое пристальное внимание всей нашей партии, всего советского народа. Советско-китайские отношения являются главной проблемой при исследовании внешней политики Китая. Учитывая сложность и комплексность проблемы, в нашу задачу, несомненно, входит сочетание ее освещения с исследованиями в области экономики, внешней политики, новейшей истории.

* * *

Борьба против теории и практики маоизма — это борьба за отстаивание принципов научного социализма, за чистоту марксистско-ленинского учения, интересов мирового революционного движения. Деятельность КПСС, других братских партий в этом направлении является по своей сущности интернациональной формой помощи революционному делу китайского народа. Она не имеет ничего общего с антикитаизмом, то есть пренебрежительным, высокомерным отношением к китайскому народу, его революционным традициям, истории и культуре. Борьба марксистов-ленинцев против маоизма — это борьба за социалистическую перспективу КНР, за возвращение этой страны в общий строй борцов против империализма.

ЭКОНОМИКА И ПОЛИТИКА

Японо-американский союз и новая обстановка в Азии

*Д. В. Петров,
доктор исторических наук*

Глубокие сдвиги в международно-политической обстановке в Азии, связанные с набирающим силу процессом разрядки напряженности и исторической победой народов Индокитая в борьбе за свою национальную независимость, оказали существенное влияние на всю систему японо-американских отношений. Они поставили правящие круги Соединенных Штатов и Японии перед необходимостью приспособления характера и форм союзнических связей к новым реальностям, складывающимся в Азиатско-Тихоокеанском регионе. При всем сохраняющемся значении торгово-экономических отношений двух этих стран на передний план выдвинулись вопросы военно-политического сотрудничества между ними. Японо-американский союз стал испытывать возрастающее воздействие отношений каждой из сторон с третьими странами, и в то же время изменения в характере отношений между США и Японией не могли не сказаться на всей международно-политической ситуации в Азии, поскольку эти отношения играют первостепенную роль в сложной системе межгосударственных связей в этом регионе.

Роль Японии во внешнеполитической стратегии Соединенных Штатов

Отношения Японии с Соединенными Штатами развиваются под воздействием тех важнейших изменений в глобальной системе международных отношений, которые все в большей мере определяют политический климат на мировой арене.

Несмотря на противодействие реакционных сил и смыкающегося с ними маоистского руководства КНР, тенденция к разрядке международной напряженности уверенно набирает силу и превращается в постоянно действующий фактор мировой политики. Все более отчетливо проявляются благотворные результаты состоявшегося в Хельсинки 30 июля — 1 августа 1975 г. Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, которое по своему составу и характеру принятых решений не имело прецедента в мировой истории. Особое значение имеет выраженное в Заключительном акте совещания стремление всех участвовавших в нем стран «делать разрядку как непрерывным, так и все более жизнеспособным и всесторонним процессом».

Усилия стран Европы, сумевших при всех различиях между ними выработать общие точки зрения во имя сохранения мира и развития сотрудничества, явились важным примером для стран и народов других континентов, доказали возможность выработки согласованных решений и способствовали тем самым распространению разрядки во всемирном масштабе.

Первостепенное значение для дела мира имел поворот от конфронтации между Советским Союзом и Соединенными Штатами к отношениям, основанным на принципах доброй воли и сотрудничества. Повышение степени доверия между ними нашло свое выражение в подписании ряда соглашений об ограничении гонки вооружений, особенно ядерных, и во взаимно выраженной готовности разработать и заключить соглашение об ограничении стратегических наступательных вооружений. Новым важным шагом в этом направлении явилось подписание 28 мая 1976 г. советско-американского Договора о подземных ядерных взрывах в мирных целях.

Улучшение атмосферы в советско-американских отношениях оказывает огромное влияние на всю систему международных отношений в мире в связи с экономическим и военным могуществом СССР и США, разветвленной системой их взаимоотношений с другими государствами мира и активной ролью в решении как глобальных, так и многих региональных проблем.

Наряду с позитивными итогами совещания в Хельсинки и поворотом к разрядке в советско-американских отношениях историческим вкладом в оздоровление международного климата явилась победа революционных сил во Вьетнаме, Лаосе и Камбодже. Эта победа означала не только ликвидацию опаснейшего очага напряженности в Азии и сокращение зоны империалистического господства, постоянно порождающего конфликты и войны, но и резкое повышение роли в Азии социалистических государств, неизменно отстаивающих принципы мирного сосуществования и добрососедства.

Победа патриотических сил в странах Индокитая оказала огромное влияние на международно-политическую обстановку в Азии. Она означала прежде всего исторический сдвиг в соотношении сил в Азии в пользу сил мира и социализма. Из сферы империалистического господства оказались полностью исключены Южный Вьетнам, Лаос и Камбоджа, которые занимают важное стратегическое положение и обладают значительными природными ресурсами. Образование Социалистической Республики Вьетнам в результате объединения страны и глубоких социально-экономических преобразований в Южном Вьетнаме на основе проведенных 25 апреля 1976 г. выборов в Национальное собрание, провозглашение 3 декабря 1975 г. камбоджийским народом республики Демократическая Кампучия и образование 4 января 1976 г. Лаосской Народно-Демократической Республики явились демонстрацией твердой решимости народов Индокитая идти по социалистическому пути развития.

Победоносное завершение войны во Вьетнаме доказало невозможность даже для такого мощного государства, как Соединенные Штаты, подавить вооруженным путем национально-освободительное движение народов. Стало ясно, что Соединенные Штаты уже не только не могут играть роль мирового жандарма, но оказываются вынужденными отступать с занимавшихся ими ранее позиций, утрачивают возможность удержать под своим контролем ситуацию во многих районах.

Поражение в Индокитае привело к потере Соединенными Штатами важных баз в Южном Вьетнаме, к вынужденному сокращению их военного присутствия непосредственно на Азиатском материке, что заставило внести существенные коррективы в военно-стратегические доктрины США.

Вместе с этим произошло явное падение морально-политического влияния Соединенных Штатов. Неспособность Вашингтона оказать достаточную военную поддержку для сохранения у власти режима

Тхиеу в Южном Вьетнаме поставила под сомнение в глазах американских союзников в Азии готовность США выполнять взятые на себя военные обязательства в тех случаях, когда это не диктуется их жизненно важными национальными интересами. Это привело к значительному сокращению роли и значения двусторонних и многосторонних блоков и союзов в политике азиатских стран, к их стремлению подкрепить эти союзы развитием дружественных связей со всеми странами и в первую очередь — с Советским Союзом.

Ярким проявлением этой тенденции явилось принятое 25 сентября 1975 г. на заседании совета Организации договора Юго-Восточной Азии (СЕАТО) в Нью-Йорке решение о роспуске этого военного блока, созданного наряду с другими в годы «холодной войны». С падением сайгонского режима был нанесен удар и по Азиатско-Тихоокеанскому союзу (АЗПАК), который был образован в 1966 г. под эгидой Японии как политико-экономический союз с явной антикоммунистической ориентацией. Выпадение из него Южного Вьетнама, а также невозможность сочетать участие в этом союзе Тайваня с установлением дипломатических отношений с КНР другими странами-участницами (Японией, Австралией, Новой Зеландией, Таиландом, Филиппинами, Малайзией) привели к свертыванию деятельности этой организации.

После поражения во Вьетнаме отношения с Японией приобрели, по словам государственного секретаря Г. Киссинджера, «первостепенное значение для американской политики в Азии»¹. Это же подтвердил президент Форд, отведя отношениям с Японией важнейшее место в провозглашенной им 7 декабря 1975 г. «новой тихоокеанской доктрине». Президент США подчеркнул, что «одной из опор нашей стратегии является наше партнерство с Японией» и что «нет никакой другой страны, отношениям с которой я уделял бы больше внимания»².

Возрастание роли Японии в американской политике в результате кардинальных сдвигов в международно-политической обстановке в Азии после краха американской политики в Индокитае было связано прежде всего с тем, что Япония рассматривается в Вашингтоне как важнейший и практически единственный союзник США в Азии. «Япония, которую мы обычно называем «краеугольным камнем» американской политики на Дальнем Востоке, становится, похоже, единственным камнем, который мы здесь имеем»³, — писала газета «Вашингтон пост», указывая на особую роль Японии для достижения целей Соединенных Штатов в Азии. Хотя Япония упорно отказывалась принимать непосредственное участие в военных акциях США в Азии, она служила незаменимой базой материально-технического обеспечения американских войск в годы войны в Корее и во Вьетнаме. В связи с потерей Южного Вьетнама и ликвидацией с июля 1976 г. военных объектов в Таиланде базы в Японии и особенно на острове Окинава приобрели для Пентагона особую ценность. Определенные расчеты Соединенные Штаты возлагают также на быстро нарастающие боевую мощь японские «силы самообороны» и потенциальную возможность возложить на них проведение противовоздушных и противолодочных операций в северо-западной части Тихого океана, высвободив тем самым силы американского Тихоокеанского флота для действий в других районах.

Большое значение в Вашингтоне придают вкладу Японии в осуществление планов стабилизации сеульского режима Пак Чжон Хи и закрепления раздела Кореи.

¹ "Department of State Bulletin", № 1880, 7.VII.1975, p. 4.

² Ibid., № 1905, 29. XII. 1975, p. 914.

³ "Washington Post", I. IV. 1975.

Японии отводится особое место в американских планах «перестройки политической структуры» в Азии, непременным элементом которой является сохранение азиатских стран в орбите капиталистической системы и предотвращение, по возможности, дальнейшего подъема национально-освободительного движения под влиянием победы патриотических сил в странах Индокитая. Посредством различных программ помощи и экономического сотрудничества Япония призвана обеспечить в тесном сотрудничестве с США стабильность капиталистического строя и сохранение у власти проамериканских правительств в ряде стран Юго-Восточной Азии.

Сохранение и упрочение союза с Японией считается также в Вашингтоне крайне необходимым в интересах дальнейшего развития отношений США с Китаем. Стремясь в полной мере использовать антисоветский курс маоистского руководства в качестве важного резерва для достижения собственных целей как в Азии, так и в плане глобальной борьбы против мирового социализма, США в то же время вынуждены учитывать интересы и позицию своего важнейшего азиатского союзника — Японии, с которым их связывает прежде всего общность классовых целей. Соединенные Штаты стремятся не возбуждать в Японии подозрений относительно возможности своего сговора с Пекином за ее спиной и развивать отношения с КНР на базе согласованной в основном политики в качестве своего рода дополнения к союзу с Японией, рассчитывая в перспективе на установление самых тесных трехсторонних американо-японо-китайских связей.

Важным шагом в этом направлении в Вашингтоне считалась прежде всего ликвидация политико-психологических последствий «шока Никсона», который потряс Японию летом 1971 г. в результате предпринятых в тайне от Японии шагов к нормализации отношений с Китаем. Государственный секретарь США Г. Киссинджер, посетивший Японию в ноябре 1974 г. вместе с президентом Фордом, фактически принес свои извинения, «признав, что он был неправ, делая шаги к открытию Китая без консультаций с Японией»⁴.

Демонстрируя готовность консультироваться с Японией, Киссинджер сделал остановки в Токио по пути в Пекин и обратно (18—19 и 23—24 октября 1975 г.) в ходе подготовки визита в КНР президента Форда. После завершения переговоров в Пекине Киссинджер 8 декабря 1975 г. вновь специально прилетел в Токио для встречи с лидерами японского правительства, которым были даны заверения в том, что проблемы отношений США с Китаем рассматриваются в Вашингтоне с полным учетом точки зрения Японии.

Проявляя особую заинтересованность в позиции Японии, Соединенные Штаты выразили готовность поднять японо-американские отношения на более высокий уровень, доведя их по аналогии с отношениями с Англией до стадии «особых отношений», предполагающих «тесное рабочее сотрудничество по проблемам глобальной стратегии» на основе взаимных консультаций «по широкому экономическим, дипломатическим и военным проблемам»⁵. Г. Киссинджер заявил, что США «намерены во всех наших совместных делах более широко проводить консультации и проявлять большую заинтересованность, чем это обычно имеет место даже между союзниками, что отражает высокий качественный уровень нашего сотрудничества»⁶. В качестве одной из практических мер в этом

⁴ "Washington Post", 1. IV. 1975.

⁵ "New York Times", 22. VI. 1975.

⁶ "Department of State Bulletin", № 1903, 15. XII. 1975. п. 846.

направлении в августе 1975 г. было принято решение проводить впредь регулярные встречи министров иностранных дел США и Японии не один, а два раза в год.

Существенные изменения в политической карте Азии, связанные прежде всего с новой обстановкой в Индокитае, привели, таким образом, к значительному повышению роли и места, отводимого отношениям с Японией в глобальной внешнеполитической стратегии Соединенных Штатов, что нашло свое проявление в ряде конкретных дипломатических акций, направленных на сглаживание имеющихся разногласий в интересах дальнейшего сохранения Японии в орбите американского влияния.

Отношения с США во внешней политике Японии

Серьезные сдвиги в международно-политической обстановке в Азии заставили правящие круги Японии под новым углом зрения рассмотреть свой военно-политический союз с Соединенными Штатами. В то же время эрозия военно-политических блоков, сколоченных в годы «холодной войны», показала их явное несоответствие духу эпохи. Разрядка международной напряженности, сдвиги в международно-политической обстановке в Азии, улучшение отношений между Советским Союзом и Соединенными Штатами — основным военным союзником Японии, наконец, резкое ухудшение экономического положения Японии и необходимость диверсификации внешнеторговых связей — все это настоятельно требовало от правящих кругов страны более активного развития связей со всеми странами мира, повышения степени самостоятельности и независимости японской политики и отхода от системы жестких, сковывавших на протяжении всех послевоенных лет японскую внешнеполитическую инициативу связей с Соединенными Штатами. «Японской дипломатии необходимо скорее преодолеть инерцию прошлого, освободиться от дипломатических стереотипов, служивших основанием для уверенности, что Япония может обеспечить свои интересы только лишь идя нога в ногу с Соединенными Штатами»⁷, — подчеркивал влиятельный деятель правящей либерально-демократической партии Т. Кимура, который занимал в 1974 г. пост министра иностранных дел.

Для правящих кругов Японии особенно важно было трезво оценить историческое значение победы патриотических сил в странах Индокитая. Она означала сокрушительный провал не только американской политики в Азии, но и японской дипломатии, поскольку Япония практически была соучастником американской агрессии и оказывала Соединенным Штатам более широкую морально-политическую и экономическую поддержку, чем любая другая империалистическая держава.

Все оппозиционные партии Японии, а также ведущие органы печати, учитывавшие настроения широкой общественности, требовали в связи с этим от правительства критической оценки политики безоговорочной поддержки всех акций США и выработки внешнеполитического курса, отвечающего новой обстановке в Азии и национальным интересам страны.

Газета «Асахи ивнинг ньюс» подчеркивала, например, в редакционной статье, что «новая обстановка в Индокитае требует, чтобы Япо-

⁷ «Сэкай», апрель 1975, стр. 67.

ния подвергла тщательному анализу свою позицию, ибо политика послушного следования в фарватере Соединенных Штатов завершилась полным провалом»⁸. Газета приводила высказывание одного из ответственных сотрудников министерства иностранных дел, который подчеркнул, что «Япония должна переключиться с курса, определяемого в рамках политики США, на политику, определяемую в собственно японских рамках»⁹.

Однако руководство стоящей у власти либерально-демократической партии не смогло сделать надлежащих выводов из новой обстановки. Оно взяло курс на дальнейшее развитие и упрочение союза с Соединенными Штатами.

Это объяснялось прежде всего классовыми интересами правящей элиты страны, которая была напугана победой революционных сил в Индокитае и считала необходимым приложить все усилия для укрепления мировой империалистической системы и предотвращения дальнейшего подъема национально-освободительного движения в Азии. Оказание всесторонней поддержки Соединенным Штатам как ведущей стране империализма полностью отвечало этим целям.

Правящие круги Японии продолжали также класть в основу своей концепции обеспечения национальной безопасности тесный союз с США и использование американского «ядерного зонта». Они считали необходимым добиться от Вашингтона твердых обязательств в отношении готовности США при любых условиях рассматривать безопасность Японии как безопасность своей собственной территории вплоть до применения стратегического ядерного оружия даже под угрозой втягивания США в ядерную войну. Кроме того, в Токио хотели бы добиться от США гарантий сохранения действия «договора безопасности» на длительное время, поскольку срок его официально закончился в июле 1970 г. Договор ежегодно автоматически продлевается, но Соединенные Штаты (как и Япония) теоретически могут в любое время его денонсировать, сделав за год соответствующее уведомление.

Финансовая олигархия Японии полагает также, что долгосрочные цели японской политики в Азии требуют самого тесного сотрудничества с Соединенными Штатами. Представители японского правительства поэтому в самой откровенной форме заявили о полной поддержке американской политики в Азии. Премьер-министр Такэо Мики призвал страны Азии к сотрудничеству с США, предупредив даже, что «страны Юго-Восточной Азии, которые хотят отделиться от Соединенных Штатов, совершают ошибку». Объявив о намерении Японии «расширить свое участие в экономическом и социальном развитии стран Азии», Мики подчеркнул, что в этом интересы Японии совпадают с интересами США, что оба государства «разделяют эту ответственность», что «судьбы как США, так и Японии неразрывно связаны с мирным развитием громадного Азиатского региона»¹⁰.

Соединенные Штаты, со своей стороны, выразили готовность расширить взаимодействие с Японией в Азии в интересах достижения своих целей. Государственный секретарь Г. Киссинджер подчеркнул, что Соединенные Штаты намерены «укреплять союз с Японией, предостерегая при этом нашего самого важного союзника в Азии более важное положение равноправного партнера». Он заявил, что «наши планы мирную и процветающую Азию в значительной мере зависят

⁸ "Asahi Evening News", 3. V. 1975.

⁹ "Asahi Evening News", 10. V. 1975.

¹⁰ "Japan Times", 8. VIII. 1975.

от творческого участия Японии в решении многих международных проблем»¹¹.

Наконец, все более важную роль в отношениях Японии с Соединенными Штатами стало играть согласование позиций по широкому кругу международных проблем, связанных с обеспечением источниками сырья, борьбой с инфляцией, преодолением энергетического и валютно-финансового кризиса и т. д. Несмотря на всемерно подчеркиваемое стремление в полной мере считаться с интересами развивающихся стран, фактически симпатии Японии лежат на стороне США, и она с небольшими отклонениями поддерживает, как правило, американские предложения.

Исходя из этих объективных обстоятельств и своего понимания национальных интересов страны, правящие круги Японии сделали ставку на дальнейшее развитие и укрепление союза с Соединенными Штатами. В программной речи в парламенте 23 января 1976 г. министр иностранных дел Японии Киити Миядзава решительно подчеркнул, что «сохранение и развитие отношений дружбы и сотрудничества с Соединенными Штатами является краеугольным камнем нашей внешней политики»¹².

В то же время Япония сделала все возможное, чтобы использовать возросшую заинтересованность Соединенных Штатов в поддержке ею американского курса для обеспечения более высокой степени равноправия в рамках союза с США и удовлетворения Вашингтоном ряда ее требований, прежде всего в области торгово-экономических связей.

Глубокий кризис, охвативший японскую экономику с конца 1973 г., и падение конкурентоспособности японских товаров привели к сокращению японского экспорта в США в 1975 г. на 12,9%, что позволило Соединенным Штатам вместо постоянного с 1968 г. пассива в торговом балансе с Японией добиться положительного сальдо, достигшего 460 млн. долл. Эта перемена ролей, естественно, полностью удовлетворила американские монополии, однако вызвала понятное стремление Японии добиться восстановления утраченных позиций и в частности убедить Соединенные Штаты снять рогатки на пути импорта ряда товаров из Японии.

После длительных переговоров, 11 октября 1975 г. американские представители согласились отменить на год — с октября 1975 г. по сентябрь 1976 г. — все ограничения на ввоз в США японских хлопчатобумажных тканей, тканей из искусственного волокна, а также готовых изделий из них¹³.

Одновременно японские представители настойчиво требовали от Соединенных Штатов гарантировать стабильность поставок зерновых в Японию. Эта проблема возникла в связи с тем, что в июле 1973 г. президент Никсон в одностороннем порядке ввел ограничения на экспорт в Японию ряда продовольственных товаров, что болезненно сказалось на продовольственном балансе Японии, поскольку она в сильной мере зависит от поставок продовольственных и кормовых культур из США. Так, на долю США приходится 55,7% всего японского импорта пшеницы, 82,5% кукурузы, 90% соевых бобов, 62,9% табака, 30,9% хлопка. Вашингтон пошел навстречу японским требованиям. В результате договоренности, достигнутой 12 августа 1975 г., США гарантировали поставки в Японию ежегодно в течение трех лет не менее 3 млн. т пшеницы, 8 млн. т кукурузы и других кормовых культур и 3 млн. т соевых бобов¹⁴.

¹¹ "Department of State Bulletin", № 1903, 15. XII. 1975, p. 845—846.

¹² "Japan Times", 23. I. 1976.

¹³ "Japan Times", 12. X. 1975.

¹⁴ Там же, 17. VIII. 1975.

Важное значение Японии придает также бесперебойному импорту из США обогащенного урана для действующих и строящихся атомных электростанций. Идя навстречу пожеланиям японских представителей, государственный секретарь Г. Киссинджер дал заверения, что «Соединенные Штаты обещают и впредь поставлять ядерное топливо, с надлежащими гарантиями, в соответствии с долгосрочными контрактами»¹⁵.

Договоренность по всем этим вопросам отнюдь не сняла глубочайших торгово-экономических противоречий между США и Японией, однако позволила несколько снизить остроту разногласий и добиться взаимоприемлемого компромисса.

Урегулирование некоторых вызывающих наиболее серьезные споры вопросов привело к тому, что в сложной системе японо-американских отношений торгово-экономические проблемы перестали иметь, по крайней мере временно, первенствующее значение, оказавшись как бы в тени получивших беспспорный приоритет вопросов, связанных с военно-политическими аспектами японо-американского союза.

Проблемы усовершенствования и дальнейшего функционирования системы японо-американского «договора безопасности» находились в центре внимания небывало напряженной серии переговоров на высшем уровне, которые были проведены в течение года, прошедшего после победы патриотических сил в странах Индокитая. С 9 по 13 апреля 1975 г. в США находился министр иностранных дел Японии Кичи Миядзава. Затем, 2—10 августа, состоялся визит в США премьер-министра Такэо Мики. Спустя две недели, 29 августа, в Токио прибыл тогдашний министр обороны США Дж. Шлесинджер. В октябре и в декабре 1975 г. с кратковременными визитами в Японию побывал государственный секретарь США Г. Киссинджер. Кроме того, состоялся обмен различными миссиями — парламентариев, представителей военных ведомств и т. д.

В ходе этих интенсивных переговоров было принято решение о том, что, поскольку подписанный в 1960 г. «договор безопасности», срок действия которого формально окончился в июле 1970 г., отвечает интересам обеих стран, они будут сохранять действующую систему ежегодного автоматического продления, не ставя вопрос о его денонсации. Как заявил в парламенте 7 мая 1976 г. министр иностранных дел Миядзава, «договор безопасности может существовать так долго, как этого захотят две страны. Правительство считает сохранение договора целесообразным на неопределенный период»¹⁶.

В основе этой договоренности лежало подтверждение Соединенными Штатами намерений сохранять «ядерный зонтик», то есть гарантировать применение ядерного оружия для обеспечения безопасности Японии.

В совместном заявлении премьер-министра Мики и президента Форда, опубликованном 6 августа 1975 г., подчеркивалось, что, по заверению президента, «Соединенные Штаты будут и впредь выполнять свое оборонное обязательство по отношению к Японии на основе договора о взаимном сотрудничестве и безопасности в случае вооруженного нападения на Японию, будь то с применением ядерных и неядерных сил»¹⁷.

В то же время представители Японии обязались обеспечить беспрепятственное использование Соединенными Штатами баз на территории страны и согласились в рамках так называемого «разграничения оборо-

¹⁵ "Department of State Bulletin", № 1880, 7. VII. 1975, p. 7.

¹⁶ "Japan Times", 8. V. 1976.

¹⁷ "Japan Times", 6. VIII. 1975.

нительных функций» взять на себя новые военные обязательства, в первую очередь в зоне Корейского полуострова.

Трансформация японо-американского военного союза

Роль и место Японии в военно-стратегической системе США в Азии определяется тем значением, которое придает Пентагоном материальным и производственным возможностям Японии с точки зрения обеспечения военных действий в Азии, базам на территории страны, оказанию Японией экономической помощи странам и режимам, вовлеченным в военные союзы с США, и, наконец, прямому военному сотрудничеству с японскими «силами самообороны». Однако соотношение значения этих основных четырех факторов для достижения американских военно-стратегических целей не остается постоянным, претерпевая определенные изменения в соответствии со складывающейся в Азии обстановкой.

Использование материальных и производственных ресурсов Японии играло первостепенную роль для обеспечения военных действий, которые вели Соединенные Штаты в Корее и во Вьетнаме. Япония неизменно была важнейшей базой материально-технического снабжения, поставляя американской армии все необходимое для ведения боевых действий, начиная от боеприпасов и кончая различными видами продовольствия, медикаментов, снаряжения и обмундирования. Общая стоимость японских поставок вооруженным силам США и различных оказанных им услуг составила за годы войны в Корее (1950—1953 гг.) 2,9 млрд. долл. и во время агрессии во Вьетнаме (1965—1973 гг.) — 5,2 млрд. долл.

Несмотря на окончание войны во Вьетнаме и сокращение американского военного присутствия на Азиатском материке, Япония полностью сохранила свое значение как поставщик необходимых для американской армии товаров. Общая сумма американских заказов, размещенных в Японии, достигла в 1975 г. рекордного уровня 703 млн. долл., превысив максимальный объем поставок, достигнутый в годы войны во Вьетнаме в 1972 г. (692 млн. долл.), и была в 2,3 раза больше, чем в начале агрессии — в 1965 г. (323 млн. долл.)¹⁸.

Япония продолжает играть важную роль как источник средств, необходимых для оказания экономической и финансовой поддержки стран и режимов, связанных с США военными договорами, хотя в связи с изменением международной обстановки наметились существенные сдвиги в составе получателей японской экономической помощи. Из орбиты империалистического влияния выпал Южный Вьетнам. В связи с установлением дипломатических отношений с КНР прекратилось субсидирование по правительственным каналам чанкайшистского режима на Тайване. В то же время примерно на прежнем уровне сохранились вливания японского капитала в экономику Филиппин (22,2 млрд. нен в 1975 фин. г. против 22,5 млрд. нен в 1974 фин. г.). Впервые после 1972 г. кредит в сумме 16,8 млрд. нен в октябре 1975 г. был предоставлен Таиланду. По-прежнему на одном из первых мест среди получателей японской помощи остается Южная Корея — общая сумма японского капитала, направленного в Южную Корею в форме капиталовложений,

¹⁸ Цусё хакусё, 1974. Какурон (Белая книга по внешней торговле, 1974 г. Общий обзор). Токио, 1974, стр. 924; «Бозки токэй гяппо», март 1976, стр. 34.

безвозмездной помощи, кредитов и займов, составила в 1974 финансовом году, закончившемся 31 марта 1975 г., 23,9 млрд. иен¹⁹.

В целом удельный вес экономической помощи, предоставленной на правительственной основе Южной Корее, Тайваню, Таиланду и Филиппинам, сократился в 1974 фин. г. в общем объеме японского экономического сотрудничества со странами Юго-Восточной Азии до 41,6% против 53,4% в 1971 г.²⁰ В этом нашло свое отражение стремление правящих кругов Японии в интересах достижения долгосрочных целей своей политики в Азии не ограничиваться тесными связями только со странами и режимами — участниками военных блоков, а распространить сферу своего экономического воздействия на другие азиатские государства и прежде всего — на страны АСЕАН.

При всем сохраняющемся значении Японии как материально-технической базы американских вооруженных сил, дислоцированных в Азиатско-Тихоокеанском регионе, и как источника экономической поддержки проводящих проамериканский курс азиатских стран и режимов, в новой обстановке, складывающейся в Азии, Вашингтон все более активно стал смещать акцент с экономического на непосредственно военный вклад Японии по двум основным направлениям — по линии обеспечения бесперебойного функционирования баз на японской территории и наращивания собственного военного потенциала Японии с целью создания в будущем интегрированной военной системы.

Базы на территории Японии приобрели еще более важное значение для Соединенных Штатов в связи с потерей Южного Вьетнама и выводом к 20 июля 1976 г. по требованию Таиланда всех американских войск с территории страны.

Общее количество различных военных объектов на территории Японии, используемых американскими вооруженными силами, постепенно сокращается. Если к моменту вступления в силу Сан-Францисского мирного договора (28 апреля 1952 г.) в распоряжении США находилось 2824 военных объекта, то к апрелю 1960 г. их число сократилось до 243, а к началу 1976 г. составило 139, включая 6 баз, используемых временно²¹. Площадь участков, занимаемых военными объектами, составила в начале 1976 г. 50 741 га (включая участки на о-ве Окинава).

Такая «реформа» системы баз явилась следствием научно-технической революции в военном деле, которая позволила перенести центр тяжести на так называемую «вторую оборонительную дугу» с опорными пунктами на о-ве Гуам и Гавайских островах и вывести из Японии значительные контингенты сухопутных сил. Большую роль здесь сыграла также упорная борьба демократических сил Японии за вывод всех американских войск, которая заставила правящие круги обеих стран стремиться к максимальному сокращению количества и площади занимаемых американской армией объектов, чтобы по возможности свести к минимуму недовольство населения.

Процесс сокращения количества баз, однако, сопровождался осуществлением широкой программы их реорганизации, направленной на ликвидацию второстепенных сооружений, концентрацию в наиболее стратегически важных и удобных для дислокации американских вооруженных сил районах, насыщения новейшими видами оружия и техническими средствами в интересах повышения тем самым предела их возможностей

¹⁹ Кэйдзай кёрёку-но гэндзё-то мондайтэн, 1975 (Состояние и проблемы экономического сотрудничества, 1975 г.), Токио, 1976, стр. 588.

²⁰ Бэй хандобуку, 1976 (Справочник по проблемам обороны, 1976 г.), Токио, 1976, стр. 153.

²¹ Там же.

с точки зрения обеспечения стратегических задач США в Азиатско-Тихоокеанском районе.

Кроме того, сокращая количество своих объектов на территории Японии, Соединенные Штаты исходят из возможности вновь вернуться на эти базы, переданные «силам самообороны», в случае «чрезвычайных обстоятельств», опираясь на договоренность, достигнутую в августе 1975 г. во время переговоров в Токио между бывшим министром обороны США Дж. Шлесинджером и начальником Управления национальной обороны Японии Митита Саката. Как сообщило 15 декабря 1975 г. агентство Кёдо Цусин, «японское правительство предложило американским вооруженным силам использовать в случае необходимости любую из баз японских сил самообороны».

Реорганизация системы баз сопровождалась сокращением и изменением структуры вооруженных сил, размещенных в Японии. Если в апреле 1952 г. здесь находилось 260 тыс. солдат и офицеров, то к моменту вступления в силу нового «договора безопасности» в июне 1960 г. осталось 46 тыс., не считая частей, дислоцированных на Окинаве. С возвращением Японии Окинавы 15 мая 1972 г. общая численность вооруженных сил США на территории всей Японии составила 65 тыс. человек, а на 1 января 1976 г. — 50,5 тыс. человек²². Среди них лишь 5 тыс. человек входят в состав различных вспомогательных подразделений сухопутных сил, а подавляющую часть составляют морская пехота (24,5 тыс.), солдаты и офицеры военно-воздушных сил (14,5 тыс.) и военно-морского флота (6,5 тыс. человек)²³.

Такой состав воинских частей, размещенных в Японии, подчеркивает характер баз как передовых рубежей американской стратегической системы, призванных обеспечить мобильную переброску морской пехоты в любой район Азии.

Уникальной особенностью занимаемых американскими вооруженными силами баз и сооружений на территории Японии является их комплексный характер, что позволяет обеспечивать действия всех трех родов войск, а также различных вспомогательных служб, включая разведку.

Так, военно-воздушные силы США используют на территории Японии 11 аэродромов, способных принимать самые крупные самолеты в любую погоду. Особое значение для ВВС имеет комплекс сооружений в районе Екота — Татикава — Фугю, близ Токио, который обеспечивал в 1974 г. 74% всех полетов американских военных самолетов в северной части Тихого океана и 53% транспортных операций в Восточной Азии²⁴.

В распоряжении военно-морских сил США имеются 10 баз и портовых сооружений, среди которых выделяются по своему значению базы в Екосука и Сасэбо, без которых радиус действия американского 7-го флота был бы, по заключению специалистов, в два раза меньшим. Американский флот располагает здесь шестью доками, которые могут обеспечить ремонт всех видов боевых кораблей, включая атомные авианосцы.

Американские вооруженные силы имеют на территории Японии, кроме того, 24 комплекса жилых городков, казарм и учреждений, 21 учебный лагерь, 4 ремонтных завода, госпитали, 23 крупнейших арсенала, нефтехранилища и другие складские помещения, на долю которых приходится примерно 40% всех сооружений такого рода, используемых американской армией в Восточной Азии²⁵.

²² Там же, стр. 151.

²³ Там же, стр. 142, 148.

²⁴ «Сэйкай», август 1975 г., стр. 96.

²⁵ Там же.

Важнейшее значение для американских вооруженных сил имеют 37 объектов связи, оснащенных мощными радарными установками, и радиостанций, обеспечивающих связь со всеми самолетами, кораблями и подводными лодками, действующими в районе Дальнего Востока.

В Японии расположены крупнейшая в Азии типография американских вооруженных сил, мощная ретрансляционная станция «Голос Америки», которая круглосуточно ведет пропагандистские передачи на языках азиатских народов, а также специальные школы разведчиков и диверсантов для заброски в страны Азии.

Соединенные Штаты рассчитывают и в дальнейшем в самых широких масштабах использовать базы на территории Японии. В течение 1975 г. количество размещенных на Окинаве истребителей-бомбардировщиков «Ф-4 Фантом», способных нести тактические ядерные заряды, более чем удвоилось. В военный порт Уайт-бич регулярно заходят атомные подводные лодки, а в феврале 1976 г. здесь бросил якорь один из крупнейших авианосцев 7-го флота США «Мидуэй». Размещенные на Окинаве подразделения авиации, флота и морской пехоты в течение 1975 г. дважды принимали участие в маневрах у берегов Южной Кореи²⁶. В июле и сентябре 1974 г., а затем в октябре и ноябре 1975 г. истребители-бомбардировщики «Ф-4 Фантом» провели с баз на Окинаве учения по имитации применения ядерного оружия в районе острова Иэдзима. 8 ноября 1975 г. на авиабазе Кадэна приземлилась впервые после более чем трехлетнего перерыва группа стратегических бомбардировщиков «Б-52». Вторично эти же самолеты на несколько дней прилетели сюда 18 ноября 1975 г.²⁷

Во время переговоров, которые проходили в последнее время на различном уровне, Соединенные Штаты добивались возможности беспрепятственно использовать все эти крайне важные для них базы на территории Японии в случае возникновения каких-либо «чрезвычайных обстоятельств», то есть практически в любом случае, когда американское командование сочтет это необходимым. Как сообщало агентство Кёдо Цусин, «Вашингтон настаивает, чтобы Япония дала конкретные гарантии, предоставляющие право американским вооруженным силам на стабильной и надежной основе использовать некоторые или все военные базы в Японии в случае чрезвычайного положения, как об этом говорили Саката и Шлесинджер». В своем выступлении в клубе иностранных журналистов в Токио 2 декабря 1975 г. М. Саката, по существу, подтвердил наличие такой договоренности, заявив, что «обязанность Японии — продолжать обеспечивать Соединенные Штаты базами в Японии»²⁸.

Стремясь обеспечить полную свободу рук в использовании своих баз на территории Японии, Соединенные Штаты вместе с тем основной упор в последнее время стали делать на повышение боевого потенциала японских «сил самообороны», чтобы заложить основы для тесного военного сотрудничества, которое позволит в перспективе открыть путь к полной интеграции вооруженных сил обеих стран.

Эта тенденция нашла свое проявление в откровенных призывах видных политических деятелей США к быстрой и более широкой по масштабам ремилитаризации Японии. Отвечая на вопросы корреспондентов, президент Форд 22 апреля 1976 г. отметил, что в области вооружения Япония «выполняет в настоящее время минимальную программу». Он выразил уверенность, что «с течением времени Япония, безусловно, при-

²⁶ "Japan Times", April 19, 1976.

²⁷ "Asahi Evening News", 8. XII. 1975.

²⁸ "Japan Times", 2. XII. 1975.

ложит больше усилий в этом направлении», и подчеркнул, что, по его мнению, «она должна это сделать»²⁹.

С еще более определенными призывами к перевооружению Японии выступил бывший министр финансов в правительстве Никсона Джон Коннэлли, которого американская пресса упорно называет одним из наиболее вероятных преемников Генри Киссинджера на посту государственного секретаря. В интервью корреспонденту журнала «Ньюсуик» Коннэлли заявил, что «после консультаций с нашими друзьями и союзниками, особенно с Китайской Народной Республикой, мы должны призвать Японию приступить к существенному перевооружению своего народа»³⁰.

Эти настояния Соединенных Штатов не только противоречат японской конституции, запрещающей перевооружение, но и идут вразрез с той оценкой обстановки в Азии, которую дают японские военные специалисты. В «Белой книге по вопросам обороны», подготовленной Управлением национальной обороны Японии, делается вывод о том, что в течение ближайших десяти лет невозможна какая-либо «вооруженная агрессия крупного масштаба в отношении Японии». Возможность же нападения на Японию незначительными силами допускается «лишь теоретически»³¹. По мнению заместителя начальника Управления национальной обороны Такуя Кубо, «в обозримом будущем Японии ничего не угрожает»³².

Основным и наиболее перспективным направлением в наращивании военного потенциала Японии Соединенные Штаты считают быстрое развитие военно-морского флота и в первую очередь — средств для проведения эффективных противолодочных операций. В представленном 27 января 1976 г. конгрессу докладе председателя Комитета начальников штабов США генерала Дж. Брауна подчеркивалось, что Япония является «нашим главным союзником в Азии» и «ключевым объектом оборонительной политики в Восточной Азии». Политика Соединенных Штатов, говорилось в докладе, направлена, в частности, на то, чтобы «поощрять Японию на содержание вооруженных сил, достаточных для обороны Японских островов с воздуха и от вторжения с моря, и на создание средств противолодочной войны в дополнение к американским силам, призванным обеспечить оборону ключевых тихоокеанских коммуникаций». В докладе делается упор на то, что «Соединенным Штатам необходимо сохранить контроль на море в Азии и на Тихом океане с помощью мер, которые включают, в частности, наращивание Японией потенциала средств противолодочной войны»³³.

Особое значение, придаваемое Пентагоном военно-морскому сотрудничеству с Японией, объясняется в первую очередь стремлением переложить часть функций 7-го флота США на японские военно-морские силы, высвободив тем самым боевые мощности для действий в других районах Тихого и Индийского океанов. Эта линия соответствует той первоочередной роли, которая отводится в американской военно-стратегической доктрине обеспечению превосходства на море как необходимого элемента ведения локальных войн и мобильного военного присутствия в зонах возникающих конфликтных ситуаций. Вместе с тем создание системы теснейшего взаимодействия в операциях на море позволяет Сое-

²⁹ "Mainichi Daily News", 24. IV. 1976.

³⁰ Cit. in "The Daily Yomiuri", 20. IV. 1976.

³¹ «Токю симбун», 16. IV. 1976.

³² "Asahi Evening News", 16. IV. 1976.

³³ "New York Times", 27. I. 1976.

диненным Штатам установить свой контроль над японским флотом; полностью отвечает долговременной линии американского военного командования на одностороннее развитие японских вооруженных сил; что лишает их на длительное время возможности самостоятельного осуществления стратегических задач.

Отдавая себе полный отчет в истинных намерениях Пентагона, правящие круги Японии вместе с тем решили пойти на удовлетворение американских требований, стремясь воспользоваться возросшей заинтересованностью США в увеличении военно-морского потенциала Японии для достижения своих собственных целей. Влиятельные группировки в правящих кругах страны считают, что наращивание военно-морских сил может явиться наиболее удобным средством для постепенного перевооружения, поскольку его легче всего оправдать в глазах японской общественности ссылками на островной характер страны и значение охраны морских коммуникаций для обеспечения бесперебойного снабжения сырьем, топливом и продовольствием. Кроме того, они рассчитывают, что наращивание военно-морских сил с их практически неограниченным радиусом действия в открытом море позволит обойти конституционные ограничения, запрещающие посылку японских военнослужащих за границу. А именно флот может позволить Японии продемонстрировать со временем свое военное могущество как в региональном, так и в глобальном масштабе. Эта линия, таким образом, полностью отвечает намерениям постепенно подготовить общественное мнение к возможности выхода сил самообороны за пределы страны. Она идет в том же направлении, как, например, заявления начальника Управления национальной обороны Митита Саката, что правительство может рассмотреть вопрос о направлении частей «сил самообороны» за границу для защиты японских граждан в случае чрезвычайных обстоятельств³⁴ или что Японии следует подумать о возможности выделения в распоряжение ООН подразделений связи, транспорта, а также медицинских частей из состава сил самообороны для участия в операциях по поддержанию мира³⁵.

Совпадение интересов правящих кругов США и Японии нашло свое выражение в ряде решений, принятых в ходе переговоров, которые провел в Токио бывший министр обороны США Дж. Шлесинджер 29—31 августа 1975 г. В ходе этого первого с 1971 г. визита руководителя американского военного ведомства в Японию Шлесинджер откровенно заявил, что Соединенные Штаты «не хотят, чтобы Япония была пассивным партнером» и поставил вопрос о более активном участии Японии в осуществлении американских военно-стратегических планов³⁶.

Для более тесной координации военной политики обеих стран было принято решение проводить впредь ежегодные совещания министра обороны США и начальника Управления национальной обороны Японии, на которых будут рассматриваться принципиальные вопросы военного сотрудничества. Одновременно была достигнута договоренность о создании с января 1976 г. нового консультативного органа — Японо-американского комитета сотрудничества в области обороны, задачей которого будет «дальнейшая координация японо-американских совместных стратегических операций на море и в воздухе у Японского побережья»³⁷.

В функции этого комитета входят выработка общих установок для совместных операций вооруженных сил обеих стран, осуществление вза-

³⁴ "Japan Times", 11. XII. 1975.

³⁵ "The Daily Yomiuri", 17. IX. 1975.

³⁶ "Japan Times", 31. VIII. 1975.

³⁷ "Mainichi Daily News", 1. IX. 1975.

вмостязи между военными органами, разграничение обязанностей в области противовоздушной обороны, морского патрулирования, противолодочных операций, определение конкретных форм сотрудничества вооруженных сил в области снабжения, а также организация обмена информацией по этим вопросам.

В связи с напряженной внутривнутриполитической обстановкой в Японии, связанной с разоблачением большой группы видных политических деятелей, получивших взятки от авиационного концерна «Локхид», создание этого комитета было отложено, но договоренность относительно его основных функций полностью осталась в силе. Как отмечал хорошо осведомленный журнал «Фар истерн экономик ревью», этот комитет, «который должен выполнять роль форума, где высшие должностные лица обеих стран могли бы обсуждать совместное проведение военных операций, может практически превратиться в штаб объединенного командования»³⁸.

На первом заседании комитета, которое было проведено в июле 1976 г., обсуждались, в частности, «детали разделения обязанностей в области обеспечения обороны Японии» между США и Японией. Кроме того, рассматривался вопрос о закупке Японией противолодочного самолета «Р-3С Орион» производства фирмы «Локхид». Это может стать одной из крупнейших сделок между США и Японией в области поставок оружия, поскольку предполагается получить в ходе выполнения V плана укрепления обороны (1977—1981 гг.) 100 самолетов этого типа на сумму 1670 млн. долл.

Треугольник Вашингтон — Токио — Сеул

Важным элементом дальнейшей активизации роли Японии в своей военно-стратегической системе в Азии правящие круги США считают укрепление и развитие ее связей с Южной Кореей. Это связано прежде всего с кардинальными изменениями в международно-политической обстановке в Юго-Восточной Азии и с курсом США на закрепление раздела Кореи на основе всесторонней поддержки ими сеульского режима. В новых условиях Соединенные Штаты полагают необходимым обеспечить значительное расширение всех видов помощи сеульскому режиму со стороны Японии в качестве существенного добавления к обязательствам США не только сохранять свои вооруженные силы на территории Южной Кореи, но и применить в случае необходимости тактическое ядерное оружие.

Этот курс соответствует планам правящих кругов Японии, которые придают сотрудничеству с США решающее значение с точки зрения обеспечения своих экономических, политических и стратегических интересов на юге Корейского полуострова. Южную Корею они рассматривают как один из важнейших объектов экспансии и как форпост империалистического мира на Азиатском материке, значение которого резко возросло в связи с потерей Южного Вьетнама.

После длительных закулисных переговоров министр иностранных дел Японии Кэити Миядзава 23 июля 1975 г. нанес официальный визит в Сеул, в ходе которого была достигнута договоренность о возобновлении японской экономической помощи режиму Пак Чжон Хи и налаживании отношений, практически зашедших в тупик с сентября 1974 г. в связи с беспрецедентным нарушением сеульской разведкой суверенитета Япо-

³⁸ «Far Eastern Economic Review», 14. XI. 1975, p. 30.

нии и похищением из отеля в Токио лидера южнокорейской оппозиции Ким Тэ Чжуна, который был насильственно вывезен в Сеул.

Корейский вопрос оказался в центре внимания во время переговоров премьер-министра Такэо Мики с президентом Фордом 5—6 августа 1975 г. в Вашингтоне. С обеих сторон было произнесено немало красивых фраз относительно стремления к обеспечению мира в этом районе Азии. Однако практически переговоры свелись не к поискам конструктивных путей для обеспечения безопасности на Корейском полуострове путем ослабления конфронтации и содействия мирному воссоединению корейского народа, а к выработке новых форм усиления военного сотрудничества США, Японии и Южной Кореи.

В совместном заявлении Т. Мики и Д. Форда для печати указывалось, что «безопасность Корейской Республики имеет важнейшее значение для сохранения мира на Корейском полуострове, что в свою очередь необходимо для обеспечения мира и безопасности Восточной Азии, в том числе и Японии»³⁹. Практически это означает повторение в чуть измененной редакции «корейской формулировки» коммюнике о встрече президента Никсона с премьер-министром Эйсаку Сато в ноябре 1969 г., которая гласила, что «безопасность Японии неразрывно связана с безопасностью Южной Кореи»⁴⁰.

Значение этого положения заключается прежде всего в том, что оно фактически предусматривает применение положений «договора безопасности» в случае возникновения конфликтной ситуации на Корейском полуострове. Практически это означает, что Япония санкционирует использование Соединенными Штатами баз на своей территории для участия в военных действиях в Корее. Это, по существу, подтвердил министр иностранных дел Киити Миядзава в своем выступлении в парламенте 9 декабря 1975 г., заявив, что «в определенных случаях японское правительство может одобрить боевые вылеты бомбардировщиков «Б-52» с американских баз на территории Японии для действий в районе Корейского полуострова»⁴¹.

Кроме того, прямое увязывание безопасности Японии с безопасностью Южной Кореи открывает путь для тесного взаимодействия военных органов обеих стран, включая дальнейшее согласование их военно-стратегических планов. Реальность такой перспективы была подтверждена начальником Управления национальной обороны Японии Митита Саката, когда он был вынужден признать 30 января 1976 г. в парламенте, что японские военно-воздушные силы используют унифицированные секретные коды совместно с вооруженными силами США и Южной Кореи в интересах самого тесного взаимодействия⁴².

Обязательства, которые приняла на себя Япония, приобретают особо опасный с точки зрения возможности втягивания страны в конфликтные ситуации характер в связи с бурным наращиванием сеульским режимом своего военного потенциала. Южная Корея получила от США с 1971 г. почти 2 млрд. долл. в виде военной помощи. Сеульское правительство разработало новый пятилетний план развития вооруженных сил, на осуществление которого планируется израсходовать громадную сумму — около 5 млрд. долл. Из них 3 млрд. предполагается получить в форме помощи и займов из-за рубежа, то есть в основном от США и Японии⁴³.

³⁹ "Japan Times", 9. VIII. 1975.

⁴⁰ «Емиури симбун», 26. XI. 1969.

⁴¹ "Japan Press Weekly Bulletin", 20. XII. 1975, p. 2.

⁴² "Japan Times", 31. I. 1976.

⁴³ "Washington Post", 29. XII. 1975.

Увеличение японских военных обязательств в связи с признанием принципа «неразрывной связи безопасности Японии и Южной Кореи», предоставление Соединенным Штатам фактической свободы рук в использовании баз на японской территории для ведения военных действий в зоне Корейского полуострова, увеличение экономической помощи, способствующей сохранению у власти режима Пак Чжон Хи и наращиванию военного потенциала Южной Кореи, — все это усиливает привязанность Японии к американским военным и внешнеполитическим доктринам в Азии и наносит серьезный ущерб международно-политическим позициям страны, создавая, в частности, дополнительные трудности на пути налаживания контактов с Корейской Народно-Демократической Республикой — единственной страной в Азии, с которой у Японии нет до сих пор дипломатических отношений.

* * *

Расширение системы военного сотрудничества с Соединенными Штатами в результате цикла проведенных в 1975—1976 гг. переговоров ведет к дальнейшему втягиванию Японии в американскую военно-стратегическую систему в Азии и к сужению для нее возможностей дипломатического маневрирования. Несмотря на некоторое укрепление позиций Японии внутри союза с США, подавляющее военное превосходство Вашингтона оставляет в его руках решающие средства давления, что неминуемо ведет к попыткам США оказывать возрастающее воздействие на определение и проведение в жизнь внешнеполитического курса Японии.

Выступая в клубе печати в Токио, посол США в Японии Джеймс Ходжсон, например, выразил уверенность, что «японцы и впредь будут демонстрировать понимание американских обязанностей, которые являются результатом нашей руководящей роли в мире». Он предостерег Японию от попыток проводить отличный от американского внешнеполитический курс, доказывая необходимость соразмерять все внешнеполитические акты Японии с ее отношениями с Соединенными Штатами и не предпринимать никаких шагов, которые могли бы не понравиться в Вашингтоне. «Время от времени Японии, возможно, следует задумываться над тем, как далеко она хочет пойти в обеспечении своих многочисленных, вполне естественных интересов в других районах мира в тех случаях, когда такие усилия могут нанести ущерб благоприятным отношениям с Соединенными Штатами»⁴⁴, — заявил посол.

Несомненно, однако, что расширение военных обязательств Японии и наращивание ею военного потенциала явно противоречат конституции страны и могут иметь самые серьезные внешнеполитические последствия. Этот курс расходится с уверенно набирающей силу тенденцией к разрядке международной напряженности, идет вразрез с национальными интересами страны и требованиями самых широких слоев японской общественности. Путь к обеспечению мира и безопасности Японии они видят не в дальнейшем развитии обанкротившейся системы военных блоков и союзов, а в трезвой оценке исторических сдвигов в политической карте Азии и конструктивном подходе к налаживанию истинно дружеских добрососедских отношений со всеми странами и созданию совместно с ними прочной системы мира, безопасности и сотрудничества в этом регионе.

⁴⁴ "New York Times", 11. IX. 1975.

К событиям 5 апреля в Пекине

А. М. Михайлов

Бурные события, развернувшиеся 5 апреля 1976 г. на главной площади Пекина — Тяньаньмэнь, в непосредственной близости от резиденции Мао Цзэ-дуна, до сих пор продолжают привлекать к себе пристальное внимание и служат предметом обсуждения и дискуссий как в Китае, так и за его пределами. Несмотря на значительное разнообразие, а подчас и противоречивость высказываемых при этом соображений и оценок, в суждениях самых различных авторов об этих событиях явственно прослеживается и нечто общее: все они прямо или косвенно рассматривают эти события как знаменательную веху, как крупный этап в жизни страны. Так, например, газета «Вашингтон пост» 13 апреля 1976 г. писала, что «...потрясения, очевидно, очень глубоки, и, чтобы уладить кризис, а это, вероятно, кризис смены руководства, потребуются месяцы или даже годы». В свою очередь «Жэньминь жибао» в передовой статье, посвященной подавлению демонстрации на площади Тяньаньмэнь и последовавшим за ним изменениям в высшем пекинском руководстве, сочла необходимым назвать эти события «великой победой»¹.

Что же произошло 5 апреля на площади Тяньаньмэнь?

По старой традиции в первых числах апреля (называемых «цинмин») в Китае проходят дни «помятия предков». Правда, после провозглашения в 1949 г. Народной Республики этот обычай в Пекине практически не соблюдался, тем более публично и в широких масштабах. В этом же году по чьей-то инициативе в китайской столице «цинмин» был отмечен, причем весьма широко и необычно. 3 и 4 апреля на площади Тяньаньмэнь началось настоящее паломничество десятков тысяч людей, принявшее характер массовых демонстраций. К памятнику героям революции, находящемуся на площади, возлагались венки, большая часть которых была посвящена памяти умершего в начале этого года премьера Госсовета КНР Чжоу Энь-лая. Одновременно с возложением венков к памятнику нередко демонстрантами прикреплялись листовки антимаоистского содержания; аналогичный характер носили и некоторые надписи на венках.

В ночь на 5 апреля по распоряжению властей венки, а также вывешенные на памятнике героям революции листовки и лозунги были сняты, что вызвало резкое возмущение многочисленных демонстрантов, прибывших утром следующего дня на Тяньаньмэнь. По официальным китайским сообщениям, число демонстрантов 5 апреля на площади доходило до 100 тысяч человек. В толпе выкрикивались лозунги и распространялись листовки антимаоистского содержания. Одновременно на Тяньаньмэнь было сконцентрировано большое количество так назы-

¹ «Жэньминь жибао», 10. IV. 1976.

ваемых ополченцев, полиции и армейских охранных частей. Предпринятые «ополченцами» и полицией при поддержке солдат попытки вытеснить демонстрантов с площади привели к стычкам, вскоре принявшим ожесточенный характер, в ходе которых «ополченцы» и полицейские пустили в ход дубинки. В результате, по данным гонконгской печати, было ранено более 220 демонстрантов (в том числе свыше 70 человек получили тяжелые ранения)², а также, как сообщили официальные пекинские источники, было ранено более 100 «ополченцев», полицейских и солдат. Были уничтожены четыре автомашины, подожжено здание казармы. Через громкоговорители, установленные на площади, передавалось обращение члена Политбюро ЦК КПК, председателя «ревкома» г. Пекина, политкомиссара Пекинского военного округа У Дэ с требованием очистить Тяньаньмэнь. В итоге демонстрация была разогнана. «Ополченцы» и полицейские произвели массовые аресты участников событий. По сообщениям иностранной печати, 5—6 апреля было арестовано несколько сот человек. Существенно отметить, что на площади Тяньаньмэнь оказались четко противопоставленными друг другу две силы: с одной стороны, многотысячная масса трудящихся столицы, с другой — части и подразделения «ополченцев», полицейских и солдат. Никто из демонстрантов не встал на сторону карателей.

События на центральной площади китайской столицы не были изолированным эпизодом. Аналогичные по характеру «инциденты» (в том числе и сопровождавшиеся человеческими жертвами) произошли в начале апреля этого года в Куньмине, Чжэнчжоу и других городах Китая.

Наиболее характерной и важной особенностью событий 5 апреля на площади Тяньаньмэнь является их ярко выраженная антимаоистская направленность. Это оказались вынужденными признать как агентство Синьхуа, так и китайские официальные лица. Синьхуа охарактеризовало провозглашавшиеся 5 апреля на Тяньаньмэнь лозунги как «нападки и клевету» на Мао Цзэ-дуна, а У Дэ в упомянутом выступлении по радио, отметив, что «подрывная деятельность» 5 апреля на центральной площади столицы направлена против Мао Цзэ-дуна, призывал «защитить председателя Мао», «защитить революционную линию председателя Мао от реакционных подрывных элементов» и даже «отстоять великую столицу от посягательств со стороны контрреволюционеров».

Среди лозунгов, выдвигавшихся демонстрантами, важное место занимал призыв придерживаться «подлинного марксизма-ленинизма», сопровождавшийся осуждением «продажных писак, которые выхолащивают его душу». Лозунг о том, что в Китае «эпоха Цинь Шиньхуана уже прошла», был также с полным основанием истолкован официальной пропагандой как направленный непосредственно против Мао Цзэ-дуна.

На этом фоне особенно знаменательным выглядело полное отсутствие в листовках и надписях на венках каких-либо высказываний в поддержку «идей» и политики Мао Цзэ-дуна. В частности, совершенно не упоминалось о развернутой с конца прошлого года по инициативе «кормчего» и продолжающейся поныне кампании «борьбы с правоуклонистским поветрием пересмотра правильных выводов культурной революции», в ходе которой маоисты стремятся выкорчевать в стране любые проявления критического отношения к так называемой культурной революции и порожденным ею «новым явлениям» и которая, по утверждению пекинской пропаганды, якобы «была горячо поддержана всей

² «Чжаньван», 16. IV. 1976, № 341, стр. 4.

партий, всей армией, всем народом, завоевала сердца, вызвала всеобщее ликование»³. Хотя события в Пекине разворачивались в канун 10-й годовщины начала «культурной революции», демонстранты проигнорировали и это событие, наглядно показав тем самым, насколько далеки от действительности утверждения Мао Цзэ-дуна и официальной пекинской печати о том, будто бы «сотни миллионов рабочих, крестьян и солдат, революционных кадровых работников и революционных интеллигентов все глубже и глубже осознают, что великая культурная революция является совершенно необходимой и весьма своевременной»⁴.

Отмеченные аспекты событий на площади Тяньаньмэнь показывают, что, несмотря на многолетнюю идеологическую дезориентацию населения и систематические попытки загримировать маоизм под марксизм, все большее число китайцев начинает подходить к пониманию той истины, что маоистская идеология и политика не только несовместимы с марксистско-ленинским учением, но и «прямо враждебны ему»⁵.

Другой важной особенностью событий 5 апреля в Пекине является их массовый характер, активное участие в них десятков тысяч трудящихся столицы Китая, недвусмысленно выразивших глубокое недовольство существующими в стране порядками и проявивших открытое неповиновение маоистским властям.

Это обстоятельство серьезно обеспокоило китайское руководство, которое поспешило ужесточить военно-полицейские меры по обеспечению безопасности в столице*, а также поставило в весьма затруднительное положение официальную пропаганду, вынудив дать этому событию явно поспешное и малоубедительное объяснение. Признав, что 5 апреля на площади Тяньаньмэнь собралось около 100 тысяч пекинцев, агентство Синьхуа в то же время выдвинуло версию о том, будто события на площади («контрреволюционный политический инцидент») были спровоцированы «горсткой классовых врагов», «ничтожным числом злоумышленников», которые лишь одни и оказывали сопротивление властям, а среди всех собравшихся на Тяньаньмэнь «подавляющее большинство составляли прохожие, столпившиеся посмотреть, в чем дело». Такая версия, призванная поставить под сомнение активное участие многотысячных масс трудящихся в антияоистском выступлении 5 апреля в Пекине, опровергается как свидетельствами иностранных наблюдателей, оказавшихся очевидцами этих событий, так и последующими публикациями того же агентства Синьхуа, а также зарубежных агентств. Так, например, по сообщению агентства Рейтер, во время демонстрации 5 апреля «около 30 тысяч человек пытались прорваться в Дом народных собраний». По сообщению Синьхуа от 12 апреля, на концерте в пекинском Дворце спорта, устроенном в этот день специально для «ополченцев», полицейских и солдат, участвовавших в подавлении демонстрации 5 апреля, присутствовало свыше 20 тысяч человек, «мужественно боровшихся против классовых врагов на площади Тяньаньмэнь». Приводимые в этих сообщениях пятизначные цифры (а так-

³ Статья редакций газеты «Жэньминь жибао», журнала «Хунци» и газеты «Цзефанцзюнь бао», 16. V. 1976.

⁴ Там же.

⁵ «Материалы XXV съезда КПСС». М., 1976, стр. 11.

* После событий 5 апреля Пекин был наводнен силами безопасности, площадь Тяньаньмэнь оцеплена солдатами с примкнутыми штыками; полиция охраняла все улицы вокруг бывшего Запретного города. Напряженность в китайской столице продолжала сохраняться и в мае месяце. Во время Первомайского праздника участников «народных гуляний» в парках было значительно меньше, чем в предыдущие годы, город был заполнен полицейскими и солдатами.

же внушительное количество раненых и арестованных во время событий) вряд ли возможно согласовать с построенными по известным пропагандистским шаблонам утверждениями о «горстке классовых врагов» или «ничтожном числе злоумышленников», якобы изолированно действовавших 5 апреля на глазах огромной толпы безучастных и пассивных «прохожих».

С антималоистским в своей основе содержанием событий 5 апреля тесно переплетаются многие элементы межклановой борьбы в китайском руководстве между группировками так называемых прагматиков, признанным лидером которых был Чжоу Энь-лай, и леваков, являющихся сторонниками сохранения маоистских установок «культурной революции» в наиболее чистом виде. Обе группировки, руководствуясь в первую очередь великодержавными интересами превращения Китая в сверхдержаву, в то же время расходятся по вопросу о путях и методах решения этой задачи — прежде всего в деле хозяйственного строительства. Прагматики, как правило непосредственно занимающиеся практическим решением экономических вопросов, зачастую оказываются вынужденными в некоторой степени «корректировать», приближать к объективным экономическим потребностям некоторые маоистские установки, прежде всего периода «культурной революции». Это вызывает резкие нападки леваков, трактующих такую «корректировку» как якобы полный отход от «линии Мао Цзэ-дуна». К этим расхождениям в последнее время, в связи с болезненным состоянием и преклонным возрастом Мао, все отчетливее примешиваются интересы резко обострившейся борьбы за власть.

События 5 апреля в Пекине в известной степени явились и своего рода кульминацией кампании против Дэн Сяо-пина, развернутой с начала февраля этого года органами китайской пропаганды, находящимися под преобладающим влиянием «левого» крыла китайского руководства. Одним из главных обвинений в адрес Дэна при этом было утверждение, что он делает чрезмерный акцент на так называемых «четыре модернизации» (модернизация сельского хозяйства, промышленности, обороны, науки и техники) в ущерб «более важным» установкам Мао Цзэ-дуна, таким, как «классовая борьба», «борьба с ревизионизмом» и т. д. Задача осуществления «четыре модернизаций» была поставлена в докладе Чжоу Энь-лая на сессии ВСНП (январь 1975 г.) и в значительной степени ассоциировалась у китайского населения с именем покойного премьера. Другим серьезным обвинением против Дэн Сяо-пина, непосредственно связанным с борьбой за власть, явилась его причастность к «реабилитации» партийно-государственных и военных деятелей, репрессированных в период «культурной революции». Действительно, возвращение к работе таких лиц, начатое, по распространенному в Китае убеждению, по инициативе Чжоу Энь-лая, продолжалось и в период обострения болезни покойного премьера, когда работу Госсовета КНР практически более года возглавлял Дэн Сяо-пин. При этом Дэн обвинялся в зажиме и «подавлении» новых кадров, то есть выдвиженцев «культурной революции».

В связи с этим обращает на себя внимание то обстоятельство, что само шествие пекинцев на площадь Тяньаньмэнь было связано прежде всего с именем основного лидера прагматиков — Чжоу Энь-лая, памяти которого было посвящено подавляющее число венков. Среди лозунгов, имевшихся у демонстрантов, заметное место занимали те, в которых выражалась поддержка «четыре модернизаций». Надписи, осуждающие одного из руководителей леваков — жену Мао Цзэ-дуна Цзян Цин, заметно контрастировали с наличием венков, посвященных памя-

ти маршала Чэнь И, длительное время бывшего ближайшим коллегой покойного премьера и подвергнутого грубым издевательствам со стороны хунвэйбинов во время «культурной революции». С другой стороны, хотя Кан Шэн, один из главных лидеров «левого» китайского руководства, всю жизнь верно служивший Мао Цзэ-дуну в качестве главы карательных органов, умер незадолго до смерти Чжоу Энь-лая и был похоронен с пышностью, несколько не уступавшей похоронам самого премьера, на площади Тяньаньмэнь не было посвященных ему венков.

Подобные детали апрельских событий в Пекине с достаточной определенностью указывают на их связь с межклановой борьбой внутри китайского руководства.

Знаменательно, что именно на такую связь и делают основной упор западные и японские обозреватели, уделяя при описании происшедшего за Тяньаньмэнь внимание прежде всего положению и шансам на успех основных группировок пекинской верхушки и отдельных руководящих деятелей и тем самым как бы оставляя в тени, а по существу, смазывая основную тенденцию событий — их антимаоистский характер, — проявившуюся в открытом и массовом выступлении трудящихся столицы, выразивших глубокое недовольство существующими в стране порядками.

Между тем даже многие из тех лозунгов, которые выдвигались на площади Тяньаньмэнь и которые на первый взгляд порождены только потребностями межклановой борьбы в высшем руководстве, при более внимательном рассмотрении оказываются объективно направленными против политики Мао Цзэ-дуна. Например, призыв демонстрантов «Защитим линию премьера Чжоу!» вряд ли можно рассматривать в отрыве от того обстоятельства, что в нынешнем Китае право на существование имеет только одна политическая линия — «линия Мао Цзэ-дуна», которую этот призыв подчеркнуто игнорирует. Заметим при этом, что сам Чжоу Энь-лай в целом стремился быть лояльным и проводил в жизнь установки Мао, допуская лишь частные «корректировки» маоистского курса.

Ряд западных наблюдателей высказывают мнение о том, что бурные события 5 апреля на площади Тяньаньмэнь могли быть спровоцированы той частью китайского руководства, которая была заинтересована в скорейшем устранении Дэн Сяо-пина⁶. Действительно, решение Политбюро ЦК КПК об освобождении Дэн Сяо-пина «от всех должностей внутри и вне партии» и о назначении Хуа Го-фэна первым заместителем председателя ЦК КПК и премьером Госсовета КНР было принято 7 апреля, явившись как бы непосредственным результатом событий на площади Тяньаньмэнь; новый импульс получила также после этих событий кампания «борьбы с правоуклонистским поветрием пересмотра правильных выводов культурной революции».

Возможность такой провокации, с учетом ряда уже известных особенностей событий, нельзя считать исключенной. Например, трудно предположить, что те представители властей, которые распорядились удалить в ночь с 4 на 5 апреля с пьедестала памятника героям революции все венки, принесенные в предыдущие два дня пекинцами, могли совершенно не учитывать возможной реакции жителей столицы на такую акцию. В отдельных сообщениях иностранной печати утверждалось также, что «ополченцы» первыми атаковали демонстрантов, тем самым вынудив их к самозащите.

⁶ См., например, «New York Times», 8. IV. 1976.

Но главное в этих событиях, конечно, в другом. Если даже к событиям 5 апреля действительно была примешана провокация, то не может быть никаких сомнений в том, что ее инициаторы явно просчитались как относительно масштабов последовавшего массового народного выступления, так и относительно открыто антимаоистского характера, который приобрело это выступление. События 5 апреля, по оценкам западной печати, вызвали у пекинского руководства «жестокое потрясение и тревогу»⁷. Когда 6 апреля, на другой день после происшедшего, мировая печать оживленно обсуждала события на Тяньаньмэнь, печать и радио Китая сохраняли полное молчание: слишком велика была растерянность пекинского руководства. Новым элементом, испугавшим маоистов, как верно отметила газета «Руде право», явилось выступление в борьбу народных масс⁸.

Апрельские события в Пекине убедительно продемонстрировали антисоциалистическую, деспотическую сущность маоистского режима, который, несмотря на все его усилия замаскироваться под социализм, еще раз вскрыл свой антинародный, антидемократический характер. Военно-бюрократическому режиму Мао Цзэ-дуна оказались тесными рамки даже той крайне антидемократической конституции КНР, которая была принята на сессии ВСНП в январе 1975 г. Недаром в момент, когда на площади Тяньаньмэнь вооруженные дубинками «ополченцы» и полицейские бросились разгонять демонстрацию, многие демонстранты стали провозглашать призыв «Защитим конституцию!», а также выкрикивать лозунг «Протестуем против подавления движения масс!». Сразу же после событий на Тяньаньмэнь маоисты продемонстрировали, что они и впредь не намерены считаться даже с такой куцей конституцией: вопреки ей, решение об изменениях в высшем руководстве Китая 7 апреля было принято не на сессии ВСНП по рекомендации ЦК КПК, а на заседании Политбюро ЦК КПК (к тому же неполного состава) по предложению Мао Цзэ-дуна.

После разгона демонстрации на площади Тяньаньмэнь по стране прокатилась новая волна репрессий. Только в Пекинском районе, по сообщениям западной печати, к середине мая было арестовано несколько тысяч человек. Стало известно, что уже вскоре после апрельских событий два участника антимаоистских демонстраций на площади Тяньаньмэнь были расстреляны, а десять человек приговорены к тридцати годам каторжных работ. Некоторые из арестованных предстали перед «массовыми судами».

Пекинское руководство после событий 5 апреля проявило подчеркнутое внимание к активным участникам подавления демонстрантов на Тяньаньмэнь из числа «ополченцев», полицейских и солдат, принимая их на высоком уровне, устраивая для них специально концерты и т. п. При этом особое расположение было продемонстрировано «ополчению», которое практически сыграло главную роль в разгоне демонстрации, избивении и арестах ее участников. Видимо, в настоящее время маоистский режим уже не считает армию, полицию и органы общественной безопасности достаточной гарантией для обеспечения своего существования и стремится всемерно укрепить и постоянно иметь в своем распоряжении дополнительную (и притом массовую) карательную силу в лице «ополченцев». Укрепление «ополчения» отвечает и клановым интересам «левого» крыла китайского руководства, представители которого занимают ключевые позиции в его командовании.

⁷ "New York Times", 11. IV. 1976.

⁸ «Руде право», 13. IV. 1976.

Вскоре после пекинских событий 5 апреля появились многочисленные признаки, свидетельствующие о возможности проведения новой широкой чистки партийно-государственных и военных кадров, — в первую очередь тех, кто был «реабилитирован» в последний период или же связан с Дэн Сяо-пином. В китайской печати постоянно повторяются призывы осуществить «окончательный разгром контрреволюционного регрессивного течения», «довести до конца критику ревизионистской линии Дэн Сяо-пина»; усиленно подчеркивается, что Дэн Сяо-пин «привлекал вновь к работе не желающих исправиться каппутистов и не исправившуюся до конца буржуазную интеллигенцию»⁹. В иностранной печати появились сообщения о перестановках в военном командовании на уровне провинций; новые командующие военными округами были назначены, в частности, в провинциях Аньхой, Шаньси, Хубэй, Цзянси, Хэйлунцзян и Ляонин, а также в Тибетском автономном районе.

Открытое массовое выступление китайских трудящихся на площади Тяньаньмэнь с новой силой показало, что противоречие между сохранившимися социалистическими элементами экономического базиса и антисоциалистической политикой маоистского руководства, которая не в состоянии обеспечить решения острых социально-экономических проблем КНР, и прежде всего проблемы улучшения тяжелых материальных условий жизни народа, вызывает постоянное и нарастающее сопротивление установкам Мао Цзэ-дуна со стороны различных слоев населения страны. Это ведет к хронической нестабильности внутриполитической обстановки в КНР, росту антимаоистских настроений в китайском народе, к обострению борьбы различных группировок за власть.

⁹ «Гуанмин жибао», 11. V. 1976.

Надежный ориентир социализма

(к 20-летию VIII съезда КПК)

*К. В. Кукушкин,
кандидат исторических наук*

Прошло двадцать лет с тех пор, как в сентябре 1956 г. в Пекине состоялся VIII съезд Коммунистической партии Китая, который занял особое место в истории партии и в процессе борьбы китайского народа за социалистическое развитие страны.

VIII съезд КПК — одна из самых ярких страниц борьбы марксистско-ленинского, интернационалистского направления в руководстве КПК против мелкобуржуазных, националистических сил, представленных Мао Цзэ-дуном и его сторонниками. Главная черта съезда состоит в том, что он прошел под знаком укрепления и роста марксистско-ленинских сил в рядах КПК.

Историческое значение VIII съезда КПК заключается прежде всего в том, что он принял программу строительства социализма в Китае и превращения страны в передовую индустриально-аграрную державу. Программа социалистического строительства VIII съезда КПК была построена на научных основах марксизма-ленинизма и принципах пролетарского интернационализма. Съезд дал отпор попыткам мелкобуржуазно-националистической ревизии генеральной линии партии в переходный период. В его решениях был закреплен курс на строительство социализма в Китае в тесном союзе со всей мировой социалистической системой.

На VIII съезде КПК присутствовали делегации более чем пятидесяти коммунистических и рабочих партий. КПК эффективно развивала контакты с братскими коммунистическими партиями, что позволяло китайским коммунистам широко использовать в своей работе богатый коллективный опыт, накопленный мировым коммунистическим движением, особенно опыт строительства социализма в СССР.

К своему VIII съезду КПК пришла как массовая политическая партия, насчитывавшая около 11 млн. членов и кандидатов, в которой рабочая прослойка возросла до 14%, но которая продолжала оставаться преимущественно крестьянской по своему составу. Крестьяне составляли 69% ее численности, интеллигенция — 12%, прочие — 5%. Преобладание представителей непролетарских слоев, следствием чего было развитие мелкобуржуазных националистических тенденций в КПК, представляло серьезную опасность для партии. В этих условиях решающим фактором были позиции марксистско-ленинских сил в высших руководящих органах партии, в ее Центральном Комитете и на съезде.

Съезд заслушал и обсудил политический отчет ЦК КПК (докладчик Лю Шао-ци), доклад об изменениях в Уставе партии (докладчик Дэн Сяо-пин), доклад о предложениях по второму пятилетнему плану развития народного хозяйства (докладчик Чжоу Энь-лай), принял соответствующие решения и избрал руководящие органы партии.

Решения съезда вырабатывались на основе обобщения накопленного партией опыта, анализа успехов и ошибок первого периода социалистиче-

ского строительства. В результате успешного выполнения заданий первого пятилетнего плана укреплялись и развивались социалистические отношения в городе и деревне, была заложена материальная основа для последующей индустриализации страны. Вместе с тем провал попытки Мао Цзэ-дуна искусственно форсировать подъем экономики (1955—1956 гг.) подтвердил необходимость планомерного, пропорционального развития народного хозяйства, то есть научного подхода к задачам строительства социализма.

Главное в решениях съезда заключалось в том, что он подтвердил правильность генеральной линии партии 1952 г. Установка на «постепенное завершение социалистического преобразования сельского хозяйства, кустарной промышленности и капиталистической промышленности и торговли, постепенное осуществление индустриализации страны» была включена в новый Устав в качестве одного из основных программных положений.

Съезд постановил считать главной целью экономической политики партии и государства в переходный период социалистическую индустриализацию страны, создание необходимой материальной базы для технической реконструкции народного хозяйства и повышения жизненного уровня народа. Выполнение широкой экономической программы, разработанной съездом, предполагалось осуществить путем тесного сочетания внутренних ресурсов Китая с братской помощью Советского Союза и других социалистических стран. Благодаря этому, указывалось в резолюции съезда, Китай имеет возможность высокими темпами развивать производительные силы своей страны. Таким образом, интернационализм в действительности показывал китайским трудящимся, что в Китае «без великой интернациональной солидарности пролетариата всех стран и без поддержки международных революционных сил невозможна победа социализма».

Съезд подтвердил внешнеполитический курс КНР, основанный на укреплении единства и дружбы стран социалистического содружества, борьбе за мирное сосуществование против империалистической политики агрессии и войны. Большое значение съезд придавал развитию связей КПК с другими коммунистическими партиями, воспитанию членов партии в духе пролетарского интернационализма. Забота съезда об укреплении интернациональной солидарности трудящихся нашла свое отражение в новом Уставе, где говорилось, что КПК «укрепляет пролетарскую интернациональную солидарность, изучает опыт мирового коммунистического движения, поддерживает борьбу коммунистов, прогрессивных элементов и трудового народа всех стран, направленную на обеспечение прогресса человечества, воспитывает своих членов и народ в духе интернационализма, выраженного в призыве — «Пролетарии всех стран, соединитесь!».

При рассмотрении вопросов партийной жизни и партийного строительства на съезде было заострено внимание на существовании опасных непролетарских тенденций в КПК. Главную опасность по-прежнему представляло давление мелкобуржуазной стихии. В политическом отчете ЦК КПК говорилось, по этому поводу следующее: «В нашей стране мелкая буржуазия составляла большинство. Настроения этого класса оказывают на нас постоянное влияние и давление; буржуазия также непрерывно оказывает на нас влияние в различных областях. Партия должна постоянно проводить воспитательную работу в своих рядах, не допуская того, чтобы буржуазная и мелкобуржуазная идеология принесла вред политической безупречности нашей партии».

VIII съезд КПК проходил под благотворным влиянием XX съезда КПСС, что подчеркивали сами китайские руководители. Съезд акценти-

ровал внимание на важнейшем значении неуклонного соблюдения принципа коллективного руководства и борьбы против культа личности. Всем было ясно, что речь шла о непомерно раздутом культе личности Мао Цзэ-дуна, который наносил серьезный урон партии.

В докладе об изменениях в Уставе КПК Дэн Сяо-пин подчеркнул, что «культ личности как общественное явление имел длительную историю, и он не мог не найти некоторого отражения в нашей партийной и общественной жизни. Наша задача состоит в том, чтобы решительно продолжать проводить в жизнь курс ЦК, направленный против выпячивания личности, против ее прославления...». Съезд изъял из Устава КПК всякое упоминание об «идеях Мао Цзэ-дуна» как идейной основе партии. В новом Уставе КПК, принятом на VIII съезде, говорилось: «Коммунистическая партия Китая в своей деятельности руководствуется марксизмом-ленинизмом. Только марксизм-ленинизм правильно объясняет закономерности развития общества, правильно указывает пути построения социализма и коммунизма».

Последовательное проведение в жизнь решений VIII съезда КПК давало возможность обеспечить дальнейшее продвижение Китая по пути социализма, быстрый рост производительных сил страны путем использования преимуществ социалистических форм хозяйства и улучшения на этой основе материального положения широких масс трудящихся.

Начавшаяся реализация программы VIII съезда резко обострила борьбу в китайском руководстве. Претворение в жизнь решений съезда вступало в противоречие с великодержавно-шовинистическими устремлениями группы Мао Цзэ-дуна и создавало реальную угрозу утраты ею власти. Националистические силы в руководстве КПК, которые вынуждены были отступить на съезде, усилили подрывные действия против программных установок VIII съезда, подготавливая позиции для атаки против Коммунистической партии Китая, и прежде всего против марксистско-ленинских сил в ее руководстве.

Объективно стержнем политической борьбы в КНР на протяжении всего двадцатилетнего периода после VIII съезда КПК была и остается выработанная этим съездом генеральная линия на строительство социализма в Китае. Для всех сил, борющихся за социалистическую перспективу развития Китая, решения VIII съезда являются надежным ориентиром, боевой программой действий. Для противников социализма в Китае решения VIII съезда были и остаются главным объектом борьбы. В наши дни совершенно очевидно, что возврат Китая на путь развития, определенный VIII съездом КПК, означал бы решительный поворот к ускорению социально-экономического прогресса страны. И напротив, осуществление политики, идущей вразрез с генеральной линией VIII съезда, ведет к углублению общественно-политических деформаций в Китае.

Внутренняя и внешняя политика китайского руководства, которая утвердилась на IX и X съездах КПК в результате политического переворота, совершенного под флагом так называемой «культурной революции», носит антимарксистский, антисоциалистический характер и создает серьезную угрозу социалистическим завоеваниям китайского народа. Эта политика означает полный разрыв с генеральной линией VIII съезда КПК на строительство социализма. Политика нынешних руководителей Китая, подчеркивается в докладе Генерального секретаря ЦК товарища Л. И. Брежнева XXV съезду КПСС, «откровенно направлена против большинства социалистических государств. Более того, она прямо смыкается с позицией самой крайней реакции во всем мире — от милитаристов и врагов разрядки в западных странах до расистов Южной Африки».

и фашистских правителей Чили. Эта политика не только совершенно чужда социалистическим принципам и идеалам, но по существу стала важным резервом империализма в его борьбе против социализма.

Большую опасность для всех миролюбивых народов представляют лихорадочные попытки Пекина сорвать разрядку, не допустить разоружения, сеять недоверие и вражду между государствами, его стремление спровоцировать мировую войну, а самому погреть на этом руки. Такая политика Пекина глубоко противоречит интересам всех народов... Теперь уже мало сказать, что маоистская идеология и политика несовместимы с марксистско-ленинским учением. Они прямо враждебны ему».

В современных условиях принципиальная, непримиримая борьба с маоизмом является интернациональной задачей коммунистов мира, интернациональной поддержкой китайского народа в его стремлении покончить с политикой маоистов и направить страну по курсу строительства социализма, определенного VIII съездом Коммунистической партии Китая. Такое изменение политики отвечало бы коренным интересам китайского народа. «Если в Пекине возвратятся к политике, действительно основанной на марксизме-ленинизме, — подчеркнул Л. И. Брежнев на XXV съезде КПСС, — откажутся от враждебного социалистическим странам курса, станут на путь сотрудничества и солидарности с миром социализма, то это найдет соответствующий отклик с нашей стороны и откроется возможность для развития добрых отношений между СССР и КНР, отвечающих принципам социалистического интернационализма».

К 20-летию подписания Совместной советско-японской декларации

Н. Н. Николаев

19 октября 1976 г. исполняется 20 лет со дня подписания Совместной советско-японской декларации о восстановлении дипломатических отношений между двумя странами. Хотя два десятилетия — сравнительно небольшой период в истории, однако если перевернуть каждую страницу отношений между Советским Союзом и Японией за эти двадцать лет, то можно с уверенностью говорить о большой политической значимости этого документа.

К середине 50-х годов, несмотря на то что после окончания второй мировой войны прошло десять лет, Япония продолжала оставаться на положении полуоккупированной, зависимой от США страны. Опираясь на ее наиболее реакционные круги, Соединенные Штаты использовали это положение для того, чтобы установить свой контроль над ее политической и экономической жизнью. По данным японского министерства иностранных дел, в июне 1954 г. в Японии насчитывалось 719 американских баз авиации и флота, радарных станций, полигонов и других военных объектов, занимавших территорию около 150 тыс. га, численность американских войск в стране превышала 100 тыс. человек¹.

Соединенные Штаты, игнорируя национальные интересы Японии, поставили в зависимое положение ее экономику и финансы. В 1953 г. на долю США приходилось более 30% всего импорта в Японию. При этом американские монополии сбывали не те товары, в которых в первую очередь нуждалась японская экономика, а такие товары и сырье, в экспорте которых были заинтересованы США. Одновременно США делали все возможное для того, чтобы не допустить конкуренции японской продукции на своем внутреннем рынке.

Искусственное ограничение японской внешней торговли, ограничения на ее торговлю с социалистическими странами, импорт дорогостоящих товаров из США и трудности сбыта, порождаемые возрастающей конкурентной борьбой монополий, привели к катастрофическому росту дефицита внешнеторгового баланса Японии. Так, например, в 1953 г. Япония импортировала из США товаров на 700 млн. долл., а экспортировала в США только на 258 млн. долл. В этом же году дефицит общего внешнеторгового баланса Японии достиг цифры 1150 млн. долл.².

В этих условиях в Японии все громче стали раздаваться требования о том, чтобы страна высвободилась из-под американской зависимости и стала на путь самостоятельного развития, отвечающего национальным интересам страны. В движение за нормализацию отношений с Советским Союзом включились широкие слои японской обществен-

¹ «Правда», 6. XII. 1954.

² «Известия», 30. X. 1954.

ности, включая представителей деловых кругов и буржуазных партий. Был создан ряд организаций, ставивших перед собой цель содействовать восстановлению дипломатических отношений и развитию торговли с Советским Союзом. Так, в 1952 г. был учрежден Комитет содействия развитию японо-советской торговли, который в 1955 г. был преобразован в японо-советскую ассоциацию, объединявшую более сорока торговых, судостроительных, страховых и других компаний.

Примечательно, что движение за нормализацию советско-японских отношений развивалось одновременно со все усиливавшимися требованиями проведения более независимой и самостоятельной внешней политики. Одним из проявлений таких требований явилось создание в ноябре 1954 г. новой консервативной партии — Демократической партии Японии, главным внешнеполитическим лозунгом которой было проведение «независимой внешней политики, опирающейся на поддержку всего народа и широкой общественности страны».

7 декабря 1954 г. парламент Японии большинством голосов вынес вотум недоверия правительству Либеральной партии во главе с премьер-министром С. Иосида, который вопреки национальным интересам связал страну с политическим курсом США, поддерживал политику «с позиции силы» и был ярким противником урегулирования отношений с Советским Союзом и другими социалистическими странами. После падения правительства Иосида было сформировано новое правительство, во главе которого стал лидер демократов Итиро Хатояма, а пост министра иностранных дел занял вице-президент Демократической партии Мамору Сигэмицу. 11 декабря Сигэмицу сделал заявление, в котором подчеркнул готовность нового правительства предпринять шаги к восстановлению отношений с Советским Союзом на взаимно приемлемых условиях.

Это заявление встретило положительный отклик в Советском Союзе. Уже 16 декабря 1954 г. в ответ на заявление Сигэмицу министр иностранных дел СССР заявил, что Советский Союз неизменно стремится к установлению и развитию отношений со всеми странами, которые со своей стороны готовы пойти на это, и что такой политики Советский Союз придерживается и в отношении Японии, считая, что нормализация советско-японских отношений отвечает интересам не только обоих государств, но и других стран, заинтересованных в укреплении мира на Дальнем Востоке, в ослаблении международной напряженности³.

В результате достигнутой договоренности 3 июня 1955 г. в Лондоне начались переговоры между уполномоченными представителями Советского Союза и Японии с целью восстановления отношений между двумя странами. Эти переговоры с перерывами продолжались до марта 1956 г. И хотя в ходе переговоров большинство статей проекта мирного договора было согласовано и даже отредактировано, закончить их результативно не удалось. Причину этого следует искать прежде всего в нереалистичной и необоснованной позиции японской стороны в отношении вопроса о принадлежности некоторых островов южной части Курильской гряды. Определенное влияние на позицию японского правительства на переговорах оказывали Соединенные Штаты Америки, а также противники нормализации советско-японских отношений внутри страны. Так, по сообщениям японской печати, тогдашний государственный секретарь Даллес в мае 1955 г., то есть накануне начала советско-японских переговоров в Лондоне, направил премьер-министру

³ «Международная жизнь», 1956, № 4, стр. 36.

Японии Итиро Хатояма послание, в котором заявлял, что линия японского правительства на расширение экономических связей с Советским Союзом и восстановление советско-японских дипломатических отношений создает в Соединенных Штатах впечатление, что Япония ищет сближения с коммунистическими странами. Это, предупреждал Даллес, может стать препятствием для осуществления программы «помощи» Японии, разрабатывавшейся в то время правительством США⁴. По сообщению газеты «Майнити» от 27 октября 1955 г., один из лидеров республиканской партии США Гувер, посетивший в те дни Японию, советовал японскому правительству «не торопиться с урегулированием отношений с Советским Союзом и придерживаться твердой линии на переговорах».

Между тем движение в Японии за нормализацию отношений с Советским Союзом расширялось, привлекая в свои ряды широкие круги японской общественности. Созданный в 1954 г. Национальный совет борьбы за восстановление дипломатических отношений с Советским Союзом совместно с Коммунистической и Социалистической партиями, а также Генеральным советом профсоюзов Японии развернул в стране деятельность, направленную на придание движению за восстановление дипломатических отношений с Советским Союзом общенационального характера. В движение активно включаются деловые круги, создавшие в январе 1955 г. Общество содействия развитию торговли с Советским Союзом, которое объединило около 60 промышленных и торговых компаний.

Летом 1956 г. японское правительство приняло решение возобновить переговоры о нормализации отношений и направило в Москву министра иностранных дел Мамору Сигэмицу. Однако и на этот раз переговоры не дали результатов ввиду нереалистической позиции японской стороны. В подходе правительства Японии к переговорам по-прежнему чувствовалось влияние и давление как со стороны США, так и со стороны противников нормализации советско-японских отношений внутри страны.

Однако настоятельный характер требований японской общественности и политический реализм премьер-министра Итиро Хатояма и его сторонников внутри правящей партии взяли верх, и в начале октября 1956 г. правительство Японии приняло решение направить в Москву делегацию во главе с премьер-министром.

В результате переговоров, которые проходили с 13 по 19 октября 1956 г. в Москве, была подписана Совместная декларация Советского Союза и Японии. В Декларации обе стороны заявляли о прекращении между ними состояния войны, о восстановлении дружеских, добрососедских отношений. Предусматривались также восстановление дипломатических и консульских отношений и незамедлительный обмен дипломатическими представителями в ранге послов.

Советский Союз и Япония подтвердили, что они в своих отношениях будут руководствоваться принципами Устава Организации Объединенных Наций, в частности разрешать свои международные споры мирными средствами таким образом, чтобы не подвергать угрозе международный мир, безопасность и справедливость, а также воздерживаться от угрозы силой или ее применения как против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства, так и каким-либо другим образом, несовместимым с целями ООН. Советский Союз и Япония брали на себя обязательство «не вмешивать-

⁴ «Асахи симбун», 23. V. 1955.

ся прямо или косвенно во внутренние дела друг друга по любым мотивам экономического, политического или идеологического характера».

Советский Союз отказался от всех репарационных претензий Японии, хотя нужно сказать, что ущерб, который понес советский народ в результате враждебных действий Японии в отношении нашей страны во время второй мировой войны, был немалым.

Претворяя в жизнь принципы мирного сосуществования и международного сотрудничества, Советский Союз согласился поддержать просьбу Японии о принятии ее в члены ООН.

Важное значение для дальнейшего развития отношений между двумя странами имели положения Декларации, касавшиеся экономических связей. Обе стороны согласились по возможности вступить в переговоры о заключении договоров и соглашений по вопросам торговли, торгового мореплавания и т. д. Они договорились также о том, что советско-японская Конвенция по рыболовству в открытом море северо-западной части Тихого океана и Соглашение о спасении людей, терпящих бедствие на море, подписанные в мае 1956 г. в Москве вступят в силу одновременно со вступлением в силу Совместной декларации.

Одновременно с Декларацией был подписан протокол о развитии между СССР и Японией торговли и о взаимном предоставлении режима наиболее благоприятствуемой нации.

Осуществляя нормализацию отношений с Японией, Советское правительство исходило из своей последовательной политики, направленной на обеспечение мира и безопасности народов, политики мирного сосуществования государств с различным социальным строем. Прекращение состояния войны между Советским Союзом и Японией и нормализация отношений между двумя странами явились важным фактором, ведущим к оздоровлению обстановки на Дальнем Востоке и в Азии в целом. Именно поэтому советско-японские переговоры в Москве и их результаты встретили поддержку со стороны народов Индии, Индонезии, Демократической Республики Вьетнам, Корейской Народно-Демократической Республики и других азиатских стран.

Важное значение имела нормализация советско-японских отношений для самой Японии. Прежде всего, была пробита брешь в политике односторонней ориентации на США и сделан серьезный шаг к проведению независимой внешней политики. Перед Японией открылись широкие возможности для участия наравне с другими странами в решении наиболее актуальных международных проблем.

Применительно к советско-японским отношениям можно без преувеличения говорить о том, что с подписанием Совместной декларации была открыта новая страница в истории отношений между двумя государствами, положено начало развития отношений, основанных на принципах равенства, добрососедства и взаимной выгоды. «Успешным завершением нынешних переговоров, — говорил премьер-министр Итиро Хатояма, — нам удалось положить основы взаимоотношений между Японией и Советским Союзом, но я желаю, чтобы они развивались в будущем в еще более прочные и дружественные отношения путем сотрудничества народов обеих стран»⁶.

Хотелось бы также вспомнить слова первого после восстановления отношений посла Японии в Советском Союзе Суэмицу Кадоваки, который в интервью газете «Советская Россия» сразу же после вручения

⁵ «Правда», 20. X. 1956.

⁶ «Правда», 21. X. 1956.

верительных грамот Председателю Президиума Верховного Совета СССР говорил: «Наши страны подписали Декларацию о восстановлении дипломатических отношений. Это хороший фундамент. А строить на этом фундаменте дом — дело государственных деятелей и нас, дипломатов»⁷.

Оценка Декларации, данная премьер-министром И. Хатояма и послом С. Кадоваки, представляется весьма точной, Совместная декларация заложила основу взаимоотношений между Советским Союзом и Японией, наметила ясные ориентиры на пути дружбы и добрососедства, по которому они должны были развиваться.

Советский Союз, верный ленинским принципам миролюбивой внешней политики, сразу же после восстановления отношений приступил к практическому осуществлению положений Совместной декларации и направил свои усилия на всестороннее развитие советско-японских отношений.

Конечно, за прошедшие после подписания Совместной декларации двадцать лет в отношениях между нашими странами не все шло гладко. Были даже периоды некоторого, если так можно выразиться, «охлаждения». Например, в конце пятидесятых и начале шестидесятых годов, когда Япония и США оформляли заключение нового «договора безопасности», закреплявшего военный союз между двумя странами. Тем не менее можно с уверенностью говорить, что в Японии в конечном счете брало верх понимание объективной необходимости развивать отношения с Советским Союзом, укрепляя тем самым политическую и экономическую независимость страны и ее международные позиции.

В целом можно с удовлетворением констатировать, что усилиями обеих сторон сделано немало для развития советско-японских отношений. К настоящему времени советско-японские отношения достигли такого высокого уровня, какого не знала вся история общения между народами наших стран. Это касается всех областей советско-японских отношений, а они достаточно обширны.

После подписания Совместной декларации между двумя странами был заключен целый ряд договоров и соглашений, которые укрепили договорную основу советско-японских связей. В первую очередь следует упомянуть торговый договор, консульскую конвенцию, соглашение о прямом воздушном сообщении, соглашение о научно-техническом сотрудничестве и т. д.

Начиная с 1966 г. между Советским Союзом и Японией проводятся регулярные консультации министров иностранных дел, на которых обсуждается широкий круг вопросов советско-японских, отношений, а также наиболее важные международные проблемы, представляющие взаимный интерес. Сам факт проведения таких консультаций говорит о достаточно высоком уровне отношений между государствами и обоюдной заинтересованности в его дальнейшем повышении.

Важным звеном в политических связях и контактах между нашими странами являются связи между высшими законодательными органами Советского Союза и Японии — Верховным Советом СССР и парламентом Японии. При этом с каждым годом расширяются формы парламентских связей. Стали хорошей традицией регулярные поездки официальных парламентских делегаций. В последние годы начинают входить в практику поездки делегаций комиссий по иностранным делам, отдельных групп депутатов парламента Японии. Нет, ви-

⁷ «Советская Россия», 17. III. 1957.

димо, необходимости говорить о том, что встречи и беседы парламентариев двух стран, откровенный обмен мнениями являются полезными не только с точки зрения углубления взаимопонимания между народами наших стран, но и помогают продвижению практических вопросов советско-японских отношений, улучшают общую атмосферу в отношениях между двумя государствами. Уместно упомянуть о большой работе, которую проводят в целях расширения парламентских связей советско-японская секция Парламентской группы Верховного Совета СССР и Ассоциация депутатов парламента Японии за дружбу с Советским Союзом, которая насчитывает в своих рядах более 500 депутатов японского парламента, представляющих все основные политические партии Японии.

Отмечая такое благоприятное развитие советско-японских отношений, Генеральный секретарь ЦК КПСС товарищ Л. И. Брежнев говорил: «Задача, как мы ее понимаем, состоит ныне в том, чтобы заложить основы добрососедских отношений между Советским Союзом и Японией на действительно длительный исторический период, чтобы создать прочную традицию дружественных отношений между народами наших стран. между нашими государствами»⁸.

Японская сторона также подчеркивала, что «Япония ставит в основу своей внешней политики расширение дружественных отношений со всеми странами, независимо от различия государственного строя, чтобы тем самым внести вклад в дело мира и благополучия всего человечества, и, в особенности, — установление дружественных и добрососедских отношений с Советским Союзом на основе принципов невмешательства во внутренние дела, взаимной выгоды и равноправия»⁹.

В этих заявлениях проявился общий подход к развитию советско-японских отношений в целом. И хотя по некоторым вопросам точки зрения сторон были различными, главное — стремление добиваться развития отношений между двумя странами — было подтверждено. Это главное было зафиксировано в Совместном советско-японском заявлении от 10 октября 1973 г., в котором отмечается, что «стороны выразили решимость прилагать усилия для дальнейшего развития отношений между СССР и Японией»¹⁰.

В 1973 году в Москве между Советским Союзом и Японией было подписано межправительственное соглашение о научно-техническом сотрудничестве. Это соглашение предусматривало обмен учеными и научно-техническими работами, проведение конференций и симпозиумов с участием ученых и научно-исследовательских учреждений, обмен результатами научно-технических изысканий и другой информацией между государственными научно-исследовательскими учреждениями, проведение совместных работ в области фундаментальных наук и т. д. Предусматривалось также создание советско-японской комиссии по научно-техническому сотрудничеству.

Были также подписаны письма о научном обмене между двумя странами, о распространении на условиях взаимности информационных материалов, об обмене официальными печатными изданиями, а также конвенция об охране перелетных птиц и птиц, находящихся под угрозой исчезновения, и среды их обитания, представлявшая первый шаг к сотрудничеству в такой важной для обеих стран области, как охрана окружающей среды. В Совместном заявлении была зафиксиро-

⁸ «Правда», 9. X. 1973.

⁹ Там же.

¹⁰ «Правда», 11. X. 1973.

рована договоренность о целесообразности расширения сотрудничества в области мирного использования атомной энергии, о сотрудничестве в области сельского хозяйства, транспортных перевозок и т. д.

Значительное внимание было уделено такой важной и взаимовыгодной сфере сотрудничества, как торговля. Была достигнута договоренность расширять торговлю между обеими странами, форсировать другие формы экономического сотрудничества, в том числе и области разработки природных ресурсов Сибири.

Географическая близость Советского Союза и Японии, богатые природные ресурсы Сибири и Дальнего Востока, с одной стороны, и почти стопроцентная зависимость Японии, ее экономики от ввозимого сырья создают благоприятные условия для развития взаимовыгодной торговли и экономического сотрудничества между нашими странами. В этой области советско-японских отношений достигнуты наибольшие успехи, свидетельством чего является неуклонный рост торговли между нашими странами. За период с 1958 по 1974 г. товарооборот между нашими странами возрос с 34 до 1683 млн. руб., то есть почти в 50 раз. Основными предметами советского экспорта в Японию являются деловая древесина, уголь, железная руда, чугун, хлопок, цветные металлы, машины, оборудование и т. д. Из Японии Советский Союз ввозит машины, оборудование, металлоизделия, сырье для текстильной и швейной промышленности, химические товары и т. д. Важную роль в развитии торгово-экономических связей играют созданные в 1965 г. Советско-японский и Японо-советский комитеты по деловому сотрудничеству. На регулярно проводимых совещаниях комитетов обсуждаются различные проекты экономического сотрудничества, намечаются пути их практической реализации. Значение этих комитетов еще более возросло с переходом наших стран к долгосрочному экономическому сотрудничеству. Первые шаги к развертыванию такого сотрудничества были сделаны в 1968—1971 гг., когда были подписаны генеральные соглашения о поставках из Японии в Советский Союз оборудования, машин и материалов для разработки лесных ресурсов Дальнего Востока в счет кредита на сумму 150 млн. долл. и о поставках лесоматериалов в Японию; о поставках из Японии в СССР оборудования, машин и т. д. для строительства морского порта Восточный в бухте Врангеля с предоставлением японской стороной кредита на сумму 80 млн. долл.; о поставках из СССР в Японию технологической щепы и балансового долготья лиственных пород и из Японии в СССР соответствующего оборудования, машин и других материалов в счет кредита на сумму 45 млн. долл.

Отмечая такое развитие советско-японских отношений, Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин говорил: «Мы удовлетворены теми экономическими связями, которые сложились у нас с Японией на основе равноправия, признания взаимных интересов и без какой-либо дискриминации. По нашему твердому убеждению, имеются хорошие возможности расширять эти связи и дальше»¹¹.

Есть все основания говорить о том, что с 1974 г. советско-японские связи в торгово-экономической области вступили на качественно новую ступень развития. Речь идет, в частности, об официальной поддержке правительством Японии (в форме предоставления гарантий и правительственных кредитов) японских фирм, участвующих совместно с советскими организациями в осуществлении экономических проектов. Советско-японское экономическое сотрудничество стало крупномас-

¹¹ «Правда», 10 X 1973

штабным, долговременным, с привлечением к его осуществлению японских государственных кредитов. В апреле 1974 г. впервые в истории экономических связей между нашими странами были подписаны межправительственные банковские протоколы, предусматривавшие предоставление Советскому Союзу государственных кредитов Экспортно-импортного банка Японии на сумму 1050 млн. долл.

В соответствии с протоколами 3 июня 1974 г. в Москве было подписано Генеральное соглашение о поставках в СССР оборудования, машин, материалов и других товаров для разработки Южно-Якутского угольного бассейна в счет кредита Экспортно-импортного банка Японии на сумму 450 млн. долл. Это соглашение, которое в настоящее время реализуется, предусматривает сотрудничество в разработке Южно-Якутского угольного бассейна, включая строительство железной дороги Бам — Тында — Беркакит, и поставку из СССР в Японию в течение 20 лет, начиная с 1979 года, в погашение кредита и процентов по нему 104,4 млн. т коксующегося угля.

Вслед за этим соглашением было подписано Генеральное соглашение, которое предусматривает поставку Японией в Советский Союз оборудования и других материалов на сумму 550 млн. долл. и поставку в Японию в 1975—1979 гг. 17,5 млн. куб. м деловой древесины 900 тыс. куб. м пиломатериалов.

28 января в Токио было подписано Генеральное соглашение о сотрудничестве в разведке, обустройстве нефтяных и газовых месторождений и добыче нефти и газа на шельфе острова Сахалин, предусматривающее широкую программу геологоразведочных работ на нефть и газ, включая геофизические исследования и бурение морских поисково-разведочных скважин. Общая сумма государственных кредитов, предоставляемых Японией для реализации этого соглашения, составляет 150 млн. долл.

Продвигается вперед другой проект экономического сотрудничества — доразведка газовых месторождений в Южной Якутии, в реализации которого примут участие и американские деловые и финансовые круги.

Общая картина нынешнего состояния советско-японских экономических связей была бы неполной, если не упомянуть о предоставлении японской стороной государственных кредитов на закупку в Японии нескольких заводов по производству аммиака и труб большого диаметра, договоренность о чем была достигнута в течение 1975—1976 гг.

Япония в настоящее время является одним из крупнейших торговых партнеров Советского Союза. В общем объеме товарооборота СССР с промышленно развитыми капиталистическими странами, который в 1975 г. составлял 15,8 млрд. руб., на долю Японии приходится 1,9 млрд. руб. Возможности дальнейшего расширения советско-японского экономического сотрудничества далеко не исчерпаны. В настоящее время между внешнеторговыми организациями Советского Союза и деловыми кругами Японии обсуждаются различные экономические проекты, реализация которых позволила бы добиться еще больших успехов в этой области, имеющей важное значение как для развития советско-японских отношений в целом, так и экономического развития наших стран.

Нужно признать, что еще можно услышать голоса, в том числе и в Японии, которые пытаются представить дело таким образом, будто Советский Союз извлекает односторонние выгоды из экономического сотрудничества с Японией. Однако это явно всего лишь отголоски периода «холодной войны». Сейчас в Японии уже трудно разубедить де-

ловые круги страны в том, что экономическое сотрудничество с Советских Союзом — дело обоюдовыгодное, что от его развития в равной степени выигрывают народы наших стран. Больше того, этот выигрыш носит не только экономический, но и политический характер, поскольку речь идет о сотрудничестве на многие годы вперед, что, как известно, возможно только в условиях поддержания хороших, добрососедских отношений между двумя странами.

Важной областью советско-японских отношений является рыболовство. Это вполне естественно, поскольку Советский Союз и Япония являются крупными рыболовными странами, ведущими в крупных масштабах морской промысел в одних и тех же районах мирового океана. Между нашими странами заключен ряд соглашений, регулирующих сотрудничество в этой области. Главная цель этих соглашений — обеспечить рациональный промысел морепродуктов, не допустить их хищнического уничтожения.

Советский Союз с пониманием относится к тому факту, что морепродукты занимают основное место в пищевом рационе японцев. Именно поэтому он ежегодно благожелательно рассматривает обращения японской стороны о промысле некоторых морепродуктов на континентальном шельфе СССР, морской капусты в некоторых районах советских территориальных вод у острова Сигнальный.

Обсуждение вопросов морского права, в том числе рыболовства, на международной конференции свидетельствует о возрастании значения этих вопросов не только в двусторонних отношениях государств, но в масштабах всего мира. Это выдвигает перед Советским Союзом и Японией новые задачи в области дальнейшего укрепления и расширения сотрудничества в этой жизненно важной сфере, что, разумеется, возможно лишь при повышении общего уровня отношений между государствами, углубления доверия между ними.

За двадцать лет, прошедшие после нормализации советско-японских отношений, произошли большие и благоприятные изменения в представлениях японцев о Советском Союзе, об образе жизни и труде советских людей. В Советском Союзе стали лучше знать Японию. Большую роль в этом сыграли связи и контакты по общественной линии, расширяющийся культурный обмен между нашими странами.

Стали хорошей традицией регулярные встречи и совещания председателей исполкомов краев и областей Советского Союза и губернаторов префектур Японии, председателей исполкомов городов Сибири и Дальнего Востока и мэров городов западного побережья Японии. На этих встречах обсуждаются вопросы развития торгово-экономических и культурных связей краев, областей и городов Советского Союза с префектурами и городами Японии, происходит полезный обмен мнениями по вопросам городского строительства, коммунально-бытового обслуживания, охраны окружающей среды и т. д. Развитие связей между местными органами власти привело к тому, что отношения городов-побратимов установили между собой Киото и Киев, Хиросима и Волгоград, Иокогама и Одесса, Кобэ и Рига, Сэндай и Минск, Ниигата и Хабаровск, Майдзуру и Находка и другие.

В настоящее время практически не проходит ни одного дня, чтобы в Японии не выступали советские художественные коллективы или не работала выставка советского изобразительного искусства. Достаточно сказать, что только в первом полугодии нынешнего года японские любители искусства смогли увидеть мастерство таких крупных советских коллективов, как балетная труппа театра им. Станиславского и Немировича-Данченко, Государственный русский хор под управлением

А. В. Свешникова, Ансамбль песни и пляски Советской Армии под управлением Б. Александрова и т. д. В свою очередь советские люди смогли познакомиться с искусством танцевального коллектива «Девушки из Такарадзука» и т. д.

Сотрудничество в области культуры, взаимный обмен культурными ценностями растут и развиваются, взаимно обогащая народы наших стран, способствуя углублению взаимопонимания. Это большое и важное достижение народов наших стран за прошедшее десятилетие, которым нельзя не гордиться.

Разумеется, было бы ошибкой говорить, что все вопросы между нашими странами решены и что отношения развиваются гладко. Еще есть проблемы, которые ждут своего решения. К ним в первую очередь относится проблема заключения мирного договора, подведения прочной договорной основы под отношения между нашими странами.

Обмен мнениями по проблеме заключения договора имел место во время встреч члена Политбюро ЦК КПСС, министра иностранных дел СССР А. А. Громыко с министром иностранных дел Японии К. Миядзава в январе 1975 г. и начале 1976 г. Выступая на приеме в честь премьер-министра Японии, Генеральный секретарь ЦК КПСС тов. Л. И. Брежнев, коснувшись проблемы советско-японского договора, говорил: «Интересы народов как Советского Союза, так и Японии, равно и интересы международного мира только выиграли бы, если бы благоприятное в целом развитие советско-японских отношений было направлено в русло глубокого их улучшения. Разумеется, что заключение мирного договора между СССР и Японией, обмен мнениями о котором уже был начат, подвело бы еще более прочную основу под наши отношения»¹².

К сожалению, в Японии проблему мирного договора, который должен включать в себя широкий комплекс политических, экономических и других вопросов, пытаются зачастую свести лишь к решению так называемого «территориального вопроса». И этот «вопрос» выдвигается в качестве условия заключения мирного договора. Но ведь переговоры ведутся для того, чтобы найти такое решение, которое было бы приемлемо для сторон, в них участвующих. При выдвигении же односторонних претензий как условия для достижения договоренности это уже не переговоры двух равных партнеров. В таких условиях было бы трудно рассчитывать на успех переговоров.

В совместном коммюнике о визите члена Политбюро ЦК КПСС, министра иностранных дел СССР А. А. Громыко в Японию в январе 1976 г. зафиксировано согласие сторон продолжить переговоры. Это соответствует желанию Советского Союза, его стремлению к тому, чтобы обсуждение мирного договора продолжалось и чтобы взаимопонимание углублялось. При этом ключ к достижению договоренности не в выдвигении незаконных и необоснованных притязаний к Советскому Союзу, а в учете сложившихся после второй мировой войны и существующих в настоящее время реальностей.

Именно такой подход к решению сложных проблем уже возобладал в Европе, где государства, проявив политический реализм и конструктивный подход, движимые заботой о мире и безопасности народов, смогли прийти к общему знаменателю. Конечно, можно возразить, что где Азия — это не Европа и азиатские проблемы отличаются от проблем европейских. Действительно, Азия — это не Европа. Тем не менее пример Европы вполне применим для Азии, разумеется с учетом спе-

¹² «Правда», 9. X. 1973.

цифики проблем этого континента. Европейский пример применим для Азии, если азиатские страны в своей политике будут делать акцент не на сфере расхождений, а на сфере согласия и близости позиций, будут проявлять должную решимость и добрую волю.

Японские руководящие деятели неоднократно заявляли, что отсутствие мирного договора не является препятствием для развития взаимовыгодных отношений между нашими странами. С этим нельзя не согласиться. Тем не менее достигнутые между нашими странами успехи в расширении советско-японских связей побуждают искать пути для их закрепления и определения главных направлений развития в будущем в договорном порядке. Это не заменяло бы мирного договора, а, напротив, могло бы приблизить его заключение. Исторический опыт говорит, что улучшение климата в отношениях, углубление взаимного доверия может лишь облегчить решение той или иной проблемы, если таковая существует, и напротив, его ухудшение может повлечь за собой лишь дополнительные трудности, усилить недоверие и подозрительность друг к другу.

История советско-японских отношений свидетельствует о том, что хорошие отношения между нашими странами всегда шли на пользу народам Советского Союза и Японии, благотворно влияли на обстановку в Азии и бассейне Тихого океана, и напротив, ухудшение отношений приводило лишь к обострению и осложнению положения в этой части земного шара. Важную роль советско-японских отношений для судеб азиатских народов отмечали неоднократно и японские государственные деятели. В частности, премьер-министр Такэо Мики говорил: «Мы верим, что, если смотреть на японо-советские отношения в перспективе на будущие тридцать лет, сотрудничество с Советским Союзом имеет всемирно-историческое значение». С этим высказыванием главы японского правительства нельзя не согласиться. Вместе с тем хотелось бы подчеркнуть, что для развития отношений необходимы усилия обеих сторон. В этом гарантия будущих успехов, залог благоприятного и эффективного развития советско-японских отношений. При этом важно, чтобы отношения между двумя странами не были подвержены влиянию извне.

Советский Союз строит свои отношения со всеми государствами, включая Японию, таким образом, чтобы они не наносили ущерба другим странам. Приходится, однако, констатировать, что в мире есть силы, которые не хотят развития и улучшения советско-японских отношений. Эти силы, а к ним в настоящее время относятся прежде всего маоисты, стремятся вбить клин в советско-японские отношения, помешать их благоприятному развитию. При этом используются все дозволенные и недозволенные методы, вплоть до прямых провокаций, подстрекательств и даже угроз. Лишь так, несомненно, можно квалифицировать организацию в Пекине митингов поддержки территориальных притязаний Японии к Советскому Союзу; выпуск карт, где часть советской территории окрашена в цвет Японии и т. д.

Пекинские руководители, сделав борьбу с Советским Союзом основой своей внешней политики, стремятся приобщить Японию к своему авантюристическому курсу. Это особенно отчетливо проявляется в попытках добиться согласия Японии на включение в проектируемый договор о мире и дружбе положения о «борьбе против гегемонии», что, как об этом открыто говорят в Пекине, означает борьбу против Советского Союза.

Думается, что в Японии понимают опасность такого шага. Национальные интересы Японии, необходимость упрочения мира и безопас-

ности в Азии диктуют необходимость давать отпор подобным проискам Пекина, создающим угрозу национальным интересам японского народа, интересам мира и процветания всех азиатских народов.

Бесперспективными являются и попытки некоторых сил внутри Японии использовать нынешний антисоветский курс пекинского руководства для того, чтобы посеять в японском народе недоверие к внешней политике Советского Союза, чтобы добиться от Советского Союза тех или иных односторонних уступок.

Миролюбивая политика Советского Союза, политика мирного сосуществования государств и расширения взаимовыгодного сотрудничества уже нашла широкое признание в мире, в том числе и в Японии. Наш курс в отношении Японии тверд — советские люди выступают за всестороннее развитие и расширение связей с Японией в политической, экономической, научной, культурной и других областях. Этот курс был еще раз подтвержден XXV съездом Коммунистической партии Советского Союза.

Двадцатилетняя история развития советско-японских отношений показывает, что добрососедство и дружественное сотрудничество являются единственно правильным путем развития советско-японских отношений, гарантирующим нашим странам мир и процветание. «Мы считаем, — говорил Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев в Отчетном докладе XXV съезду, — что в советско-японских отношениях законом должны быть именно добрососедство и дружественное сотрудничество, к чему мы и стремимся»¹³.

¹³ Л. И. Брежнев. «Отчет Центрального Комитета КПСС и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики». М., 1976, стр. 25.

Нефтяная дипломатия Пекина

В. П. Поляков,
кандидат экономических наук

Современное состояние и перспективы развития китайской нефтяной промышленности стали за последнее время чуть ли не главными темами публикуемых в зарубежных странах книг, брошюр и статей, посвященных экономике современного Китая. Китаеведы США, Японии и других капиталистических стран, которые до этого скрупулезно исследовали энергетику, черную металлургию, машиностроение и другие отрасли тяжелой промышленности Китая, с поразительным единодушием вдруг обратили свои взоры на китайскую нефтяную промышленность, до этого остававшуюся, по существу, вне сферы их профессиональных интересов.

На вопрос о том, каковы причины столь быстрой смены направлений в области исследования промышленности Китая, вряд ли можно ответить однозначно. Повышенный, иногда близкий к ажиотажу интерес зарубежных исследователей и органов информации капиталистических стран к китайской нефти можно объяснить следующими причинами.

Одной из важнейших причин возникшей широкой дискуссии по современным проблемам китайской нефтяной промышленности и перспективам ее развития является сравнительно высокий прирост добычи нефти в КНР за последние годы. Если за период 1949—1960 гг. добыча нефти в КНР, включая и производство искусственного жидкого топлива из битуминозных сланцев, возросла со 149 тыс. т до примерно 5 млн. т, то к концу следующего десятилетия (1961—1970) добыча нефти достигла 20 млн. т в год. К середине 70-х гг. добыча нефти превысила 50 млн. т в год.

Вторая немаловажная причина — это смещение акцентов пекинского руководства в целях развития китайской нефтяной промышленности. До середины 60-х гг. развитие этой отрасли тяжелой промышленности КНР было связано в первую очередь с необходимостью укрепления топливно-энергетической базы страны и устранения постоянного дефицита в снабжении нефтью и нефтепродуктами, из-за которого сдерживались темпы развития почти всех отраслей народного хозяйства. Однако в последние годы все более преобладающим фактором развития нефтяной промышленности КНР становится маоистский курс «на подготовку к войне» и на форсированное наращивание военно-промышленного потенциала, в рамках которого нефть имеет важнейшее стратегическое значение.

В-третьих, в последнее время все более явно просматривается тенденция китайского руководства использовать нефть как дополнительный, если не как самый важный, источник валютных поступлений, столь необходимых КНР для оплаты импорта современного технологического оборудования и дефицитных материалов из промышленно развитых стран.

В-четвертых, рост добычи и потребление нефти в КНР может привести к существенным изменениям в топливно-энергетическом балансе страны, в котором доля угля составляет около 80%. Увеличение добычи нефти создаст благоприятные условия для развития нефтехимии, увеличения производства пластмасс, химических волокон, синтетического каучука и моющих средств, более широкого использования машин в сельском хозяйстве, внедрения тепловозной тяги на железнодорожном транспорте.

Рост производства пластмасс может позволить Китаю несколько ослабить острый дефицит в снабжении своей промышленности черными и цветными металлами. В свою очередь увеличение выпуска химических волокон даст дополнительный стимул развитию текстильной промышленности. По оценке американского журнала «Ю. С. Чайна бизнес ревью», Китай из производимого и импортируемого химического волокна может в настоящее время выпускать в год более 1 млрд. м тканей. После того как в конце 70-х гг. будут введены в строй закупленные Китаем заводы синтетического волокна, объем производства таких тканей может возрасти до 6—7 млрд. м в год¹ и, таким образом, приблизится к современному объему производства хлопчатобумажных тканей в Китае, оцениваемому в 9 млрд. м в год.

Наконец, в последние годы КНР вошла в число стран — экспортеров нефти, и, хотя страна располагает пока сравнительно ограниченными экспортными нефтяными ресурсами, маоистское руководство стремится всемерно использовать их в качестве орудия своей гегемонистской раскольнической политики. Следует отметить, что китайская «нефтяная дипломатия» еще более активизировалась в связи с так называемым энергетическим кризисом в капиталистических странах.

Таким образом, развитие нефтяной промышленности КНР имеет не только важное значение для народного хозяйства страны, но и используется маоистами во внешнеполитических целях. От темпов роста производства нефти в КНР во многом будет зависеть достижение двух главных целей, поставленных на I сессии ВСНП четвертого созыва в январе 1975 г., а именно: до 1980 г. создать «самостоятельную, сравнительно целостную систему промышленности и всего народного хозяйства», а в последующие 20 лет на основе «всесторонней модернизации сельского хозяйства, промышленности, науки и техники» вывести КНР в «первые ряды стран мира». Вместе с тем китайская «нефтяная дипломатия» будет накладывать свой отпечаток на политические и экономические отношения КНР с другими странами мира, особенно с Японией и странами Юго-Восточной Азии.

С начала 60-х гг. китайская печать не публикует каких-либо абсолютных данных о развитии нефтяной промышленности, что порождает в зарубежной печати массу вымыслов и догадок относительно современного состояния и перспектив развития нефтяной промышленности Китая. Это особенно касается данных о возможных запасах нефти как на материке, так и на континентальном шельфе Китая.

До последнего времени наиболее распространенной была оценка запасов нефти в Китае, предложенная американским ученым А. А. Мейерхофом, — 2,68 млрд. т. Эта цифра включала в себя доказанные, вероятные, потенциальные возможные запасы нефти². Доказанные запасы

¹ "U. S. — China Business Review", 1974, № 3.

² Подробно о характеристике этих категорий запасов нефти по классификации, принятой в США, и их соответствии категориям запасов нефти по классификации СССР см. Ресурсы нефти и газа в капиталистических и развивающихся странах. Л., 1974, стр. 48—55.

нефти А. А. Мейерхоф определял в 182 млн. т, а вероятные — в 777 млн. т, то есть в совокупности в 959 млн. т³.

Другой американский ученый, Б. А. Вильямс, учитывая прирост разведанных запасов нефти в начале 70-х гг., определил, что в 1974 г. общие запасы нефти в КНР составили около 7,6 млрд. т. Он исходил из уровня добычи нефти в КНР в 1974 г. и предположения, что разведанные запасы нефти истощатся в течение 18 лет, а также из определенного А. А. Мейерхофом соотношения между вероятными и доказанными запасами, равного 4,3⁴.

Японские китаеведы дают более высокие оценки запасов нефти в КНР. Так, экономист Оно Хидэо считает, что только извлекаемые запасы нефти в КНР составляют на материке 4,5 млрд., а на дне моря от 6 до 9 млрд. т, то есть в сумме 10,5—13,5 млрд. т⁵. Таким образом, его оценка извлекаемых запасов нефти более чем в 10 раз превышает соответствующие оценки А. А. Мейерхофа (700—800 млн. т).

В последние годы при оценке нефтяных ресурсов Китая все чаще начинают учитывать не только природную нефть, но и искусственное жидкое топливо, которое можно получить из битуминозных сланцев. Американский журнал «Ю. С. Чайна бизнес ревью» оценивает запасы битуминозных сланцев в Китае в 350 млрд. т, из которых при среднем содержании смолы 6% можно извлечь 20 млрд. т искусственного жидкого топлива. С учетом природной нефти журнал определяет общие запасы нефти на материковом Китае в 25—30 млрд. т. Кроме того, запасы нефти на континентальном шельфе Китая оцениваются в 20 млрд. т⁶.

Как и в других странах, уровень производства нефти в Китае повышался по мере ввода в эксплуатацию новых нефтяных месторождений. В 50-х гг. в дополнение к нефтяным месторождениям в Цзюцюаньском (Юймынь) и Северошэньсийском (Яньчан) бассейнах стали разрабатываться месторождения в Джунгарском (Душаньцзы и Карамай), Цайдамском (Лэнху), Сычуаньском (Лунъюйсы, Наньчун, Пэнлай) бассейнах. Однако быстрый рост добычи нефти в Китае оказался возможен лишь после начала эксплуатации нефтяных месторождений в бассейне Сунляо, где с 1960 г. стали вводиться в строй нефтепромыслы Дацина.

С середины 60-х гг. началось промышленное освоение Северо-Китайского нефтяного бассейна. В 1964 г. здесь вступили в эксплуатацию нефтепромыслы Шэнли, а в 1967 г. — Дагана. В настоящее время на долю нефтепромыслов Дацина, Шэнли и Дагана приходится 73% обще-китайской добычи нефти⁷.

В последние годы китайская печать не сообщала о вводе в эксплуатацию новых нефтепромыслов, равных по значению нефтепромыслам Дацина, Шэнли и Дагана. Однако в регулярно публикуемых статьях, предназначенных скорее для внешнего мира, чем для целей внутренней пропаганды, китайская печать продолжает убеждать своих читателей в том, что во многих районах страны «проведена разведка нефтяных ресурсов, обнаружены новые нефтяные и газовые месторождения и созданы новые нефтепромысловые базы».

Следует отметить, что китайская печать выработала определенный трафарет в описании новых нефтепромыслов: вначале публикуется со-

³ A. A. Meyerhoff. Developments in Mainland China. — "The American Association of Petroleum Geologists Bulletin", Vol. 54, 1970, № 8, p. 1567—1580.

⁴ B. A. Williams. The Chinese petroleum industry: growth and prospects. — China: a reassessment of the economy. Wash., 1975, p. 225—263.

⁵ «Адзиа куотари», 1975, т. 7, № 1.

⁶ "U. S. China Business Review", 1974, № 1.

⁷ «Адзиа куотари», 1975, т. 7, № 1.

общение о создании где-то «новой нефтепромышленной базы», которая будто бы обладает огромными запасами нефти; спустя некоторое время раскрывается наименование нового нефтепромысла, которое часто является условным и не позволяет определить географическое месторасположение нефтепромысла; наконец, через несколько лет с начала промышленной эксплуатации нового нефтепромысла сообщаются некоторые сведения о его месторасположении, темпах роста добычи нефти и т. п. Так было, в частности, с публикацией сведений о нефтепромыслах Дацина, Шэнли и Дагана.

После открытия каждого нового нефтяного месторождения китайская пропаганда стремится создать впечатление, будто оно намного крупнее ранее эксплуатировавшихся месторождений. Так, например, на Гуанчжоуской ярмарке осенью 1975 г. китайские официальные лица старались убедить иностранных посетителей ярмарки в том, что новое нефтяное месторождение в уезде Наньхай (провинция Гуандун) по своим запасам больше известного Дацинского месторождения в Северо-Восточном Китае, которое до последнего времени считалось крупнейшим в Китае⁸.

Подобные приемы китайской пропаганды служат определенной цели — дезинформации зарубежных наблюдателей относительно состояния и возможностей развития нефтяной промышленности Китая. Некоторые органы печати зарубежных стран вольно или невольно «ключут на эту удочку» и раздувают версию о будто бы огромных запасах нефти в Китае, превышающих даже запасы Ближнего и Среднего Востока⁹.

Толчком к подобным рассуждениям послужило, например, китайское сообщение о вводе в строй нефтепромыслов Дагана, расположенных на побережье и в акватории Бохайского залива. Со ссылкой на американских геологов печать капиталистических стран стала активно распространять миф о том, что Восточно-Китайская впадина представляет собой «самую богатую в мире» нефтяную провинцию и что в ее недрах имеются гигантские запасы нефти, исчисляемые многими «сотнями миллиардов тонн», при этом особо подчеркивались весьма крупные запасы нефти на дне Бохайского залива.

Подобные утверждения печати капиталистических стран (особенно Японии) о якобы огромных запасах нефти в Восточно-Китайской впадине, продиктованные определенными политическими соображениями, противоречат результатам геологических исследований. В связи с этим представляют интерес высказывания специалистов по данному вопросу. Так, доктор геолого-минералогических наук, лауреат Ленинской премии Ф. Салманов писал: «На основании имеющихся геологических материалов специалисты смогли подсчитать возможные запасы нефти в пределах впадины (Восточно-Китайской. — В. П.). Они оценили эти запасы в 1—1,5 млрд. т. По общим геологическим представлениям, перспективными на нефть и газ здесь могут быть лишь отдельные литолого-стратиграфические комплексы. Любопытно, что более перспективна как раз южная часть впадины — об этом говорит характер ее осадконакопления и мощности пород. Что же касается района Бохайского залива, вокруг которого нагнетают сенсацию, то он-то как раз наименее перспективен, поскольку здесь комплекс осадочных отложе-

⁸ "Far Eastern Economic Review", 7. XI. 1975.

⁹ По состоянию на 1973 г. доказанные запасы нефти (вместе с конденсатом) на Ближнем и Среднем Востоке равнялись 48,5 млрд. т. См. Ресурсы нефти и газа капиталистических и развивающихся стран. Л., 1974, стр. 19.

ний представлен в основном континентальными породами, где вскрытия нефтесодержащих пластов маловероятны. Об этом со всей определенностью свидетельствует наука»¹⁰.

Тенденциозность оценок зарубежной печати относительно запасов нефти на побережье и в акватории Бохайского залива подтверждается тем, что, несмотря на огромные усилия, которые прилагало китайское руководство в освоении нефтепромыслов Дагана¹¹, абсолютные объемы нефтедобычи здесь весьма незначительны даже по масштабам Китая. По расчетам, за 8 лет (1967—1974) на нефтепромыслах Дагана было добыто в целом около 8,6 млн. т нефти¹², а в 1975 г. объем нефтедобычи составил около 4 млн. т.

Весьма низкие приросты добычи нефти на побережье и в акватории Бохайского залива, видимо, рассеяли иллюзии пекинских лидеров о возможности обнаружения «огромных запасов нефти» в этом районе. Китайская печать, постоянно подчеркивая трудности его освоения, призывает нефтяников, «руководствуясь философскими идеями Мао, продолжать поиски месторождений нефти и газа»¹³. Следует отметить, что в начале 1970 г., как сообщило агентство Синьхуа 28 мая 1974 г., половина специалистов-нефтяников и большая часть нефтебурового оборудования нефтепромыслов Дагана были переброшены в другие нефтедобывающие районы Китая.

В 1975 г. добыча нефти на нефтепромыслах Дагана возросла на 16%, а на нефтепромыслах Шэнли, расположенных южнее нефтепромыслов Дагана, — на 34% по сравнению с 1974 г.¹⁴. Это лишний раз подтверждает правильность вывода советского геолога Ф. Салманова о большей перспективности южной части Восточно-Китайской впадины.

Преувеличенные оценки китайских запасов нефти, пригодных для промышленной эксплуатации, порождают также завышенные оценки абсолютных объемов производства нефти в Китае, причем зарубежные специалисты часто определяют современный уровень нефтедобычи в Китае, исходя преимущественно из политических и конъюнктурных соображений. Китай уже более 15 лет не публикует официальных абсолютных данных о производстве нефти в стране. Время от времени китайская печать сообщает лишь относительные данные о приросте добычи нефти по сравнению с предшествующим или каким-либо иным годом, для которого также неизвестен абсолютный объем производства нефти.

В начале 70-х гг. базой для оценки роста производства нефти в Китае служила цифра в 20 млн. т, соответствующая объему добычи нефти в стране в 1970 г. По сообщениям зарубежной печати, эта цифра была названа Чжоу Энь-лаем в интервью с Э. Сноу¹⁵. В дальнейшем с учетом прироста добычи нефти в 1971 г. на 28%¹⁶ и в 1972 г. на 16% (по сообщению агентства Синьхуа от 26 декабря 1972 г.) абсолютные

¹⁰ «Социалистическая индустрия», 1. VIII. 1974.

¹¹ В 1964 г. на нефтепромыслы Дагана прибыло свыше 10 тыс. нефтяников с нефтепромыслов Дацина, а также нефтяники с нефтепромыслов Синьцзяна, Цинхая и Ганьсу («Жэньминь жибао», 16. V. 1974).

¹² Расчет произведен на основе данных о том, что добыча нефти на нефтепромыслах Дагана «за последние 8 лет была в 3,1 раза больше добычи нефти во всем Китае за 42 года, с 1907 г. по 1949 г.» («China Reconstructs», 1974, № 10), и что за период 1907—1949 гг. в Китае было добыто 2,78 млн. т нефти («Жаньляо сюэбао», 1959, № 4).

¹³ «Хуцзи», 1974, № 8.

¹⁴ «Гуанмин жибао», 31. XII. 1975.

¹⁵ «New Republic», 27. III. 1971.

¹⁶ «Жэньминь жибао», 7. I. 1972.

объемы производства нефти были оценены соответственно в 25 и 29 млн. т.

Китайская печать не публиковала данных о процентном увеличении добычи нефти в 1973 г. В начале 1974 г. Чжоу Энь-лай в интервью с бывшим японским министром иностранных дел М. Охира заявил, что в 1973 г. добыча нефти в Китае составила 50 млн. т¹⁷. Однако эта цифра представляется значительно завышенной по следующим причинам:

Во-первых, она находится в явном противоречии с заявлением Чжоу Энь-лая о производстве 20 млн. т нефти в 1970 г. и официальными данными китайской печати о динамике роста добычи нефти в 1970—1972 гг. Исходя из объемов производства нефти в 1970 г. (20 млн. т) и в 1973 г. (50 млн. т) и темпов развития нефтяной промышленности в 1971 и 1972 гг. соответственно 28 и 16% добыча нефти в 1973 г. должна была бы увеличиться более чем на 20 млн. т, или на 67% (см. табл.). Такой рост добычи нефти в 1973 г. представляется маловероятным, если учесть, что в предшествующем 1972 г. он равнялся 16%, а в 1974 и 1975 гг. — по 20%. Вряд ли китайская пропаганда упустила бы такой удобный случай сообщить о трех-четырёхкратном увеличении темпов добычи нефти в 1973 г.

Во-вторых, по свидетельству китайской печати, «за 8 месяцев 1973 г. среднесуточная добыча нефти более чем на 20% превышала среднесуточную добычу за 12 месяцев 1972 г.»¹⁸. Из этого следует, что прирост добычи нефти в 1973 г. мог составить лишь 20—22%, но отнюдь не 67%.

В-третьих, по сообщению газеты «Жэньминь жибао» от 1 января 1974 г., добыча нефти на главных нефтепромыслах Китая — Дацинских — в 1973 г. увеличилась по сравнению с 1972 г. всего на 10%. Если принять во внимание, что нефтепромыслы Дацина дают около 40% общей добычи нефти в Китае, то прирост производства нефти на этих нефтепромыслах в 1973 г. должен был составить не более 1,5—2 млн. т. Следовательно, чтобы за 1973 г. обеспечить прирост добычи нефти во всем Китае более чем на 20 млн. т, необходимо было бы увеличить производство нефти на других китайских нефтепромыслах почти на 18 млн. т, или в 2 раза, что также представляется весьма маловероятным.

В-четвертых, сообщенная Чжоу Энь-лаем цифра о добыче в 1973 г. 50 млн. т нефти не соответствует балансу производства и потребления нефти в КНР за этот год. Нефтеперерабатывающие мощности, которыми располагала КНР в 1972 г., позволяли при максимальной загрузке перерабатывать лишь 29 млн. т нефти¹⁹. Принимая во внимание экспорт в 1973 г. 1 млн. т нефти в Японию, а также экспорт незначительного количества нефти в КНДР, ДРВ и некоторые другие страны, китайская промышленность за один год должна была бы увеличить свои мощности по переработке нефти на 15—18 млн. т, что весьма сомнительно, особенно учитывая хроническое отставание нефтепереработки от нефтедобычи в КНР. Если даже допустить некоторый рост нефтеперерабатывающих мощностей в 1973 г., то при добыче в этом году 50 млн. т нефти в балансе производства и потребления нефти образовался бы огромный излишек неиспользованной нефти в 10—15 млн. т.

¹⁷ «Киодо Цусин», 5. I. 1974. В некоторых органах капиталистической печати упоминалась даже цифра в 60 млн. т («Daily Telegraph», 29. VII. 1974).

¹⁸ «Жэньминь жибао», 14. IX. 1973.

¹⁹ «U. S. — China Business Review», 1975, № 1.

Из вышеизложенного следует, что сообщение о добыче Китаем 50 млн. т нефти в 1973 г. никак не согласуется с действительным состоянием китайской нефтяной промышленности. Исходя из среднегодовых темпов роста в 20—22%, добыча нефти в Китае должна была составить 38 млн. т в 1973 г., 45 млн. т — в 1974 г. и 56 млн. т — в 1975 г.

В зарубежной печати были предприняты попытки как-то объяснить явное несоответствие между двумя сообщенными Чжоу Энь-лаем цифрами о добыче нефти в Китае в 1970 и 1973 гг. Так, японский экономист Ёсио Коидэ пытался доказать, что Чжоу Энь-лай в интервью с Э. Сноу, называя цифру в 20 млн. т, имел в виду производство не нефти, а нефтепродуктов. Исходя из этой посылки и принимая коэф-

Таблица 1

Различные оценки производства нефти в КНР в 70-х гг. (в млн. т)

Год	КНР ¹	СССР ²	США ³	США ⁴	США ⁵	США ⁶	Япония ⁷	Япония ⁸
1970	20	20	20	28,5	28,5	20,0	28,65	26,4
1971	25,6	25	26	36,7	36,7	25,6 ÷ 31,5	36,45	36,45
1972	29,7	29	31	43	43,0	29,7 ÷ 36,7	43,30	42,30
1973	50	38	40	53	54,5	43,8 ÷ 50,0	54,70	50,00
1974	60	45			65,3		65,70	
1975	72	56						

Источники:

¹ Данные о производстве нефти в 1970 и 1973 гг. — из интервью Чжоу Энь-лая с Э. Сноу и М. Охира, в другие годы — подсчитаны по официальным данным о приросте добычи нефти в 1971 г. на 28%, в 1972 г. — на 16, в 1974 г. — на 20 и в 1975 г. — на 20%.

² Китайская Народная Республика (политическое и экономическое развитие). М. 1975, стр. 134; «Проблемы Дальнего Востока», 1975, № 1; 1976, № 1.

³ «U. S. — China Business Review», 1974, № 1.

⁴ Там же, № 2

⁵ Там же, 1975, № 3; «China: a reassessment of the economy». Wash., 1975, p. 228.

⁶ H. C. Ling. The Petroleum Industry of the People's Republic of China. Stanford, 1975, p. 15.

⁷ «Адзиа куотари», 1975, т. 7, № 1.

⁸ Yoshio Koide. China's crude oil production. — «Pacific community», 1974, april, p. 463-470.

фициент выхода нефтепродуктов из нефти равным 75%, Ёсио Коидэ подсчитал, что в 1970 г. в Китае было добыто 26,65 млн. т нефти. Затем на основе китайских данных о процентном приросте добычи нефти в 1971 и 1972 гг. он пришел к выводу, что добыча нефти после 1973 г. составила 50 млн. т²⁰.

Приписываемое Чжоу Энь-лаю сообщение о производстве 50 млн. т нефти в 1973 г., которое было сделано в разгар «энергетического» кризиса в мире, все-таки оказало определенное влияние на некоторые зарубежные органы печати, которые изменили свои оценки в сторону их увеличения. Например, журнал «Ю. С. — Чайна бизнес ревью» свою

²⁰ «Pacific community», 1974, april.

оценку о добыче нефти в Китае в 1973 г. повысил с 40 до 54,5 млн. т (см. табл.).

Завышенные оценки современного уровня добычи нефти в КНР, которые часто можно встретить в зарубежной печати, порождают в свою очередь слишком преувеличенные и малореальные прогнозы развития китайской нефтяной промышленности до 1980 г. и в более далекой перспективе. Так, американский журнал «Ньюсуик» писал, что «при эксплуатации свыше 60 месторождений Китай, как полагают, добьется производства 200 млн. т нефти к 1980 г., а к 1988 г. будет давать столько же нефти, сколько добывает ее сейчас Саудовская Аравия, то есть более 400 млн. т в год»²¹.

Однако подобные прогнозы, которые явно служат политическим целям, не учитывают финансовых и материально-технических возможностей Китая по развитию своей нефтяной промышленности. Чтобы к 1980 г. достигнуть уровня добычи нефти в 200 млн. т, превышающего современный уровень добычи почти в 4 раза, КНР пришлось бы вложить в свою нефтяную промышленность в 3—4 раза больше средств, чем это было сделано за все предшествующие 25 лет существования КНР. В условиях, когда китайское руководство расходует огромные средства на форсирование своей ракетно-ядерной программы, КНР вряд ли сможет обеспечить такие крупные капиталовложения, не прибегая при этом к иностранным займам. Отмечая слабые финансовые и технические возможности КНР в области освоения новых месторождений нефти, особенно на континентальном шельфе, газета «Нью-Йорк пост» писала: «Сознание того, что нефть существует — это одно дело, извлечь ее из недр — другой вопрос!»²²

С учетом достигнутого прироста добычи нефти в 1975 г., равного 11 млн. т, и снижения темпов развития нефтяной промышленности в 1975 г. почти в 1,5 раза по сравнению с 1971 г. и в 2 раза по сравнению с 1970 г. можно предположить, что в период 1976—1980 гг. среднегодовые приросты добычи нефти в Китае могут составить 12—13 млн. т²³. Это, вероятно, позволит Китаю достигнуть в 1980 г. уровня добычи нефти в 115—120 млн. т.

Довольно значительный рост добычи нефти в Китае, который имел место в последние годы в условиях хронического отставания нефтепереработки от нефтедобычи, обусловил образование у Китая экспортных нефтяных ресурсов, которые он стремится использовать для достижения как экономических, так и определенных внешнеполитических целей.

Китай серьезно заявил о себе как о стране — экспортере нефти лишь в 1973 г., когда Японии был продан 1 млн. т китайской нефти. С учетом поставок нефти в другие страны общий объем экспорта нефти в 1973 г. составил около 2 млн. т.

В 1974 г. Китай экспортировал уже 6,125 млн. т нефти, в том числе в Японию — 4 млн. т, КНДР — 1, ДРВ — 0,5, Гонконг — 0,3, Филиппины — 0,2 и Таиланд — 0,125 млн. т²⁴. Примечательно, что в связи с уменьшением спроса на нефть, вызванным экономическим спадом, а

²¹ «Newsweek», 27. X. 1975. В некоторых органах зарубежной печати можно даже встретить утверждения о способности Китая произвести в 1980 г. 400—500 млн. т нефти.

²² «New York Post», 5. XI. 1975.

²³ Подобное предположение подтверждается официальными китайскими данными о небольших объемах вновь вводимых производственных мощностей по добыче нефти. Так, в I квартале 1976 г. было введено новых мощностей по добыче лишь 2 млн. т нефти в год. — «Жэньминь жибао», 27. IV. 1976.

²⁴ «China Trade Report», 1974, № 12.

также завышением Китаем цен на нефть Япония уклонилась от закупки всей предложенной Китаем нефти (4,9 млн. т). Поставки 0,9 млн. т были перенесены на 1975 г.²⁵ Хотя Китай в 1974 г. и выручил 410 млн. долл. от продажи нефти Японии, то есть в 12 раз больше, чем в 1973 г., однако его пассивное сальдо в торговле с Японией в том же году составило 680 млн. долл.²⁶

Если экспорт нефти в Японию был необходим Китаю для оплаты всевозрастающего импорта товаров из Японии, особенно стали, минеральных удобрений и технологического оборудования, то заключенные Китаем контракты о поставках нефти по заниженным ценам Филиппинам и Таиланду были продиктованы главным образом политическими целями. Характеризуя цели китайской «нефтяной дипломатии», журнал «Ньюсуик» писал: «Пекин усматривает в экспорте нефти нечто большее, чем просто экономическую операцию. В ходе бесшумной кампании «нефтяной дипломатии» китайцы уже имели возможность продать определенное количество сырой нефти в попытке сохранить свое влияние в этом районе. Продажа нефти по предпочтительным ценам привела в движение механизма дипломатических механизмов в отношении с Филиппинами и Таиландом. Согласно сделке с филиппинской национальной нефтяной компанией Пекин сейчас удовлетворяет примерно 7% потребностей Манилы в нефти по цене со скидкой. И хотя в Таиланде жалуются, что китайская нефть не слишком хорошо поддается переработке на их предприятиях, первоначальное предложение Китая о продаже нефти Таиланду на выгодных условиях помогло расчистить путь к восстановлению дипломатических отношений между двумя странами»²⁷.

В 1975 г. Японский совет по импорту китайской нефти и японская компания «Интернэшнл ойл трейдинг» подписали с Китаем контракты на поставку в Японию соответственно 2,1²⁸ и 5,7 млн. т нефти, то есть всего 7,8 млн. т, на общую сумму около 800 млн. долл. Кроме того, Китай в этом же году обязался поставить 750 тыс. т нефти Филиппинам, а также 251,2 тыс. т дизельного топлива и 312,1 тыс. т нефти Таиланду (в обмен на 200 тыс. т риса)²⁹. Некоторое количество нефти было экспортировано также в КНДР, ДРВ и другие страны. В целом в 1975 г. объем экспорта китайской нефти, по-видимому, составил около 10 млн. т.

Несмотря на то что поставки китайской нефти в Японию увеличились в 1975 г. почти в 2 раза по сравнению с предшествующим годом, они не смогли предотвратить образование огромного пассивного сальдо Китая в его торговле с Японией, которое составило 730 млн. долл.³⁰ Чтобы расширить экспорт нефти в Японию и сбалансировать японо-китайскую торговлю, Китай активно стремится к заключению с японским правительством долгосрочного соглашения о нефти, преследуя при этом и политическую цель — воспрепятствовать экономическому

²⁵ В первом полугодии 1974 г. спрос на нефть, 70% которой в Японии идет на промышленные нужды, уменьшился на 2,6% по сравнению с тем же периодом предшествующего года, а во втором полугодии — на 10% по сравнению с последними 6 месяцами 1973 г. — «Социалистическая индустрия», 27. III. 1975.

²⁶ «Daily Yomiury», 28. II. 1975.

²⁷ «Newsweek», 27. X. 1975.

²⁸ В 1975 г. Японский совет по импорту китайской нефти фактически импортировал 2,4 млн. т.

²⁹ Из КНР в Таиланд пока поставляется лишь дизельное топливо, поскольку ни один из нефтеперерабатывающих заводов Таиланда не может перерабатывать китайскую нефть ввиду высокого содержания в ней парафина и серы.

³⁰ «Токно симбуи», 16. V. 1976.

и научно-техническому сотрудничеству между СССР и Японией. «Китайцы, — писала газета «Нью-Йорк пост», — редко делают что-либо без политических мотивов, и именно по этой причине им хотелось бы заключить долгосрочный контракт с Токио, чтобы побудить Японию отказаться от сибирских планов»³¹.

Однако попытки Китая заключить долгосрочное соглашение по нефти с Японией наталкиваются на явную сдержанность со стороны японских нефтепромышленников. Одной из причин такой сдержанности является вопрос цен на нефть, которые Китай повысил с 3,73 долл. в 1973 г. до 12,8 долл. в 1974 г. за один баррель нефти*. И хотя под нажимом японских фирм эти цены в начале 1975 г. были снижены до 12,1 долл. за баррель, они все же оставались выше цен на ближневосточную нефть. Японские нефтепромышленники открыто высказывают свое недовольство тем, что Китай, экспортируя нефть в Японию по высоким ценам, одновременно продает ее по «дружественным ценам» тем странам, которые он стремится втянуть в орбиту своей дипломатии. В данном случае маоисты используют тот факт, что Китай не является членом Организации стран-экспортеров нефти (ОПЕК) и может при необходимости устанавливать явно заниженные «дружественные цены» на нефть. «Хотя китайцы в теории поддерживают страны ОПЕК, — писала газета «Нью-Йорк пост», — они предпочитают восхищаться ими издали и противятся всяким соглашениям о ценах. Этим способом они извлекают выгоды из высоких цен ОПЕК, не связывая себя никакими обязательствами»³².

Японские нефтепромышленники не склонны резко увеличивать импорт китайской нефти также по той причине, что Китай поставляет в Японию нефть главным образом с нефтепромыслов Дацина, которая имеет высокое содержание парафина и тяжелых фракций. Такая нефть трудно поддается переработке на японских нефтеперерабатывающих заводах, технологическое оборудование которых рассчитано на переработку более легкой индонезийской и ближневосточной нефти. Переработка японских заводов на использование китайской нефти и качестве основного сырья потребовало бы крупных капиталовложений, поэтому в настоящее время импортируемая из Китая нефть используется в непереработанном виде в качестве топлива на промышленных предприятиях, и прежде всего на тепловых электростанциях. Что же касается преимуществ дацинской нефти в отношении низкого содержания серы, то нефтеперерабатывающие фирмы Японии не могут из этого извлечь какой-либо выгоды, поскольку на их заводах уже установлено оборудование для очистки индонезийской и ближневосточной нефти от серы.

Серьезной причиной, обуславливающей нежелание японских нефтепромышленников связывать себе руки долгосрочным нефтяным соглашением с Китаем, является их неуверенность в перспективах развития японской промышленности и выхода ее из экономического кризиса, в который она была ввергнута в последние годы, а также вполне обоснованные опасения поставить Японию в слишком большую зависимость от поставок китайской нефти³³.

³¹ "New York Post", 3. XI. 1975.

* Баррель равен 159 литрам.

³² "New York Post", 3. XI. 1975.

³³ В связи с продолжающимся экономическим спадом и вызванным им сокращением спроса на нефтепродукты импорт нефти Японией в 1975 г. уменьшился на 6,4% по сравнению с предшествующим годом и составил 262,6 млн. т. — «Социалистическая индустрия», 15. IV. 1976.

При проведении переговоров с Китаем по вопросу заключения долгосрочного нефтяного соглашения японское правительство не могло не учитывать эти возражения японских нефтепромышленников. Как писала японская газета «Нихон кэйдзай» от 9 января 1976 г., «связанные с импортом китайской нефти круги высказывают сомнение о возможности Японии импортировать 10 млн. т нефти в год. В связи с этим Японский совет по импорту китайской нефти требует от правительства осторожного подхода к заключению этого соглашения».

Прогнозы о возможности увеличения к 1980 г. импорта китайской нефти до 30 и даже до 50 млн. т, которые высказывались в японской печати еще в начале 1975 г., оказались безосновательными. В январе 1976 г. японское правительство совместно с нефтепромышленниками приняло план, согласно которому импорт китайской нефти в 1980 г. достигнет лишь 20 млн. т³⁴.

О довольно скромных перспективах развития китайско-японской торговли нефтью в период до 1980 г. свидетельствует тот факт, что Япония в 1976 г. не намерена увеличивать импорт нефти из Китая. Более того, как сообщала газета «Нихон кэйдзай», японская нефтяная компания «Интернэшнл ойл трейдинг» и Японский совет по импорту китайской нефти заключили с КНР контракты на импорт соответственно 4 и 2,1 млн. т китайской нефти, то есть всего 6,1 млн. т, что на 27% меньше по сравнению с 1975 г.³⁵ Учитывая, что в 1975 г. на долю нефти приходилось 48,3% всей стоимости китайского экспорта в Японию, японская печать высказывает опасения, что подобное значительное сокращение импорта нефти в Японию вызовет определенные проблемы в расширении японо-китайской торговли.

Китайское руководство, видимо, обеспокоенное плохими перспективами в отношении увеличения экспорта своей нефти в Японию, пытается найти новые рынки сбыта нефти главным образом в США, Австралии и европейских странах. По сообщению японской газеты «Майнити», Китай ведет переговоры с американскими нефтяными компаниями о поставке нефти в США. Газета писала, что в 1975 г. Китай посетили руководители ряда международных нефтяных монополий («Экссон», «Галф» и «Калтекс») ³⁶. Возможно, что переговоры Китая с американскими нефтяными монополиями идут дальше простой сделки на продажу нефти, а касаются также их кооперации в области разведки и добычи нефти на континентальном шельфе Желтого, Восточно-Китайского и Южно-Китайского морей, чего давно домогаются американские монополии.

Китай уже несколько лет ведет активные изыскательские работы на континентальном шельфе, используя главным образом импортное оборудование.

Кроме того, предпринимаются усилия по строительству морских буровых установок в самом Китае. На судовой верфи в г. Далянь была построена первая в Китае стационарная морская буровая установка «Бохай-1», а на Шанхайской судовой верфи «Худун» — морское геолого-разведочное судно «Кантань-1» катамаранного типа, стабилизируемое по сигналам с искусственных спутников Земли.

Оборудование для поиска и добычи нефти на море, которым располагает теперь Китай, может быть использовано на глубинах в несколько сот метров, что свидетельствует о стремлении Китая прово-

³⁴ «Майнити», 4. I. 1976.

³⁵ «Нихон кэйдзай», 8. I. 1976.

³⁶ «Майнити», 26. XII. 1975.

дить поиск и добычу во все более широких зонах, охватывающих весь континентальный шельф, а не только дно мелководного Бохайского залива.

Проблема освоения нефтяных ресурсов континентального шельфа Желтого, Восточно-Китайского и Южно-Китайского морей вызвала целый клубок острых противоречий, в который были втянуты не только Китай, Япония, Южная Корея и другие страны этого региона, но также и Соединенные Штаты, поскольку в морских поисковых работах принимают участие американские фирмы «Континентал ойл», «Америкэн ойл» и «Галф ойл», заключившие контракты с Южной Кореей и некоторыми другими странами.

В своих отношениях со странами, заинтересованными в нефтяных ресурсах этих морей, Китай активно проводит политику «кнута и пряника». С одной стороны, Китай высказывает Японии и Южной Корее, заключившим в январе 1974 г. соглашение о совместной разведке и разработке подводных месторождений в Восточно-Китайском море, свои «серьезные предупреждения» о том, что эти страны «должны нести полную ответственность за все вытекающие последствия». Одновременно Китай заявляет также о своих притязаниях на «200 с лишним островов, рифов и отмелей», входящих в основные островные группы Южно-Китайского моря, называя их «территорией Китая». Не ограничиваясь словесными притязаниями на острова обширного бассейна Южно-Китайского моря, Китай прибегает к прямому насилию, как это было в случае вооруженного захвата Парасельских островов в январе 1974 г.

С другой стороны, используя поставки своей нефти в качестве «политического пряника», Китай стремится убедить страны этого региона в том, будто он в состоянии полностью обеспечить их потребности в нефти и нефтепродуктах, а поэтому им вроде и не следует расширять свои дорогостоящие работы по поиску и добыче нефти на континентальном шельфе. «Китай, — писала газета «Вашингтон пост», — использует теперешний и потенциальный экспорт нефти для того, чтобы откупиться от других претендентов на спорные месторождения на континентальном шельфе, в том числе от Северной Кореи, Северного Вьетнама и — это особенно важно — Японии»³⁷.

* * *

В последние годы Китай добился определенных успехов в развитии своей нефтяной промышленности, которая начинает играть все большую роль в китайской экономике. Нефть становится не только значительным фактором экономического развития Китая и роста его военного потенциала, но также и важным инструментом «нефтяной дипломатии», сферу действия которой китайское руководство старается всемерно расширить. Важнейшее стратегическое и экономическое значение нефти является дополнительным фактором, побуждающим китайское руководство к еще большим территориальным притязаниям. По мере активизации китайской «нефтяной дипломатии» неизбежно будут обостряться противоречия Китая с другими странами, и прежде всего с Японией и странами Юго-Восточной Азии.

³⁷ «Washington Post», 9. IX. 1975.

Пограничная политика Китая и принцип сохранения «статус-кво»

*Е. Д. Степанов,
кандидат исторических наук*

На протяжении последних 20 лет на различных участках сухопутных и морских границ Китая то и дело возникали конфликтные ситуации и вооруженные инциденты.

Хотя маоисты и утверждают, что они «последовательно выступают за разрешение вопроса о границе через дипломатические каналы», пекинская дипломатия не идет в этом вопросе по пути, отвечающему требованиям общепринятых норм международного права. Напряженность на границе или вооруженные конфликты не только стали важным элементом пограничной политики нынешнего пекинского руководства, но в большинстве случаев предшествует официальному выдвижению Пекином территориальных претензий к соседним странам и обсуждению пограничных вопросов «через дипломатические каналы». Достаточно напомнить, что дипломатическому обсуждению вопросов, связанных с прохождением границ Китая с Бирмой, Индией, Непалом и Советским Союзом, предшествовали серьезные вооруженные конфликты на границе.

Анализ обстановки, в которой происходили вооруженные столкновения на различных участках границы Китая, позволяет отметить наличие ряда общих моментов, в определенной степени характеризующих пограничную политику Пекина в целом.

Во-первых, конфликты произошли в районах или на границе районов, которые являлись до этого объектом «картографической агрессии» Китая. На основании этого маоисты пытаются придать им характер «спорных районов»¹.

Во-вторых, все пограничные конфликты были организованы по единой тактической схеме: в бирманском княжестве Ва и возле Лонгцзю и Мустанга, на перевале Конгка, на островах Уссури и Южно-Китайского моря, в степях Казахстана — всюду китайские солдаты нападали на пограничников сопредельной стороны вероломно, из засады. Этим, кстати, и объясняются большие потери противной стороны, что китайское правительство пыталось выдать за свидетельство того, что

¹ Китайская концепция «спорных районов» была открыто сформулирована в заявлении правительства КНР от 7 октября 1969 г. и в так называемом «Документе МИД КНР» от 8 октября 1969 г. По мнению китайской стороны, «спорными» должны считаться те пограничные районы, где «обозначение линии границ у обеих сторон не совпадает согласно картам» («Жэньминь жибао», 8 и 9. X. 1969).

Поскольку китайская сторона уже давно использует метод «картографической агрессии» (подробнее об этом см. Е. Д. Костиков. Политическая картография на службе великодержавного национализма. — «Проблемы Дальнего Востока», 1973, № 4), ясно, что чем дальше будут передвинуты на китайских картах изображения границ, тем большей будет территория «спорного района». Этой логике и следуют великоханьские политики (см. также: В. С. Ольгин. Экспансионизм в пограничной политике Пекина. — «Проблемы Дальнего Востока», 1975, № 1).

именно она-то и являлась стороной, нападающей в имевшем место конфликте².

Наконец, в значительной степени совпадают и последующие действия Пекина: китайские власти полностью отрицают свою ответственность за возникновение конфликта и утверждают, будто инцидент произошел на китайской территории и что китайская сторона применила оружие лишь как крайнюю меру самозащиты³; всю полноту ответственности они пытаются переложить на противную сторону. Одновременно Пекин ставит вопрос о «неустановленности» или «незаконности» существующей границы и «неравноправном» характере документов, ее определяющих, а посему и о якобы назревшей необходимости «полного и всестороннего решения» этого вопроса, «оставленного историей». В качестве первого шага к урегулированию и во избежание повторения вооруженных конфликтов китайской стороной выдвигается предложение об осуществлении временных мер по нормализации обстановки на границе, основу которых составляет соглашение о соблюдении статус-кво.

С внешней, чисто формальной стороны предложение о сохранении статус-кво на конфликтном участке границы выглядит вполне разумным, оно как будто бы направлено на то, чтобы не допустить повторения вооруженных столкновений на границе и создать благоприятные условия для скорейшего достижения соглашения, которое урегулировало бы возникший конфликт.

Маоисты рассчитывают на то, что общественное мнение в стране и за рубежом, как правило, имеет слабое представление о пограничных проблемах Китая, тем более о пограничной политике маоистского руководства, ее целях и задачах, тщательно скрывааемых за миролюбивой фразеологией. Дезинформация общественного мнения — это, безусловно, одна из задач, которую ставит перед собой маоистская дипломатия, выдвигая предложение о сохранении статус-кво на конфликтном участке границы.

Однако фактически за предложением сохранить статус-кво скрывается отнюдь не стремление к мирному решению возникшего спора, а попытка узаконить на длительный срок вероломное нарушение издавна и традиционно существовавшего положения (то есть действительного статус-кво), затруднить урегулирование возникшей проблемы.

Проанализируем, к примеру, положение, сложившееся на границах КНР с Бирмой и Индией после того, как они оказались втянутыми в обсуждение с Китаем погранично-территориальных проблем, положение, за сохранение которого настойчиво выступала китайская сторона.

Вопрос о китайско-бирманской границе обострился после того, как 20 ноября 1955 г. в княжестве Ва бирманская воинская часть, совершавшая учебный переход в 40 милях (64 км) от границы, была внезапно атакована из засады китайскими солдатами.

Как выяснилось при последующем расследовании, проведенном компетентными бирманскими органами, китайские солдаты находились

² «Жэньминь жибао», 27. X. 1959.

³ Во всех без исключения документах китайской стороны по поводу вооруженных столкновений на границе присутствует стереотипная фраза: «В обстановке, когда терпеть больше было невозможно, наши пограничники вынуждены были дать отпор в целях самозащиты» (см., например, заявление МИД КНР от 26 ноября 1959 г. по поводу инцидента у перевала Конгка. — «Жэньминь жибао», 27. X. 1959; ноты МИД КНР от 2 и 15 марта 1969 г. по поводу событий на Даманском. — «Жэньминь жибао», 3 и 16. III. 1969; нота МИД КНР от 13 августа 1969 г. относительно инцидента в районе Жаланашколя. — «Жэньминь жибао», 14. VIII. 1969; заявление МИД КНР от 20 января 1974 г. по поводу Парасельского конфликта. — «Жэньминь жибао», 21. I. 1974).

на бирманской территории с 1951 г. Они попали туда после отражения гоминьдановских банд, которые окопались в шанских районах Бирмы после народной революции в Китае, и совершали оттуда набеги на китайскую провинцию Юньань. Бирманское правительство в то время не было в состоянии самостоятельно ликвидировать вооруженные отряды гоминьдановцев, представлявших угрозу безопасности как Китая, так и самой Бирмы.

Пограничная линия на этом участке, как известно, была определена англо-китайским соглашением 1941 г., инициатором заключения которого в конечном итоге явился сам Китай. Однако уже вскоре после подписания его, в том же 1941 г., тогдашнее правительство Китая выразило свое несогласие с достигнутым соглашением и попыталось добиться его пересмотра. На китайских картах граница на этом участке по-прежнему обозначалась как «неустановленная» и проводилась так, как хотела этого китайская сторона⁴. Позднее Чжоу Энь-лай, откровенно фальсифицируя историческую действительность, говорил о том, что эта граница будто бы была «в одностороннем порядке навязана Китаю Англией»⁵.

Отбив рейды гоминьдановцев в Юньнань и разгромив их базы на бирманской территории вблизи китайско-бирманской границы, китайские войска остались там, по сути дела оккупировав ряд районов бирманской территории в присалуинском секторе границы. Таким образом, часть бирманской территории, на которую в течение длительного времени выдвигала претензии китайская сторона и которая на китайских картах изображалась принадлежащей Китаю, оказалась под контролем китайских войск.

Позиция, занятая китайской стороной в отношении этого конфликта, когда о нем заговорила печать, достаточно наглядно свидетельствует об особом подходе Пекина к договорным актам прошлого и прежде всего об откровенном нежелании соблюдать их⁶.

Единственным публичным ответом Пекина на сообщение рангунской газеты «Нейшн» о событиях 20 ноября 1955 г. в Ва⁷ и на заявление правительства Бирмы по этому поводу явилась редакционная статья в «Жэньминь жибао» от 4 августа 1956 г., но и она все же дает представление о принципиальных основах позиции Пекина.

Бросается в глаза, что статья «Жэньминь жибао» полностью обходит сам факт вооруженного столкновения, в котором активное участие принимали китайские солдаты. Акцентируя внимание читателя на том, что сообщение «Нейшн» — «попросту уловка» и что «подразделения китайской пограничной охраны остаются на своих прежних позициях», газета в то же время настойчиво пропагандировала тезис о том, что «в ожидании формальной демаркации обе стороны должны твердо со-

⁴ Атлас провинций КНР. Шанхай, 1951, карта № 47; Атлас провинций КНР. Шанхай, 1953, карта № 46.

⁵ Сборник документов внешней политики КНР. Вып. 4. Пекин, 1958, стр. 343 (на кит. яз.).

⁶ Ст. 55 Общей программы НПКС Китая поручила правительству КНР «изучить договоры и соглашения, заключенные правительством гоминьдана с иностранными правительствами, и в зависимости от их содержания признать, аннулировать, пересмотреть, или перезаключить их». — Сборник документов внешней политики КНР. Вып. 1. Пекин, 1957, стр. 1.

Однако международное право не считает правомерным отказ от договора об установлении границ на иной основе, чем по обоюдному согласию сторон. Более того, такие документы остаются в силе даже в случае возникновения войны между соседними странами.

⁷ "The Nation", 31. VII. 1956.

блюдать существующее здесь положение». Этот тезис и лег в основу китайской позиции в официальных переговорах об урегулировании конфликта.

Присутствие китайских войск на бирманской территории, что вынужден был позднее признать и Пекин, позволяет понять подоплеку тезиса китайской стороны о необходимости «соблюдения существующего положения до окончательного урегулирования вопроса». На китайско-бирманской границе создалось такое «существующее положение», которое обеспечивало Пекину контроль над территориями, на которые он претендовал. Причем этот контроль сохранялся бы до тех пор, пока Пекин не сочтет нужным или возможным приступить к урегулированию проблемы. Вместе с тем эффективный и длительный контроль над этими территориями предоставлял китайским властям возможность широких манипуляций для усиления своих позиций на будущих переговорах по погранично-территориальным вопросам с Бирмой.

Планам маоистских политиков не суждено было осуществиться в полном объеме. Пекин вынужден был отступить, оказавшись перед реальной угрозой безрезультатности переговоров об урегулировании, которые вел в Пекине У Ну, что, безусловно, отрицательно сказалось бы на международных позициях КНР. Маоисты вынуждены были фактически признать, что «прежние позиции» китайских войск находятся в глубине бирманской территории, и отвели их за ту линию, которую, несмотря на существование соответствующего международного договора — соглашения от 18 июня 1941 г., — они не хотели признавать в качестве границы⁸.

Вместе с тем Пекин все-таки добился своеобразного вычленения ряда районов бирманской территории, являющихся долгое время объектом притязаний Китая. Тем самым были заложены основы маоистской концепции «спорных районов». Согласно У Ну и бирманского правительства считать эти районы имеющими «спорный» характер давало, конечно, Пекину определенные аргументы в пользу его претензий, но фактический контроль над объектами претензий позволил бы ему использовать не только различные «аргументы» исторического плана или искусственно созданные им в период оккупации, но и временной фактор — возможность затягивать урегулирование до тех пор, пока партнер Китая во имя договорно определенной, то есть спокойной, бесконфликтной границы не проявит готовность пойти на территориальные уступки.

Именно эту цель преследовал Пекин, предлагая «сохранять существующее положение», и в китайско-индийском пограничном споре.

Напомним, что основным объектом территориального спора в районе гималайской границы явился обширный, но практически безлюдный район Аксай-Чин. Пекин оспаривал также законность прохождения восточного участка китайско-индийской границы — так называемую «линию Макмагона».

После того как на различных участках китайско-индийской границы произошло несколько вооруженных столкновений между пограничными патрулями обеих стран, китайское правительство выступило с предложением предпринять практические шаги, которые исключили бы возможность повторения подобных столкновений, а «в качестве временной меры сохранить издавна существующее положение»⁹. Поскольку

⁸ Сборник документов внешней политики КНР. Вып. 4, стр. 161—162.

⁹ «Жэньминь жибао», 27. X. 1959.

в ходе обмена посланиями между премьер-министрами КНР и Индии выяснилось, что стороны различно понимают самый характер этого «издавна существующего положения», неопределенно выраженное предложение китайской стороны было позднее уточнено. В письме Чжоу Энь-лая Дж. Неру от 7 ноября 1959 г. содержалось конкретное предложение взаимно отвести войска на 20 км от «линии фактического контроля». Впоследствии за основу определения момента статус-кво на китайско-индийской границе китайская сторона стала брать то положение, которое существовало на 7 ноября 1959 г.¹⁰

К этому времени китайская сторона установила уже достаточно эффективный военный контроль над всем или почти всем районом. Поэтому принятие указанного предложения Индией являлось бы юридическим основанием для осуществления Китаем контроля над этим районом вплоть до урегулирования проблемы в неопределенном будущем. Более того, индийская сторона должна была бы отвести свои пограничные патрули еще дальше от линии расположения их в то время, то есть в глубь территории, бесспорно находящейся под индийским контролем¹¹.

Пекин стремился обеспечить контроль над объектом своих притязаний, а также создать с помощью указанного предложения еще и своего рода «буферную зону» — демилитаризованный район вдоль «линии фактического контроля на 7 ноября 1959 г.», которая отождествлялась им с линией, отражавшей существующее положение к началу конфликта.

Однако индийское правительство не пошло на соглашение о «временных мерах» в том плане, как это было предложено КНР, хотя в принципе согласилось с необходимостью соблюдать статус-кво. В своем письме Чжоу Энь-лаю от 16 ноября 1959 г. Дж. Неру обратил внимание китайского премьера на то, что стороны не могут прийти к согласию относительно того, кто же осуществлял контроль, то есть, попросту говоря, кто владел районом Аксай-Чин. «Поэтому соглашение о соблюдении статус-кво не имело бы смысла, так как все еще имеется спор относительно самого факта статус-кво», — писал Дж. Неру¹².

Вместе с тем стремясь не допустить повторения вооруженных столкновений, индийское правительство сделало следующее предложение Пекину: «Правительство Индии отведет свой персонал к западу от международной границы, которая, как мы понимаем, обозначена на последних картах китайского правительства, изданных в 1956 г. Подобным же образом китайское правительство отведет свой персонал

¹⁰ К вопросу о китайско-индийской границе. Вып. 2. Пекин, 1969, стр. 2.

¹¹ В письме Чжоу Энь-лаю 16 ноября 1959 г. Дж. Неру указывал, что правительство Индии всегда осуществляло юрисдикцию над районом Аксай-Чин. «Характер этого владения, — писал Дж. Неру, — неизбежно отличается от обладания районом, в котором проживает население. Этот район — безлюдная горная местность, лежащая на высоте 14—20 тыс. футов над уровнем моря, а вершины гор и того выше. Вследствие этого, а также вследствие того, что мы никоим образом не ожидали агрессии, мы не считали необходимым создавать контрольные пункты непосредственно на линии международной границы... На определенном расстоянии от границы было создано несколько полицейских контрольных пунктов».

Относительно китайского предложения об отводе войск на 20 км от «линии фактического контроля» Дж. Неру в том же письме заявил, что «правительство Индии не размещало никакого армейского персонала на линии международной границы или поблизости от нее. На наших пограничных контрольных постах находилась лишь гражданская полиция, вооруженная легким стрелковым оружием». (India, External Affairs. Notes, Memoranda and Letters, Exchanged between the Governments of India and China. White Paper № III (далее: White Paper). New Delhi, 1960, p. 48—50).

¹² White Paper № III, p. 50.

к востоку от международной линии границы, которая была описана индийским правительством в предыдущих ноте и письме¹³ и обозначена на официальных картах. Поскольку эти две линии лежат друг от друга на очень далеком расстоянии, то не будет никакой опасности возникновения столкновений между войсками обеих сторон. Это почти ненаселенный район, и поэтому нет никакой необходимости сохранять административный персонал в этом районе, ограниченном двумя линиями на востоке и на западе»¹⁴.

Естественно, что такой вариант «временных мер» не устраивал китайскую сторону. Он не давал китайской стороне самого главного в этой ситуации — действительного контроля над этим районом, юридически обоснованного соглашением о сохранении существующего, точнее — возникшего положения.

Поэтому Пекин полностью отверг предложение Дж. Неру, сославшись на то, будто принятие его явится отступлением от принципа сохранения статус-кво.

Говоря в целом об этих двух казусах, где китайская дипломатия широко использовала предложение о сохранении «существующего положения», следует отметить некоторые моменты, характеризующие позицию маоистов.

Во-первых, выступая за сохранение «существующего положения», китайская сторона стремилась добиться сохранения этого положения, которое было ею же самой и создано. Во-вторых, как уже отмечалось, сохранение этого положения «узаконивало» китайский контроль на неопределенное время (до достижения окончательного урегулирования) над оккупированным китайскими войсками районом — объектом территориальных притязаний Пекина. Наконец, в-третьих, согласие сторон собирать «существующее» (вновь возникшее) положение подводило юридическую основу под сам факт изменения ранее существовавшего положения, что давало Пекину широкие возможности для последующего политического маневрирования.

Небезынтересно отметить, что этот дипломатический маневр Пекина встретил принципиально одинаковую реакцию правительств Бирмы и Индии. Соглашаясь, что сохранение статус-кво — это действительно путь, гарантирующий от возникновения новых вооруженных столкновений на границе, правительства этих стран выражали готовность соблюдать издавна и традиционно существовавшее положение, а не то, которое возникло в результате оккупации китайскими войсками соответствующих районов.

Позднее маоисты предприняли попытку вложить в этот термин совершенно иной смысл и использовать ту же самую формулу «сохранения статус-кво» не для договорного сохранения фактически существующего положения (хотя бы и ими самими созданного), а для того, чтобы попытаться создать новое «существующее положение», которое в большей степени отвечало бы целям и задачам их политики.

Именно к этому направлены те предложения, которые содержатся в документах правительства КНР относительно «вопроса» о советско-китайской границе.

Позиция китайского правительства относительно путей решения «вопроса» о советско-китайской границе изложена в ряде официальных документов, опубликованных в Пекине, в частности в «Документе

¹³ Имеется в виду письмо Дж. Неру Чжоу Эн-ляо от 26 сентября и нота МИД Индии от 4 ноября 1959 г. (см. White Paper № II, p. 19—20, 34—52).

¹⁴ White Paper № III, p. 50.

МИД КНР» от 8 октября 1969 г. Не анализируя эту позицию в целом, обратим внимание лишь на стремление Пекина связать сохранение существующего положения с выводом воинских подразделений из районов, — а подразумевается, что эти районы расположены лишь с советской стороны границы, — называемых им «спорными».

Прежде всего возникает вопрос, что же это за «спорные районы» на советско-китайской границе?

Сами маоисты, стремясь как-то объяснить появление «спорных районов», говорят о том, что советская сторона якобы «пытается захватить китайскую территорию», что «советские пограничные войска продвигают свою дозорную линию в глубь китайской территории, строят военные сооружения на территории Китая» и т. д.¹⁵ Результатом этого, согласно заявлению китайского правительства от 7 октября 1969 г., якобы и явилось образование на советско-китайской границе «многих спорных районов»¹⁶.

Но общие заявления, не подкрепленные конкретными фактами, как это имеет место в документах китайского правительства, остаются пустыми словами. В данном случае цель этой акции маоистов — любыми средствами подкрепить свой тезис о необходимости ревизии договорных документов о советско-китайской границе и дискредитировать политику Советского государства, обвинив его в «захвате» чужих территорий.

Однако неопровержимый исторический факт заключается в том, что советско-китайская (в историческом плане русско-китайская) граница юридически оформлена рядом договоров, подлинники которых, как это отмечено в Заявлении Советского правительства от 29 марта 1969 г., имеются в распоряжении и китайского правительства¹⁷. Поэтому Советское правительство со всей определенностью заявило, что «никакого территориального вопроса между Советским Союзом и Китаем в действительности не существует. Ни о каком нарушении советской стороной существующего положения на границе, ни о каких «захватах китайской территории» не было и не может быть и речи»¹⁸. Эта позиция нашей страны была вновь подтверждена в речи Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева на торжественном заседании по случаю 50-летия провозглашения Монгольской Народной Республики и III съезда МНРП в Улан-Баторе 26 ноября 1974 г. Л. И. Брежнев заявил: «Мы не претендуем ни на какие чужие территории, и в этом смысле для нас никаких «спорных районов» не существует»¹⁹.

Что же касается карт, на которых изображение советско-китайской границы «не совпадает», то в данном случае мы имеем дело со ставшим уже традиционным методом китайских политиков, получившим название «картографической агрессии», широко применявшимся в прошлом гоминьдановцами, а ныне взятым на вооружение маоистской дипломатией. Этот метод используется для неофициального выражения своего несогласия с тем или иным договорным актом, определяющим прохождение границ Китая, и для выдвижения определенных территориальных притязаний к соседним странам²⁰.

¹⁵ «Жэньминь жибао», 25. V. 1969.

¹⁶ Там же, 8. X. 1969.

¹⁷ «Правда», 30. III. 1969.

¹⁸ Там же, 14. VI. 1969.

¹⁹ Там же, 27. XI. 1974.

²⁰ Подробнее по этому вопросу см. Е. Д. Костиков. Политическая картография на службе великодержавного национализма. — «Проблемы Дальнего Востока», 1973, № 4.

Однако с точки зрения международного права изображение границ на карте не имеет решающего значения при возникновении каких-либо пограничных споров. Важно в конечном итоге не то, как изображается граница на картах, изданных в той или иной стране, — они не имеют юридической силы для другой страны, — а то, как соотносится фактически существующая граничная линия с линией границы, описание которой содержится в соответствующих договорных актах.

Что же касается этого вопроса, то, как это со всей ответственностью отмечалось в документах Советского правительства, советские пограничники вот уже более полувека охраняют одну и ту же линию советско-китайской границы²¹; эта линия совпадает с той, описание которой несут в себе документы о прохождении русско-китайской границы; именно эта линия границы изображается на советских картах. Яркое подтверждение тому можно видеть, в частности, в том, что, как бы маоисты ни старались, они не смогли бы привести ни одного конкретного случая, который подтвердил бы их обвинения в «агрессивных действиях» СССР и «захватах» им китайской территории. Без таких подтверждений подобные обвинения остаются голословными, чтобы не сказать, лживыми.

Однако китайская сторона в так называемом «Документе МИД КНР» от 8 октября 1969 г. сознательно извращает вопрос о том, как, по представлениям Пекина, соотносится «существующее положение» и договорно определенная граница. «Документ» призван создать впечатление, что эти понятия на практике не совпадают, причем такое несоответствие произошло якобы по вине Советского Союза.

В феврале 1975 г. выходящая в Гонконге на китайском языке газета «Дагун бао», являющаяся рупором Пекина, опубликовала любопытную статью, которая четко и определенно изложила все то, что лишь подразумевалось в тексте «Документа». Комментируя раздел доклада Чжоу Энь-лая на последней сессии ВСНП (январь 1975 г.), посвященный советско-китайским отношениям, газета утверждала, что до сих пор якобы невозможно начать переговоры о прохождении советско-китайской границы. Причина этого кроется, по утверждению газеты и стоящих за ней кругов Пекина, в том, что «Советская сторона отрицает даже существование территориального вопроса между Китаем и Советским Союзом, не признает объективного факта наличия на китайско-советской границе спорных районов, разнuzданно утверждает, что все спорные районы являются советской территорией, линия границы, за которую выступает Советский Союз [и которая, заметим, определена договорными документами, которые правительство КНР, по его собственным заверениям, «готово принять за основу»²². — Е. С.], является законом, который Китай обязан соблюдать, а сохранение статус-кво на границе является сохранением границы, за которую он выступает»²³.

Из этого комментария следует, что уважение договорных документов, определяющих прохождение нынешней советско-китайской границы, даже при наличии заверений китайского правительства о готовности его «взять их за основу», для Китая-де совершенно не обязательно. Более того, существующая линия границы не может быть законной и обязательной для Китая лишь потому, что у него появились «возражения» против самих договорных документов о границе. «Сохранение

²¹ «Правда», 14. VI. 1969.

²² «Жэньминь жибао», 25. V. 1969.

²³ «Дагун бао», 4. II. 1975.

«статус-кво» на границе, предлагаемое Пекином, не означает, следовательно, соблюдения договорной границы. Но зато это, с позволения сказать, «статус-кво» обязательно должно совпадать с той «границей», которая изображается на китайских картах.

Таким образом, «статус-кво», за соблюдение которого выступает маоистская дипломатия, — это отнюдь не издавна и постоянно существующее, исторически сложившееся фактическое положение, закрепленное рядом договорных документов. Оно должно быть сначала создано, и создано, естественно, за счет советской территории.

Отсюда становится ясным, что усиленно выдвигаемое Пекином предложение о «сохранении статус-кво» в качестве «временной меры» не имеет никакого отношения к созвучному термину, применяющемуся в практике международного права. Скорее, это предложение китайской стороны можно отнести к области конфуцианских традиций, требующих практического воплощения умозрительно созданной модели, поскольку оно отражает то «существующее положение», которое возникло и существует лишь в представлении маоистских политиков, никак не соотносясь с реальной действительностью.

Означая на практике требование создать и соблюдать некое новое «существующее положение», более отвечающее замыслам Пекина, предложение сохранять статус-кво на советско-китайской границе в его китайской трактовке, по сути дела, прикрывает экспансионистские замыслы маоистов в отношении советских земель. В основе же их лежит пресловутый «реестр» Мао Цзэ-дуна, наглядно проиллюстрированный картой к книге Лю Пэй-хуа «Краткая история современного Китая».

В Китае, конечно, отдадут себе отчет в том, что Советский Союз не может согласиться с тем, чтобы придать каким-то частям советской территории «спорный» характер. Об этом, как уже говорилось, было заявлено в документах Советского правительства от 29 марта и 13 июня 1969 г. Об этом же определенно сказал Л. И. Брежнев на торжественном заседании в Улан-Баторе 26 ноября 1974 г.

Следовательно, основная цель предложения маоистов о «сохранении статус-кво» на советско-китайской границе заключается не в том, чтобы способствовать скорейшему урегулированию всех возникших вопросов, а лишь в том, чтобы искусственно создать повод, который позволял бы им постоянно заводить в тупик любые попытки обсуждения вопросов нормализации советско-китайских отношений и заранее блокировать возможность достижения разумного урегулирования на основе признания исторической реальности.

Воздвигнув эту преграду на путях урегулирования, маоисты широко используют созданную ими самими ситуацию для дальнейшего разветывания антисоветской кампании внутри страны. Демонстрируя твердолобый антисоветизм, откровенное нежелание подходить к вопросам советско-китайских отношений с реалистических, конструктивных позиций, нынешние пекинские лидеры своими практическими действиями опровергают те декларации о миролюбии Пекина, о его стремлении к развитию дружбы с советским народом, о его «искреннем желании» нормализовать отношения между Китаем и Советским Союзом, которые содержатся в официальных документах китайского правительства и нынешнего руководства КПК.

Таким образом, можно в целом говорить о том, что за предложением Пекина «сохранять существующее положение» на границе при возникновении там конфликтной ситуации скрывается либо их стремление сохранить на неопределенное время («до окончательного урегу-

лирования») контроль над каким-то районом, полученный с помощью средств, далеко не соответствующих требованиям современного международного права, либо попытка еще более обострить конфронтацию с партнером, расширить зону конфликта и создать препятствие к урегулированию его путем выдвижения заведомо неприемлемых партнеру предварительных условий. Возникшую стараниями пекинской дипломатии ситуацию маоисты спекулятивно используют в своих политических целях. В обоих случаях позиция Пекина не способствует скорейшему нахождению путей для урегулирования возникших вопросов и не может быть квалифицирована иначе, как позиция экспансионистская, противоречащая стремлению народов к разрядке, к безопасности и миру.

Конъюнктурный характер использования маоистами выступления за сохранение «существующего положения», экспансионизм, скрывающийся за этим предложением, особенно ярко проявляются в их политике в отношении островов Южно-Китайского моря.

Даже вооруженный захват китайскими войсками Парасельских островов в январе 1974 г. не создал для маоистов того «существующего положения», при закреплении которого они проявили бы готовность воздерживаться от вооруженных конфликтов и обсуждать вопрос «через дипломатические каналы». Принцип, который был ими самими провозглашен в качестве основы решения погранично-территориальных проблем, полностью обходится, замалчивается.

И наоборот, во всех относящихся к этому вопросу документах китайского правительства подчеркивается, что любые действия любой страны в районе островов Спратли, находящихся вне китайского контроля, будут рассматриваться как «посягательство на суверенитет и территориальную целостность Китая»²⁴. Сами тон и характер этих заявлений свидетельствуют о том, что маоисты отвергают идею дипломатических переговоров о решении спорной проблемы при сохранении нынешнего статус-кво, а за собой оставляют право нарушить его очередной военной авантюрой, если сочтут это необходимым.

²⁴ «Жэньминь жибао», 14.VI.1976.

ИДЕОЛОГИЯ

Основные идеологические течения современной Японии

*Ю. Б. Козловский,
кандидат философских наук*

Развитие общественного сознания в Японии за три десятилетия ее послевоенной истории приходило под знаком обострения идеологической борьбы прогрессивных и реакционных сил. В ходе этой борьбы со всей очевидностью обнаруживалось то обстоятельство, что правящему классу Японии становится все труднее идеологически защищать, оправдывать существование капиталистического строя, его переживающих кризис устоев. По мере того как обостряются социальные антагонизмы и резко обозначается несоответствие капиталистического способа производства законам общественного развития, для идеологии господствующего класса Японии, апологетически выполняющей свою служебную роль по отношению к экономическому базису и политической надстройке, становится характерным использование все более утонченных приемов и способов обработки сознания трудящихся.

Механизм образования и функционирования господствующей в Японии буржуазной идеологии самым определенным образом согласуется с характером современного производства, разрастающаяся и усложняющаяся структура которого требует дальнейшего повышения роли его организации, диктует необходимость все более сознательного объединения тех, кто в нем участвует. Монополистический капитал Японии всячески использует эту объективную потребность развития современного производства в своих узкокорыстных интересах для создания системы управления сознанием масс, манипулирования мыслями и чувствами людей. Этой именно цели и служит «производство» буржуазной идеологии в массовом масштабе, то есть производство идей, теорий, концепций, создаваемых как стандартизируемый товар для духовного потребления масс. На такой основе в послевоенной Японии, как и в других промышленно развитых странах, возникает целая индустрия так называемого массового сознания. Производство такого типа сознания осуществляется целыми научными коллективами, исследовательскими центрами, институтами, которые, как свидетельствуют данные статистики, строят свою деятельность в соответствии с запросами и требованиями финансирующих их учреждений¹.

По своему идейному содержанию продукция современной индустрии сознания в Японии представляет собой такие теории, концепции, доктрины, которые через призму буржуазного мировоззрения искаженно отражают и объясняют послевоенное развитие японской экономики, послевоенные преобразования классовой, политической структуры, изменения в психологии людей и т. п. В 50—60-е гг. XX в. в Японии получают распространение, популяризируются буржуазной пропагандой модные в западных капиталистических странах различные буржуазные социологи-

¹ Современная Япония. М., 1973, стр. 567—578.

ческие теории, преследующие цель утверждения незыблемости капитализма и оправдания капиталистических порядков. Японские интерпретаторы и пропагандисты этих теорий, такие, как Томинага Кэнъити, Симидзу Икутаро, Косака Токусабуро, Муро Мицуру, Мацусита Кэйити и другие, стремятся доказать, что Япония в послевоенный период является собой пример общества, в котором, как и на Западе, совершается новая промышленная революция, ликвидирующая якобы монополистический капитализм, эксплуатацию и угнетение трудящихся, в котором будто бы на смену антагонистическим классам приходит новый, свободный от идеологических предрассудков средний класс квалифицированных тружеников, равноправно участвующих в производстве и распределении доходов². Буржуазные идеологи Японии видоизменяют, модернизируют те или иные второстепенные положения этих теорий, но вместе с тем неизменно воспроизводят их основное идейное содержание, преувеличивая роль развития производительных сил, игнорируя господство капиталистических производственных отношений, роль буржуазного государства, сраживающегося с монополистическим капиталом, сознательно замалчивая обостряющуюся классовую борьбу, пролетаризацию основной массы населения и прочие органически присущие современному капитализму явления³.

Научно-технический прогресс в Японии порождает не только производство «стандартизируемого сознания», но и создает соответствующие средства для распространения и потребления «продуктов» такого сознания — так называемые «масу-коми» (массовые коммуникации), иначе говоря, средства массовой информации, включающие прессу, радио, кино, телевидение, с помощью которых в самых широких масштабах, с применением изощренных приемов осуществляется идеологическая обработка японской общественности. Средства массовой информации в современной Японии являются основным источником и проводником потребления массовой духовной культуры. Их роль в повседневной жизни японцев приобретает такое большое значение, что современную эпоху все чаще называют в Японии «эпохой информации», «веком информации», говорят о становлении такого общества, бытие которого определяется прежде всего информацией, ее использование и т. п.

По мере развития и совершенствования средств массовой информации в их адрес, однако, раздается все больше негативных, критических выступлений. Буржуазные ученые, журналисты, публицисты разного профиля, не замечаящие, как правило, всей тенденциозности содержания передаваемой информации, тем не менее все больше обращают внимание на нездоровые, «болезненные явления» в деятельности «масу-коми». Они указывают, в частности, на то, что информация, содержащаяся в газетах, журналах, передаваемая по радио, становится все более «безличной», «анонимной», что она «создается качественно неопределенными группами людей» и «направляется на количественно неопределимую массу потребителей»⁴. Способы доведения подобного рода информации до потребителя таковы, указывается далее, что передаваемые

² Томинага Кэнъити. Атарасий когё сякай (Новое индустриальное общество). Токио, 1965; Симидзу Икутаро. Гэндай сисо (Современная общественная мысль). Токио, 1967; Муро Мицуру. Сякайсюги то дзиссон тэцугаку (Социализм и философия существования). Токио, 1968; Косака Токусабуро. Сангёдзин сэнгэн (Манифест индустриалистов). Токио, 1968; Мацусита Кэйити. Гэндай Нихон-но сэйдзэтки косэй (Политическая структура современной Японии). Токио, 1962.

³ Марксистская критика этих теорий дается в ряде работ советских ученых. См., в частности: Новейшие приемы защиты старого мира. М., 1962.

⁴ Миямото Тадао. Дзёхоканкё-но кикэн-на бункитэн (Сфера информации на опасном распутье). — «Тюокорон», май 1974, стр. 55.

сообщения становятся все более «фрагментарными», «утрачивающими какое-либо единство, внутреннюю связь между собой»⁵.

Разумеется, многие буржуазные ученые и публицисты, пишущие на эту тему, в большинстве случаев не понимают или сознательно скрывают то обстоятельство, что отмечаемые ими «болезненные явления» не следствие плохого управления или организации средств массового общения, а результат вполне продуманной целенаправленной деятельности тех, в чьих руках эти средства информации находятся. Представляющиеся буржуазным ученым и публицистам всего лишь «нездоровыми» такие формы и средства доведения информации до потребителя специально отрабатываются и совершенствуются в интересах осуществления целей буржуазной пропаганды — дезориентировать рядового человека, не дать ему возможности разобраться в огромном количестве конкретного материала, не позволить разглядеть в массе отдельных фактов, сообщений, эпизодов их существенные связи, социальный смысл и значение.

Подобной форме подачи информации соответствует и ее содержание. Оно буквально пропитано индивидуалистической психологией. В центре внимания всего того, что передается по радио и телевидению, сообщается в газетах и журналах, как правило, находится отдельная личность с ее индивидуальными склонностями и запросами. Средства информации изображают человека вне труда, вне политики, вне всякой важной общественной деятельности. Их герой — это в основном человек потребления, человек досуга с его влечением к спорту, популярным песням, модной одежде, вкусной пище и прочим чувственным удовольствиям. Другими словами, решающим мотивом передачи информации средствами массового общения в Японии является, таким образом, не ее достоверность, не ее духовная ценность, а лишь ее внешняя сторона, сенсационный характер и новизна сообщений, обеспечивающие легкую смену впечатлений. Подобное, чисто потребительское отношение к информации со стороны печати и радио ведет, по мнению социологов, к снижению активности сознания людей, вырабатывает пассивный характер восприятия того информационного материала, который передается. Иначе говоря, подменяет способности к самостоятельному мышлению и оценке информации готовыми стандартизированными взглядами и мнениями⁶.

Особенно большое значение в качестве средства информации в жизни японцев приобретает телевидение. Оно становится поистине универсальным средством присвоения современной «массовой культуры». Телеэкран заменяет восприятие текста газет, журналов, восприятие на слух радиопередач живым изображением, и постольку воздействие его на интеллект дополняется и усиливается чувственно-эмоциональным воздействием. На телеэкране безличный, анонимный характер печати, радио уступает место «естественному», «конкретному», «вполне реальному» изображению событий. В результате этого извращения фактов политической и экономической действительности в телепрограммах, воспевание чисто потребительского отношения к жизни, пропаганда секса, гангстеризма и прочих нездоровых явлений приводит в современных японских условиях к еще более пагубным последствиям⁷.

⁵ Там же, стр. 56.

⁶ Сэйкацу-но нака-но хосо (Телевизионные и радиопередачи в жизни). Токио, 1971, стр. 20—22.

⁷ См. В. Я. Цветов. Япония: телевидение и общество. — Япония 1973 (ежегодник). М., 1974, стр. 243—246.

Буржуазные социологи, обозреватели в последнее время вынуждены с тревогой писать о фальшивой природе «культуры живого изображения». Они отмечают, что телевизионный экран, особенно с переходом на цветное изображение, сводит до минимума активность человеческого интеллектуального восприятия, притупляя не только функцию рационального мышления людей, но и всякую человеческую чувственность⁸.

Не вскрывая причин нездоровых, уродливых явлений в деятельности системы массовой информации, не показывая классовой природы общественных отношений, порождающих такие явления, буржуазные социологи, журналисты вынуждены все же обращать внимание на опасность подобного функционирования средств информации. Они все чаще пишут о тенденциях, ведущих к превращению «информационизируемого общества» в «контролируемое общество», а нередко и еще более определенно указывают на то, что чрезмерное развитие «информационизируемого общества» создает благоприятные условия для фашизма⁹.

Если одни японские буржуазные исследователи явно критически оценивают всевозрастающую роль средств массовой информации, то другие, напротив, ее оправдывают. Они выступают, в частности, с так называемыми «теорией информационизируемого общества» и «футурологической теорией». Согласно теории информационизируемого общества, например, все мировое пространство состоит из трех основных элементов — материи, энергии и информации. При этом в складывающемся ныне обществе информация якобы становится наиболее значительным жизненным фактором, основой как материального, так и духовного творчества людей. В современной, все более усложняющейся жизни, утверждают приверженцы теории информационизируемого общества и футурологической теории, все решают в конечном счете знания. В экономической конкуренции, в политике исход борьбы всегда зависит от степени обладания информацией, позволяющей правильно ориентироваться в быстро меняющемся мире, предвидеть возможный ход событий и т. п. Поэтому и реальная власть в современном обществе, с точки зрения приверженцев этих теорий, переходит от капиталистов, предпринимателей, к ученым, к людям интеллектуального труда¹⁰.

Японские философы и социологи-марксисты, вскрывающие научную несостоятельность указанных теорий, их идеалистическую сущность, обращают внимание на то, что выделение знания, информации в качестве самостоятельной субстанции и важнейшего фактора общественной жизни осуществляется на основе идеалистической методологии. Критикуя подобного рода абсолютизацию значения знания, информации, японские философы и социологи-марксисты указывают, что знание, информация не представляют чего-либо совершенно независимого от материи, что они суть разного рода формы ее отражения, характерные для таких мыслящих, или саморегулирующихся, «систем», как живые существа, люди, автоматы. Японские философы-марксисты разоблачают идеалистическую сущность установки приверженцев теории информационизируемого общества, будто знание и информация составляют основу производительных сил общества, будто производят в конечном счете знания и информация в отрыве от материальной, производительной деятельности че-

⁸ Миямото Тадао. Цит. произв., стр. 59—60.

⁹ Там же, стр. 64.

¹⁰ Каорияма Кэнъити. *Мирай гаку нюмон* (Введение в науку о будущем). Токио, 1968; Кисида Дзюнносукэ. *Дзэхока сякай-но икиката-кангаэката* (Образ жизни и образ мышления информационизируемого общества). Токио, 1970.

ловека¹¹. Подчеркивая порочность теории информатизируемого общества и футурологической теории¹² с точки зрения их социального смысла, японские философы-марксисты отмечают, что эти теории, как и близкие по духу теории индустриального общества, общества благосостояния, общества потребления и другие, игнорируют роль общественных производственных отношений и классовой борьбы в условиях современного буржуазного общества, что эти теории в сущности своей являются «идеологией организованного капитализма», которая утверждает возможность «совершенствования всей общественной системы без ликвидации капитализма»¹³.

Распространение в послевоенной Японии заимствованных на Западе технократических теорий экономического роста, общества промышленной революции, общества потребления, постиндустриального общества и их вариантов, вроде теории информатизируемого общества, футурологической теории и т. п., удовлетворяет запросы буржуазной идеологии в той мере и постольку, поскольку она спекулирует на развитии производительных сил и современного научного знания. Апеллируя к «чистой науке», свободной от «классовой субъективности», провозглашая «идеологический нейтралитет», призывая к «деидеологизации» и т. д., приверженцы этих теорий стараются тем самым завуалировать свою действительную позицию как апологетов капитализма и вместе с тем свое враждебное отношение к социализму и коммунизму. Приверженцы этих сциентистских теорий — буржуазные идеологи в Японии в то же время дают им свою интерпретацию с определенных философских позиций, основываясь прежде всего на категориях и представлениях о современном обществе, человеке, его практической деятельности, сложившихся в русле таких течений современной буржуазной философии, как неопозитивизм, прагматизм и отчасти экзистенциализм¹⁴.

Однако сциентистское направление буржуазной теоретической мысли не исчерпывает в полной мере существа послевоенной буржуазной идеологии Японии, испытывающей острую нужду не только в идейном разоружении трудящихся масс, в сокрытии от них подлинной природы капиталистического строя, но и в создании некоего психологического духовного потенциала, в выработке более широких мировоззренческих основ, как-то согласующихся с духовной культурой народа. Решение этой задачи идеология правящего класса Японии, ее ведущие представители пытаются найти, в частности, во вновь возрождающемся в послевоенное время буржуазном национализме.

Буржуазный национализм начинает поднимать голову в Японии после войны, уже со второй половины 50-х гг. В 60-х гг. он заметно набирает силу и в 70-х гг. становится серьезным фактором политической и идеологической жизни. И это не случайно. Именно в этот период Япония становится высокоразвитой индустриальной державой, добивается экономической независимости и вступает в конкурентную борьбу за внешние рынки. В эти же годы она все более обретает политическую само-

¹¹ Сибата Синго. Дзёхока сякай рон-но хихан (Критика теории информатизируемого общества). — «Кэйдай хёрон», 1969, № 9, стр. 67—70.

¹² Критика футурологической теории Каорияма Кэнъити содержится в: Кавамура Минору. Гэндай нихон-но хандо сисо (Реакционная мысль современной Японии). Токно, 1969, стр. 68—70.

¹³ Сибата Синго. Цит. произв., стр. 70.

¹⁴ Критический анализ современных сциентистских социологических концепций в Японии содержится в: Кавамура Надзому. Гэндай сякай гаку то марукусуюги (Современная социология и марксизм). Токно, 1968.

стоятельность на международной арене, вступает в ООН, начинает принимать участие в работе различных международных форумов.

Происходят изменения и в духовной жизни японцев. Наряду с продолжающимся процессом «озападнивания» различных областей национальной культуры в широких кругах японской интеллигенции возникают и набирают силу встречные тенденции к сохранению классического культурного достояния прошлого, передовая общественность все решительнее поднимает голос в защиту прогрессивных демократических традиций культуры¹⁵.

Однако в условиях обострения классовой борьбы, господства буржуазной идеологии чувство национальной гордости все более уступает место националистическим настроениям. Правящие верхи Японии способствуют разжиганию национализма, видя в нем одно из средств духовной обработки сознания трудящихся для отвлечения их от классовой борьбы в интересах «единения японцев как нации». Политика господствующего класса, направленная на ослабление прогрессивных сил Японии, на ограничение демократических институтов, изменение конституции, создание большой армии и т. п., определенным образом увязывается с возрождением национализма, опирается на него, активизирует деятельность правых, милитаристских организаций, реакционных элементов японского общества¹⁶.

Еще в середине 50-х гг. по инициативе реакционных организаций в Японии начинается движение за пересмотр программ обучения в школах и исправление учебников, в которых якобы слишком негативно изображается национальная история. В 50—60-х гг. в политических кругах Японии все больше внимания начинают уделять проблемам воспитания японцев в духе патриотизма, все громче раздаются призывы к «формированию нового человека» («хитодзукури») и т. п. В 1964—1966 гг. составляются различные варианты проекта документа под названием «Образ человека, на которого возлагают надежды», в котором особый акцент делается на воспитании «патриотических чувств», на осознании «единства японской нации» и т. п.¹⁷.

Красноречивым свидетельством подъема буржуазного национализма во второй половине 60-х гг. становятся попытки различных «патриотических» организаций использовать празднование «столетия преобразований Мэйдзи» для пропаганды взглядов, идей об «исключительности» японской нации и путей ее социального развития. Ту же цель преследуют усилия реакционных сил Японии в той или иной форме реанимировать культ императора. Националистически настроенные идеологи всячески стараются внушать массам представления о том, что, хотя японский император и не бог, это монарх, не имеющий себе подобных, что он заслуживает «глубокого уважения» как «символ японского государства»¹⁸.

Значительное место в идеологическом арсенале поборников буржуазного национализма занимают также спекуляции по поводу своеобразия японской культуры, попытки доказать некий ее якобы совершенно особый созидательный характер, неповторимость, неисчерпаемость ее

¹⁵ Подробнее см. Ю. Б. Козловский. «Европеизация» культуры Японии и ее осмысление. — «Народы Азии и Африки», 1974, № 5.

¹⁶ См. Ю. В. Георгиев. Японские ультра. — Япония 1972 (ежегодник). М., 1973, стр. 143—146.

¹⁷ Косака Масааки. Китай сарэру нингэндзо (Образ человека, на которого возлагают надежды). Токио, 1965.

¹⁸ См. Марукусусюги тэцугаку (Марксистская философия). Токио, 1969, том V, стр. 26—29.

духовных традиций и т. п.¹⁹ Примерно в таком же националистическом духе выдержаны и получающие распространение разного рода концепции об особенностях психологии поведения и образа мышления японцев, возводящие эти особенности в некие «неизменные принципы», которые определяют будто бы бытие людей, развитие общественных отношений и т. п.²⁰

Деятельность правящих кругов Японии, способствующая росту националистических настроений, еще более усиливается в 70-х гг. Ее острее открыто направляется против демократических прогрессивных организаций японского общества, приобретая все более ясно выраженную антикоммунистическую, антисоциалистическую окраску²¹. Концепции, доктрины проповедников современного японского национализма формируются и развиваются, как и в прошлом, в русле иррационалистической идеологии, основу которой составляют известные реакционные идеи западноевропейского и американского образца, а также модернизируемый на современный лад традиционный идейный материал буддийского, конфуцианского, синтоистского происхождения²².

Националистическая идеология консервативных реакционных сил в современной Японии смыкается с идеологией разного рода левацкого, анархистского движения, усиливающегося в среде мелкой буржуазии и студенчества в 60—70-х гг. Активизирующие свою деятельность в современном японском обществе так называемые «новые левые», приверженцы троцкизма, сторонники маоизма и прочие анархистские леворадикальные элементы, так же как и буржуазные националисты, руководствуются идейными принципами, имеющими прежде всего иррационалистическую, антинаучную сущность. Идеологическая платформа таких левацких группировок в Японии чрезвычайно пестра, эклектична, в ней перемежаются и откровенно реформистские концепции, и ревизионистские теории, спекулирующие на марксистско-ленинском учении, и маркузеанство и многое другое. Программные установки лидеров, идеологов левацких группировок — Курода Канъити, Уэмэмото Кацуми, Ота Рю и других — содержат как положения, достаточно точно скопированные с зарубежных образцов, повторяющие троцкистские идеи, маоистские лозунги, так и положения, допускающие отклонения от таких образцов, видоизменяющие их соответственно практическим задачам левацкого движения в Японии²³. Однако, как справедливо отмечают японские марксисты, характерной чертой всех таких идеологических программ левацкого движения в современной Японии неизменно являются антикоммунизм и антисоветизм²⁴.

Иррационалистическое направление в современной идеологии как консервативных правых сил, так и леворадикальных группировок в Японии также имеет свою философскую, мировоззренческую основу,

¹⁹ См. Анда Юдзи. Нихон бунка-но дзэкэн (Условия развития японской культуры). Токио, 1967; Сабата Тоёюки. Нихон-о минаосу (Посмотрим на Японию заново). Токио, 1964.

²⁰ См. Араки Хираюки. Нихондзин-но кодо ёсски (Образ поведения японца). Токио, 1973.

²¹ См. Япония. М., 1973, стр. 432—433.

²² О неосинтоизме и попытках модернизации буддийской религии см. Г. Е. Светлов. Религия и политика. О социально-религиозных движениях в современной Японии. — «Проблемы Дальнего Востока», 1974, № 2.

²³ См. Курода Канъити. Какумэйтэки марукусусюги то ва нанни ка (Что такое революционный марксизм). Токио, 1970; Уэмэмото Кацуми. Юйбуцурон то сүтайсэй (Материализм и субъективность). Токио, 1969, и др.

²⁴ Подробнее об этом см. Ивасаки Тикацугу. «Синсасаёку» то хигорисюги («Новые левые» и иррационализм). Токио, 1970.

представленную, в частности, такими течениями современного философского идеализма, как экзистенциализм, феноменология, антропология, философия культуры, философия франкфуртской школы и т. п. Эти течения буржуазной философской мысли в современной Японии все более очевидно смыкаются и тесно переплетаются с религиозным сознанием²⁵.

Религии, несомненно, все еще принадлежит значительное место в духовной жизни, в общественном сознании послевоенной Японии. Хотя после поражения японского империализма традиционные религии — синтоизм и буддизм, связанные с идеологией императорского строя, сильно подорвали свои позиции среди широких слоев населения, социальная база существования религии по-прежнему сохранилась. Несмотря на секуляризацию религии, закрепленную после войны декретами об отделении ее от государства, буржуазная действительность Японии, господство различных форм отчуждения труда, фетишизация человеческих отношений способствуют воспроизводству религиозного сознания в самых различных формах.

Сразу после окончания войны наряду с продолжавшими существовать прежними буддийскими, синтоистскими, христианскими религиозными сектами стало появляться и получать быстрое распространение большое количество религиозных сект и организаций, названных позднее «синко-сюкё» — «новые религии». Общее число таких «религий» достигало почти четырех сотен²⁶. Среди них особенно выделялись крупные религиозные организации — Сока гаккай (Общество созидания ценностей), Риссё косэйкай (Общество по установлению справедливости и дружественных отношений), Тэнрикей (Религия божественной мудрости), Сэйтё-но изэ (Дом роста), Сэкай кюсэйкё (Религия спасения мира) и др. Та или иная «новая религия» формулирует свою идейную доктрину на основе определенных положений синто, буддизма и христианства или посредством эклектического сочетания догматики этих традиционных религий.

Появление и широкое распространение в послевоенной Японии «новых религий» объясняется прежде всего тем, что в отличие от традиционных религий они сумели очень быстро и активно приспособиться к новым условиям жизни, к тем запросам, которые предъявляет к религии современный японец. Исследователи отмечают ряд особенностей в деятельности новых религиозных организаций, позволяющих им привлекать в число своих сторонников большие массы людей. Указывается, в частности, что «новые религии» отличаются чрезвычайной простотой ритуала вероисповедания, процедуры вступления в организацию и большой доступностью для усвоения религиозной догматики. Отмечается далее, что по сравнению с традиционными религиями «новые религии» не только не отрешены от земной жизни, а, напротив, призывают к активному в ней участию, обещая спасение не в потустороннем мире, а на «грешной земле» и не в далеком будущем, а в ближайшее время. Более того, «новые религии» предусматривают осуществление «мирской» общественной деятельности (движение за мир и т. п.) и даже прямое участие в политической деятельности²⁷.

Благодаря этим и некоторым другим особенностям новых религиозных сект они охватили своим влиянием значительную часть населения страны. При всех скидках на необъективный характер статистики, пре-

²⁵ Подробнее см. Ю. Б. Козловский. Философия экзистенциализма в современной Японии. М., 1975.

²⁶ Сюкё изэнкан 1971 (Религиозный ежегодник). Токио, 1972, стр. 73.

²⁷ См. С. А. Арутюнов, Г. Е. Светлов. Старые и новые боги Японии. М., 1968.

увеличивающей число адептов той или иной веры, нельзя не признать, что религиозная идеология, пропагандируемая как старыми, традиционными, так и новыми сектами и организациями, захватила сознание многих миллионов японцев, по своему социальному составу принадлежащих, как правило, к наиболее отсталым, угнетенным слоям городских низов, рабочих мелких и средних предприятий и крестьянства. Характерным примером в этом отношении может служить организация Сока гаккай, насчитывающая в своих рядах несколько миллионов человек и раскинувшая сеть своих учреждений не только во всех префектурах Японии, но и за рубежом — в США и Западной Европе. Руководство этой религиозно-политической организации, используя собственную систему идеологической пропаганды, свои средства массовой информации, призывает к переустройству общества, к построению «третьей цивилизации», «буддийского социализма» и т. п.²⁸

Помимо деятельности религиозных организаций с определенной сектантской принадлежностью, религиозное сознание в послевоенной Японии получает распространение и в более расплывчатой, не dogматической форме. В литературе, освещающей религиозные проблемы, нередко можно встретить высказывания о том, что японцы, не разделяющие программу религиозных доктрин тех или иных сект, считают все же «религиозный дух», «религиозную веру» необходимой для себя²⁹. Да и в общих изданиях, в газетах и журналах постоянно печатаются статьи, в которых говорится, что в настоящее время «широко читаются доступно написанные книги по религиозным отношениям», что «это объясняется не иначе как тем, что внимание людей начало обращаться от вещей к духу, что, видимо, компьютерная футурология идет на спад и людей начинает привлекать мистическое, духовное...»³⁰.

В то же время заметно усиливается тенденция поддержать авторитет религии и за счет ее «теоретического», философского осмысления. Поборники религии такого рода вынуждены констатировать недостаточность на сегодняшний день одной «позитивной теологии» и откровенно призывают дополнить последнюю «религиозной философией»³¹.

В 60—70-е гг. в связи с оживлением элементов традиционной культуры, с подъемом националистических настроений снова возрождается интерес и к традиционным буддийским и синтоистским религиозным сектам, осуществляются попытки модернизировать их идеологию. Особенно популяризируется буддизм. Об историческом прошлом буддийской религии, о ее догмах публикуется огромное количество изданий, в которых идейное содержание буддизма объявляется наивысшей духовной ценностью, стержнем национальной японской культуры³². В этой литературе, помимо учений сектантского буддизма, весьма широко пропагандируется буддизм вообще, безотносительно к тем или иным религиозным сектам, буддизм как «вечное учение», в котором указан «путь к спасению человеческой души», воплощены «истина и красота мира», «все дорогое и близкое человеку» и т. д. и т. п.³³. Именно таким

²⁸ См. И. А. Державин. Сока гаккай. Теория и практика. М., 1973.

²⁹ См. Мори Рюкити. Икиру тамэ-но буккё (Буддизм для жизни). Токио, 1966, стр. 27.

³⁰ «Асахи симбун», 3. I. 1973.

³¹ Тамару Токудзэн. Гэндай то сюкё (Современная эпоха и религия). — «Тэцугаку», май 1973, стр. 51—52.

³² См. Касахара Кадзую. Нихонси-ни окэру катикан-но кэйфу (Генеалогия ценностных теорий в японской истории). Токио, 1972.

³³ См. Хасимото Гёни. Каварадзару моно (Неизменное). Токио, 1972; Такада Коин. Насакэ (Чувство). Токио, 1972; Мацусита Коннодзё. Нингэн-о кангаэру хито (Думающий о людях). Киото, 1972.

путем, в частности, пытаются возвеличивать религиозную догматику буддизма, приписывая ей многое из того, что на самом деле составляет содержание буддизма философского.

Современная буржуазная философия Японии, представляя собой как и религия, отчужденную форму общественного сознания, отражает обостряющиеся социальные антагонизмы японского общества, углубляющийся кризис его культуры. На первый взгляд, ее развитие в 50-х—начале 70-х гг. характеризуется распространением разнообразных течений современного идеализма, отличающихся еще большей, нежели ранее, пестротой и обилием идейных оттенков. Однако сквозь это бросающееся в глаза многообразие философских течений, объясняющееся продолжающимся размежеванием в общественном сознании, выдвиганием новых социально значимых проблем, возрождением националистических тенденций и т. п., достаточно четко просматриваются два русла, два направления в развитии современной буржуазной философии Японии. Одно из них, ориентирующееся на осмысление проблем научного творчества, логики и методологии исследования, анализа языка науки представлено главным образом неопозитивизмом, его новейшими модификациями — аналитической, семантической философией, а также сохраняющим еще влияние прагматизмом. Другое, ориентирующееся на осмысление проблем бытия человека в современном обществе, проблем развития культуры, ее кризисного состояния, — охватывает экзистенциализм, разного рода философскую антропологию и культурологию, неонисидианство и т. п.

Оба эти русла, или направления, развития современной буржуазной философии Японии в целом аналогичны тем, которые имеют место в буржуазной философской мысли стран Западной Европы и США и определяются нашими исследователями с некоторыми оговорками как сциентистское и антисциентистское направления в современной буржуазной философии. Поэтому и основные характеристики, раскрывающие общие черты современной буржуазной западноевропейской и американской философии, можно с полным правом отнести и к современной буржуазной философии Японии³⁴.

Как и на Западе, оба направления развития буржуазной философии в Японии при всех различиях их проблемно-исследовательской ориентации имеют глубокую идейную общность и дополняют друг друга функционально. Как и на Западе, при всех претензиях на преодоление противоположности материализма и идеализма, на открытие «третьего пути» в философии и т. п. идейным течениям, составляющим эти направления в Японии, присуща ненаучная, идеалистическая методология. У экзистенциалистско-антропологического направления эта методология выражается более явно ввиду характерного для него иррационалистического идейного содержания и ясно проступающих религиозно-мистических мотивов. У неопозитивистско-прагматистского направления она более скрыта, завуалирована «критическими» выступлениями против «абстрактной метафизики», в защиту «рационального научного анализа».

Разумеется, при всей общности с буржуазной философией Западной Европы и США современная буржуазная академическая философия Японии имеет и свои особенности. В сциентистской философии, не испытывающей на себе влияния традиционной национальной культуры, эти особенности менее заметны. Они могут быть зафиксированы в извест-

³⁴ Философия в современном мире. Философия и наука. М., 1972; Буржуазная философия XX века. М., 1974.

ной мере в развитии философии прагматизма в Японии и ее взаимодействии с неопозитивистскими течениями. Возрождение прагматизма в послевоенных японских условиях, появление его особой, японской модификации, претендовавшей на разработку строго «научного» будто бы «метода» прагматизма без его «идеалистической» философской «системы» (Цуруми Сюнсуке, Куно Осаму и др.), а затем постепенный упадок этого направления и в то же время большая приспособляемость прагматистских идей к сочетанию с новейшими неопозитивистскими и другими сциентистскими концепциями — все это не может не свидетельствовать о некоторых специфических чертах развития этого философского течения в Японии, рассмотренных в работах японских ученых³⁵.

Что же касается антисциентистской философии, связанной в значительной мере с традиционной культурой, с традиционными формами общественного сознания, то ее особенности по сравнению с современной буржуазной философией стран Запада проявляются достаточно определенно. Они отмечаются в развитии экзистенциализма, философской антропологии и культурологии, в появлении их японских вариантов и модификаций. В концепциях приверженцев экзистенциализма, в частности, наряду с «классическим» арсеналом таких характерных для этого течения категорий, как «ничто», «смерть», «пограничная ситуация» и т. п., японскими философами используются переосмысленные соответствующим образом понятия и представления буддийской метафизики — «пустота», «карма», «небытие» и др.³⁶. Заметное своеобразие отмечается и в развитии японской религиозной философии. В Японии, как известно, в сфере буржуазной философии отсутствует такое влиятельное течение религиозно-философского характера, как неотоцизм в Западной Европе, философия протестантизма в США и т. п. Однако это не означает, что потребности религиозного сознания в японском обществе не находят соответствующего выхода в философском мышлении. Религиозные проблемы, в частности, широко обсуждаются в философских кругах Японии на различных уровнях³⁷. Они становятся предметом специальных исследований в работах видных японских буржуазных философов³⁸. Религиозные мотивы достаточно ясно проступают в современном японском экзистенциализме. Наконец, религиозная идеология совершенно очевидно обнаруживает себя в предпринимаемых попытках модернизировать традиционную буддийскую философию. На этой почве можно наблюдать как появление современных философских интерпретаций традиционной религиозной догматики буддизма, так и возникновение причудливых сочетаний и переплетений философского и религиозного сознания, имеющих место в так называемых «новых религиях» Японии. Особенно явно эта тенденция выявляется в получившей распространение идеологии вышеупомянутой организации Сока гаккай. Исследователи духовной жизни современного японского общества, в том числе и марксисты, часто называют Сока гаккай религиозно-по-

³⁵ См. Ивасаки Тикацугу. Гэндай-но ронригаку (Современная логика). Токио, 1961; Уэда Коитиро. Пурагуматидзумо-но хэнсёцу-но гэнкан (Пределы трансформации прагматизма). — «Бунка хёрон», 1962, № VI—VIII.

³⁶ См. Ивасаки Тикацугу. «Синсаёку» то хигорисюги («Новые левые» и иррационализм). Токио, 1970; Ю. Б. Козловский. Философия экзистенциализма в современной Японии. М., 1975.

³⁷ См., например: Симподзуму: Гэндай-ни окэру сюкё (Симпозиум: Религия в современной эпоху). — «Тэцугаку», май 1973, стр. 37—72.

³⁸ См. Ниситани Кэйдзи. Сюкё то ва нани ка (Что такое религия). Токио, 1961; Мацумото Масао. Сингаку то тэцугаку-но дзидай (Эпоха теологии и философии). Токио, 1968.

литическим движением и указывают на то, что его идеология основывается на религиозных догматах буддийской секты Нитирэн и т. п.³⁹ В то же время в научной литературе пишут и о том, что идейной основой Сока гаккай является теория ценностей Макигути, включающая идею прагматизма, неокантианства, философии жизни и т. п.⁴⁰ Это противоречие в оценке идеологической платформы Сока гаккай, несомненно имеет под собой еще не обратившее на себя достаточного внимания исследователей объективное основание, вызывающее появление в Японии своеобразного идеологического симбиоза философского и религиозного сознания.

Развитие указанных выше направлений современной буржуазной философии Японии идет под знаком дальнейшего углубления ее кризиса, отражающего кризис современной буржуазной культуры, общественных отношений. Проявлением кризиса буржуазной философской мысли в Японии является прежде всего ее очевидная неспособность к научному объяснению процессов и явлений, совершающихся в современной японской действительности, отсутствие у нее какой-либо фундаментальной позитивной программы, отвечающей актуальным потребностям общественного развития страны.

Современный японский экзистенциализм и близкие к нему антропологические течения уходят от подлинного осмысления реальных общественных процессов и явлений. Они делают основной акцент не на разработку жизнеутверждающей социальной теории, а главным образом на буржуазно-ограниченную критику некоторых сторон отдельных проявлений существующей действительности, ведущую на деле к примирению с ней, отвлекающую от борьбы за ее преобразование. Хотя в 60—70-е гг. жизнь все более заставляет экзистенциалистов и им подобных шире включать социальную проблематику в свои концепции, выдвигать в той или иной форме идеи так называемой «социальной экзистенции» и т. п., в сущности, представители этого философского направления — Судзуки Тору, Канэко Такэдзо, Муто Мицуру — не могут, не порывая с основными принципами своего мировоззрения, преодолеть индивидуалистические, субъективно-идеалистические, асоциальные установки своих взглядов⁴¹.

В неопозитивистской философии Японии, как и в Западной Европе и США, также наблюдается сдвиг от конструктивистских построений методологического порядка в сторону критического анализа, все больший отход от исследования логики познания, мышления к изучению главным образом формальных средств выражения мысли в языке и т. п. Тем самым современный позитивизм в Японии все более порывает с когда-то провозглашенными исходными принципами этого философского течения и превращается из позитивизма в бесплодный критический негативизм. Но особенно ярко кризисное состояние в неопозитивистской философии в Японии — как, впрочем, и в Западной Европе и США — находит свое проявление в том, что критика «мировоззренческой метафизики» Оомори Сохэй, Аоуми Дзюнити, Исимото Син, Итии Сабуро и других представителей доходит до отказа от рассмотрения философских

³⁹ См. Г. Е. Светлов. Религия и политика. О социально-религиозных движениях в современной Японии. — «Проблемы Дальнего Востока», 1974, № 2.

⁴⁰ Мураками Сигэёси. Гэндай нихон-но сьюкэ сисо (Религиозная мысль современной Японии), 1969, стр. 210.

⁴¹ См. Судзуки Тору. Кёсонтэки сэкай (Мир эхо). Токьо, 1967; Канэко Такэдзо. Дзицудзон рисэй-но тэцугаку (Философия экзистенциального разума). Токьо, 1967; Муто Мицуру. Сякайсюги то дзиссон (Социализм и экзистенция). Токьо, 1958.

проблем, как таковых, до подмены философских проблем нефилософскими или растворения первых в конкретике позитивного научного знания⁴².

Отмеченные выше черты кризиса современной буржуазной философии Японии не означают, однако, что эта философия утрачивает свое влияние на общественное сознание японцев. Господствующие в современном японском обществе капиталистические отношения вызывают к жизни постоянное воспроизводство буржуазной идеологии, буржуазной философии в частности. Поэтому дискредитация одних идеалистических течений, взглядов, концепций влечет за собой появление других, им подобных, порождает новые варианты прежних теорий, идей, не выдержавших испытания временем. И все же возможности осуществления буржуазной философией Японии своих идеологических функций становятся все более ограниченными. В условиях обострения классовой борьбы, повышения политической активности масс, их стремления к научному осмыслению действительности буржуазная философия Японии приходит ко все более широкой идеологической конфронтации с марксизмом, с марксистско-ленинской философией.

Идеи марксизма-ленинизма, его научного мировоззрения получают все большее распространение в послевоенной Японии. Все глубже проникая в сознание рабочего класса, различных слоев японского общества, марксистское учение отражает объективные потребности его развития. Возрастающая сила его влияния представляет собой результат деятельности поколений японских марксистов, итог усилий коммунистов, социалистов, профсоюзных активистов, представителей различных прогрессивных организаций страны. В послевоенные годы японские марксисты развернули большую работу по пропаганде идей социализма среди трудящихся. В рабочих кружках, в популярных изданиях, в периодической печати они разъясняют содержание марксистского учения, раскрывают значение его основных положений для реализации практических задач современной классовой борьбы, борьбы за демократию, мир и социальный прогресс. Наряду с пропагандистской работой в массах японские марксисты уделяют в послевоенный период большое внимание изучению марксистской теории, умению применять научные принципы этой теории к конкретной действительности, обобщать на их основе опыт прошлого, осмысливать новые проблемы, встающие на повестку дня в ходе идеологической борьбы.

Философы и социологи-марксисты Японии — важное звено практической и теоретической деятельности японских марксистов. Они вносят свой вклад в распространение научного мировоззрения в послевоенной Японии, в борьбу с буржуазной идеологией, с буржуазной пропагандой, с правым и «левым» оппортунизмом. Японские философы и социологи-марксисты неизменно активно выступают при обсуждении различных актуальных проблем политической, идейной жизни послевоенной Японии. Они ведут большую работу в научных обществах по изучению материализма, по изучению социализма, устраивают традиционные дискуссии ученых за круглым столом по важнейшим философским и социологическим проблемам, издают свои научные журналы, публикуют работы в буржуазной периодической печати. Без участия философов и

⁴² См. О о м о р и С о х э й. Тикаку то каккансэй (Мировосприятие и объективность). Токио, 1959; И т и н С а б у р о. Кагаку хохорон то сякайтэки дэнссэн (Научная методология и общественная практика). — «Сисо», 1959, № 8: У э я м а С ю м п э й. Бэнсёхо-но кэйфу (Генеалогия диалектики). Токио, 1963.

социологов-марксистов Японии не обходятся крупнейшие энциклопедические издания широкого профиля⁴³.

В послевоенные годы заметно умножились ряды философов, выступающих с марксистских позиций. В строю старшего поколения, перенявшего эстафету от довоенного Общества по изучению материализма стоят ветераны-философы Кодзай Есисигэ и Мори Коити. В 50—60-е гг. в ряды философов-марксистов вступает новое пополнение, достаточно зарекомендовавшее себя в научном отношении. К нему относятся Сибата Синго, Ивасаки Тикацугу, Тэрадзава Цунэнобу и другие. Появляется и совсем молодое поколение философов-марксистов, творчество которых начинает играть все более заметную роль.

В конце 40-х — в 50-е годы на позиции диалектического и исторического материализма перешел ряд известных философов, находившихся долгое время в плену буржуазного мировоззрения. Среди них, в частности, такие видные представители буржуазной академической философии как Идэ Такаси, Мутай Рисаку и другие. За послевоенный период значительно возрос теоретический уровень японских ученых-марксистов, расширился диапазон их исследований. Большое внимание, в частности, японскими философами-марксистами уделяется разработке материалистической теории на основе обобщения достижений современного научного знания. Наряду с философским осмыслением физики, химии, биологии и других «традиционных» областей естествознания предметом их исследования становятся новейшие сферы научного творчества — кибернетика, экология, структурный анализ и т. п.⁴⁴. Заслуживают быть отмеченными в особенности труды по философским вопросам теоретической физики ученых с мировым именем — Саката Сэйти и Такэтани Мицуо⁴⁵. По вопросам изучения материалистической диалектики также написан ряд серьезных исследований. Среди них представляют интерес труды Тэрадзава Цунэнобу о системе категорий диалектической логики, Мита Сэкисукэ о диалектическом методе «Капитала» К. Маркса, Ивасаки Тикацугу о роли диалектики в методологии современного научного знания и др.⁴⁶. Значительная работа проделана японскими философами и социологами-марксистами по изучению проблем исторического материализма и конкретному применению его методологии в исследованиях по политической экономии, истории, праву, этике, эстетике и другим общественным наукам.

С позиций исторического материализма Сибата Синго и другими исследователями осуществляется, в частности, разработка конкретно-социологической проблематики, проводятся интересные изыскания по таким вопросам, как изучение особенностей умственного труда в современную эпоху⁴⁷. Методология исторического материализма с успехом используется японскими учеными-историками и прежде всего таким видным ученым, как Иэнага Сабуро, написавшим ценные труды по исследованию морали и других сфер духовной культуры Японии⁴⁸.

⁴³ Например: Гэндай (Современная эпоха). В 14-ти т. Токио, 1963—1967; Тэцугаку (Философия). В 18-ти т. Токио, 1966—1969 и др.

⁴⁴ См.: Кисидэ К. Гэндай юбуцудури-но татиба то кадай (Позиции современного материализма и его задачи). — «Кагаку то сисо». 1974, № 12.

⁴⁵ Саката Сэйти. Атарасий сидзэнкан (Новый взгляд на природу). Токио, 1974.

⁴⁶ См.: Тэрадзава Цунэнобу. Бэнсэхотэки ронригаку сикирон (Опыт разработки системы диалектической логики). Токио, 1958; Мита Сэкисукэ. Сихонрон-но хохо (Метод «Капитала»). Токио, 1963; Ивасаки Тикацугу. Бэнсэхо то гэндай сякай кагаку (Диалектика и современная наука об обществе). Токио, 1967.

⁴⁷ Сибата Синго. Гэндай-но сэйсинтэки родо (Современный умственный труд). Токио, 1975, т. I—VI.

⁴⁸ Иэнага Сабуро. Нихон дотокү сисоси (История учений о моральном сознании в Японии). Токио, 1954.

Своеобразным творческим отчетом, подытоживающим значительный опыт исследовательской мысли философов и отчасти социологов-марксистов в послевоенный период, явился выход в свет пятитомного коллективного труда «Марксистская философия» под редакцией Кодзай Ёсисигэ, Мори Коити, Тэрадзава Цунэнобу, Юкава Хидэо, Сибата Синго, Симада Ютака, Акима Минору⁴⁹. В этом издании приняли участие как известные ученые, так и целый ряд авторов, только вступающих на поприще философской науки. Как видно уже из названий томов этого издания: «Основные вопросы марксистской философии», «Философия и политика», «Современная наука и материализм», «Современная идеалистическая философия», «Идеологическая борьба в современной Японии», — их авторы сумели охватить основные вопросы современной марксистской философской науки. Для зарубежного читателя особый интерес представляет V том этого издания, раскрывающий своеобразие развития общественной мысли, особенности идеологической борьбы в самой Японии. Кроме того, из серийных изданий в 60-е гг. вышли собрание сочинений Кодзай Ёсисигэ в шести томах, философские произведения Мори Коити в двух томах⁵⁰. В эти же годы впервые издано полное собрание сочинений выдающегося философа-марксиста довоенной Японии Тосака Дзюн⁵¹.

Разработка японскими учеными-марксистами философских и социологических проблем, осмысление современных общественных явлений, новейших достижений естествознания осуществляется в борьбе с современной буржуазной идеологией, с ее идеалистическим мировоззрением. В послевоенный период в области идеологической конфронтации японские ученые-марксисты приобрели уже немалый опыт. Основное направление их теоретических выступлений — разоблачение реакционной сущности современных буржуазных сциентистских концепций, а также националистических, культурологических теорий, критика философских доктрин экзистенциализма, прагматизма, гуссерлианства, неопозитивизма и прочих современных идеалистических течений.

Эта разносторонняя критика японскими философами и социологами-марксистами буржуазной идеологии, ее различных течений и направлений, несомненно, активно способствует распространению в широких слоях японского народа передового научного мировоззрения марксизма-ленинизма.

* * *

Таково в самых общих чертах современное состояние тех сфер общественного сознания Японии, в которых особенно ярко проявляется его классовая, мировоззренческая сущность. Анализ основных тенденций развития этих сфер общественного сознания за послевоенные годы свидетельствует о продолжающемся обострении идеологической борьбы в Японии, отражающем углубление социальных противоречий современного японского общества, усиление в нем классовых, политических антагонизмов. Этот анализ столь же очевидно свидетельствует и о том, что в ходе этой идеологической борьбы, через все ее сложные перипетии, все более явно обозначаются дифференциация и поляризация сил — с одной стороны, стремящихся к поддержанию исторически обреченного капиталистического строя, с другой — выступающих за коренное его преобразование.

⁴⁹ Марукусуюги тэцугаку (Марксистская философия). Токио, 1968—1969, т. I—V.

⁵⁰ Кодзай Ёсисигэ. Тёсакусю (Собр. соч.). Токио, 1965—1969; Мори Коити. Юйбуцурон-но сисо то тосо (Мысли и борьба материалистов). Токио, 1961.

⁵¹ Тосака Дзюн. Дзэнсю (Полн. собр. соч.). Токио, 1967—1969.

ИСТОРИЯ

К 55-летию I съезда КПК

К. В. Шевелев,
кандидат исторических наук

Важнейшим результатом влияния Великого Октября на развитие революционных процессов в Китае явилось пробуждение к активной политической борьбе китайского пролетариата, распространение марксизма-ленинизма и образование КПК. Организационно партия китайских коммунистов оформилась на своем учредительном съезде летом 1921 г. Съезду предшествовала подготовительная работа, которая проводилась под руководством Секции восточных народов Сиббюро ЦК РКП(б) и Дальневосточного Секретариата Коминтерна. 14 октября 1920 г. Сиббюро телеграфировало Коминтерну о намерении созвать «ряд предварительных конференций» революционных и коммунистических организаций некоторых дальневосточных стран, включая Китай. Планировалось, что конференции завершатся в январе 1921 г. Но, по-видимому, в намеченный срок провести конференцию в Китае не удалось. Секция наставляла на открытие конференции «не позднее начала марта». Очевидно, именно тогда она и состоялась. Точная дата, место проведения и состав участников конференции пока не установлены.

Согласно письменному докладу китайской делегации III конгрессу Коминтерна, конференция положила начало размежеванию марксистов с анархистами и созданию объединенной организации сторонников марксизма. В этом же документе сообщается о выработке «Временной программы». «Программа эта устанавливает конструкцию и план работы нашей организации, выражает наше отношение к социалистической лиге молодежи, гильдиям и цехам, к культурно-образовательным обществам и к армии, а также... профессиональным союзам». Кроме того, как явствует из доклада, от имени конференции «была выпущена декларация наших целей и принципов». К сожалению, «Временную программу» и «Декларацию», упоминающиеся в докладе, пока разыскать не удалось.

В марте 1921 г. пионер марксистской мысли в Китае Ли Да-чжао призвал к учреждению партии китайских коммунистов. «Мы должны срочно создать... политическую партию простого люда, трудящихся, — писал он, — ...у наших друзей — коммунистов других стран имеется много организаций.... Центром их является III Интернационал... Почему же сторонники коммунизма в Китае не спешат с созданием крупной организации по примеру своих друзей — коммунистов других стран? ...Если ...сторонники коммунизма сумеют создать крепкую совершенную организацию и будут заботиться о воспитании ее членов, то последовательная великая перестройка китайского общества получит опору»¹. Рассказывая о РКП(б), организация которой «поистине изумительна», Ли Да-чжао связывал успех революционного обновления своей Родины с

¹ «Шугуан». Пекин, 1921, т. 2, стр. 93.

формированием компартии — подлинной выразительницы интересов трудового народа, руководителя его борьбы.

Учредительный съезд КПК проходил с 23 июля по 5 августа 1921 г. в Шанхае и Цзясине². В работе съезда приняли участие 12 делегатов, представлявших 53 человека, именовавших себя коммунистами. Ли Да и Ли Хань-цзюнь являлись делегатами от Шанхая, Чжан Го-тао и Лю Жэнь-цин — от Пекина. Дун Би-у и Чэнь Тань-цю представляли Ухань, Дэн Энь-мин и Ван Цзинь-мэй — Цзинань. Чэнь Гун-бо и Бао Хуэй-сэн были делегатами от Кантона (Гуанчжоу). Мао Цзэ-дун прибыл из Чанша. Чжоу Фо-хай представлял китайских коммунистов, находившихся в Японии³.

Председателем съезда был Чжан Го-тао, секретарями — Чжоу Фо-хай и Мао Цзэ-дун. Два наиболее видных деятеля коммунистического движения в Китае того времени — Ли Да-чжао и Чэнь Ду-сю — на съезде не присутствовали⁴.

В работе съезда участвовали представитель ИККИ для Дальнего Востока Г. Маринг и уполномоченный Дальневосточного секретариата ИККИ Никольский (псевдоним не раскрыт). Маринг поделился опытом работы на острове Ява и рекомендовал собравшимся обратить особое внимание на создание рабочих организаций. Никольский рассказал о положении в Советской России, об учреждении Дальневосточного Секретариата ИККИ. По его инициативе было решено направить в Иркутск телеграмму с информацией о работе съезда.

Перед делегатами стояла задача объединить разрозненные кружки в руководимую из одного центра партию, выработать программные и уставные положения, план практической работы, принять Манифест и избрать руководящие органы КПК.

Утвердив повестку дня, съезд заслушал сообщения о деятельности местных организаций. В своем выступлении Чжан Го-тао, в частности, признал, что «рабочая масса невежественна и неграмотна», «рабочие еще совершенно индифферентны к политике», «среди рабочих господствует крайний дух эгоизма: они чужды привычек коллективной жизни и всецело пропитаны консервативными традициями». По словам Чжан Го-тао, «патриотизм интеллигентских слоев еще не пустил корней среди пролетарской части населения». Не удивительно поэтому, что представители интеллигенции смотрят на пролетариат «как на класс достаточно невежественный, бедный и ничтожный» и «далеки от рабочего класса». Перед коммунистами, подчеркнул он, стоит «важная задача, требующая немедленного разрешения»: 1) пробудить в рабочем классе и бедноте интерес к политике и «дух восстания» и 2) заставить интеллиген-

² Точное время работы съезда долго не удавалось установить. В воспоминаниях делегатов съезда называются разные даты. — См. К. В. Шевелев. К датировке первого съезда Коммунистической партии Китая. — «Народы Азии и Африки», 1973, № 1, стр. 79. В КНР датой открытия считается 1 июля. В этот же день отмечается годовщина создания партии. Новая датировка работы съезда установлена советскими учеными на основе архивных данных. — См. М. А. Персиц. Из истории становления Коммунистической партии Китая. — «Народы Азии и Африки», 1971, № 4, стр. 51, 259; Новые материалы о первом съезде Коммунистической партии Китая (публикации Е. Ф. Ковалева и А. И. Картуновой). — «Народы Азии и Африки», 1972, № 6, стр. 151, 157.

³ Новые материалы о первом съезде Коммунистической партии Китая, стр. 151. По сообщению А. И. Картуновой, в то время в партии не было ни одного рабочего. — См. «Проблемы Дальнего Востока», 1973, № 1, стр. 141; «Коммунистический Интернационал», 1936, № 14, стр. 96—99; «Минбао юэкань», 1966, № 6, стр. 62—67.

⁴ Есть сведения, что Чэнь Ду-сю направил съезду проект программы партии. — См. С. Калачев (С. Н. Наумов). Краткий очерк истории Китайской Коммунистической партии. — «Кантон», 1927, № 10, стр. 33—34.

цию «принять участие в пролетарском движении, идти в рабочий класс».

Рассказав о начавшемся «сближении» с рабочими, Чжан Го-тао назвал наиболее реальными «боевыми лозунгами» борьбы трудящихся экономические требования. Вместе с тем в конце своего выступления докладчик заявил, что «мрачное политическое положение и окружающее нас прогнившее общество, ряд вопиющих общественных несправедливостей и жалкие экономические условия — все это факторы, легко могущие вызвать революционный взрыв. Сможем ли мы использовать легко воспламеняющийся дух пролетариата... все это будет зависеть от наших усилий в борьбе, которую мы ведем с красным знаменем в руках»⁵.

Судя по воспоминаниям Чэнь Тань-цю, на съезде выявилось течение, которое в китайской историографии получило название «легальных марксистов». Возглавил течение делегат шанхайского кружка Ли Хань-цзюнь. Ссылаясь на то, что китайский пролетариат слишком молод, не понимает идей марксизма и нуждается в длительной пропагандистско-воспитательной работе, Ли Хань-цзюнь отрицал необходимость создания подлинно пролетарской партии и выступал против диктатуры пролетариата, за буржуазную демократию. По его мнению, и в рамках буржуазной демократии можно легально организовывать и воспитывать пролетариат. Ли Хань-цзюнь советовал не спешить с созданием профессиональных рабочих организаций и предлагал направить все силы на развитие студенческого движения и культурно-просветительную работу. С точки зрения Ли Хань-цзюня, в первую очередь следовало организовать интеллигенцию, вооружить ее марксистской теорией, а потом, когда марксизм овладеет умами интеллигенции, можно будет с ее помощью взяться за организацию и воспитание рабочих⁶. Противопоставляя боеспособной пролетарской партии объединение передовой интеллигенции, легальную организацию, занимающуюся изучением и пропагандой марксистской теории, Ли Хань-цзюнь приходил к выводу, что членом партии может быть каждый, кто признает и пропагандирует принципы марксизма. Принадлежность к определенной партийной организации и участие в ее практической работе он считал необязательным.

В ходе развернувшейся на съезде оживленной дискуссии большинство делегатов во главе с Чжан Го-тао подвергло платформу Ли Хань-цзюня резкой критике, выступив за создание дисциплинированной, боеспособной партии, ориентирующейся на рабочий класс и провозглашающей своей конечной целью завоевание диктатуры пролетариата.

В то же время в выступлениях Лю Жэнь-цина и Бао Хуэй-сэна была высказана мысль, будто установление в Китае диктатуры пролетариата является ближайшей целью партии. Признавая единственной формой борьбы захват власти вооруженным путем, Лю Жэнь-цин и Бао Хуэй-сэн принципиально отвергали легальные и парламентские методы борьбы, а также блоки и союзы с другими политическими силами, включая гоминьдан. Относя интеллигентов к идеологическим представителям буржуазии, Лю Жэнь-цин считал необходимым, как правило, отказывать им в приеме в партию⁷.

⁵ Первый съезд революционных организаций Дальнего Востока. Пг., 1922, стр. 204—211; К. В. Шевелев. Образование Коммунистической партии Китая. М., 1974, стр. 155—157 (рукопись канд. дисс.).

⁶ «Коммунистический Интернационал», 1936, № 14, стр. 97. Примерно в том же духе было выдержано и письмо Ли Хань-цзюня II съезду КПК. — См. Цай Хэ-сэнь. Материалы по истории Компартии Китая. М., 1932, стр. 31—32 (на кит. яз.). Предложения Ли Хань-цзюня были отвергнуты. Вскоре он был исключен из партии.

⁷ «Коммунистический Интернационал», 1936, № 14, стр. 97.

В китайской историко-партийной литературе выступления Лю Жэнь-цзина и Бао Хуэй-сэна квалифицируются как еще одно, крайне «левое» течение, якобы тоже встретившее отпор со стороны большинства делегатов⁸.

Однако, как справедливо отметил В. И. Глунин⁹, резолюции съезда, скорее, свидетельствуют об обратном. Предложения Лю Жэнь-цзина и Бао Хуэй-сэна, вероятно, в крайней форме отражали волю большинства и были зафиксированы (правда, подчас в несколько сглаженном виде) в принятых съездом документах, а именно в «Первой программе Коммунистической партии Китая» и «Первом решении о целях Коммунистической партии Китая».

Хотя первый документ и называется «Программой», но на деле таковым не является, так как состоит из наиболее общих программных тезисов (пункты 1—3) и уставных положений (пункты 4—14)¹⁰. Характерно, что в записке «Конгресс Коммунистической партии в Китае» этот документ именуется «Конституцией партии», то есть ее уставом¹¹.

Перечисленные во 2-м пункте документа «Программные принципы» состояли в следующем:

а) вместе с революционной армией пролетариата свергнуть капиталистические классы, возродить нацию на базе рабочего класса и ликвидировать классовые различия;

б) установить диктатуру пролетариата, чтобы положить конец классовой борьбе, упразднить классы;

в) ликвидировать капиталистическую частную собственность, конфисковать все средства производства: машины, землю, постройки, сырье и т. д. — и передать их в общественную собственность;

г) объединиться с III Интернационалом».

Далее в «Первой программе» говорилось: «Наша партия принимает форму Советов, организует промышленных и сельскохозяйственных рабочих, солдат, пропагандирует коммунизм и признает социальную революцию как нашу главную политическую установку. Она абсолютно порывает все связи с желтой интеллигенцией и другими подобными партиями».

Таким образом, в документе закреплялся пролетарский характер КПК и установка на социалистическую революцию, свержение «капиталистических классов» и завоевание диктатуры пролетариата. Однако следует отметить, что последнее рассматривалось в качестве достаточно отдаленной перспективы. Ближайшие задачи партии предусматривали, в частности, участие «в политической борьбе, в выступлениях против милитаризма и бюрократии, в требованиях свободы слова, печати и соб-

⁸ У нас нет документальных данных о позиции, занятой на съезде Мао Цзэ-дуном. Не ссылаясь на источники, китайские авторы стереотипно сообщают, будто Мао боролся на съезде с правым и «левым» уклонами и отстаивал правильную точку зрения. — См. Ли Жуй. Начальный период революционной деятельности тов. Мао Цзэ-дуна. Пекин, 1957, стр. 150; Дин Шоу-хэ, Инь Сюй-и, Чжан Бо-чжао. Влияние Октябрьской революции на Китай. М., 1959, стр. 187. Весьма показательны, что в более поздней книге Дин Шоу-хэ и Инь Сюй-и, использовавших некоторые архивные материалы, это общее для китайской историографии место было опущено. — См. их работу «От просветительского движения 4 мая к распространению марксизма». Пекин, 1963, стр. 313—315.

⁹ В. И. Глунин. Коммунистическая партия Китая накануне и во время национальной революции (рукопись монографии).

¹⁰ В известных нам переводах этого документа отсутствует пункт 11.

¹¹ Конгресс Коммунистической партии в Китае, стр. 152.

раний»¹². Правда, четкого разграничения между программой-максимум и программой-минимум в документах еще нет.

«Первая программа» в своей уставной части несла на себе следы знакомства с одобренными II Конгрессом Коминтерна условиями приема в Коммунистический Интернационал¹³. Но основополагающий пункт о членстве в партии был сформулирован не в большевистском духе: в нем отсутствовало требование личного участия коммуниста в работе одной из партийных организаций. Вопреки уверениям маоистской историографии¹⁴, в документе нет указаний на то, что партия руководствуется марксистско-ленинским учением и строится по большевистскому образцу на принципах демократического централизма, отсутствовало и указание на то, что партия является передовым организованным отрядом пролетариата, высшей формой его организации.

При обсуждении «Первой программы» оживленно дебатировался на съезде пункт 14, в котором затрагивался вопрос о том, могут ли члены партии состоять на государственной службе и заниматься парламентской деятельностью. Большинство участников съезда пришло к выводу, что коммунистам не следует быть министрами, гражданскими губернаторами и вообще занимать ответственные административные посты¹⁵. Ограничение не распространялось, однако, на солдат, полицейских и мелких чиновников.

Острые разногласия вызвал вопрос о парламентской деятельности. Часть делегатов предлагала, чтобы на парламентских выборах выставлялись кандидатуры коммунистов, которые при избрании подчинялись бы партийному руководству. Настаивая на необходимости сочетания легальной и нелегальной деятельности, ряд делегатов подчеркивал, что возможности для вооруженных восстаний представляются не всегда, более того — редко, но в мирное время следует готовиться к восстаниям. В этих условиях залогом успеха является открытая пропаганда социализма, которую, по их мнению, следовало вести и с парламентской трибуны¹⁶.

Другая часть делегатов утверждала, будто участие в парламентской деятельности превратит КПК в соглашательскую, «желтую» партию. Ссылаясь на пример немецких социал-демократов, леваки говорили, что, став парламентариями, члены партии постепенно отказываются от своих принципов, превращаются в ренегатов, становятся частью «капиталистического класса» и видят в парламентаризме единственный метод борьбы и работы. Леваки предлагали «стоять вне парламента и вести борьбу». По-видимому, ни одна из сторон не смогла добиться перевеса, и пункт 14 было решено вновь рассмотреть на очередном съезде партии¹⁷.

Жаркие споры вызвал также пункт 5 «Первого решения о целях КПК» об отношении к существовавшим тогда политическим партиям. С точки зрения некоторых делегатов, пролетариат и его партия всегда должны бороться с другими партиями и в теории, и на практике. Однако отдельные участники съезда предлагали объединиться с «другими клас-

¹² Материалы по истории Коммунистической партии Китая. Токио, 1970, т. 1, стр. 57 (на яп. яз. Далее «Материалы...»).

¹³ См. В. И. Ленин и Коммунистический Интернационал. М., 1970, стр. 250—254; в переводе с английского документ был опубликован в журнале «Гунчаньдан», 7. IV. 1921.

¹⁴ М я о Ч у - х у а н. Краткая история Коммунистической партии Китая. М., 1958, стр. 17—18; История современной китайской революции. М., 1959, стр. 78—79.

¹⁵ Конгресс Коммунистической партии в Китае, стр. 152—153.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Конгресс Коммунистической партии в Китае, стр. 152—153. В июле 1922 г. II съезд КПК принял специальную резолюцию о парламентской деятельности, выдержанную в духе решений Коминтерна по данному вопросу.

сами» для ведения борьбы против общего врага — милитаристов, ибо без союзников китайский пролетариат пока не может установить свою власть. По их мнению, идя на союз с непролетарскими силами, КПК могла бы подвергаться критике платформу своих партнеров, причем такой курс способствовал бы вовлечению в политическую жизнь широких народных масс, содействовал бы количественному и качественному росту революционных сил. Но большинство голосов собрали сторонники первой точки зрения. Повторяя доклад представителя кантонской организации Чэнь Гун-бо¹⁸, авторы резолюции настаивали, что «по отношению к существующим политическим партиям должна быть принята позиция независимости, наступательности и недопущения их в свои ряды... Партии следует отстаивать интересы пролетариата и не вступать ни в какие взаимоотношения с другими партиями или группами»¹⁹.

Большое внимание уделили делегаты съезда деятельности коммунистов среди рабочих. Основной практической задачей партия считала завоевание, организацию, сплочение и политическое воспитание пролетариата. Именно проблемы рабочего движения наиболее ярко освещены в документах I съезда КПК.

В «Первом решении о целях Коммунистической партии Китая» в качестве главной задачи ставилась организация производственных профсоюзов. КПК считала необходимым привить союзам дух классовой борьбы и избегать превращения их в орудия других партий. Съезд заявил о желательности направления коммунистов в уже существовавшие гильдии и ремесленные союзы в целях их реорганизации. Исходя из опыта пекинского кружка, съезд отметил важность создания подготовительных курсов для рабочих и организации на их основе производственных профсоюзов.

Следует далее особо отметить, что съезд призвал к пополнению партии за счет рабочих.

Сконцентрировав свои усилия на организации рабочего класса и учитывая малочисленность партии, участники съезда были вынуждены оставить вопрос о работе с крестьянством открытым. Но, на наш взгляд, нельзя согласиться с мнением некоторых авторов, будто аграрно-крестьянская проблематика вообще не затрагивалась на учредительном съезде КПК²⁰. В документах съезда партия, подчеркивая свой пролетарский характер, вместе с тем заявляла о стремлении организовать сельскохозяйственных рабочих и солдат на борьбу за коммунизм. В «Первой программе КПК» прямо говорилось об участии коммунистов в деятельности крестьянских союзов и осуществлении партийного руководства ими. Наконец, в качестве одной из целей КПК провозглашалась национализация земли²¹.

Таким образом, китайские коммунисты с самого начала начали поиск средств для разрешения одного из самых сложных вопросов китайской революции.

Насколько известно, помимо «Первой программы» и «Первого решения о целях КПК», съезд принял также «Манифест»²². К сожалению, этот документ пока не найден. О содержании «Манифеста» рассказыва-

¹⁸ См. М. А. Персиц. Указ. соч., стр. 57.

¹⁹ Материалы..., стр. 57.

²⁰ См., например: А. М. Малухин. Пэн Бай — герой китайской революции. М., 1975, стр. 20.

²¹ Материалы..., стр. 54, 55.

²² Подробно см. К. В. Шевелев. О Манифесте I съезда КПК. — Пятая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы и доклады. М., 1974, стр. 300—310.

ется в мемуарах некоторых делегатов. По сообщениям Ли Да и Чэнь Гун-бо, он состоял из двух частей: в первой описывалось экономическое и политическое положение в Китае и говорилось о необходимости социальной революции в стране. Этот анализ базировался на положениях «Коммунистического Манифеста», выдержками из которого начинался и заканчивался документ. Во второй части была дана характеристика классовой природы бэйянских милитаристов (Пекин) и правительства Сунь Ят-сена (Кантон): ставилась задача свержения пекинского правительства и выражалось неудовлетворение политикой южных властей. По словам Чэнь Гун-бо, в «Манифесте» даже подчеркивалось, что правительство Сунь Ят-сена ничем не лучше северных милитаристов²³.

О критическом отношении к Сунь Ят-сену, характерном для I съезда КПК, вспоминал и Чжоу Фо-хай. Согласно его мемуарам, в ходе заседания в Цзясине Чжан Го-тао и другие ставили правительства Севера и Юга на одну доску и призывали к борьбе против них обоих. Хотя часть делегатов предлагала сотрудничать с Сунь Ят-сеном, большинством голосов была принята платформа Чжан Го-тао. Далее Чжоу Фо-хай отмечал, что отсутствовавшие в Цзясине представители Коминтерна, в частности Г. Маринг, отменили это решение I съезда²⁴.

В заключение своей работы делегаты избрали Временный Центральный Исполнительный Комитет (по другим данным — Центральное бюро) в составе: Чэнь Ду-сю (секретарь), Чжан Го-тао (ответственный за оргработу) и Ли Да (ответственный за пропаганду). До приезда Чэнь Ду-сю в Шанхай его обязанности выполнял Чжоу Фо-хай.

Проведенный советскими учеными анализ работы съезда²⁵ показывает, что большинство делегатов, отстаивая общие принципы марксизма, было в то время еще довольно далеко от понимания характера и движущих сил китайской революции, а также вытекавших из этого политических задач пролетариата и его партии. Преобладала тенденция рассматривать завоевание диктатуры пролетариата в качестве непосредственной, хотя и достаточно отдаленной цели КПК. Заметно было и прямое противопоставление политической борьбы пролетариата всем иным движениям и партиям. Как явствует из сохранившихся документов, по некоторым принципиальным вопросам съезд занял сектантскую позицию, к которой вполне применима критика, данная В. И. Лениным в его книге «Детская болезнь «левизны» в коммунизме».

Вполне объяснимые молодостью коммунистического движения и крайней сложностью политической обстановки того времени недостатки в работе съезда не могут заслонить главного факта: в июле — августе 1921 г. была основана Коммунистическая партия Китая, определены программные цели — осуществление социалистической революции, завоевание диктатуры пролетариата и построение коммунистического общества. Съезд выразил стремление первых китайских коммунистов сформировать в стране пролетарскую партию и стал важным шагом на пути к соединению научного социализма с рабочим движением в Китае. Следует особо отметить, что съезд признал необходимым крепить единство с международным коммунистическим движением, центром и форумом которого был Коминтерн.

²³ Там же, стр. 301—302.

²⁴ Сборник воспоминаний Чэнь Гун-бо и Чжоу Фо-хая. Гонконг, 1967, стр. 142. По мнению новозеландского сиолога Д. Бинга, именно благодаря Марингу «Манифест» не был опубликован. — См. «The China Quarterly», London, 1971, № 48, p. 681.

²⁵ См., например: Коминтерн и Восток. М., 1969, стр. 246, 251; Новейшая история Китая. М., 1972, стр. 62—63.

О «движении 9 декабря» 1935 года

А. С. Титов

Сорок лет тому назад, 9 декабря 1935 г., студенты различных учебных заведений Пекина, руководимые китайскими коммунистами, вышли на демонстрацию протеста против разбойничьего захвата японскими империалистами Северного Китая и политических уступок Японии со стороны нанкинского правительства. Они требовали сохранения территориальной целостности и политической независимости Китая, прекращения гражданской войны и вооруженного отпора японской агрессии.

Это событие положило начало новому широкому всекитайскому антияпонскому движению, явилось откликом на новую политику Китайской коммунистической партии, разработанную на основе исторических решений VI конгресса Коминтерна и направленную на сплочение всех социальных слоев китайского народа для отпора японской агрессии. Оно способствовало формированию единого национального антияпонского фронта. Основы этой политики были изложены в ряде документов КПК и прежде всего в «Обращении к народу об отпоре Японии и спасении Родины» от 1 августа 1935 г., которое было подготовлено совместно с ИККИ делегацией КПК в Коминтерне.

«Все знают, — говорилось об этом обращении в статье, опубликованной в органе КПК «Цзефан» в 1938 г. по случаю третьей годовщины «движения 9 декабря», — что это один из самых великих документов в истории китайской нации, который указал китайской нации единственно возможный путь к спасению — единый национальный антияпонский фронт. Этот документ оказал на всех соотечественников, независимо от рода занятий и партийной принадлежности, очень глубокое воздействие и влияние, и китайские коммунисты в Северном Китае немедленно стали воплощать в жизнь линию, указанную ЦК КПК, и во всех отношениях начали перестраивать свою работу»¹.

Даже некоторые газеты, находившиеся под контролем гоминьдана, откликнулись на обращение КПК к народу от 1 августа 1935 г. Так, газета «Дагун бао» 10 октября 1935 г. писала: «Все еще говорят о коммунистической опасности, но Компартия — это китайский народ, ее действия направлены на улучшение жизни крестьян, а коммунистическая молодежь, не сгибающаяся от трудностей и лишений, — разве она не относится к героическим элементам Китая?» И газета требует далее «отбросить во внутренней политике узко классовые интересы и развивать национальную организованность»².

Важную роль в разработке, пропаганде и претворении в жизнь новой политики партии сыграла делегация КПК в Коминтерне, возглавляемая

¹ «Цзефан», № 58, Яньань, 1938, стр. 14—19.

² Цит. по В. П. Илюшечкину. Студенческое движение 9 декабря 1935 г. в Китае. — Институт Востоковедения. Краткие сообщения, вып. VII, М., 1952, стр. 6—7.

Ван Минном. При помощи Исполкома Коминтерна ею было разработано и обнародовано «Обращение к народу об отпоре Японии и спасении Родины» от 1 августа 1935 г., а также организовано издание (в Париже) и распространение в Китае и за границей органа КПК газеты «Цзюго бао» («Спасение Родины», позднее она стала называться «Цзюго шибао»), прокламаций, листовок, брошюр, памфлетов и т. п. В Китае все крупные города и промышленные центры регулярно получали газету «Цзюго бао», тираж которой в 1936 г. увеличился до 17 300 экз. (из них свыше 8000 экз. направлялось в Китай). Газета «Цзюго бао», а также прокламации, листовки, брошюры и другие материалы, направлявшиеся делегацией КПК в Коминтерне в Китай, сыграли большую роль не только в деле развертывания движения за единый национальный антияпонский фронт, но и в деле организации и оказания помощи местным партийным организациям, отдельным коммунистам, оказавшимся без связи и руководства. Дело в том, что после ухода в 1934 г. основной массы коммунистов и большинства членов ЦК КПК вместе с главными силами китайской Красной армии в Северо-западный поход и провала Шанхайского Бюро ЦК КПК в том же году организационная целостность партии была нарушена. Многие местные партийные организации и коммунисты особенно в городах и в важнейших районах Китая, оказавшись вне связи с директивными и руководящими органами партии, черпали необходимые указания из газеты «Цзюго бао», листовок*, прокламаций и отдельных брошюр, которые распространялись в Китае, и боролись за претворение в жизнь новой политики КПК. Они активно включились в организацию массово-политической работы среди населения, особенно среди студенчества, молодежи и интеллигенции в Северном Китае (Пекин, Тяньцзинь), где острее чувствовалась японская агрессия и смертельная угроза, нависшая над страной. Все это и нашло отражение в выступлении пекинских студентов и последовавшем за ним широком массовом антияпонском движении в Китае.

Непосредственным поводом для выступления пекинского студенчества послужило создание японцами в конце ноября 1935 г. в восточной части провинции Хэбэй марионеточного «Восточно-Хэбэйского автономного антикоммунистического правительства» во главе со своим агентом Инь Жу-гэном и 8 декабря 1935 г. капитулянтского «Автономного Хэбэй-Чахарского политического совета». Эти японские мероприятия были направлены на захват Северного Китая; путем постепенного расчленения Китая, японцы намеревались превратить его в свою колонию.

В своем воззвании, адресованном панкинскому правительству, всем учебным заведениям, редакциям газет, телеграфным агентствам, организациям журналистов и народным массам Китая, пекинские студенты 6 декабря 1935 г. писали: «В течение нескольких лет наша нация переживает огромные трудности. Угроза утраты территориальной целостности, суверенитета дошла до такой степени, что дальнейшее отступление невозможно... Япония с каждым днем расширяет сферу своего влияния в Китае. Экономические интересы Северного Китая, его суверенитет в короткий срок были попорчены Японией. Сильный враг уже вошел в самое сердце Китая, поэтому медлить дальше невозможно. К несчастью, «автономия» уже осуществлена. Под предлогом «автономии» и истребления коммунистов враги по своему усмотрению распоряжаются нашим государством, что приведет к полному уничтожению китайской нации. Един-

* В виде листовки было издано и распространялось в Китае Обращение КПК к народу от 1 августа 1935 г. и другие документы, в которых излагались основы новой политики КПК.

ственный выход из создавшегося положения — решительное сопротивление врагу... Мы поклялись до самой смерти сопротивляться нашим врагам, против «автономистского» движения, а также против преследований нашей борьбы за полную независимость родины». И далее: «Хотя враг уже протянул свои руки к Северному Китаю, захватил последний, однако нанкинское правительство не приняло никаких мер к отпору...»³.

Организаторами и руководителями выступления пекинских студентов 9 декабря были китайские коммунисты, работавшие в Северном Китае. Для пропаганды новой политики партии и ее установок они создали в исключительно трудных условиях свой печатный орган «Хуабэй Фэнхо» («Маяк Северного Китая»), впоследствии название неоднократно менялось: «Чжунго жэнь» («Китаец»), «Чанчэн» («Великая китайская стена»), «Гофан» («Национальная оборона»), «Жэньминь чжю» («Друг народа»), который призывал широкие массы народа сплотиться для отпора Японии и спасения Родины, выступал за прекращение гражданской войны, разоблачал происки японских империалистов и их приспешников в Китае. Одновременно подпольные коммунистические организации в Пекине и Тяньцзине активизировали свою работу среди студентов и учащейся молодежи, которые подвергались менее жестокому надзору со стороны гоминьдановских властей, нежели рабочие, их легче было поднять на выступление. Эти выступления явились той искрой, которая разожгла пламя могучего национально-освободительного и революционного движения. Кроме того, китайские коммунисты учитывали, что руководимая партией студенческая молодежь могла стать приводным ремнем между партией и широкими народными массами, стать пропагандистом и агитатором новой политики КПК, направленной на создание единого национального антияпонского фронта⁴.

В результате большой работы, проведенной китайскими коммунистами среди студенческой и учащейся молодежи, были созданы и восстановлены осенью 1935 г. в ряде пекинских университетов и учебных заведений студенческие комитеты, а также патриотические общества: в Пекинском университете — общество «Пламя» и Антиимпериалистическое общество, в университете Цинхуа — Общество современных проблем и ряд других. 18 ноября 1935 г. в Пекине состоялось совещание представителей одиннадцати высших учебных заведений города (Цинхуа, Яньцзин, Бэйда, Чжунго и др.). На этом совещании было принято решение о восстановлении запрещенного в течение длительного времени Пекинского городского студенческого союза, который стал центром полулегальной деятельности китайских коммунистов. Студенческие союзы были в то время наиболее удобной формой массовой организации учащейся молодежи. Они могли существовать открыто, что давало возможность коммунистам сочетать легальные и нелегальные методы работы. Во главе Пекинского городского студенческого союза, по далеко неполным данным, стояли следующие коммунисты: Дун Юй-хуа (студент университета Чжунго, погиб в 1938 г. в ходе антияпонского восстания горняков г. Таншаня), Ян Сюэ-чэн (студент университета Цинхуа, возглавлял партийную организацию в Западном районе Пекина, где были сосредоточены крупнейшие

³ «Движение 9 декабря», Пекин, 1935, стр. 146—148 (на кит. яз.).

⁴ Деятельность подпольных коммунистических организаций Пекина и Тяньцзиня не ограничилась работой среди учащейся молодежи. Под их руководством развернулась деятельность Хэбэйской лиги работников культуры и ряда других организаций. Хэбэйская лига работников культуры выпустила ряд обращений, в которых пропагандировались лозунги КПК, содержавшие призыв к прекращению гражданской войны и мобилизации всего народа на войну против Японии. См.: В. П. Илюшечкин. Студенческое движение 9 декабря 1935 г. в Китае, стр. 9—10.

учебные заведения города — Цинхуа, Яньцзин и др., умер в 1944 г. в возрасте 28 лет от туберкулеза), Цзян Нань-сян (студент университета Цинхуа, после победы китайской революции в 1949 г. один из руководителей Народно-Демократического Союза Молодежи Китая, кандидат в члены ЦК КПК), Ли Чан (студент университета Цинхуа, в 1936 г. возглавил революционную молодежную организацию «Авангард борьбы за национальное освобождение Китая», созданную в ходе «движения 9 декабря» в начале 1936 г., кандидат в члены ЦК КПК восьмого созыва), Ван Жумэй, он же Хуан Хуа (студент Яньцзинского университета) и др. Руководили студенческим движением в Пекине и Тяньцзине секретарь Пекинского горкома КПК Юй Ци-вэй **, секретарь комитета Союза коммунистической молодежи в Калгане Пэн Вэнь-лун *** и др. С марта 1936 г. к руководству студенческим движением подключился Лю Шао-ци, который в то время возглавлял Северо-Китайское Бюро ЦК КПК. По некоторым данным, в руководстве студенческим движением принимали также участие Кэ Цин-ши, Чэнь Бо-да и др. Коммунист Чжан Дэ-мин руководил борьбой тяньцзиньских студентов. В ряде высших учебных заведений Пекина китайскими коммунистами были созданы подпольные партийные и комсомольские организации. В частности, в университете Цинхуа партийную организацию возглавлял Цзян Нань-сян, а комсомольскую — Ли Чан⁵.

Именно китайские коммунисты были инициаторами и организаторами выступления пекинских студентов 9 декабря 1935 г. Накануне этого выступления, в ночь с 8 на 9 декабря 1935 г., состоялось специальное совещание на квартире у одного из партийных работников в западной части Пекина, на котором обсуждалась программа действий студентов во время демонстрации 9 декабря 1935 г.

Японская военщина в Северном Китае и послушные им пекинские власти, узнав о готовящемся выступлении пекинских студентов 9 декабря 1935 г., закрыли все городские ворота, чтобы воспрепятствовать входу в город студентов учебных заведений, расположенных в пригороде Пекина, в частности университетов Яньцзин и Цинхуа. Для охраны ворот и предотвращения выступлений студентов в городе были мобилизованы войска и вооруженная полиция. Однако, несмотря на все эти меры, демонстрация пекинских студентов все же состоялась. Она проходила под лозунгами: «Долой японский империализм», «Вооруженным путем защитим Северный Китай!», «Прекратить гражданскую войну», «Свобода патристическому движению за спасение Родины» и т. п.⁶. Во время демонстрации произошли столкновения с войсками и полицией. Несколько сту-

** Юй Ци-вэй (он же Хуан Цзин), 1911 года рождения, уроженец провинции Чжэцзян, учился в Шаньдунском университете, в 1932 г. вступил в КПК, в 1933 г. — зав. отделом пропаганды горкома КПК в Циндао, в том же году выехал в Пекин, в 1935 г. был одним из руководителей студенческих выступлений в Пекине и «движения 9 декабря». В период антияпонской войны был одним из организаторов антияпонских баз в Северном Китае, секретарем парткомов освобожденных районов. После победы китайской революции в 1949 г. занимал ряд руководящих партийных и административных постов, член ЦК КПК, умер в 1958 г.

*** Пэн Вэнь-лун (он же Пэн Тао), 1913 г. р., уроженец провинции Цзянси, в 1927 г. вступил в комсомол, а в 1932 г. в КПК. Один из руководителей «движения 9 декабря», в 1956—1959 гг. — министр химической промышленности КНР, умер в 1961 г.

⁵ См.: К. В. Кукушкин. Борьба Коммунистической партии Китая за единый национальный фронт (1935—1937 гг.). — «Вопросы истории», № 2, 1956, стр. 60—61. «Чжунго циниянь», 1950, № 53—54, стр. 26—27, «Цзефан», 1939, № 93, стр. 21; I s t a e l John. Student Nationalism in China, 1927—1937. Stanford, California, 1966, p. 147, 154.

⁶ «Движение 9 декабря», стр. 11—12.

дентов было убито, много ранено и свыше 40 человек арестовано. В тот же день вечером Пекинский городской студенческий союз принял решение начать всеобщую студенческую забастовку. На следующий день состоялись массовые митинги в ряде учебных заведений Пекина. Они поддержали решение Студенческого союза о забастовке и его требования об освобождении арестованных студентов, наказании полицейских и военных, которые избивали студентов во время демонстрации. К 13 декабря бастовали почти все студенты университетов Яньцзин, Цинхуа, Бэйда и других высших и средних учебных заведений Пекина.

В связи с объявлением о созыве 16 декабря 1935 г. марионеточного Хэбэй-Чахарского политического совета Пекинский городской студенческий союз принял решение провести в этот день массовую демонстрацию протеста. 16 декабря на улицы Пекина вновь вышли четыре колонны студентов и несколько тысяч горожан. Вместо знамен они несли окровавленные одежды своих товарищей, убитых и раненых 9 декабря. На руках у демонстрантов были траурные повязки в знак скорби по жертвам 9 декабря. Пройдя по улицам, они собрались на митинг и приняли резолюцию, в которой, помимо требований, выдвинутых 9 декабря, содержались еще требования распустить Хэбэй-Чахарский политический совет, отказаться от политики уступок Японии, освободить арестованных студентов, возместить расходы на лечение раненых, официально извиниться перед студентами за зверства во время демонстрации 9 декабря. На митинге также было принято решение обратиться с воззванием к народу Китая и народам всего мира с призывом о единодушном выступлении против японской агрессии в отношении Китая, «автономии Северного Китая», за поддержку и свободу патриотического студенческого движения в Китае. Во время демонстрации 16 декабря вновь произошло столкновение с полицией, в результате были убиты и ранены, многие студенты были арестованы⁷.

Сообщение о патриотических демонстрациях пекинских студентов и расправе над ними быстро распространилось по всему Китаю. Самоотверженная борьба пекинской молодежи всколыхнула широкие народные массы Китая. Волна патриотических выступлений прокатилась по всей стране. В них, помимо студентов и учащихся, активно участвовали рабочие, деятели культуры и искусства, служащие, торговцы и другие представители городского населения. Массовые демонстрации солидарности с пекинскими студентами и митинги за спасение Родины состоялись в Кантоне, Ханчжоу, Тяньцзине, Нанкине, Шанхае, Ханькоу, Тайюани, Кайфыне, Сиани, Чунцине, Ланьчжоу, Баодине и во многих других больших и малых городах⁸.

В ответ на прокатившуюся волну демонстраций нанкинское правительство объявило 26 декабря 1935 г. главные города (Нанкин, Шанхай, Ханькоу и др.) на военном положении. Были запрещены всякие собрания и манифестации, введена строгая цензура, с 12 часов ночи и до 6 утра было запрещено пешеходное движение по улицам⁹. Одновременно нанкинское правительство пыталось расколоть студенческое движение при помощи специально подготовленной студенческой конференции, которая была созвана 15 января 1936 г., а также путем создания специальных прогоминьдановских студенческих организаций и обществ. Однако эта попытка не имела успеха. Патриотическое студенческое движение продолжало бурно развиваться. Оно обеспокоило и японскую военщину,

⁷ См.: «Мишю жибао», 17.XII.1935; «Цзесфан», 1939, № 93; сборник «Движение 9 декабря», Пекин, 1954, стр. 14—15.

⁸ «Цзюго жибао», 1936, № 4, 54; «Движение 9 декабря», 1954, Пекин, стр. 80—90.

⁹ «Шишбао», 27.XII.1935.

представители которой в Пекине, Кантоне и других городах выступили с протестами и требованиями к нанкинскому правительству и местным властям о принятии решительных мер в отношении антияпонских выступлений и особенно студенческого движения. С другой стороны, японская военщина была вынуждена несколько ослабить свои усилия в начатой ею кампании за автономию Северного Китая¹⁰.

Выступление пекинских студентов в декабре 1935 г., вызвавшее мощное патриотическое движение по всему Китаю за спасение Родины, прекращение гражданской войны и отпор японской агрессии, получило название «движения 9 декабря».

Китайские коммунисты, находившиеся в подполье в городах, принимали активное участие в «движении 9 декабря». Они были душой этого движения и использовали его в целях осуществления новой политики КПК, которая учитывала объективные закономерности развития политической обстановки в стране и изменения в расстановке классовых сил. При помощи и под руководством китайских коммунистов студенческое «движение 9 декабря» превратилось и разрослось в мощное всенародное движение. В нем участвовали широчайшие народные массы, главным образом городского населения, включая рабочий класс Китая. Именно китайские коммунисты связали патриотическое студенческое движение с борьбой широких народных масс, побудили студентов пойти в гущу народа — к рабочим, крестьянам, солдатам с целью их мобилизации и организации на борьбу против японских захватчиков. Вместе с китайскими коммунистами студенты и учащиеся распространяли среди рабочих антияпонские листовки. В конце января и начале марта 1936 г. рабочие Шанхая вместе со студентами провели демонстрации. Такие же демонстрации состоялись в Кантоне, Ханькоу и других городах.

В своем воззвании к рабочему классу Китая китайские студенты писали: «Дорогие братья рабочие! Мы, студенты, хотя и не имеем достаточно сил, однако имеем горячую кровь. Рискаю жизнью, мы идем спасать государство, спасти себя, спасти народ... У вас больше сил, чем у нас... Ведь все вещи в окружающей нас жизни созданы вашими руками. Если бы не было вас — рабочих, терпящих страдания и горечь, мир не мог бы существовать. Если вы сплоченно восстанете, то кто сможет устоять перед вами... Рабочие и студенты во всей стране, объединяйтесь» ****.

В конце декабря 1935 г. по инициативе пекинских и тяньцзиньских коммунистов были созданы четыре студенческих агитационных отряда общей численностью более 1000 человек для работы среди населения провинции Хэбэй. Разбившись на небольшие группы, они распространяли пропагандистскую литературу и листовки, устраивали митинги, собрания, театральные представления, создавали ассоциации спасения родины. Пример пекинских и тяньцзиньских студентов был подхвачен учащимися ряда городов. Студенты Шанхая, Кантона, Уханя, Уси и других посылали крупные агитационные отряды для работы среди населения соответствующих провинций. Эти походы, с одной стороны, способствовали расширению патриотического движения за отпор японской агрессии и спасение страны под лозунгами КПК, с другой — дали возможность демократической молодежи ближе узнать нужды китайского народа.

Для работы среди солдат студенты добровольно вступали в армию. Движение за добровольное вступление студентов в армию достигло особенно широкого размаха в Пекине и Тяньцзине в 1936 г. Главным объектом студенты избрали 29 гоминьдановскую армию Сун Чжэ-юаня. Меж-

¹⁰ Israel John. Student Nationalism in China, p. 128—142.

**** Воззвание было отпечатано в виде листовки и распространялось нелегально.

ду студентами и личным составом этой армии установились довольно дружественные отношения. 14 ноября 1936 г. несколько сот пекинских студентов присутствовало в качестве гостей на военном смотре 29 армии. Они вручили командованию знамена, а солдатам преподнесли подарки (полотенца, фрукты и т. п.)¹¹. Как известно, 29 армия оказала упорное сопротивление японским захватчикам во время так называемого «инцидента 7 июля 1937 г.» у Лугоуцяо, вблизи Пекина, положившего начало японо-китайской войне. В боях за Пекин и Тяньцзинь в июле 1937 г. участвовало свыше 1000 студентов, прошедших военную подготовку в 29 армии, многие из них погибли¹².

Вместе с китайскими коммунистами активное участие в «движении 9 декабря» принимали и китайские комсомольцы. В решении ЦК КПК от 1 ноября 1935 г. о работе среди молодежи, разработанном делегацией КПК в Коминтерне и делегацией Коммунистического Союза молодежи Китая в КИМ, предусматривалась реорганизация Коммунистического Союза молодежи Китая в массовую беспартийную организацию борьбы за национальное освобождение. Это было сделано для привлечения широких кругов молодежи к участию в едином национальном фронте отпора Японии и спасения Родины. Китайским комсомольцам предлагалось вступать во все существовавшие в то время массовые организации молодежи, использовать все легальные и полуполигальные возможности для создания и расширения патриотических молодежных организаций. В соответствии с этим решением в начале 1936 г. в Пекине по инициативе китайских коммунистов и комсомольцев была создана революционная молодежная организация Авангард борьбы за национальное освобождение Китая, которая сыграла очень важную роль в «движении 9 декабря». С трехсот членов в момент создания 21 января 1936 г. Авангард борьбы за национальное освобождение Китая расширился до 600 членов в мае, 1200 членов в сентябре и свыше 2000 членов в ноябре 1936 г. только в Северном Китае¹³. Отделения «Авангарда» были созданы во всех крупных городах. К первому съезду, который состоялся 6 февраля 1937 г. в Пекине, Авангард борьбы за национальное освобождение Китая насчитывал свыше 20 тыс. членов. Находясь под руководством китайских коммунистов, Авангард борьбы за национальное освобождение Китая фактически возглавил патриотическое студенческое движение в Китае. Одновременно он стал надежным резервом и помощником КПК в осуществлении ее новой политики. Авангард был инициатором и организатором массового похода китайской молодежи накануне и во время японо-китайской войны в революционную базу Шэньси—Ганьсу—Нинся. После начала войны против японских захватчиков многие члены этой организации приняли участие в боевых действиях и в работе по созданию опорных баз в тылу врага.

Сразу же после начала патриотического «движения 9 декабря» по инициативе и под руководством Коминтерна, Коммунистического Интернационала Молодежи, делегаций КПК и китайского комсомола в ИККИ и КИМ, а также коммунистических и рабочих партий разных стран была развернута во всем мире широкая кампания солидарности с патриотическим движением китайского студенчества. В этих целях были использованы различные студенческие и молодежные организации, в частности Международное объединение студентов, руководство которого в то время находилось в Париже, студенческие организации борьбы за мир в

¹¹ Israel John. Student Nationalism in China, p. 166.

¹² Ibid., p. 224.

¹³ Ibid., p. 138, 166.

Англии, Франции, США и других странах, организации «друзей китайского народа», созданные в различных странах, объединения китайских студентов и молодежи за границей, Ассоциации друзей Лиги Наций и т. д. При их активном участии организовывались в различных странах митинги, конференции, собрания для выражения солидарности со студентами, всем китайским народом, борющимся за независимость своей страны; направлялись делегации в китайские посольства с требованием предоставления свободы действия китайским патриотам для защиты своей родины, свободы слова, печати, организаций, антияпонской пропаганды. К японским посольствам направлялись делегации с протестом против захватнических действий японской военщины в отношении Китая.

29 февраля — 1 марта 1936 г. в Брюсселе состоялась международная студенческая конференция солидарности с китайскими патриотами. Она осудила японскую агрессию, поддержала патриотическое движение китайских студентов и обратилась с требованием к китайскому правительству о предоставлении свободы действий китайским патриотам в их борьбе за независимость родины.

Другая международная студенческая конференция солидарности с китайскими студентами состоялась в Лондоне 14 и 15 марта 1936 г. В ней участвовали представители студенческих организаций Англии, Франции, Бельгии, США, китайских студентов в Европе, представители общества Друзья китайского народа и видные представители английской общественности — настоятель Кентерберийского собора Хьюлетт Джонсон, профессор Кембриджского университета Кеннет Макензи, лорд Марлей, писательница Чэстерт, видные лейбористы Доротея Вудман и Морган Джонс и др. Конференцию открыл и председательствовал на ней Хьюлетт Джонсон. На конференции единодушно было принято обращение к студентам всего мира с призывом поддержать китайских студентов. В обращении говорилось: «Китайские студенты, защищая свою древнюю культуру от разрушения, борясь за освобождение китайского народа от ига иностранного захватчика и оказывая сопротивление японскому наступлению, являются передовым отрядом борьбы за мир, за свободу, за защиту культуры. Мы призываем студенческие организации и студентов всех стран выразить свою солидарность этой борьбе, организовать связь с китайскими студентами, оказывать им материальную помощь в осуществлении единства китайского народа и прекращения внутренних раздоров перед лицом японской агрессии. Мы призываем их к организации выступлений и обращений к различным правительствам с настойчивым требованием использовать аппарат и авторитет Лиги Наций для того, чтобы преградить путь проделкам Японии, помешать войне на Дальнем Востоке, поддержать борьбу китайского народа за его независимость».

Конференция обратилась с призывом к китайскому правительству освободить всех студентов, арестованных за участие в недавних демонстрациях и предоставить студенческим организациям свободу слова, печати, организаций и деятельности.

В течение всего 1936 г. во всем мире продолжалась широкая кампания осуждения японской агрессии и солидарности с китайским народом, а также сбор денег для оказания помощи китайским студентам и для направления в Китай студенческих делегаций. Были установлены контакты с организациями китайских студентов в Китае и обмен материалами о ходе кампании солидарности с китайским народом в различных странах и патриотическим студенческим движением в Китае. В феврале 1936 г. Международное объединение студентов направило студентам Пекина, Тяньцзиня, Шанхая, Кантона и других городов открытое письмо с выражением солидарности и подробным изложением развития во всем

мире студенческого движения за мир, свободу и поддержку борьбы китайского народа за свою независимость. Это письмо было опубликовано в ряде студенческих газет, в частности в студенческой газете университета Нанькай в Тяньцзине, в университете Фудань в Шанхае и др.

В своих письмах, адресованных Международному объединению студентов, китайские студенты выражали сердечную благодарность за поддержку их борьбы, отмечали, что эта поддержка встречает глубокий отклик среди китайских патриотов и вдохновляет их в борьбе за независимость своей родины, несмотря на жестокие преследования и репрессии со стороны местных и гоминьдановских властей, идущих на поводу у японской военщины. Студенты пекинского университета Цинхуа в своем письме Международному объединению студентов от 7 марта 1936 г. писали: «Мы повсюду изменили методы нашей работы. Раньше все внимание мы обращали на объединение сил студентов в Пекине. Теперь мы сосредоточиваем свои усилия главным образом на том, чтобы пойти с нашей пропагандой в массы... мы хотим направить все внимание народа на борьбу с японцами. Мы хотим, чтобы весь народ поднялся против нынешних сделок с Японией».

Китайские студенты возлагали большие надежды на солидарность студенчества всего мира и выражали желание тесно сотрудничать с Международным объединением студентов. Информировав французских студентов о том, что большое количество китайских студентов было серьезно ранено французской полицией на территории международного селтльмента в Шанхае, Шанхайская студенческая ассоциация спасения Родины обратилась к ним с призывом выразить протест по этому поводу французскому правительству. В то же время шанхайские студенты благодарили лорда Марлей за его протест против антистуденческих действий английской полиции на территории международного селтльмента в Шанхае.

В апреле 1936 г. Международное объединение студентов постановило провести с 22 по 29 апреля неделю помощи китайским студентам под лозунгом «Борьба китайских студентов — наша борьба!». Узнав об этом, пекинские и тяньцзиньские студенты провели в апреле 1936 г. забастовку в поддержку движения молодежи всего мира, направленного против фашизма и агрессии, считая, что оно сливается с патриотическим движением в Китае. Всекитайская студенческая лига послала своих представителей для участия в первом конгрессе молодежи мира, который открылся в августе 1936 г. в Женеве¹⁴.

По инициативе и под руководством китайских коммунистов 28 марта 1936 г. в Шанхае состоялась конференция представителей студенчества 16 центральных городов Китая. На конференции было принято решение о воссоздании Всекитайской студенческой лиги, которая была распущена гоминьданом в 1929 г., и был образован подготовительный комитет. В своем обращении подготовительный комитет Всекитайской студенческой организации писал: «С 9 декабря 1935 г. наше движение за спасение Родины уже охватило весь Китай и завоевало широкое сочувствие. Однако, призывая всех китайских братьев объединиться против Японии за спасение Китая, мы сами должны прежде всего объединиться, должны создать единый фронт и надлежащим образом подготовить наше наступление. ...Мы хотим как можно скорее создать всекитайский антияпонский единый фронт за существование китайского народа» *****.

¹⁴ См. «Жэньминь жибао», 9.XII.1950. Israel John. Student Nationalism in China, p. 147—148.

***** Обращение было напечатано в виде листовки и распространялось нелегально.

В конце мая 1936 г. была воссоздана Всекитайская студенческая лига. В результате бурного развития патриотического движения, особенно после 9 декабря 1935 г., во всех крупных городах страны, в провинциальных и уездных центрах, на отдельных предприятиях, в учебных заведениях были созданы организации национального спасения. Они объединяли самые различные общественные силы — рабочих, крестьян, учащихся, преподавателей, деятелей культуры и искусства, торговцев, служащих, военных и т. п. По инициативе китайских коммунистов 31 мая — 1 июня 1936 г. в Шанхае состоялся съезд представителей этих организаций (72 представителя от 58 организаций из 20 с лишним городов), который принял решение о создании Всекитайской лиги национального спасения. Съезд также принял программу и устав лиги, избрал исполнительный комитет лиги в составе 45 человек и принял обращение к народу. В основу программных документов лиги были положены установки КПК, выданные в ее историческом обращении от 1 августа 1935 г.¹⁵ Руководители лиги, в частности Сун Цин-лин и др., были связаны с организацией КПК в Шанхае и координировали с ней свою деятельность.

Подъем национально-освободительной борьбы, начавшийся «движением 9 декабря», продолжался в течение всего 1936 г. и первой половины 1937 г. и затем до самого начала национально-освободительной войны против японского империализма. Это сыграло очень важную роль в объединении всех патриотических сил китайского народа и в формировании единого национально-антияпонского фронта, инициаторами и застрельщиками которого были китайские коммунисты. Таким образом, «движение 9 декабря» превратилось в массовое патриотическое движение с участием китайского рабочего класса, городской мелкой буржуазии и национальной буржуазии и заняло важное место в истории национально-освободительной борьбы китайского народа и китайской революции. Оно получило широкую поддержку международного коммунистического движения и прогрессивных сил всего мира. Генеральный секретарь ЦК КПК Чжан Вэнь-тянь (Ло Фу) был совершенно прав, когда говорил, что «движение 9 декабря» не менее важно, чем «движение 4 мая» 1919 г.¹⁶

Советские историки-китаисты также высоко оценивают это движение. В. П. Илюшечкин, например, писал, что «студенческое движение 9 декабря 1935 г. в Китае стоит в истории революционной борьбы китайского народа в одном ряду с такими выдающимися событиями, как движение 4 мая 1919 и 30 мая 1925 г. Оно составляет важную веху в формировании единого национально-освободительного антияпонского фронта под руководством Коммунистической партии Китая»¹⁷.

Другой советский историк-китаист К. В. Кукушкин, подчеркивая важность «движения 9 декабря» в национально-освободительной и революционной борьбе китайского народа, писал: «До декабря 1935 г. национально-освободительное движение в гоминьдановских районах не стало достаточно широким и упорным. Оно носило характер отдельных вспышек, которые быстро гасли под ударами японского империализма и китайской реакции»¹⁸.

Даже западные буржуазные китаеведы, в частности американцы Эдгар Сноу, его жена Элен Сноу, Джон Израель и другие, признают, что

¹⁵ «Цзюго шибао», 1936, № 41, 42, 59, 72.

¹⁶ Chang Kuo-t'ao. The Rise of the Chinese Communist Party, 1921—1938. Kansas, 1972, Vol. 2, p. 477.

¹⁷ В. П. Илюшечкин. Студенческое движение 9 декабря 1935 г. в Китае. — Институт Востоковедения. Краткие сообщения, вып. 7, М., 1952, стр. 2.

¹⁸ К. В. Кукушкин. Борьба Коммунистической партии Китая за единый национальный фронт (1935—1937 гг.). — «Вопросы истории», 1956, № 2, стр. 56—57.

«движение 9 декабря» было левым студенческим движением, что после студенческой демонстрации 9 декабря 1935 г. в Пекине в нем возросло влияние коммунистов, которые использовали его в своих целях, и что «движение 9 декабря» играло очень важную роль в китайских событиях 1936—1937 гг. Китайские события 1936—1937 гг., указывает Джон Израель, восстание группировки юго-западных милитаристов, «поведение войск Чжан Сюэ-ляна в Шэньси, Сианьский инцидент, упорная кампания коммунистов за единый фронт и усилившаяся непримиримость Чан Кай-ши в отношении японцев — все они могут быть полностью поняты только в свете того высокого энтузиазма за общенациональный отпор агрессору», начало которому положил выступление пекинских студентов 9 декабря 1935 г.¹⁹ Правда, вопреки историческим фактам, эти авторы оспаривают участие китайских коммунистов в организации и проведении студенческой демонстрации 9 декабря 1935 г. в Пекине. Согласно Джону Израелю, не китайские коммунисты, а американцы были причастны к этому выступлению пекинских студентов. Во-первых, утверждает он, американские миссионерские учебные заведения в Китае, такие, как Яньцзинский университет в Пекине, «воспитывали свободомыслящих, социально-сознательных и политически активных студентов». «Яньцзин, а не Бэйда, — подчеркивает Джон Израель, — зажег пламя «движения 9 декабря»²⁰. Во-вторых, продолжает он, преподававший в то время в университете Яньцзин американский журналист Э. Сноу якобы подсказал своим друзьям из числа учившихся у него студентов мысль об организации массовой студенческой демонстрации в Пекине против «автономии» Северного Китая не позднее 10 декабря 1935 г. Эдгар Сноу, в свою очередь, утверждает, что он и его супруга якобы «обеспечили руководство» во время студенческой демонстрации 9 декабря 1935 г. и что среди руководителей этой демонстрации не было коммунистов²¹. Однако, как видно из вышеизложенного, эти утверждения Джона Израеля и Эдгара Сноу не соответствуют действительности и лишены всякого основания.

В то же время нельзя не согласиться с утверждением Джона Израеля об огромном влиянии, которое оказывал Советский Союз своими успехами в социалистическом строительстве на различные слои китайского общества и особенно на студенчество и молодежь. «Симпатии к коммунизму, — пишет он, — обычно выражались в восхищении Советским Союзом. В то время когда китайские советы были изолированы от внешнего мира правительственной блокадой, а поступающие с Запада известия говорили о царившей там разрушительной экономической депрессии, сообщения из Советского Союза указывали, что сталинские пятилетние планы превращают отсталую во всех отношениях страну в современную мощную державу. Китайские студенты сопоставляли энергичную программу их северного соседа с бесконечными и бесплодными разговорами в Китае, которые не решали критических проблем»²².

Пятилетние планы Советского Союза, продолжает далее Джон Израель, вызывали огромный интерес даже в миссионерских средних школах Китая. Нежелание западных держав обуздать японскую агрессию против Китая «заставило Китай рассчитывать на помощь Советского Союза. Китайские студенты с восторгом встретили восстановление советско-китайских дипломатических отношений»²³.

¹⁹ Israel John. Student Nationalism in China, p. 156.

²⁰ Ibid., p. 6.

²¹ Ibid., p. 153.

²² Ibid., p. 103.

²³ Ibid.

Начавшееся в городах и проходившее под руководством китайских коммунистов «движение 9 декабря» положило начало не только новому этапу национально-освободительной борьбы китайского народа, но и открыло новый этап китайской революции. Один из руководителей КПК и этого движения Лю Шао-ци, выступая с докладом на торжественном заседании, посвященном годовщине «движения 9 декабря», состоявшемся в Яньани в 1944 г., говорил, что «после поражения революции 1925—1927 гг. в истории Китая наступил период мрачной реакции. За истекший 9-летний период, помимо развернувшейся революционной войны в деревне, начался подъем революционного движения, носящего всекитайский характер. Это было всекитайское движение за отпор Японии и спасение Родины, которое было непосредственно вызвано выступлением пекинских студентов 9 декабря 1935 г. Это движение всецело проводилось под руководством Китайской коммунистической партии... Когда мы говорим о состоянии революционного движения в Китае, то рассматриваем «движение 9 декабря» как знаменательное событие, которое отделяет период реакции в Китае от периода революции. Начиная с него (9 декабря) реакционные силы Китая стали постепенно отступать, а новое революционное движение начало постепенно нарастать... Совместно с революционным вооруженным движением народа оно является в истории Китая рубежом, открывшим начало нового этапа революции»²⁴.

И далее: «Этому новому революционному движению, которое реакционные силы не могли сломить, и оно продержалось в городах в условиях господства реакции в течение 19 месяцев (от 9 декабря 1935 г. до 7 июля 1937 г.), пришлось преодолеть многие трудности. Однако оно выдержало. Это произошло прежде всего потому, что проводилась правильная глубоко продуманная политика... Революционное студенчество в городах получило возможность объединиться с широкими массами рабочих и крестьян, с рабоче-крестьянскими вооруженными силами — 8 армией и Новой 4 армией. Поэтому большинство молодежи, принявшей участие в «движении 9 декабря», теперь занимает руководящие посты в области военного дела на территории занятой врагом, а также в области политической работы, местного самоуправления, экономики и культуры. Они в настоящей войне во имя защиты родины сражаются на самых опасных и ответственных участках за осуществление чаяний, выдвинутых 9 декабря»²⁵.

Как уже отмечалось выше, «движение 9 декабря», начавшееся в крупных городах Китая, вылилось в поддержку новой политики КПК, направленной на объединение всех патриотических сил Китая и создание единого национального антияпонского фронта. Успехи этой новой политики КПК, получившей поддержку прежде всего в промышленных центрах страны, вывели партию и ее вооруженные силы, которые были расколоты в результате фракционной борьбы группировок Мао Цзэ-дуна и Чжан Го-тао, из исключительно сложной и трудной ситуации и способствовали превращению КПК в крупный политический фактор.

Исходя из того, что советское движение и вооруженная борьба КПК в деревне оказались в 1935—1936 гг. в тупике, а новый подъем национально-освободительного и революционного движения начался в городе, Лю Шао-ци, скрыто полемизируя с Мао Цзэ-дуном, писал в письме в ЦК КПК в 1936 г., что «не деревня спасла город, а город спас деревню». «Иными словами, — отмечал Ван Мин, — успехи политики антияпонского национального единого фронта в городе спасли деревню»²⁶.

²⁴ «Чжунго циннянь», 1944, № 53—54.

²⁵ Там же.

²⁶ Ван Мин. Полвека КПК и предательство Мао Цзэ-дуна. М., 1975, стр. 35.

Мао Цзэ-дун и группа членов Политбюро и ЦК КПК, прибывшая вместе с 1 и 3 корпусами Красной армии в северную Шэньси в октябре 1935 г., где уже существовал советский район, возглавлявшийся Лю Чжиданем и Гао Ганом, встретились с участником VII конгресса Коминтерна кандидатом в члены ЦК КПК Линь Юй-ингом (он же Чжан Хао), который был специально направлен делегацией КПК в ИККИ для разъяснения решений VII конгресса Коминтерна и рекомендаций совещания китайской делегации, состоявшегося в конце августа 1935 г. в Москве, по вопросу о том, как применять решения VII конгресса применительно к Китаю.

Ознакомившись с решениями VII конгресса Коминтерна и рекомендациями совещания китайской делегации, Мао Цзэ-дун и другие члены Политбюро ЦК КПК 25 декабря 1935 г. приняли «Решение о современном положении и задачах партии», в котором, однако, по ряду основных вопросов исказили суть новой политики КПК, направленной на сплочение всех социальных слоев китайского народа в рамках единого национального антияпонского фронта. Так, вместо призыва к прекращению гражданской войны и сплочению всех национальных политических сил для отпора японской агрессии, был выдвинут лозунг: «сочетать гражданскую войну с национально-революционной войной» и продолжать борьбу на два фронта — против «японского империализма и главного предателя китайского народа Чан Кай-ши»²⁷. В этом решении ни слова не говорилось о выступлении пекинских студентов 9 и 16 декабря 1935 г. и массовых демонстрациях в других городах, центральным лозунгом которых было прекращение гражданской войны, сплочение всех патриотических сил для спасения страны и вооруженного отпора японской агрессии.

Мао Цзэ-дун и маоистская историография впоследствии довольно сдержанно и противоречиво оценивали «движение 9 декабря» 1935 г. В своем докладе на VI пленуме ЦК КПК шестого созыва в ноябре 1938 г. Мао Цзэ-дун указал, что с 9 декабря 1935 г. начался «первый этап нового периода китайской революции», закончившийся к третьему пленуму ЦИК Гоминьдана (февраль 1937 г.)²⁸.

В своих выступлениях в мае 1939 г. в связи с 20-й годовщиной «движения 4 мая» 1919 г. Мао Цзэ-дун ни одним словом не обмолвился о «движении 9 декабря».

Умалчивают Мао Цзэ-дун и маоистская историография и о широкой поддержке «движения 9 декабря» со стороны международного коммунистического и рабочего движения и прогрессивных сил мира, особенно прогрессивного студенчества. «Историческое значение этого движения, — утверждает маоистская историография, — можно отнести за счет великих идей Мао Цзэ-дуна...». В то же время, как видно из вышензложенного, «великие идеи» Мао Цзэ-дуна были противоположны новой политике КПК, которая лежала в основе «движения 9 декабря». Кроме того, эти «великие идеи» Мао Цзэ-дуна тогда не были известны ни пекинским студентам, ни тем китайским коммунистам, которые стояли во главе этого движения.

Во время «культурной революции» маонисты создали специальную группу в коммуне «Нового народного университета» в Пекине для критики книги «История пекинской партийной организации», подготовленной и изданной пекинским горкомом КПК под редакцией Ху Си-куя, в которой давалась высокая оценка «движению 9 декабря» и роли в этом

²⁷ Мао Цзэ-дун. Избр. произв. Издание Бюро ЦК КПК провинций Шаньси — Хэбэй — Шаньдун — Хэнань, 1948, т. 1 (на кит. яз.).

²⁸ Мао Цзэ-дун. Избр. произв. Т. 1. М., 1952, стр. 453.

движении Лю Шао-ци. В частности, в этой книге говорилось: «„Движение 9 декабря“, организованное и руководимое Центральным Комитетом партии и тов. Лю Шао-ци, имеет важное историческое значение», что «победа в «движении 9 декабря» подтвердила правильность курса и тактики тов. Лю Шао-ци в белых районах, показала блестящий пример работы в них, указала правильное направление борьбы масс».

Любопытно отметить, что «В решении по некоторым вопросам истории нашей партии», принятом VII Пленумом ЦК КПК шестого созыва 20 апреля 1945 г., также утверждалось о правильности курса и тактических принципов, которых придерживался Лю Шао-ци, работая в районах господства гоминьдана в 1936—1937 гг. «Успех «движения 9 декабря», — говорится в этом решении, — доказал правильность этих тактических принципов для работы в белых районах»²⁹.

Однако во время «культурной революции» маоисты изо всех сил пытались доказать обратное. Они утверждали, что Лю Шао-ци во время «движения 9 декабря» проводил правооппортунистическую линию, «уводил бурное студенческое движение на неправильный путь», что он призывал к созданию «широкого национального фронта», к поддержке «правительства — центрального и местного — в войне сопротивления японским захватчикам (т. е. к поддержке предательского правительства Чан Кай-ши)», к сотрудничеству «преподавателей и студентов» и т. п. Нетрудно заметить, что все эти утверждения маоистов являются чистой водой и ложью, ибо Лю Шао-ци и возглавляемое им Бюро ЦК КПК Северного Китая в своей деятельности тогда руководствовались и осуществляли генеральную линию КПК, направленную на сплочение всех патриотических сил китайской нации для отпора японской агрессии и спасения Родины.

Во время «культурной революции» маоисты обрушились не только на Лю Шао-ци и пекинскую партийную организацию, но и на само студенческое «движение 9 декабря», назвав его «поистине... буржуазным студенческим движением». По их словам, Мао Цзэ-дун, критикуя это движение, охарактеризовал его «гражданской безмятежностью и военными забавами», «ежедневным тунеядством».

Как явствует из вышеизложенного, грубой клеветой и ложью является утверждение маоистов о том, что «движение 9 декабря» будто бы «не смогло соединиться с движением рабочих и крестьян и даже оказалось в изоляции», что оно «оказалось совершенно неподготовленным к вооруженной агрессии японских захватчиков» и т. п.

Объективный анализ «движения 9 декабря» свидетельствует о том, что оно вписало славную страницу в историю национально-освободительной борьбы китайского народа против японской агрессии. Китайские студенты-патриоты показали величайшие образцы смелости и героизма, многие из них отдали свою жизнь за свободу и независимость родины. И никакие инсинуации и клеветы маоистов не могут умалить исторического значения патриотического «движения 9 декабря».

²⁹ Мао Цзэ-дун. Избр. произв. Т. 4, стр. 367—368.

История Китая в освещении буржуазной синологии

Г. В. Ефимов,
доктор исторических наук

Проблемы китайской революции и современного Китая уже в течение полустолетия являются весьма важной сферой идеологической борьбы между марксистско-ленинской и буржуазной их трактовкой вообще, между марксистско-ленинским и ревизионистским анализом этих проблем в частности. Известно, что еще К. Каутский занимался вопросами китайской революции¹. В наше время эта тема обсуждается в книгах Гароди, Фишера и других духовных наследников Каутского. Что касается буржуазного китаеведения, то поток литературы о Китае в новейшее время, о КПК, о маоизме, о «культурной революции» приобретает лавинообразный характер, и анализ ее, несомненно, требует усилий многих специалистов.

Автор поставил перед собой ограниченную цель: на материале нескольких книг² показать некоторые характерные, на его взгляд, черты трактовки современной китайской действительности и ее истоков, указав одновременно на соотношение понимания нынешних проблем Китая между современными ревизионистами (Р. Гароди) и буржуазными китаеводами.

В советской исторической и собственно историографической литературе уже отмечалось, что буржуазное китаеведение охотно заимствует некоторые взгляды современных ревизионистов по проблемам Китая; нередко важные положения ревизионистов и буржуазных китаеведов совпадают.

В связи с этим напомним, что Гароди со второй половины 60-х годов систематически обращается к вопросам социально-политического развития Китая. Его книга «Китайская проблема»³ представляет собой попытку вычленил Китай из общих закономерностей истории. Это неизбежно приводит к буржуазной концепции множественности моделей социализма⁴. Теория «плюрального социализма» весьма импонировала буржуазному обществоведению и была охотно взята им на вооружение, равно как и «китаизированный марксизм» — один из ее компонентов.

В середине 60-х годов буржуазное китаеведение претерпело существенные изменения. Начав с очернения китайской революции и социали-

¹ К. Каутский. Материалистическое понимание истории, т. 2, 1931.

² J. K. Fairbank, E. O. Reischauer, A. M. Craig. East Asia. Tradition and Transformation. Boston, 1973; P. Harrison. The Long March to Power. A History of the Chinese Communist Party, 1921—1972. New York—Washington, 1973; O. E. Clubb. China and Russia. The «Great Game». New York—London, 1971; «The Cultural Revolution in China», ed. by Th. W. Robinson, 1971, Berkeley—Los Angeles—London; A. D. Barnett. Uncertain Passage. China's Transition to the Post-Mao Era. Washington, 1974.

³ Roger Garaudy. Le problème chinois. Paris, 1967.

⁴ Е. Ф. Ковалев. «Китайская проблема» в извращенном толковании Роже Гароди. — «Проблемы Дальнего Востока», 1973, № 2; X. Н. Момджян. Марксизм и ренегат Гароди. М., 1973.

стического строительства в КНР, с некоторых пор оно стало проявлять поразительную терпимость к его практическому воплощению⁵. Разгул антисоветизма и отказ от сотрудничества с мировым коммунистическим рабочим движением, события «культурной революции» обусловили эту метаморфозу. Указанные тенденции имели столь откровенно выраженный националистский характер, что отталкивали прогрессивную общественность от маонистского курса. На помощь Пекину пришли ревизионисты. Гароди и его последователи взялись облагородить практику и теорию маонизма, что получило в литературе наименование «гародизации маонизма». О. Е. Владимиров определяет это понятие как приукрашивание маонизма, придание ему видимости демократизма, философской глубокomyсленности. «В центре политической идеализации маонизма, — пишет он, — стоит переоценка «культурной революции» и прославление правокапитулянтских тенденций нынешнего маонистского руководства»⁶.

Что же воспринимает буржуазное китаеведение из откровений современных ревизионистов? Анализ конкретных исследований позволяет рассмотреть общее и особенное в позициях буржуазных китаеведов и правых ревизионистов.

Середина 30-х годов — несомненный рубеж в истории КПК, означавший выдвижение Мао Цзэ-дуня на ключевой пост в руководстве партией. Этот рубеж неизменно находится в поле зрения западного китаеведения⁷.

В 1973 г. в Гарвардском университете вышел новый труд Дж. К. Фэрбэнка, Эдв. О. Рейшауэра и А. Крэйга — «Восточная Азия. Традиции и трансформация».

Хронологически она доведена до начала 70-х годов.

Автор глав по истории Китая Фэрбэнк так характеризует значение соversations в Цзуньи: «Только в январе 1935 г., когда китайский коммунизм оказался без связи с Москвой, обученные в Москве элементы в партийном руководстве вынуждены были признать доминирующие позиции Мао» (стр. 889).

Все построения Фэрбэнка исходят из того, что Мао в коренных вопросах стратегии и тактики китайской революции (вопрос о роли крестьянства и др.) отошел от концепций Коминтерна и дал свою «идеологическую ортодоксию». В выводах Фэрбэнка сливаются положения маонистской и буржуазной антикоммунистической историографии: Коминтерн и его сторонники привели китайскую революцию к поражению, а Мао открыл новую эру.

В том же 1973 г. в США вышла работа Дж. Гаррисона об истории КПК — «Долгий путь к власти». В отличие от Фэрбэнка Гаррисон полагает, что Мао не стал еще в Цзуньи официальным лидером партии, что тогда был достигнут компромисс с группой «вернувшихся студентов». Но если в 1935 г. полная победа над «московской группой» (читай: над коммунистами-интернационалистами) еще не была достигнута, то Мао этого добился в 1942—1944 гг., во время «кампании исправления стиля».

⁵ См. В. Н. Никифоров. *Метаморфоза западной буржуазной синологии.* — «Проблемы Дальнего Востока», 1974, № 1.

⁶ «Проблемы Дальнего Востока», 1973, № 3.

⁷ См., например, в «China Quarterly» статьи: Jerome Ch'en. *Resolution of the Tsunyi Conference*, № 40, Oct.—Dec. 1969; Dieter Heinzig. *Otto Braun and the Tsunyi Conference*, № 42, April—June 1970; Hu Chi-hsi, Hua Fu. *The Fifth Encirclement Campaign and the Tsunyi Conference*, № 43, July—Sept., 1970.

Фэрбэнк считает, что Мао приспособил марксистско-ленинскую теорию к конкретным реальностям сельской действительности Китая. «Главным достижением было построение ленинской партии на крестьянской основе, демонстрирующей (в противовес марксистской теории), что коммунистический порядок — факт, не зависящий от пролетариата» (стр. 893).

«Обогатив», таким образом, с помощью идей Мао марксистско-ленинское учение о партийном строительстве, Фэрбэнк подчеркивает, что сила Мао не в теории («все его афоризмы могут быть найдены в ранней литературе»), а в создании таких реальностей, как партия (в указанном выше стиле), армия, и в завоевании массовой поддержки в сельских районах.

Оценка «кампании исправления стиля», данная Фэрбэнком, разделяется и другими западными учеными.

Западное китаеведение, таким образом, положительно оценивает происшедшие в руководстве КПК перемены: отказ (во всяком случае, в реальной политике) от идеи гегемонии пролетариата, о ведущей роли пролетариата в партии, противопоставление «линии Мао» линии Коминтерна, преследование коммунистов-интернационалистов и пр.

В работе Гаррисона, равно как и в работах других авторов, специально занимавшихся историей КПК, новейшей историей Китая, довольно подробно трактуются события 1945—1946 гг., особенно вопросы советско-китайских отношений, позиции СССР. Вчитываясь в эти страницы, обильно оснащенные ссылками, приходишь к выводу, что так называемое либеральное направление в буржуазной историографии, буржуазный объективизм основательно пропитан духом антисоветизма. Вот к чему сводятся основные суждения Гаррисона по указанному периоду:

1) Русские помогли коммунистам в Маньчжурии, но они делали меньше, чем могли, так как Москва подозревала Мао в «шовинизме» и «мелкобуржуазной идеологии».

2) Утверждается, что И. В. Сталин в 1945 г. выступал за мирное урегулирование внутренних проблем Китая на основе договоренности между КПК и гоминьданом, что он выступал против разжигания гражданской войны; данные утверждения комментируются в том духе, что китайские коммунисты не вняли советам Сталина. «Мы не повиновались ему, и революция победила», — сказал Мао Цзэ-дун в 1962 г. (стр. 383—384).

Рассмотрим эти два ключевых в западной историографии положения. Можно со всей определенностью сказать, что оба они продиктованы духом антисоветизма и антикоммунизма, содержат преднамеренную фальсификацию фактов истории.

Первая посылка заключается в том, что помощь СССР демократическим силам в Маньчжурии была меньше, чем могла быть. В связи с этим напомним, что вооруженные силы Советского Союза разгромили главного агрессора на Дальнем Востоке — японский империализм — и тем самым сняли угрозу порабощения им китайского народа. Освобождение Маньчжурии Советской Армией дало возможность Народно-освободительной армии Китая создать обширную базу в Маньчжурии, располагавшую большими экономическими возможностями, обеспеченную надежным тылом.

В Маньчжурии была создана Объединенная демократическая армия (ОДА), которая стала основной ударной силой Народно-освободительной армии Китая в период решающих боев 1948—1949 гг. Значительная часть оснащения Квантунской армии перешла в руки НОА Китая.

Советское государство вступило в деловые экономические связи с демократической властью в Маньчжурни, оказывая большую помощь борьбе за победу нового Китая⁸.

Что бы еще хотели западные китаеведы от Советского Союза? Не допустить гоминьдановские (и американские) войска в южные области Маньчжурни — в Мукден, Аньшань и пойти на конфликт, чреватый новой мировой войной? Таких подстрекателей войны наша внешняя политика встречала не раз, их провокационная роль не вызывала сомнений. Отвлекаться от угрозы новой войны Советская страна никак не могла.

Гаррисон считает, однако, главным мотивом советской политики в Маньчжурни подозрения Москвы по поводу «шовинизма» Мао. Но это крайне поверхностное суждение. На Мао свет клином не сошелся. Была Коммунистическая партия Китая, которая вела революционную войну против империалистического гнета, против сил реакционной буржуазии и феодализма в Китае. И этой партии, ее делу, ее борьбе наше государство, наша партия оказывали всестороннюю поддержку. Те люди на Западе, которые снисходительно толкуют, сидя в уютной тиши гарвардских и колумбийских университетов, о недостаточности советской помощи, в одну дуду дудят с Мао, Кан Шэном и К°, которые злорадствовали по поводу советских неудач 1941—1942 гг. и выказывали свое крайнее неудовольствие тем, что в это время СССР не поставлял оружия НОА⁹. Не забудем о том, какого напряжения сил потребовало от СССР восстановление народного хозяйства, разрушенного гитлеровцами. Да, объективизмом, даже буржуазным, от этих суждений западных китаеведов не пахнет, а антисоветизмом разит.

Что касается «шовинизма» и «мелкобуржуазной идеологии» Мао, то, конечно, советское руководство имело достаточно полное представление на сей счет. Откровения Мао в беседах с Э. Сноу еще в 1936 г. или беседы Мао Цзэ-дуна со связным Коминтерна П. П. Владимировым в 1942—1945 гг., его же наблюдения за обстановкой в Яньани — речь идет, конечно, только о том, что теперь известно всем, — давали достаточно материала для суждений. Но политика строится, исходя из всей совокупности фактов и обстоятельств, а не исходя из ошибочных суждений тех или иных лидеров. Именно в силу этого принципиальная политика нашей страны и стала важнейшим фактором победы китайского народа в 1949 г.

Теперь о втором утверждении — о позициях И. В. Сталина в китайском вопросе в 1945 г.

Известно, что на VII съезде КПК в 1945 г. программный доклад Мао Цзэ-дуна носил название «О коалиционном правительстве» и в докладе отнюдь не исключалась возможность сотрудничества с гоминьданом; осенью 1945 г. Мао Цзэ-дун вел переговоры с Чан Кай-ши в Чунцине, в результате которых было достигнуто соглашение о прекращении гражданской войны и относительно общей программы коалиционного правительства; в январе 1946 г. приступил к работе Политический Консультативный совет. Спрашивается: должен ли был Сталин

⁸ О. Борисов. Советский Союз и маньчжурская революционная база. 1945—1949. К 30-летию разгрома милитаристской Японии. М., 1975; О. Б. Борисов, Б. Т. Колосков. Советско-китайские отношения 1945—1970. М., 1971, см. § 4 «Помощь Советского Союза в укреплении революционной базы в Маньчжурни», стр. 28—44; О. Е. Владимиров. Незабываемые страницы истории и маоистские фальсификаторы. 2-е изд., перераб. и дополн., М., 1971.

⁹ См.: П. П. Владимиров. Особый район Китая, 1942—1945 гг., М., 1973; см. нашу рецензию: «Проблемы Дальнего Востока», 1974, № 2.

в беседе с представителем КПК в 1945 г. советовать КПК развязывать гражданскую войну? Не забудем и о том, что в начале марта 1946 г. Черчилль произнес известную речь в Фултоне.

Конечно, вольно китайским руководителям много лет спустя утверждать, что они поступали вопреки советам Сталина и добились победы. Здесь следует, однако, отметить явное передергивание карт, а именно: в ходе народно-революционной войны 1946—1949 гг. обстановка изменилась и то, что было правильно для 1945 г., выглядело совсем по другому в середине 1946 г. и тем более в середине 1947 г.

Таковы факты, взятые в совокупности. К сожалению, западные китаеведы предпочитают брать из истории только устраивающие их факты.

О. Е. Владимиров, касаясь упомянутой версии о позициях И. В. Сталина, характеризует ее как злонамеренную клевету на политику нашей партии, охотно подхваченную историками-антикоммунистами. «На самом деле в этот период речь шла о том, чтобы с помощью дипломатических и политических маневров сохранить и развить силы китайской революции, подготовить их для последующего наступления и обеспечить быструю победу»¹⁰. Главное в том, что Советский Союз, а не какая-либо иная страна, всемерно способствовал победе китайского народа.

Следующий кардинальный вопрос, который занимает большое место в западной историографии,— это путь КНР к социализму. Основная посылка, взятая на вооружение западными историками, заключается в том, что до 1957—1958 гг. в Китае была принята советская модель социализма, но оказалось, что эта модель, с ее упором на индустриализацию, не дала в короткий срок того эффекта, на который рассчитывали китайские лидеры. «Мао и его коллеги не желали признавать какие-либо ограничения для своих надежд»,— пишет Фэрбэнк (стр. 906). «Сложные проблемы, особенно крайние трудности в достижении быстрого развития в сельском хозяйстве и разочарование низким уровнем советской помощи, форсировали решение совершить прыжок на новую стадию еще более грандиозной мобилизацией масс»,— вторит ему Гаррисон (стр. 437). Этой новой стадией развития стали малая металлургия, коммуны, «большой скачок».

Все эти рассуждения о «советской модели социализма» отличаются рядом сразу бросающихся в глаза особенностей. Первое — их полная некомпетентность. Нет даже ни малейшей попытки научного анализа. Считается вполне достаточным ограничиться повторением суждений любых злейших врагов революции и советского государства (как, например, о «построении индустрии за счет налогов с деревни»¹¹); нет даже и намека на попытку использовать какие-либо советские публикации документов, статистические сборники и пр. Антисоветские писания, распространенные за границей, считаются истиной в самой последней инстанции.

Из этой первой особенности прямо следует вторая — крайний антисоветизм в рассуждениях о советском пути социализма — антисоветизм, которым подменяется наука. Наиболее невинным в длинном перечне антисоветских построений можно считать эксплуатацию тезиса о недо-

¹⁰ О. Е. Владимиров. Незабываемые страницы истории..., М., 1971, стр. 54.

¹¹ J. K. Fairbank, p. 910. Кстати, заметим, что данный тезис не изобретен буржуазными китаеведами. Он полностью заимствован из писаний меньшевика Д. Даллина в 20-х годах, в частности из его статьи «Об экономических победах и нашем поражении», опубликованной в эмигрантском журнальчике «Социалистический вестник» (1928, № 19).

статочности советской помощи Китаю. Нет и тени попытки проанализировать масштабы советской помощи Китаю по существу, с фактами в руках, опираясь хотя бы на многочисленные данные, содержащиеся в официальных материалах китайского правительства. В связи с этим небезынтересно отметить, что в книге О. Э. Кларба «Китай и Россия» рисуется более объективная картина советской помощи, не дающая оснований для поверхностных суждений, нашедших место в книге Гаррисона и других авторов.

Третье: в анализируемых трудах не находит раскрытия вопрос об особенностях китайского применения советского опыта. То, что говорится (и у Фэрбэнка, и у Гаррисона), преследует одну и ту же неблагоприятную цель: похвалить китайскую практику и всемерно очернить советскую (вопрос о коллективизации, например). Единственное, что отмечает Гаррисон более или менее объективно,— это особенности политики КПК в отношении национальной буржуазии.

И, наконец, четвертая особенность суждений о «советской модели социализма» в Китае, на мой взгляд, самая главная. Западные китайеведы по большей части оставляют в тени решающий вопрос — что дал Китаю, его экономике путь, основанный на широком использовании советского опыта и помощи (и опыта и помощи других социалистических стран), какого прогресса достигла страна в первые 8—9 лет после победы. Правда, Фэрбэнк и другие авторы не могут умолчать о тяжелых последствиях необдуманных экономических экспериментов 1958—1959 гг. «Эта революция,— пишет Фэрбэнк,— потерпела поражение от всеобщего перенапряжения и истощения, ущерба в побудительных мотивах и неспособности руководства»; «Мао и КПК, используя свою политическую силу, допустили экономические ошибки поистине гигантского масштаба» (стр. 912—913).

Фэрбэнку не дано только поставить точку над «i», сказать, что отказ от опыта строительства социализма в СССР и других странах социализма был первопричиной всех потрясений, пережитых Китаем в последующие годы (национальный продукт сократился, возможно, пишет Дж. Фэрбэнк, на $\frac{1}{3}$ в 1960 г.).

Что же получается в итоге рассмотрения вопроса о «советской модели социализма»? Западные историки осуждают советский путь к социализму — факт, сам по себе достаточно известный и не могущий повлиять на ход исторических событий, к тому же их представление об этом пути крайне примитивно и однозвонно; тем не менее они сердечно приветствуют разрыв китайского руководства с этим путем, хотя и признают, что это привело к катастрофическим для Китая последствиям. Эта тенденция с еще большей рельефностью выступает при рассмотрении других сторон развития Китая уже в 60-х годах.

Прежде всего здесь на первое место выступает оценка так называемой «великой пролетарской культурной революции» и проблем, ей предшествовавших.

Итак, западная историография признает, что экономические бедствия на рубеже 50-х и 60-х годов были прямым следствием политики Мао Цзэ-дуна. Страна оказалась на грани экономической катастрофы. Партия, ее руководство в лице партийного аппарата, возглавляемого Лю Шао-ци и Дэн Сяо-пином, предпринимали шаги к тому, чтобы спасти положение. Отчетливо формируются два направления в политике: линия Мао Цзэ-дуна и линия Лю Шао-ци. (Правильность этих терминов условна: имеется в виду экстремистская политика мелкобуржуазного революционера Мао Цзэ-дуна и прагматистская политика в вопросах экономики Лю Шао-ци.)

Подключим теперь к обзору еще одну книгу, вышедшую из недр департамента общественных наук, известной американской исследовательской организации «Рэнд Корпорейшн». Это сборник работ, изданный в 1971 г. под редакцией Томаса Робинсона под названием «Культурная революция в Китае».

Тема двух линий в политике наиболее основательно разработана в статье Г. Гардинга «Маоистские теории политических действий и организаций». Гардинг исследует историю «культурной революции» как борьбу между двумя различными концепциями процедуры политических действий, организационной и партийной структуры. Он рассматривает различия между «маоистами» и «люшаоистами» по этим проблемам и описывает изменения в китайской коммунистической теории политических действий и организаций.

К числу таких важнейших проблем относится вопрос о роли партийной элиты; здесь различие двух линий заключалось в том, что люшаоисты в технической сфере, в сфере управления производством на первый план выдвигали прагматистскую элиту, тогда как маоисты — прагматистскую массовую линию (стр. 7). Если более конкретно представить себе, о чем идет речь, то можно сказать так: люшаоисты стояли за квалифицированное руководство экономикой, за плановое, научное хозяйствование; маоисты противопоставляли этой линии волюнтаризм, демагогические утверждения о возможности с помощью «большого скачка» и народных коммун в кратчайший срок прийти к коммунизму. В сборнике отмечается, что расхождение в этом крупном вопросе не исключало общности линии по важнейшим идеологическим, политическим, социальным вопросам.

Тем не менее Мао Цзэ-дун считал, что партия все более погружается в бюрократическую процедуру, в борьбу групп и клик, что в свою очередь вело к неправильной ревизионистской политике; в итоге деятельность элиты заняла место массовой линии. В партию, считал Мао, надо влить «свежую кровь».

Совершенно очевидно, что все эти рассуждения интересны не с точки зрения поиска истины, было бы наивно полагать, что деятели из «Рэнд Корпорейшн» обладают наиболее глубоким пониманием вопроса о роли партии в управлении экономикой, соотношения роли партийного руководства и роли масс. В данном случае налицо опять же «городизация» маоизма: приукрашивание его. Борьба за власть группы Мао Цзэ-дуна, его националистический курс, его волюнтаризм и авантюризм в политике принимают благообразную форму деятельности против засилия элиты и ее бюрократического курса.

Вопрос о двух линиях в китайском руководстве со свойственной его стилю обстоятельностью рассматривает и Фэрбэнк. Он анализирует такие разногласия направлений: линия Мао — акцент на моральную сторону революции, линия Лю Шао-ци — главное материальный прогресс; Мао — за линию масс, за служение кадров народу, Лю — за хорошо обученную новую элиту («линия масс против партийного строительства», — называет соответствующий параграф своей книги Фэрбэнк); Мао — ставка на крестьянство, возвращение к городской жизни, Лю — за городскую, технически образованную интеллигенцию; волюнтаризм (Мао) против планирования (Лю); главное — революционный дух (Мао), красные против экспертов и пр.

Анализируя борьбу двух линий накануне «культурной революции», Фэрбэнк приходит к выводу: «Партийный истеблишмент научился защищать себя против методов непрерывной революции Мао, но тем самым он утратил возможность подлинной мобилизации масс»

(стр. 922). Кажется, достаточно ясно: руководство партии обанкротилось, оторвалось от масс, и тогда начинается «крестовый поход председателя Мао» (название параграфа книги Фэрбэнка, посвященного «культурной революции»). На кого же опирается Мао в этой деятельности, давшей возможность вспомнить даже крестовые походы, проходившие в столь отдаленное время и в столь отдаленных районах? На этот раз ответ Дж. Фэрбэнка точен: «Армия в конце 1965 г. обеспечила базу, с которой Мао был способен пойти на новую кампанию». Ее помощником-авангардом стала доведенная накалом страстей до истерики молодежь. Это была чистка партии лидером! — так определяет содержание последующих событий гарвардский профессор. «Как результат партийный аппарат был основательно перетряхнут, если не разгромлен».

Свой анализ ситуации в Китае Фэрбэнк заканчивает тезисом о том, что советско-китайское соперничество создало условия для окончания «холодной войны» и конфронтации между США и КНР, «для импозантного визита Никсона в Пекин в начале 1972 г.». «Но выход революционного Китая на мировую арену был все еще внутренней функцией его домашней ситуации, когда проблема адекватного удовлетворения жизненного уровня и объединения руководства продолжает быть критической».

Иначе говоря, выходит, что хотя основные проблемы китайской политики остались нерешенными, «культурная революция» все же была прогрессивным явлением; «великая революция действительно совершилась, но дальнейшие перемены застопорились» (стр. 922, 923, 925—927). Так завершает свой труд Фэрбэнк.

Сопоставляя взгляды Фэрбэнка с изложением Гаррисона, можно отметить, что Гаррисон только значительно подробнее излагает историю «культурной революции», что определено самим характером его работы, но его оценки ничем не отличаются от оценок Фэрбэнка.

Однако отдельные суждения Гаррисона заслуживают внимания. Автор правильно подчеркивает, что маоисты в ходе «культурной революции» утратили контроль над нею; вместе с тем они, «без сомнения, были разочарованы тем, что проблемы экономики, общества и бюрократизм остались или даже ухудшились в результате революции» (стр. 424).

Если, таким образом, суммировать то, что сказано нами на основе анализа небольшого числа книг (но книг отнюдь не случайных!), то можно сказать, что истоки и ход «культурной революции» в значительной мере предстают в идеализированном, «гародизированном», то есть фальсифицированном виде; признается, что итоги революции вызывают большое сомнение, что ни решения сложных проблем, ни политической стабильности достигнуть не удалось. Здесь как раз бросаются в глаза значительные расхождения в трактовке того факта, что «культурная революция» не достигла своих целей. Фэрбэнк в основном все же упрощает реальное положение вещей и часто видит китайскую действительность сквозь розовые очки¹². По-иному трактует те же проблемы Д. Барнетт в своей новой книге «Период неопределенности». Он дает весьма критическую картину итогов «культурной революции»¹³.

Если обратиться к обзорным работам по вопросам «культурной революции» советских авторов, то в одной из свежих работ по этому вопросу, А. А. Волоховой, автор, проанализировав ряд книг и статей в ве-

¹² См. J. K. Fairbank. The New China and the American Connection. — «Foreign Affairs», 1972, October.

¹³ См. Г. В. Ефимов. Американский ученый о Китае. — «Проблемы Дальнего Востока», 1975, № 2.

дущих западных журналах («China Quarterly», «Asian Survey», «Foreign Affairs» etc.), приходит к следующим выводам (в моем кратком изложении): западные и японские китаеведы либерально-буржуазного направления отмечают, что:

а) «культурная революция» привела к почти полному разрушению партийного и государственного аппарата, процесс восстановления которых проходит крайне медленно и болезненно;

б) структура политической власти, восстановленная после четырех лет «культурной революции», является полным отступлением от маоистской «модели» организации власти по типу Парижской коммуны;

в) смены поколений в китайском руководстве, которое перед «культурной революцией» являлось самым старым по возрасту в «коммунистическом мире», не произошло¹⁴.

Таким образом, и в анализированных нами работах и в обзорных статьях наших авторов отмечается тот факт, что хотя истоки и цели «культурной революции» западными историками подаются в приукрашенном виде, но при подведении итогов этой так называемой революции большинство все же сходится на том, что Мао цели не достиг: «революция» нанесла стране огромный ущерб. От этого никак не уйти. И потому мы можем сделать немаловажный вывод, что буржуазные китаеведы более трезво подходят к оценке «культурной революции», чем гародисты.

Наряду с этим обращает на себя внимание один крайне любопытный феномен: почти во всех известных нам работах при рассмотрении истории, хода и итогов «культурной революции» опускается важнейшая сторона этого исторического явления, а именно — антисоветизм, то есть то, без чего содержание «революции» существенно искажается и приобретает, кстати сказать, более респектабельный вид.

Обратимся к конкретному материалу.

В книге Дж. К. Фэрбэнка (и его коллег) есть небольшой параграф, озаглавленный «Китайско-советский спор». Уже само название как бы определяет позицию: беспристрастность в подходе, оценка событий с точки зрения историка, стоящего над событиями. Но это не так. Работе и в этом ключевом вопросе присущ далеко не объективный подход:

1. Советские историки, весьма основательно изучившие историю русско-китайских и советско-китайских отношений, не могут согласиться уже с первым тезисом Фэрбэнка о глубоких и непреодолимых исторических корнях для возникновения советско-китайского конфликта; мы не согласны с утверждением (и готовы обосновать наш критицизм историческим материалом), что «нет ничего удивительного в том, что важный спор между ними развернулся сразу на нескольких уровнях» (стр. 919).

2. Обратим внимание на изложение истории возникновения разногласий во второй половине 50-х годов. Вот ход рассуждений Дж. К. Фэрбэнка: Мао в какой-то мере стремился приспособить марксизм к китайским условиям. В России «диктатура пролетариата» (кавычки Фэрбэнка) была рассматриваема как единственный путь к социализму, Мао — за «демократическую диктатуру народа», «гегемонии пролетариата была противопоставлена идея «единого фронта» «революционных классов»; КПК стояла за постепенность развития, Ленин и Сталин — за решительные и насильственные действия. Таков характер и дальнейшего развития событий. Вряд ли требуется доказательство того, что за внешней объективностью изложения явно видна промаоистская интерпретация истории.

¹⁴ А. А. Волохова. Буржуазная историография об итогах «культурной революции» в Китае. Рукопись, ИДВ АН СССР.

3. Период «культурной революции» как решающая фаза становления антисоветизма с этой точки зрения вообще не рассматривается.

В книге Гаррисона тема советско-китайских отношений занимает незначительное место, но ее изложение крайне односторонне, в нем нет и тени объективности, события, выбранные совершенно произвольно, излагаются строго в соответствии с маоистской интерпретацией истории. Любой факт подается так, чтобы внушить подозрения в отношении намерений и политики Советского Союза (например, дело Пэн Дэ-хуая). Почему так? Почему бы Гаррисону не сопоставить существующие точки зрения и без заранее обусловленной предвзятости выработать свою. На этот счет находится только один ответ: антисоветизм на Западе — ходкий товар, но (здесь определено есть «но!») в наше время только оголтелые антисоветчики (профессиональные антисоветчики) могут дудеть в старую дуду прямого, открытого антисоветизма. Гораздо respectable поступить иначе: излагать историю в китайской (маоистской, собственно) интерпретации: видимость научного подхода, таким образом, соблюдена.

Несколько иначе выглядит подход к истории советско-китайских отношений после 1949 г. у О. Э. Кларба. О. Э. Кларб не довольствуется односторонним изложением китайской версии событий, он основательно исследует русскую и советскую литературу вопроса. Это не значит, что автор объективен. Нет, многие его выводы (история пограничного регулирования в XIX в., стандартное для западных авторов преуменьшение помощи СССР революционному лагерю Китая в 1945—1949 гг. и многое другое) встречают у нас решительное возражение. Не забудем, что ее автор — бывший американский дипломат, буржуазный ученый, но в данном случае речь идет о принципах подхода к теме: попытке более широкого анализа событий при рассмотрении советско-китайских отношений третьей четверти нашего века.

О. Э. Кларб, рассматривая развитие советско-китайских отношений в конце 50-х годов, отмечает такие важные факты, как заявление Советского правительства в связи с событиями в Тайваньском проливе 7 сентября 1958 г. (по поводу этого заявления Мао Цзэ-дун, обращаясь к советской стороне, писал 15 октября 1958 г.: «...вы со всей ясностью и определенностью выразили заверения в том, что в случае, если Китай подвергнется нападению, то Советский Союз будет решительно выполнять свой революционный долг по отношению к Китаю. Мы глубоко тронуты вашей безграничной преданностью принципам марксизма-ленинизма и интернационализма»¹⁵); автор упоминает о том, что в том же году было подписано соглашение об участии СССР в строительстве еще 47 предприятий, а в 1959 г. — еще 78 предприятий, что вместе с предыдущими соглашениями означало сооружение в Китае с помощью СССР 336 ключевых предприятий для китайской экономики. Автор сообщает, опираясь на заявление Чжоу Энь-лая, что 10 000 советских специалистов принимали участие в строительстве в Китае.

Непредубежденный читатель, вчитываясь в книгу О. Э. Кларба, не может не прийти к заключению, что политика СССР, направленная на предотвращение ядерной войны, к проведению в жизнь принципов мирного сосуществования, особенно курса на нормализацию отношений с США, породила неудовольствие Пекина, обусловила проведение «особой политики», нападки на СССР. Маоисты предпочитали курс на обо-

¹⁵ О. Б. Борисов, Б. Г. Колосков, Советско-китайские отношения 1945—1970, стр. 173.

стрение международных отношений (особенно советско-американских) курсу на ослабление международной напряженности. Старая, хорошо известная дипломатическая игра китайских правителей: «Сидеть на горе и наблюдать за битвой двух тигров»...

В сентябре 1965 г., отмечает О. Э. Клабб, состоялся пленум ЦК КПК, на котором предполагалось наряду с прочим обсудить мероприятия по примирению с Советским Союзом. Однако Мао Цзэ-дун выступил с предложением интенсифицировать борьбу против «реакционной идеологии», но потерпел неудачу и уехал в Шанхай, где и начал активно действовать, готовя «великую пролетарскую культурную революцию». Эта подготовка носила сильно выраженный дух антисоветизма (стр. 480—494).

Характеризуя внешнеполитические аспекты этой так называемой «революции», О. Э. Клабб систематически показывает ее отчетливо выраженный антисоветизм, чего не делают, как уже отмечено, ни Дж. Фэрбэнк, ни Гаррисон, ни многие другие авторы работ о «культурной революции».

В последнем параграфе книги «Конфронтация на границе» О. Э. Клабб рассматривает истоки конфликтов на границе, возникновение которых относит к 1962 г.— празднованию 800-летия Чингисхана. Монголы в то время были объявлены в Китае частью «китайского» (кавычки автора книги) народа; утверждалось, что Чингисхан был под влиянием «китайской» цивилизации. «От панмонгольской концепции к панкитайской был легкий шаг» (стр. 495). К этому времени автор относит возникновение напряженности на границе и усиление проявлений китайского шовинизма. О. Э. Клабб отмечает интервью Мао Цзэ-дуна с японскими социалистами от 20 июля 1964 г., когда китайский лидер выступил с заявлением, включавшим необоснованные притязания на советские земли, вслед за чем последовало развертывание Китаем строительства военных сооружений на границах с Советским Союзом, концентрация вооруженных сил и пр. Но всего этого, включая всю антисоветскую направленность «культурной революции», было мало. Перед IX съездом КПК Мао и его сотрудники, полагает О. Э. Клабб, хотели усилить свои позиции и пошли непосредственно на вооруженную провокацию (события в районе острова Даманский); анализ обстоятельств столкновения приводит исследователя к выводу о том, что «Китай был инициатором нападения» (стр. 500).

В дальнейшем, отмечает О. Э. Клабб, хвастливые заявления маоистов не могли зачеркнуть тот факт, что «Советский Союз более подготовлен к войне, и руководители КПК знали это. Китайская экономика была ослаблена великой чисткой Мао Цзэ-дуна, а НОА оставалась второразрядной армией» (стр. 506). В конечном итоге предложения А. Н. Косыгина о переговорах по пограничным вопросам были приняты.

О. Э. Клабб, завершая свой труд, пытается наметить перспективу ближайшего будущего развития советско-китайских отношений. Он предполагает, что с уходом Мао может наметиться сдвиг к лучшему.

«Китайско-советские отношения,— пишет О. Э. Клабб,— едва ли смогут возродиться на условиях, которые были в период «медового месяца» 1950—1956 гг., но когда Мао Цзэ-дун уйдет и китайское революционное развитие будет направляться новыми лидерами, возможно, более прагматичными, то с их приходом к власти в Пекине китайско-советский союз может без каких-либо больших трудностей начать действовать по образцу, который служил бы некоторым важнейшим потребностям Китая и соответственно удовлетворял бы советское желание сохранить Китай как буферную зону между Советской Сибирью и амери-

канскими морскими и воздушными силами в западной части Тихого океана» (стр. 519).

Эта сентенция, на мой взгляд, весьма характерна для О. Э. Кларба. Стремясь объективно проанализировать положение вещей, Кларб, как об этом свидетельствует процитированный выше отрывок, считает, что, во-первых, между СССР и Китаем нет непреодолимых противоречий, поэтому восстановление добрососедских отношений (не будем говорить о большем) будет логичным и не столь уж сложным шагом; во-вторых, автор прямо связывает возможность прогрессивных перемен в советско-китайских отношениях с уходом Мао Цзэ-дуна, тем самым прямо указывая на виновника ухудшения советско-китайских отношений.

Наряду с этим рассуждения о Китае в качестве буферной зоны отдают каким-то духом старого колониализма, далеким и от современности и от подлинного духа советского отношения к Китаю и китайскому народу.

О. Э. Кларб видит в крайностях современного национализма наиболее опасную тенденцию, которая всегда таит в себе опасность большого пожара. Эта заключительная мысль труда О. Э. Кларба, несомненно, не может быть отброшена: крайний национализм пекинских лидеров, перерастающий в шовнизм и гегемонизм, нельзя сбрасывать со счетов. Но поскольку американский ученый и дипломат рассматривает весь комплекс дальневосточных дел в свете отношений трех стран — СССР, США и КНР, — то отрадно отметить, что пессимистическая нота автора, к счастью, не подтверждается достигнутым в последние годы некоторым прогрессом развития международных отношений в мире.

Таким образом, позиции буржуазного китаеведения в оценке актуальных проблем истории Китая отнюдь не являются однородными. Если «гародисты» рисуют картину наиболее идеализированную, приукрашенную, то традиционное буржуазное китаеведение (объективно или субъективно) принимает некоторые суждения гародистов, но далеко не все. Оно более скептически оценивает ход и итоги «культурной революции», более трезво оценивает ряд маоистских экспериментов. Вместе с тем шоры антикоммунизма и антисоветизма мешают западным китаеведам объективно оценить многие важные проблемы современной истории Китая.

Конкретный анализ проблем в конкретных сочинениях представляется наиболее правильным путем для советской историографии.

Хунвэйбины — штурмовые отряды маоистов*

В. Н. Усов,

кандидат исторических наук

Первые хунвэйбины в Китае появились в конце мая 1966 г. Сам термин «хунвэйбин», по данным Като Хироки, появился 29 мая 1966 г. Так называли себя 40 учащихся пекинской средней школы при университете Цинхуа¹. И дата, и место подтверждаются китайскими документами. В пекинских газетах за октябрь того же года мы можем прочесть буквально следующее: «Организация хунвэйбинов в пекинской школе «Боевые хунвэйбины», бывшей средней школе при политехническом университете Цинхуа, — одна из первых молодежных революционных организаций, появившихся в ходе великой пролетарской культурной революции... Эта организация была создана в мае нынешнего (1966. — В. У.) года»².

В зарубежной литературе имеется две точки зрения по вопросу о том, как возникли первые хунвэйбиновские отряды. Согласно первой — движение вспыхнуло стихийно, по инициативе самой молодежи; согласно второй — оно было втайне подготовлено Мао Цзэ-дуном и его группировкой. Хотя авторы первой группы признаются, что пока в их распоряжении нет данных, свидетельствующих, что организация первых хунвэйбинов проходила по указанию Группы по делам культурной революции при ЦК КПК³ (ГКР), большинство их признает, что возникновение хунвэйбинов сразу же было замечено Мао и стало рассматриваться им как очень полезное для реализации его замыслов⁴. Видимо, именно так следует расценивать свидетельства китайской прессы тех лет о том, что Мао Цзэ-дун стоял у колыбели хунвэйбиновского движения, что он «сразу же увидел в хунвэйбинах их безграничную жизненную силу, воспел их дух революционного бунтарства и оказал им решительную и горячую поддержку»⁵.

Авторы второй группы считают, что движение хунвэйбинов было инспирировано ГКР, за которой стояли Мао Цзэ-дун, Линь Бяо и Цзян

* В данной статье продолжается рассмотрение темы, поставленной автором ранее (см. В. Н. Усов. Как начиналась культурная революция. — «Проблемы Дальнего Востока», 1976, № 2).

¹ Като Хироки. Хунвэйбиновское движение: его происхождение. — «Asian forum», 1973, Vol. 5, № 2, p. 79.

² Утверждение аналитика ЦРУ США Дж. Хислет, что первые отряды хунвэйбинов были созданы в марте 1966 г. в средней школе при Пекинском университете ошибочно (Heaslet Ju. The Red Guards: Instruments of destruction in the Cultural Revolution. — «Asian Survey», 1972, Vol. 12, № 12, p. 1032).

³ Като Хироки, *ibid.*; Chien Hsiung J. Ideology and Practice. The Evolution of Chinese Communism. New York, 1970.

⁴ «Telos», St. Louis, 1974, № 20, p. 138.

⁵ «Жэньминь жибао», 1.1.1967.

Цин, хотя они и стремились оставаться в тени, создать впечатление стихийности движения⁶.

Как стало ясно из последующих событий, главной целью маоистов при создании организаций хунвэйбинов было использование их в качестве ударного отряда против всех инакомыслящих, неугодных маоистскому руководству оппозиционно настроенных видных деятелей КНР, членов партии, комсомола, а также китайской интеллигенции. Суть замысла Мао Цзэ-дуна заключалась в том, чтобы в первую очередь бросить хунвэйбинов на разгром партийных организаций различных ступеней, которые Мао называл «буржуазными штабами». Этот план довольно откровенно раскрыл Чжоу Энь-лай, выступая 22 октября 1966 г. перед первыми пекинскими хунвэйбинами, направлявшимися по указке сверху в различные уголки страны. «В дальнейшем, — говорил он, — когда широкие смычки охватят всю страну, вы, следуя за местными революционными учащимися, за местными революционными массами, должны заняться местными партийными организациями. Возможно, что за совершенные [местными] парткомами ошибки вы будете бить их правильно, но возможно и неправильно». «Неправильные» действия он характеризовал как «холостые выстрелы», но отказываться от «стрельбы» не советовал⁷.

Отряды хунвэйбинов были сформированы для того, чтобы стать средством выявления противников курса Мао Цзэ-дуна. Линь Бяо говорил: «Самый лучший способ свержения их — создание хунвэйбинов... Хунвэйбины — это небесные войны, хватающие стоящих у власти главней буржуазии. В их выявлении и свержении хунвэйбины сыграли огромную роль»⁸.

В то же время «штурмовые отряды» хунвэйбинов были необходимы маоистам для создания видимости «массового движения», идущего снизу, и, наконец, для раскачки определенных слоев китайского населения.

Официально «днем рождения» хунвэйбинов считается в КНР 18 августа 1966 г. В этот день Мао Цзэ-дун и его сторонники устроили массовый митинг хунвэйбинов на площади Тяньаньмэнь. Основное значение этого митинга заключалось в том, что он дал возможность Мао Цзэ-дуну через головы всех партийных, комсомольских и других общественных организаций прямо обратиться к хунвэйбинам, узаконить новую организацию и санкционировать ее действия. Знаменательно, что митинг проходил под председательством главы ГКР Чэнь Бо-да. В выступлениях Линь Бяо и Чжоу Энь-лая неоднократно подчеркивалась мысль, что Мао Цзэ-дун и ГКР одобряют создание новых хунвэйбиновских организаций. Оба оратора акцентировали внимание собравшихся на целях и задачах «культурной революции», призывая хунвэйбинов «выступать против различного рода действий, направленных на подавление революции», и «сметать всякую нечисть». При этом специально подчеркивалась роль Мао Цзэ-дуна в «культурной революции», его называли «верховным главнокомандующим» и «полководцем» кампании, призывая повсеместно «утверждать его идеи» и беспрекословно подчиняться ему. «В открытом море не обойтись без кормчего, а наш великий кормчий — председатель Мао», — заявляли они. Кульминацион-

⁶ Heasley Ju., *ibid.*; Накадзима Минэо. Современный Китай (дополненное издание). Токио, 1971 (на яп. языке).

⁷ Это выступление, как и другие документы, если они не имеют выходных данных, взяты из хунвэйбиновских материалов.

⁸ «Важное выступление заместителя главнокомандующего Линь Бяо 20 марта 1967 г.».

ным моментом митинга явилось вручение «революционными учащимися» Мао Цзэ-дуну, Линь Бяо и другим руководителям КНР повязок с иероглифами «хунвэйбин»⁹. Мао, благосклонно принимая повязку, произнес единственную за весь митинг фразу: «Я решительно поддерживаю вас». Он хотел еще раз показать, что лично санкционировал действия хунвэйбинов. Любопытно, что документы XI пленума ЦК КПК, проходившего с 1 по 12 августа 1966 г., в разделе о создании новых организаций «культурной революции» не упоминают ни о хунвэйбинах и их организациях, ни о китайском комсомоле. Таким образом, маоисты без санкции XI пленума ЦК КПК утвердили создание новой молодежной организации «красной охраны» — военизированных ударных отрядов фанатичной учащейся молодежи, специально предназначенной для осуществления массового политического террора в отношении партийных и комсомольских кадров и запугивания широких слоев населения»¹⁰.

Очевидно, что с возникновением хунвэйбинов отпадала надобность в прежних молодежных и детских организациях — Коммунистическом Союзе Молодежи Китая и пионерах, — хотя на первый взгляд казалось, что документы последних пленумов ЦК КСМК, директивы и установочные статьи свидетельствовали, что КСМК уже в течение нескольких лет воспитывал подрастающее поколение в духе фанатичного преклонения перед личностью Мао Цзэ-дуна, в духе антисоветизма. Лозунги, сформулированные весной 1966 г. на III пленуме ЦК КСМК девятого созыва, мало чем отличались от лозунгов хунвэйбинов. Идеологическая работа в рамках КСМК велась таким образом, что для значительной части учащихся переход из комсомола в организации хунвэйбинов прошел почти незаметно — изменилась всего лишь вывеска¹¹.

Призывы к расширению пионерских и комсомольских организаций после 1964 г., реорганизация Пекинского горкома КСМК 15 июня 1966 г., активная роль КСМК в «ниспровержении» системы просвещения, пропаганда «идей Мао Цзэ-дуна» среди комсомольцев, документы III пленума ЦК КСМК — все это наводило на мысль, что окружение Мао Цзэ-дуна, развертывая «культурную революцию», намерено опираться на заблаговременно подготовленный к этому Союз молодежи Китая. Однако вскоре после XI пленума ЦК КПК китайский комсомол практически сошел с политической арены. 14 августа хунвэйбины ворвались в помещение ЦК КСМК и захватили его. 16 августа 1966 г. (то есть в первый день встречи членов ГКР во главе с Чэнь Бо-да с приезжими хунвэйбинами) вышел последний номер журнала ЦК КСМК «Китайская молодежь», а тринадцать дней спустя, 29 августа, — последний, 3293-й номер центральной комсомольской газеты «Китайская молодежь». Секретари ЦК КСМК перестали появляться на протокольных мероприятиях, само слово «комсомол» все реже и реже стало встречаться на страницах газет, а затем совсем исчезло на довольно длительный период времени. В это время подверглись критике 1-й секретарь ЦК КСМК Ху Яо-бин (уже 15 августа хунвэйбины устроили «митинг борьбы» с Ху, заставив его встать на колени) и два секретаря ЦК комсомола — Ху Кэ-ши и Ван Вэй, секретарь Пекинского горкома КСМК Ван Цзя-ляо и др. 30 декабря на квартирах бывших секретарей ЦК КСМК были произведены обыски и организован митинг борьбы

⁹ «Жэньминь жибао», 19.VIII.1966.

¹⁰ В. Глунин. Китайская Народная Республика, в кн. «На новом пути». М., 1968, стр. 450.

¹¹ Г. Елисеев, А. Крушинский, В. Милютенко. Кричащие батальоны. Так называемая «великая пролетарская культурная революция» Китая вблизи. М., 1967, стр. 83—95.

против них. Мао Цзэ-дун и его сторонники ликвидировали негодные им организации молодежи, прикрываясь заявлениями, что комсомол стал слишком пестрым по социальному составу, что он «в какой-то мере стал носить характер общенародной организации» (именно так заявил Кан Шэн 6 августа 1966 г. в выступлении перед молодежью), а это якобы расходится с теорией Мао Цзэ-дуна об обострении классовой борьбы.

Однако истинные причины роспуска были совсем иными. Мао Цзэ-дун и его последователи хотели создать новую молодежную организацию, не имеющую традиций и опыта, оторванную от всех других массовых организаций китайского общества, и в первую очередь от партии. Такой организацией легче управлять, поскольку у нее нет твердой программы и устава, в дальнейшем ее можно было в случае надобности распустить без особых затруднений или влить в ряды новых молодежных организаций, с новыми целями и задачами.

Следует учитывать также, что КСМК включал в себя молодых труженников города и деревни, которых маоисты вначале не рисковали использовать в новой кампании. Поэтому предпочтение отдавалось городским школьникам и студентам (более половины учащихся в Китае в это время были выходцы из буржуазной или мелкобуржуазной среды)¹².

Замыслам маоистов прежде всего мешал один из главных принципов деятельности КСМК, согласно которому комсомол, являясь мощником и резервом КПК, работает под ее непосредственным руководством. Их не устраивало то, что комсомольские организации и комсомольские органы на местах были тесно связаны с выборными партийными органами соответствующих ступеней. А подавление, чистка и отстранение партийных органов — провинциальных, городских, районных, уездных и низовых — от руководства жизнью страны и было главной задачей «культурной революции», в которой видное место отводилось именно молодежи. Для этой цели более всего подходили отряды «красных охранников». В отличие от комсомольских организаций хунвэйбины, а позднее и цзаофани были призваны служить и подчиняться не партии, а личным указаниям Мао и ГКР.

Выполняя волю маоистских руководителей, китайская печать в ходе «культурной революции» стала сообщать о «перерождении» руководства КСМК, предъявлять ему обвинения в том, что оно-де «прислушивалось лишь к словам кучки ревизионистов, а не к словам и указаниям председателя Мао», что якобы с 1953 г. работу с комсомолом узурпировали Лю Шао-ци и К°. Маоисты пытались единым махом разорвать связи, которые существовали между руководством партии, оппозиционно настроенным к курсу Мао Цзэ-дуна, и руководством комсомола, одновременно являвшимся членами партии, а иногда даже членами ЦК КПК.

Мао Цзэ-дун и его сторонники после IX съезда КСМК (1964 г.) взяли курс на «размывание» молодежных организаций страны, пополняя их выходцами из мелкобуржуазных слоев китайского общества, которым зачастую импонировали мелкобуржуазные лозунги Мао Цзэ-дуна и фигура «вождя», что соответственно приводило к изменению классового состава КСМК. Так, по данным Р. Монтаперто, в одной из

¹² О. Б. Борисов, Б. Т. Колосков. Советско-китайские отношения, 1945—1970. М., 1972, стр. 377; R. Montaperto. From revolutionary successors to revolutionaries: Chinese students in the early stages of the cultural revolution. — «Elites in the People's Republic of China». Ed. by R. Scalapino, Seattle—London, 1972, p. 595—597.

средних школ Гуанчжоу в 1964 г. примерно 20% учащихся были членами КСМК, а в 1966 г. их доля возросла до 45—50%. Причем если в 1964 г. более 75% комсомольцев считались выходцами из «революционных классов», то в 1966 г. — лишь менее 50%¹³. Быстрый рост комсомольских организаций (только в 1965 г. в КСМК было принято 8,5 млн. человек, то есть практически одна четвертая часть всей организации) в условиях низкой грамотности молодежи и слабого знакомства ее с марксистско-ленинской теорией, а также учитывая искусственно создаваемую в КНР атмосферу фанатичного преклонения перед Мао Цзэ-дуном, неистового национализма и антисоветизма, облегчили их роспуск. К тому же маонисты учитывали и такие факторы, как недовольство основной массы молодежи системой образования, когда из-за недостатка средних и высших учебных заведений, огромных конкурсов при поступлении в вузы (в Пекинский университет, например, был конкурс 30 человек на место), платы за обучение выходцы из семей рабочих и крестьян испытывали большие затруднения при желании получить среднее и высшее образование, и число их среди студентов все больше сокращалось¹⁴. Учитывался и тот факт, что по мере роста рядов КСМК за счет лиц непролетарского происхождения характер и функции этой организации стали меняться, и среди ее членов возник антагонизм между детьми из рабоче-крестьянских и «непролетарских семей». Кроме того, Мао Цзэ-дун учитывал и тот факт, что высшие комсомольские органы во главе с ЦК КСМК давали кадры рабочим группам для откомандирования их в школы страны, которые становились фактически инструментом в руках политических противников Мао Цзэ-дуна и были осуждены только на XI пленуме. Все это побудило Мао Цзэ-дуна и его сторонников отказаться от КСМК и пионерской организации и приступить к формированию хунвэйбинов. Факторами, которые способствовали созданию организаций хунвэйбинов и цзаофаней, были идеологическая и организационная слабость КПК и КСМК; обнаружение в центральных китайских газетах «Решения ЦК КПК и Госсовета КНР от 13 июня 1966 г. об изменении порядка приемных экзаменов в высшие учебные заведения и отсрочке на полгода набора новых студентов в вузы страны»¹⁵, что привело к прекращению занятий не только в вузах, но и в средних, а затем в начальных школах КНР более чем на три года. Сюда же следует отнести «переписку» Мао Цзэ-дуна с первыми хунвэйбинами. Судя по текстам дацзыбао хунвэйбинов средней школы при Цинхуа и сравнивая их с последующими выступлениями маонистов, можно сделать вывод, что их появление было инспирировано сверху. Лейтмотив сводился к одному — к призыву к бунту¹⁶. Первые дацзыбао были помещены только три месяца спустя, в октябрьском номере «Хунци», четвертая дацзыбао из этой серии («В четвертый раз да здравствует революционный бунтарский дух пролетариата») открыто вообще не публиковалась¹⁷.

¹³ R. Montaperto, op. cit., p. 596—597.

¹⁴ См. Н. Е. Боревская. Школа в КНР. 1957—1972 гг. М., 1974, стр. 67—104.

¹⁵ «Жэньминь жибао», 13.VI.1966.

¹⁶ «Революция — это бунт, душа идей Мао Цзэ-дуна — это бунт, — говорилось в первой дацзыбао. — ...Смело думать, смело говорить, смело действовать, смело дерзать, смело совершать революцию — одним словом — смело бунтовать... Отказываться от бунта — это стопроцентный ревизионизм». В другой дацзыбао заявлялось: «Председатель Мао говорил: «Тысячи и тысячи положений марксизма в конце концов сводятся к одной фразе «Бунт — дело правое!» Нынешняя... культурная революция — великий революционный бунт. Мы поднимаем большой бунт против ревизионистов, против тех, кто выступает против идей Мао Цзэ-дуна». — «Хунци», 1966, № 11, стр. 27—28.

¹⁷ См. «Цзуго», Сянган, 1969, № 60, стр. 41—42.

Первый этап деятельности хунвэйбинов после их официального признания ориентировочно охватывал период с 18 августа до конца месяца. В это время они по указке сверху начали «испровергать» старые привычки, обычаи, идеологию и культуру («четыре старых») и устанавливать новые («четыре новых»). По данным китайской официальной прессы, хунвэйбины выступали с требованием уничтожения старых феодальных и буржуазных пережитков, выразившихся в том, что в столице КНР продолжают оставаться на улицах «всякие дурнопахнущие названия, данные империалистами, феодалами и капиталистами».

Хунвэйбины Пекина начали переименовывать названия центральных улиц, магазинов, больниц, кинотеатров, ресторанов, парикмахерских, ателье, школ, институтов и пр. Примеру хунвэйбинов столицы последовали хунвэйбины других городов КНР, представители которых присутствовали 18 августа 1966 г. на митинге в Пекине.

В этот период хунвэйбины по собственной инициативе выработали обширный план действия, состоящий из «ста положений» (известен также как «сто пунктов хунвэйбинов») ¹⁸. Наиболее характерными из них были:

1. Более интенсивная и повсеместная пропаганда «идей Мао Цзэ-дуна» и культа его личности. Требовалось повсюду устанавливать доски, транспаранты с изречениями Мао Цзэ-дуна и его портреты; работникам общественного транспорта приказывалось «считать декламацию цитат председателя Мао своей основной задачей», всему населению Китая всегда иметь при себе сборник «Выдержек из произведений Мао Цзэ-дуна» и постоянно его изучать. Все велосипедисты и велорикши, все автомашины, автобусы и поезда должны иметь таблички с изречениями Мао. Всем работникам театров и кинотеатров перед показом спектаклей и кинофильмов вменялось в обязанность цитировать с помощью технических средств изречения «великого кормчего».

2. Лицам, причисленным к «пяти черным категориям» ¹⁹, при выходе из дома надевать таблички с надписью «нечисть», им приказывалось уничтожить всю «желтую литературу» и «желтые грампластинки».

3. Всем комсомольцам снять значки КСМК и «выкинуть эту ядовитую траву», покончить с авторитетом главы семьи, существовавшим издревле.

4. Так как хунвэйбины по своей неопытности приняли за чистую монету некоторые демагогические лозунги маоистов, то в начале кампании они включили в свои положения ряд мероприятий, направленных против национальной буржуазии. Например, о прекращении выплаты ей фиксированного процента, о передаче частных предприятий в руки государства, о снижении до минимальных размеров или прекращении выдачи заработной платы капиталистам, об аннулировании всех льгот для них, изъятии лишней площади и т. п. Но эти требования сразу же вызвали у руководства серьезное недовольство и были пресечены.

Следует отметить, что в этот момент еще не было единых правил приема в организации хунвэйбинов, хотя прием в них был строго ограниченным, обязательным условием для вступления был факт непричастности их к КПК и КСМК ²⁰. К этому времени не были установлены

¹⁸ Впервые «100 пунктов» были опубликованы в хунвэйбиновской прессе пекинской «Школой маоцзэдунизма» (бывшая 28 средняя школа Пекина). Мы цитируем по «Цзуго», 1969, № 63, стр. 40—41.

¹⁹ Бывшие помещики, кулаки, контрреволюционеры, вредные и правые элементы, а также их дети.

²⁰ А. Н. Желоховцев. «Культурная революция» с близкого расстояния (Записки очевидца). М., 1973, стр. 191.

возрастные рамки хунвэйбинов, поэтому в их отрядах можно было встретить даже 8—9-летних детей.

Для усиления контроля за движением хунвэйбинов начали создаваться в Пекине руководящие органы. 27 августа 1966 г. в Пекине был образован «Штаб хунвэйбинов высших, специальных и средних учебных заведений столицы» (сокращенно «Первый штаб»), который насчитывал около 90 тыс. человек и выпускал газету «Хунвэйбин».

По словам Чжоу Энь-лая, сразу же после создания штаба туда было направлено несколько ответственных товарищей из ЦК партии для помощи в организации и объединении. Руководителем штаба стал студент института промышленности Тань Ли-фу (сын бывшего зам. генерального прокурора Верховной народной прокуратуры — Тань Чжэнь-вэня), во главе штаба были также Ли Мин-цин (сын 1-го секретаря Юго-Западного бюро ЦК КПК Ли Цзин-цюаня), его брат Ли Ли-фэн, Хэ Пэн-фэй (сын маршала Хэ Луна), Лай Жуй-жуй (сын бывшего члена ЦК КПК Лай Жо-юя), Лю Тао (дочь Лю Шао-ци) и др. «Первый штаб» объединял институты торговли, иностранных языков, радио, нефти, горный, Народный университет, Университет национальных меньшинств и множество средних школ столицы. Все эти учебные заведения имели своих представителей в составе руководящей группы штаба²¹.

Политические противники Мао Цзэ-дуна к этому времени, видимо, уже стали понимать причины формирования хунвэйбиновских отрядов и их задачи. В связи с этим они сразу же попытались перехватить инициативу и создать свои отряды. Причем, кое-где им, видимо, это удалось²². Так, при создании хунвэйбиновских организаций в Университете Цинхуа после ухода рабочих групп еще до XI пленума ЦК КПК в руководство так называемых «временных» органов — «временный подготовительный комитет культурной революции», «временный штаб хунвэйбинов» и «временный президиум» — вошли дети Хэ Луна, Ли Цзин-цюаня, Цяо Гуань-хуа, Лю Шао-ци и Ван Жэнь-чжуна²³. Часть из них позднее оказалась в руководстве «Первого штаба».

В день создания «Первого штаба» в Пекине состоялся крупный митинг, на котором с речью выступил Чжоу Энь-лай. Он указал на необходимость организации пункта (центра) связи для хунвэйбинов учебных заведений Пекина. Пункт связи с местоположением во Дворце культуры был создан сразу же после митинга. Функции и полномочия этой организации были строго регламентированы. В ее задачи входило: осуществление связи со всеми хунвэйбиновскими объединениями страны; обслуживание приезжих хунвэйбинов; оказание им помощи; регистрация новых организаций; обмен мнениями и документами. «Создаваемый пункт связи явится органом связи, а не руководящим органом, — заявил Чжоу Энь-лай на митинге. — ...Чтобы создать вам благоприятные условия для осуществления революции, мы оборудуем специальную телефонную связь, подготовим транспортные средства, обеспечим питанием и жильем»²⁴. Аналогичные определения статуса этой организации маоистов дал представитель нового горкома КПК — У Дэ. Такой пункт связи был необходим маоистам для активизации «культурной революции» и руководства ею по всей стране. Замечание Чжоу Энь-лая о том, что пункт явится органом связи, а не руководства, рас-

²¹ «Цзинганшань», 22.XII.1966; «Хунвэйбин», 25.XI.1966, № 11 (спец. вып.); «Цзуго», 1969, № 64, стр. 37.

²² См. «Жэньминь жибао», 18.VIII.1973.

²³ «Цзинганшань», 11.IV.1967; «Жэньминь жибао», 31.III.1967.

²⁴ «Выступление Чжоу Энь-лая 27 августа 1966 г.».

крывало подлинных руководителей хунвэйбиновского движения, то есть Мао Цзэ-дуна и ГКР. В «пункт связи» были откомандированы представители НОАК, чтобы более жестко контролировать и направлять его деятельность. По признанию Чжоу Энь-лая, уже к 1 сентября 1966 г. «главный пункт связи» в Пекине зарегистрировал более 500 организаций хунвэйбинов²⁵, в которых насчитывалось 1 млн. 300 тыс. человек. В конце августа 1966 г. появилась новая крупная организация хунвэйбинов — «Патрульные отряды хунвэйбинов столицы». По сообщениям из Пекина от 4.IX.1966 г., Линь Бяо якобы стал командующим «Патрульных отрядов», Чжоу Энь-лай — советником, Хэ Лун — начальником штаба. Во время второй встречи с хунвэйбинами 31 августа 1966 г. у Линь Бяо была повязка «патрульный отряд хунвэйбинов»²⁶. Эта хунвэйбиновская организация в подавляющем большинстве включала в свой состав детей сотрудников аппарата ЦК КПК и высших кадровых работников. Некоторые из них были учащимися специальных школ-интернатов, поставленных в привилегированное положение. Отряды этой организации осуществляли надзор за другими организациями хунвэйбинов, поэтому и назывались патрульными. «Патрульные отряды» были созданы в восточной части столицы (Дунчэн), в западной части (Сичэн); в районе Хайдяна, в непосредственной близости от Пекинского университета (Хайдяньский патруль).

Расширяя ряды хунвэйбинов, маоисты одновременно способствовали активизации их действий. С этой целью Мао Цзэ-дун и его окружение, опираясь на документы XI пленума, попытались направить хунвэйбиновское движение в антисоветское русло. Наиболее крупная антисоветская акция была связана с переименованием 20 августа учащимися 2-й женской школы пекинской улицы Янвэйлу («Прославление величия»), ведущей к посольству СССР, в улицу Фаньсюлу («Антиревизионистская улица»)²⁷. Бесчинства хунвэйбинов у посольства СССР продолжались более недели. 22 августа на улице Янвэйлу была задержана машина с советскими дипломатами, которых хунвэйбины хотели заставить пройти под портретом Мао Цзэ-дуна²⁸.

Новая антисоветская демонстрация началась 29 августа и продолжалась 10 дней. Для участия в ней были привлечены даже дошкольники из детских садов.

В конце августа Мао Цзэ-дун и его сторонники стали переключать хунвэйбинов на «открытие огня по штабам», что знаменовало собой новый этап хунвэйбиновского движения. К этому времени большинству хунвэйбинов Пекина уже была знакома первая дацзыбао Мао Цзэ-дуна

²⁵ «Выступление Чжоу Энь-лая 1 сентября 1966 г. на первом собрании представителей хунвэйбинов высших и средних учебных заведений страны».

²⁶ «Цзуго», 1969, № 64, стр. 38.

²⁷ 20 августа в одной из дацзыбао, вывешенной в непосредственной близости от посольства СССР студентами института китайской медицины, говорилось: «Довольно! Довольно! В наших сердцах клокочет вся старая и новая ненависть! Мы не забудем о ней ни через сто, ни через тысячу, ни через десять тысяч лет. Мы обязательно отомстим. Сейчас мы не мстим только потому, что еще не пришло время мщения. Когда же настанет это время, мы сдерем с вас шкуру, вытянем из вас жилы, сожжем ваши трупы и прах развеем по ветру!»

В изложении Чжоу Энь-лая церемония переименования улицы выглядела так: «Учащиеся этой женской школы связались с другими учебными заведениями, чтобы организовать большой митинг, а также провести манифестацию с участием 200 тыс. человек. Ее предполагалось провести 28—29 августа. Вечером 27-го я встретился с учащимися, мы обсуждали вопрос об их охране. Для этой цели был выделен отряд из состава войск районного гарнизона без оружия... Количество участников манифестации достигло 700 тыс. человек».

²⁸ См. ноту МИД СССР посольству КНР в Москве. — «Правда», 28.VIII.1966.

«Огонь по штабу», написанная 5 августа 1966 г. с целью коренного изменения обстановки в стране и прямого давления на участников XI пленума ЦК КПК. К примеру, 29 августа в Харбине, по сообщению «Хэйлуцзян жибао», состоялся митинг в присутствии 700 тыс. человек, посвященный «сожжению провинциального парткома, артиллерийскому обстрелу штаба» и «дальнейшему разоблачению и осуждению антипартийных преступлений некоторых главных ответственных лиц провинциального парткома». Митинг был созван хунвэйбинами харбинских промышленных институтов, в нем участвовали 3-й секретарь Северо-Восточного бюро ЦК КПК Ма Мин-фан и 1-й секретарь Хэйлуцзянского парткома Пань Фу-шэн²⁹.

Решив распространить хунвэйбиновское движение по всей стране, Мао устроил 31 августа в Пекине вторую встречу с «красными охранниками»³⁰. На встрече Чжоу Энь-лай, определяя цель приезда хунвэйбинов в столицу как обмен опытом, а назначение выезда столичных учащихся в другие районы как установление революционной связи, заявил: «Мы считаем это очень хорошим делом, мы поддерживаем вас. Центральный комитет партии постановил, что все студенты и часть представителей средних школ различных районов страны могут приезжать в Пекин в разное время и по группам»³¹. Таким образом, было санкционировано от имени ЦК КПК официальное разрешение на приезд хунвэйбинов в Пекин, что по замыслу маоистов должно было резко увеличить их количество в стране, идеологически и организационно подготовить к дальнейшей деятельности. Линь Бяо говорил, что главным объектом удара в «культурной революции» являются «облеченные властью в партии», дав понять, по кому следует открыть «огонь» хунвэйбинам³².

Маоисты приступили к более четкому организационному и идейному оформлению хунвэйбинов. Почти вся полиграфическая промышленность КНР переключилась на выпуск «Цитатников» Мао Цзэ-дуна. 1 сентября на митинге хунвэйбинов Чжоу Энь-лай, отмечая, что в «некоторых учебных заведениях учащиеся надевают нарукавный знак хунвэйбина уже с согласия двух-трех человек», расценил подобные действия как неверные, призывая хунвэйбинов «учиться у армии организованности и дисциплинированности», и потребовал «иметь устав из нескольких пунктов». В ответ на призыв Чжоу 2 сентября в Пекине появились «Правила для хунвэйбинов», в которых разъяснялась программа, задачи, цели и условия организации «красных охранников»³³.

«Правила для хунвэйбинов» делились на разделы: программа, характер, задачи, дисциплина, форма, условия и порядок приема. Программа: Выше поднять великое красное знамя идей Мао Цзэ-дуна. Идти Мао Цзэ-дуна сделать компасом во всей своей деятельности. Решительно охранять ЦК партии и председателя Мао, стать молодой сменой идей Мао Цзэ-дуна.

Х а р а к т е р: Организовать пролетарский революционный авангард из детей рабочих, крестьян, солдат, революционных кадровых работников и детей погибших революционеров.

²⁹ «Хэйлуцзян жибао», 30.VIII.1966.

³⁰ Всего Мао Цзэ-дун до 26 декабря 1966 г. восемь раз устраивал такие встречи в Пекине для активизации «культурной революции». По официальным данным, общее число хунвэйбинов, участвовавших в этих встречах, приближалось к 11 млн.

³¹ «Жэньминь жибао», 1.IX.1966.

³² Там же.

³³ «Выступление Чжоу Энь-лая 27 августа 1966 г. на собрании хунвэйбинов Пекина». Некоторые специалисты Гонконга и Японии считают, что авторами правил были члены ГКР («Цууго», 1969, № 64, стр. 37).

Задачи: 1) борьба, 2) критика, 3) преобразование; поддержать вьетнамский народ в его борьбе против США, уничтожить старый мир, построить новый мир; осуществлять свою деятельность под руководством комитетов (имеются в виду «Комитеты по делам культурной революции». — В.У.).

Условия приема: Детям революционных кадров из семей рабочих, крестьян, бывших бедняков и низших середняков, детям погибших революционеров, если среди их родителей, родственников и друзей есть разложившиеся элементы, не разрешается принимать участие в хунвэйбиновских организациях.

Дисциплина: Выполнять «Три великих правила дисциплины и памятку из восьми пунктов»³⁴. Кто ослушается и пойдет против организации, нарушит дисциплину и политику партии, должен быть наказан организацией.

Форма: На рукаве хунвэйбин носит красную повязку с написанными желтой краской тремя иероглифами: «хун вэй бин».

Порядок приема: Рекомендация со стороны, массовое обсуждение, решение организации после проверки.

По своему содержанию правила свидетельствовали о том, что маоисты, стремясь идейно и организационно объединить хунвэйбинов, определяли их деятельность в рамках лозунга «борьба — критика — преобразование». Согласно толкованию Цзян Цин, под словом «борьба» имелась в виду борьба за разгром «облеченных властью в партии и идущих по капиталистическому пути», под словом «критика» — критика «реакционных буржуазных научных авторитетов», а под словом «преобразование» — преобразование системы образования в учебных заведениях³⁵.

Теоретической основой программы являлись «идеи Мао Цзэ-дуна». Однако текст правил был довольно неопределенным, что в дальнейшем позволило маоистам ставить перед хунвэйбинами иные цели и задачи и использовать их по своему усмотрению.

В результате того, что противники Мао Цзэ-дуна начали формировать свои отряды хунвэйбинов для борьбы с «штурмовыми отрядами» маоистов, в крупных хунвэйбиновских организациях происходит размежевание различных направлений. Часть членов организаций встала на защиту своих родственников, другая пыталась создать фракционные группы. В начале сентября «первый штаб» пекинских хунвэйбинов раскололся на враждующие между собой группировки. Одна из них создала свой «Центральный (главный) штаб хунвэйбинов высших, специальных и средних учебных заведений столицы», который сокращенно был назван «Вторым штабом». Когда этот штаб создавался, Чжоу Энь-лай обещал послать туда членов ЦК КПК. В состав организаций, контролируемых «Вторым штабом», входило 30 тыс. человек. «Второй штаб» издавал свою газету «Дунфанхун». Одним из руководителей штаба был студент авиационного института Хань Ай-цзин. При центральном штабе функционировал «Пункт связи бунтарей» Пекинского авиационного института. Позднее при поддержке члена ГКР Ци Бэнь-юя этот «пункт связи» поспешно захватил власть у центрального штаба, обвиненного в нападках на ГКР и в создании «реакционных» «патрульных отрядов». По некоторым данным, Ци Бэнь-юй вошел в ру-

³⁴ Опубликованы в «Избранных произведениях Мао Цзэ-дуна», т. 4. Пекин, 1964, стр. 267—268 (на русск. яз.).

³⁵ «Выступление Цзян Цин перед бойцами-хунвэйбинами 6.VIII.1966 г.».

ководство новой организации «Второго штаба». Одновременно с ним продолжал существовать ранее созданный «Второй штаб».

В результате раскола «Первого штаба» 6 сентября 1966 г. вторая группировка создала «Главный штаб революционных бунтовщиков — хунвэйбинов высших, специальных и средних учебных заведений столицы», сокращенно названный «Третьим штабом». К 29 сентября 34 учебных заведения Пекина входили в состав этой организации. Она издавала собственную газету «Шоуду хунвэйбин» (первый номер вышел 13 сентября 1966 г.). Основными «базами» «Третьего штаба» были Пекинский университет, университет Цинхуа, геологический институт и др., а также средние школы столицы. Первоначально «Третий штаб» насчитывал 4 тыс. членов, затем число их возросло до 50 тыс. Эта организация получила особую поддержку со стороны ГКР. В состав руководства входили Не Юань-цзы (Бэйда), Куай Да-фу (Цинхуа), Ван Да-бинь (геологический институт). Большая часть этой организации квалифицировалась как «революционная группировка», впоследствии она наиболее активно участвовала в движении за «захват власти», будучи фактически орудием в руках Цзян Цин. Особенно много пунктов связи «Третий штаб» имел за пределами Пекина, почти во всех центрах провинций и других крупных городах³⁶.

Впоследствии в Пекине был создан «Столичный полк хунвэйбинов идей Мао Цзэ-дуна», который стал объединенной организацией хунвэйбинов средних школ Пекина и издавал свою газету «Бинтуань чжаньбао».

После «оформления» хунвэйбиновского движения маоисты начали закрывать местные газеты и журналы для того, чтобы, с одной стороны, обеспечить хунвэйбинов средствами информации и соответствующей типографской техникой, а с другой — лишить своих политических противников одной из главных форм массовой пропаганды — печати. К началу сентября было закрыто около 100 редакций журналов (только в открытой печати можно найти более 15 соответствующих решений). Нам известно более 600 наименований хунвэйбиновских газет, циркулировавших в Китае в 1966—1968 гг. После организационного оформления хунвэйбинов в Пекине их начинают посылать в различные районы страны для «разжигания культурной революции» с заданием «открыть огонь по [партийным. — В. У.] штабам». Откомандированием хунвэйбинов из столицы занимались штабы хунвэйбинов. Контроль за их деятельностью осуществлялся сверху. Одним из первых городов, где появились пекинские хунвэйбины, видимо, был Тяньцзинь. Здесь 26 августа 1966 г., сразу же после приезда, столичные хунвэйбины направились к зданию Тяньцзиньского горкома КПК для «разгрома буржуазного штаба». Однако они были встречены и избиты одним из отрядов местных хунвэйбинов³⁷. Вместе с пекинскими хунвэйбинами действовали и некоторые местные, ранее побывавшие в столице. Например, известная группа Чжэн Чан-хуа за один только день (26 августа) избивала более сорока человек, из которых шесть было отправлено в больницу в тяжелом состоянии. Сам Чжэн Чан-хуа по возвращении с инструктажа из Пекина заявил, что встречался с ответственными руководителями «культурной революции», по мнению которых тезис о необходимости «вести борьбу словом, а не силой» не нужно абсолютизировать³⁸. Так называемый «вооруженный инцидент 26 августа» был

³⁶ «Шоуду хунвэйбин», 31.I.1967; «Цзуго», 1969, № 64, стр. 38.

³⁷ «Правда», 16.IX.1966.

³⁸ Там же.

ликвидирован, пекинских хунвэйбинов отправили под надзор 16-й городской средней школы. Однако на этом события не закончились. Горком КПК в целях самозащиты организовал свои «рабочие отряды хунвэйбинов». Новая группа приехавших в Тяньцзинь хунвэйбинов развернула борьбу против них. Заручившись поддержкой центра, пекинские хунвэйбины созвали в Тяньцзине 18 сентября массовый митинг, на котором подвергли «разоблачению» 1-го секретаря горкома партии, секретаря Хэбэйского парткома Вань Сяо-тана и 2-го секретаря Чжао У-чэна, развернули против них «борьбу». Подвергнутый пыткам и издевательствам, Вань Сяо-тан на другой день скончался.

7 сентября в Фучжоу (Фуцзянь) более 1600 хунвэйбинов окружили городской комитет КПК, учинили личный обыск партийных работников и их квартир. В прокламации от 8 сентября 1966 г. рабочие Фучжоу возмущались хунвэйбинами, которые врывались в парткомы, избивали рабочих и крестьян, терроризируя всю провинцию. 6 и 7 сентября, когда хунвэйбины окружили здание парткома провинции Цзянси, рабочие, крестьяне и партийные работники разогнали «революционных учащихся» и устроили манифестацию под лозунгами: «Долой правых студентов!», «Энергично защитим партийные комитеты!» Аналогичные случаи организованного выступления рабочих и крестьян против хунвэйбинов в тот период наблюдались в Циндао, Чанша, Сиани, Тяньцзине и других городах и районах страны. Когда к Мао Цзэ-дуну попало срочное донесение его приближенных о повсеместном сопротивлении рабочих и крестьян, то он, по сведениям иностранной печати, написал 7 сентября 1966 г. следующее письмо: «Товарищи Линь Бяо, (Чжоу) Энь-лай, Тао Чжу, (Чэнь) Бо-да, (Ван) Жэнь-чжун и Цзян Цин! С материалами ознакомился. Положение, создавшееся в Циндао, Чанша, Сиани и других местах, везде одинаково, повсюду рабочие и крестьяне организовано выступают против учащихся. Если так будет и дальше продолжаться, то нельзя будет разрешить имеющиеся проблемы...»³⁹.

Таким образом, уже в первой декаде сентября 1966 г. стало ясно, какие цели преследовались маоистами при создании хунвэйбиновских организаций, кто направлял и контролировал их деятельность, стал понятен механизм «раскачки» хунвэйбиновского движения. Уже первые месяцы существования хунвэйбинов ознаменовались как в Пекине, так и на периферии разгулом политического хулиганства, актами вандализма и изуверства, кровавыми насилиями над неугодными режиму партийными кадрами, взрывом антисоветизма, массовым отрицанием всего мирового и национального культурного наследия.

Хотя маоисты и пытались создать видимость «стихийности» хунвэйбиновского движения, якобы «массового взрыва негодования, идущего снизу», факты неопровержимо доказывают, что хунвэйбинами руководила опытная рука режиссера, которая направляла движение в удобное ему русло. Мы знаем, что в то время Мао и его сторонникам удалось обмануть значительную часть китайской молодежи, в первую очередь учащихся, использовать ее в антипартийной борьбе, направить их энергию не на созидание, а на разрушение. Хунвэйбины требовались Мао Цзэ-дуну только на начальном этапе «культурной революции», и, когда они выполнили самую «черную работу», они стали не нужны. Укрепив затем свое положение в стране с помощью армии, Мао и его окружение расправились с хунвэйбиновскими отрядами так же жестоко, как ранее последние сами расправлялись с противниками «великого кормчего», по его же указаниям.

³⁹ «Чжаньван», Сянган, 1970, № 197, стр. 14; «Минбао», Сянган, 1969, № 46. В «Чжаньван» упоминается еще и Кан Шэн.

КОММЕНТАРИИ

В интересах упрочения экономической и политической независимости освободившихся стран

[к итогам XXXII сессии ЭСКАТО]

*И. А. Алексеев,
В. В. Леонидов*

XXXII сессия Экономической и Социальной комиссии ООН для Азии и Тихого океана (ЭСКАТО) проходила в Бангкоке с 24 марта по 2 апреля 1976 г. В ее работе участвовали более 350 официальных представителей правительств и международных организаций, а также многочисленные журналисты и приглашенные гости. В конференц-зале нового комплекса зданий, построенного в Бангкоке специально для штаб-квартиры ЭСКАТО, собрались делегации 31 страны — членов Комиссии, включая все крупные страны Азии, а также США, Англию, Францию и Голландию. Впервые в сессии ЭСКАТО приняла участие делегация Лаосской Народно-Демократической Республики. 14 стран, не входящих в ЭСКАТО — Польша, Чехословакия, Болгария, Венгрия, ФРГ, Италия, Австрия, Бельгия, Норвегия, Турция, Швеция, Швейцария, Египет, Канада. — были представлены наблюдателями. Среди участников сессии находились также делегации наблюдателей от многих международных организаций — восьми организаций ООН (ЮНКТАД, ЮНИДО, ПРООН и др.), десяти специализированных учреждений (МОТ, ФАО, ЮНЕСКО и др.) и ГАТТ, 12 межправительственных организаций, включая СЭВ и ЕЭС, и 17 международных неправительственных организаций, в том числе трех международных профсоюзных центров: ВФП, МКСП и МКТ. Показателем возросшего внимания к деятельности ЭСКАТО со стороны правительств стран азиатско-тихоокеанского региона явился высокий уровень представленных делегаций, из которых 12 возглавлялись министрами. Председателем сессии был избран президент Республики Науру Х. Робур, одним из его заместителей — заместитель министра иностранных дел МНР Д. Эрдэмбилег.

Сессия проходила под знаком углубляющегося процесса ослабления международной напряженности, позитивных сдвигов в обстановке в азиатско-тихоокеанском районе, и прежде всего победы народов Вьетнама, Лаоса и Камбоджи. В выступлениях ряда делегатов указывалось, что разрядка напряженности, как и окончание войны в Индокитае, способствуют укреплению мира и безопасности в Азии, что является необходимым условием решения актуальных проблем социально-экономического развития стран района. Выступавшие отмечали, что в обстановке разрядки напряженности открываются благоприятные возможности для значительного расширения плодотворного сотрудничества в различных областях между всеми странами Азии и Тихого океана на основах равенства и справедливости.

Обращаясь к участникам сессии в день ее открытия, премьер-министр Таиланда К. Прамот заявил, что у мира нет никаких эффективных альтернатив международному сотрудничеству, что сейчас преобладает желание решать экономические проблемы путем сотрудничества, а не конфронтации. Исполнительный секретарь ЭСКАТО Дж. Марамис также счел нужным подчеркнуть, что данная сессия проходит в «более ободряющих условиях, когда после долгих лет конфликта появилась гораздо большая надежда на мир и стабильность в районе».

В выступлении главы делегации СССР Б. И. Ильичева было показано благотворное влияние на весь ход мировых событий Программы мира, прямым продолжением и развитием которой является Программа дальнейшей борьбы за мир и международное сотрудничество, за свободу и независимость народов, принятая XXV съездом КПСС. Отметив успех исторического Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, представитель СССР подчеркнул, что результаты общеевропейского Совещания имеют большое значение для укрепления мира в других частях мира, в том числе и в Азии. Советский Союз готов со всем вниманием отнестись к любым предложениям, диктуемым заботой о прочном мире и безопасности в Азии, об их обеспечении коллективными усилиями. Решения XXV съезда нашей партии нашли отражение в речах делегатов МНР и социалистических стран, представленных на сессии наблюдателями, а также в выступлении делегации СЭВ.

На работу сессии оказали существенное воздействие и такие факторы, как усиливающаяся борьба развивающихся стран за реализацию разработанных ими требо-

ваний по установлению нового международного экономического порядка, а также то, что победа народов Индокитая вынуждает правительства развивающихся стран Азии под напором активизации борьбы прогрессивных сил внутри этих стран искать пути к ускорению проведения требуемых народами насущных социально-экономических преобразований. В этой связи представители многих развивающихся стран особо подчеркнули необходимость того, чтобы ЭСКАТО безотлагательно приступила к разработке соответствующей комплексной концепции социально-экономического развития стран Азии и Тихого океана.

Повестка дня была составлена с учетом отмеченных факторов и включала в себя следующие вопросы: состояние и перспективы развития сельского хозяйства; сотрудничество между развивающимися странами и межрегиональное сотрудничество; привлечение женщин и молодежи к активному участию в социально-экономическом развитии; деятельность ЭСКАТО в области планирования, промышленности, социального развития, транспорта и связи, развития природных ресурсов, внешней торговли, статистики, народонаселения и др.; программа работы на 1976—1977 гг. и среднесрочный перспективный план на 1978—1981 гг.; деятельность и программа работы региональных институтов и центров ЭСКАТО, включая региональные проекты, типа проекта освоения бассейна реки Меконг.

Указывая на тяжелые последствия для экономики развивающихся стран района глубокого экономического кризиса, инфляции и развала валютной системы капиталистического мира, представители этих стран поднимали в своих выступлениях важнейшие международные экономические и финансовые проблемы. Их выступления, как правило, содержали призывы к развитым капиталистическим странам проявить понимание насущных проблем региона.

Из выступлений представителей западных стран (США, ФРГ, Англии, Голландии) явствовало, что они не готовы сделать заметного шага навстречу требованиям «группы 77». Признавая необходимость решения важных проблем в международных экономических отношениях, представители этих стран подчеркивали трудности их решения, указывали на необходимость «тщательного» изучения поставленных «группой 77» вопросов. Стремясь избежать конфронтации на сессии ЭСКАТО и IV сессии ЮНКТАД, они призывали сохранить атмосферу «конструктивного диалога» при обсуждении проблем международных экономических отношений, которая, по их словам, господствовала на VII специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН.

Вопрос о состоянии и перспективах развития сельского хозяйства стран района был поставлен в качестве основного вопроса общей дискуссии на пленарных заседаниях сессии. В представленном секретариатом региональном обзоре положения дел в сельском хозяйстве, как и в выступлениях большинства представителей по данному вопросу, указывалось, что продовольственное положение во многих странах остается весьма острым. Так, по данным ФАО, десяти странам района необходимо импортировать в текущем году 11,2 млн. т зерна. Положение могло бы еще более ухудшиться, если бы в 1975 г. в большинстве стран региона не был собран относительно высокий урожай. Сбор риса по сравнению с 1974 г. возрос на 6,3%, а пшеницы на 7,7%. Имеются неплохие перспективы на урожай 1976 г., в частности в Индии, Пакистане, Бангладеш. Это увеличение сельскохозяйственного производства до определенной степени смягчило отрицательное влияние неблагоприятной мировой экономической конъюнктуры на развивающиеся страны Азии, однако проблемы развития экономики все еще находятся в большой зависимости от серьезных сдвигов в сельскохозяйственном секторе.

Среди основных причин хронического отставания сельского хозяйства в развивающихся странах района в обзоре и выступлениях выделялись ограниченность рамок аграрных реформ и непоследовательность их проведения. Поднимался также вопрос о необходимости обеспечения активного участия крестьянских масс в разработке и осуществлении социальных преобразований в деревне. В ходе дискуссии советская делегация выступила с активной поддержкой тезиса о необходимости проведения прогрессивных аграрных преобразований, подчеркивая, что только оптимальное сочетание таких реформ с внедрением современной технологии способно решить задачу по росту сельскохозяйственного производства и интегрированному развитию сельских районов.

Представитель СССР проинформировал сессию о результатах сельскохозяйственного производства в нашей стране и о тех задачах, которые поставлены перед этой отраслью экономики на следующее пятилетие. Советская делегация заявила о готовности Советского Союза активно участвовать в научно-техническом сотрудничестве со странами данного региона, в том числе по вопросам сельского хозяйства.

В итоге обсуждения вопроса сессия приняла резолюцию «Интегрированная программа развития сельского хозяйства», в которой подчеркивается, в частности, что принимаемые правительствами ограниченные меры не дают заметных результатов, что проблемы развития сельского хозяйства по своему существу требуют комплексного подхода и что политика и практические меры в этой области должны включать социальные преобразования в азиатской деревне в качестве основных элементов осуще-

ствления аграрных реформ. Исполнительному секретарю ЭСКАТО поручено разработать и представить на рассмотрение очередной, XXXIII сессии Комиссии детальную программу работы в области развития сельского хозяйства, обратив особое внимание на проблему аграрных реформ и предусмотрев в планах созыв региональной конференции по данному вопросу в ближайшие годы (эти положения включены в резолюцию по предложению делегации СССР). В дополнение к резолюции принято также предложение Японии провести в Токио в текущем году межправительственное совещание экспертов для предварительного обсуждения предусмотренного резолюцией проекта программы. Комиссия с одобрением приняла предложение о проведении в СССР семинара для специалистов стран Азии по проблемам возделывания и уборки зерновых.

При обсуждении деятельности и программы будущей работы Комиссии в области планирования подавляющее большинство представителей развивающихся стран подчеркивало необходимость и важность планирования в процессе социально-экономического развития.

Советская делегация в своем выступлении указала, в частности, что планирование должно быть комплексным — охватывать как экономические, так и социальные цели и соответственно включать в себя не только все отрасли экономики, но и социальные сектора. Было подчеркнуто, что планирование должно носить общегосударственный характер, то есть начинаться с плана первоначальной производственной единицы и завершаться на общенациональном уровне, что оно должно исходить из реальных материальных возможностей и быть достаточно гибким с тем, чтобы планы могли быть скорректированы в ходе их выполнения с учетом чрезвычайных или непредвиденных обстоятельств внутреннего или внешнего порядка (рост цен на импортные товары, падение экспортной выручки и т. п.). Было сказано также, что выполнение планов в решающей степени определяется тем, насколько широко участвуют в процессе их составления и реализации массы трудящихся. Эти мысли были поддержаны делегациями МНР, Индии, Шри Ланки, Ирана и ряда других стран.

В выступлениях представителей развивающихся стран выдвигалось требование к Комиссии заняться обобщением накопленного опыта и приступить на основе его анализа к разработке практических рекомендаций по методологии и практике планирования. В принятых сессией заключениях и программе работы в этой области запланировано проведение очередной сессии Комитета по планированию в ноябре 1976 г. (вместо намечавшегося ранее 1977 г.), созыв межправительственного совещания экспертов по методологии планирования. Сессия с одобрением отметила представление Советским Союзом 10 стипендий Комиссии гражданам стран-членов для получения в СССР высшего образования, в том числе в области планирования. Было поддержано также предложение о проведении в Советском Союзе семинара по вопросу об участии трудящихся в разработке и реализации планов социально-экономического развития.

При обсуждении проблем индустриализации принципиальная линия представителей СССР относительно промышленного развития как необходимой предпосылки социально-экономического прогресса и обеспечения экономической самостоятельности нашла довольно широкую поддержку, особенно со стороны крупных развивающихся стран района. Делегаты Индии особо подчеркивали в своих выступлениях, что созданная в предыдущие годы в Индии национальная обрабатывающая промышленность, включая производство средств производства, позволила им со значительно меньшим ущербом преодолеть тяжелые последствия повышения мировых цен на импортные промышленные товары и оборудование. В выступлениях представителей развивающихся стран обращалось внимание также на необходимость расширения доступа и облегчения условий получения новой технологии и техники, как существенных рычагов ускорения индустриализации. Указывалось на желательность всемерного расширения научно-технического сотрудничества в этой области между странами района. В связи с этим в специально принятой по данному вопросу резолюции Исполнительному секретарю было поручено принять меры к скорейшему открытию создающегося в Дели Азиатского регионального центра по передаче технологии. В решениях и программе работы Комиссии в области промышленности запланировано созвать в 1977 г. Азиатскую региональную конференцию по индустриализации на уровне министров, которой должно предшествовать подготовительное межправительственное совещание.

Важное значение в деятельности ЭСКАТО придается развитию природных ресурсов развивающихся стран. Особое внимание при этом обращается на изыскания и исследования по использованию различных видов энергетического сырья, водных ресурсов и минерального сырья. Программа работы предусматривает широкий комплекс мероприятий в этой области: созыв в июне 1976 г. региональной межправительственной конференции по использованию водных ресурсов в порядке подготовки к Всемирной конференции ООН по этому вопросу в 1977 г., проведение межправительственного совещания экспертов по зондированию природных ресурсов (1976 г.), региональной конференции по защите окружающей среды и др. Сессия с одобрением отметила намечаемые семинары в СССР для специалистов стран-членов Комиссии по проблемам

сельской электрификации (1976 г.) и по использованию низкосортных видов топлива для производства электроэнергии.

В ходе дискуссии по проблемам развития транспорта и связи вновь подчеркивалась важная роль этой отрасли хозяйства в достижении задач экономического развития, при этом особое внимание обращалось на реализацию планов создания трансазийских железной (ТАЖД) и шоссейной (ТАШД) дорог. В этой связи отмечены усилия СССР (в районе станции Джульфа) и Ирана по развитию западного участка ТАЖД, а также запланированное на сентябрь с. г. проведение семинара в СССР для специалистов стран района по организации научно-исследовательской работы в области железнодорожного транспорта и подготовки научно-технических кадров.

В выступлениях представителей развивающихся стран указывалось на полезность деятельности ЭСКАТО, связанной с направлением групп экспертов по просьбе правительств стран-членов для изучения состояния железнодорожного транспорта на местах и разработки соответствующих рекомендаций. В этой связи сессия с удовлетворением отметила предлагаемое участие советских специалистов в передвижной группе ЭСКАТО по обследованию железных дорог Непала.

В принятых сессией решениях одобрены программы работ по дальнейшему развитию автомобильного и речного транспорта. Как и на XXXI сессии, вновь в острой форме прорекалась дискуссия по предложению о создании в рамках ЭСКАТО Комитета по проблемам морского судоходства, которое энергично выдвигается представителями Шри Ланки, Индии, Пакистана, стремящихся использовать Комиссию для защиты своих интересов в борьбе с империалистическими судоходными компаниями. И на этот раз реализовать это предложение не удалось. Решительно противодействовали его принятию представители США, Англии, Франции, Голландии. Однако в принятом решении сделан определенный шаг вперед — проблемы морского судоходства включены в программу работы Комиссии и раз в два года будут рассматриваться Комитетом по транспорту в ходе его ежегодных сессий. Одновременно в секретариате создается самостоятельная секция по этим проблемам.

При обсуждении проблем социального развития представители развивающихся стран высказывались за всемерное расширение деятельности ЭСКАТО в этой области. При этом особо подчеркивалась необходимость увязки планов экономического развития с достижением конкретных социальных целей — обеспечения занятости, улучшения систем образования, расширения медицинского обслуживания, повышения материального уровня жизни и т. п. Указывалось также на то, что включение конкретных социальных целей в планы экономического развития будет способствовать активизации участия широких слоев населения в их реализации. В этой связи особо обращалось внимание на важность более широкого вовлечения женщин и молодежи в процесс социально-экономического развития. В принятой резолюции сессия, в частности, обязала Исполнительного секретаря ЭСКАТО обеспечить завершение мероприятий по открытию Регионального центра по проблемам женщин, создающегося в Иране, в том числе по созыву межправительственного совещания экспертов для окончательной разработки круга проблем, который будет находиться в ведении этого центра.

Представители развивающихся стран поддержали деятельность ЭСКАТО в области решения проблемы народонаселения. Все выступавшие по этому вопросу высказались за то, чтобы первая сессия Комитета по народонаселению обратила особое внимание на разработку программы дальнейшей деятельности Комиссии по проблемам демографии. В решениях XXXII сессии с одобрением отмечается создание в Москве Международного центра по проблемам народонаселения для повышения квалификации демографов развивающихся стран.

Деятельность ЭСКАТО в области внешней торговли вызывает возрастающий интерес у развивающихся стран района, при этом особо подчеркивается ведущая роль, которую должна сыграть комиссия в деле всемерного расширения торговли внутри региона, и прежде всего между самими развивающимися странами. Представители этих стран прямо указывали, что в налаживании такой торговли они видят важное средство защиты своих интересов в условиях кризиса мирового капиталистического хозяйства, роста цен на оборудование и промышленные товары на мировом рынке, падения спроса на сырьевые товары, нарастающих трудностей сбыта готовой продукции развивающихся стран на рынках Западной Европы и Северной Америки. В плане расширения регионального сотрудничества отмечалась роль субрегиональных организаций, ассоциаций производителей, многосторонних торговых соглашений (типа Бангкокского) и клиринговых союзов. Подчеркивалось при этом, что такого рода торгово-экономическое внутрирегиональное сотрудничество в большей степени отвечает национальным задачам экономического развития, служит укреплению их солидарности в борьбе за более благоприятные условия торговли.

В рамках этого вопроса обсуждались и проблемы социально-экономического развития наименее развитых стран, особенно островных или не имеющих выхода к морю. В принятой по данному вопросу резолюции содержится, в частности, призыв к правительствам оказать содействие внутриконтинентальным странам района в облегчении их транзита через свои территории и доступа к морю. Исполнительному се-

кретарю поручено представить на рассмотрение XXXIII сессии ЭСКАТО доклад о достигнутых результатах в этом вопросе.

Сессия обсудила деятельность региональных институтов и центров ЭСКАТО, а также ход выполнения отдельных региональных проектов, включая проект комплексного освоения бассейна реки Меконг.

При обсуждении проекта освоения реки Меконг представители Лаосской Народно-Демократической Республики и Таиланда указали на свою заинтересованность в продолжении этих работ. При этом представитель ЛНДР подверг критике позицию правительства США, отказывающегося в нарушение парижских соглашений от оказания помощи странам Индокитая, в том числе в рамках проекта освоения Меконга. Представители Франции, Англии, ФРГ, Японии, Голландии, Индонезии, Австралии, Новой Зеландии, отмечая важность работы Комитета по Меконгу, заявили о своей поддержке проекта. Комиссия выразила надежду, что Вьетнам и Камбоджа возобновят свое участие в проекте, и поручила Исполнительному секретарю вступить в контакт с правительствами этих стран с целью выяснения возможности созыва очередной сессии Комитета по Меконгу в июне с. г.

Единое мнение делегаций по вопросу статистики сводилось к тому, чтобы деятельность Комиссии в этой области была направлена в первую очередь на оказание помощи правительствам стран-членов в совершенствовании методологии статистики, улучшении работы национальных статистических органов и подготовке кадров статистиков.

В целом работа сессии проходила в деловой атмосфере. На фоне серьезного разговора об актуальных вопросах социально-экономического развития диссонансом прозвучала речь главы делегации КНР с нападками на силы, выступающие за обеспечение мира и безопасности на основе коллективных усилий, на миролюбивую политику Советского Союза и других социалистических стран. Попутно пекинский представитель пытался противопоставить одни азиатские страны другим (например, Бангладеш — Индии в вопросе об использовании вод реки Ганг).

Наряду с представителем СССР клеветническим инсинуациям делегации КНР была дана достойная отповедь также представителями МНР. При этом советская делегация подчеркнула, что она выступает против попыток превратить высокую трибуну Комиссии в место для дискуссий, цели которых не имеют ничего общего с задачами, стоящими перед ЭСКАТО. Примечательно, что наскоки китайского делегата не нашли поддержки у представителей других стран и организаций.

Ход и итоги XXXII сессии свидетельствуют о возрастающем значении и роли ЭСКАТО в новой обстановке, складывающейся в Азии. Правительства развивающихся стран-членов рассматривают Комиссию в качестве единственного и наиболее авторитетного международного органа по разработке концепций социально-экономического развития стран района и рекомендаций о мерах, направленных на их практическую реализацию. Наблюдается активизация почти всех ее членов, которые стремятся оказать воздействие на формирование программ работы Комиссии в нужном для них направлении. Это нашло свое отражение, в частности, в предложениях, которые вносились на сессии при обсуждении программ работы ЭСКАТО.

По мнению подавляющего большинства участников сессии, которое разделяется и советской делегацией, ЭСКАТО служит хорошим форумом для плодотворного обмена мнениями между представителями обширного района земного шара и может содействовать дальнейшему углублению регионального сотрудничества, упрочению экономической и политической независимости молодых государств.

КУЛЬТУРА

К проблеме китайского поэтического наследия

Н. Т. Федоренко,
член-корреспондент АН СССР

Стихотворения в жанре цы более позднего периода чаще всего состоят из двух или трех частей. Реже встречаются произведения из четырех и более частей, которые можно сравнить со строфами. Цы классифицируются по числу нероглифических знаков на три главные категории: сяомин — малое стихотворение, до пятидесяти нероглифов; чжундяо — среднее произведение из двух, трех и более строф; чандяо — длинное произведение, более ста нероглифических знаков. Чандяо иногда называется маньцы — медленное цы.

В стихотворениях цы, как правило, каждая их часть или строфа, в сущности, наделена самостоятельным значением, содержит законченную мысль и может рассматриваться как завершенное произведение. В этом внутренняя сила жанра, где нет никакого отклонения формы от сути. Цы — это живое, подлинно поэтическое звучание слова, наделенного большой выразительностью и музыкальностью. Нет в поэзии цы ухищрений или излишней рассудочности. Здесь — непосредственность мысли и чувства. И высокая простота.

Ли Бо принадлежит такие строфы цы, написанные им на мелодию «Пусамань»:

А на башне высокой
Все пронизано мглой.

Где стою одиноко
Со своею тоской¹⁷.

Словно продолжая раздумья Ли Бо, другой выдающийся поэт Танской эпохи Бо Цзюй-и создал версию цы на мелодию «Всегда думая друг о друге»:

Мыслей смятенье,
Смятенье чувств,
И так до тех пор, я знаю,

Пока не ступлю на порог родной...
На башне один стою под луной,
Стою и вздыхаю¹⁸.

Высота башни, словно высота гор и высота величия человеческого духа, была предметом восхищения, тем, что всегда славил поэты Востока и Запада.

Авторы стихотворений цы писали на основе собственного опыта, своих впечатлений и переживаний. Отсюда своеобразное движение слова, освобождаемого от привычной окраски и тональности. Ли Юй — поэт Сунской эпохи, находит свои, свойственные лишь ему выразительные средства на ту же тему, что и в стихах Ли Бо и Бо Цзюй-и. В них прозрения, которыми движут поэтические строки:

Нет, не верю залетному гусю¹⁹:
В край родной не вернуться мне снова.

Вдаль уходит, теряясь, дорога,
И растет с каждым разом тревога,
Словно буйные травы весной²⁰.

Прославленный поэт Сунской эпохи Су Ши вдохновенно выразил свои чувства в строфах цы, написанных на широкоизвестную мелодию «Словно сон»:

Перед домом когда-то я сам
Сливу с персиком посадил.

И разросся с годами сад —
Тень густая и зреют плоды.

Но за шторой слышится птичий хор, который не умолкает ночью и лишает вешнего сна:

«Ты, о цзюйши²¹,
В сердце храни,
Ты, о цзюйши²¹,

Помни вовек
Мостик маленький и под ним
Ручейка неумяемого бег!²²

* Окончание. Начало см. «Проблемы Дальнего Востока», № 2, 1976.
¹⁷ Ли Бо. Стихи. Перевод Михаила Басманова. — «Новый мир», 1973, № 12, стр. 136.

¹⁸ Там же, стр. 137.

¹⁹ Залетный гусь — в китайской символике образ вестника.

²⁰ Ли Юй. Стихи. Перевод с китайского М. Басманова. — «Иностранная литература», 1973, № 3, стр. 187.

²¹ Цзюйши — ученый муж, не занимающий официальной должности, ведущий жизнь отшельника.

²² Су Ши. Стихи. Перевод с китайского и вступление М. Басманова. — «Иностранная литература», 1975, № 4, стр. 183.

Произведения цы историчны. В них запечатлены бесценные детали быта, языка, устремлений людей столь отдаленной от нас давности. Они выводят мысль к памяти о живой реальности, о времени, его движении, особенностях его цвета.

Интересно в этой связи стихотворение цы поэта Су Ши «В Чибн размышляю о древних», написанное на мелодию «Прекрасная Нянь-ну». Чибн — историческое место, известное благодаря битве эпохи Троецарствия (220—265). Су Ши, для которого событие это было одновременно далеким и близким, вспоминает о том, как прославленный полководец Чжоу Юй (Гун Цзин), которому от роду всего было двадцать четыре года, разбил большую армию своего противника Цао Цао, слившего коварным воеводой и стратегом. Предание гласит, что боевые суда Цао Цао по наущению посланного к нему лазутчика были скреплены цепями как бы на случай шторма, предсказанного тем же лазутчиком. Затем флот неприятеля был подожжен войсками Чжоу Юя. Лишенные маневра, корабли Цао Цао сгорели дотла²³.

Случается, что по мере движения времени события словно бы выцветают, как выцветает бумага, и начинают казаться менее значительными. Нередко, однако, исторические факты отлагаются в памяти поразительно рельефно, легко воскрешаются и по-особенному тревожат сознание.

Мысль эта справедлива и в отношении размышлений Су Ши о древних на земле Чибн, где будто сама вечность прикоснулась к нему, любовно погладив незримой своей рукой и глубоко его растрогав.

К этой теме обращается и поэт Синь Ци-ци в ряде своих произведений жанра цы. Посвящено ей, в частности, стихотворение «Пишу на стене беседки Чэньбяо в области Цзинькоу»:

К нам подвиг из мрака столетий
Нетленным доходит сквозь годы...

Но труд был поистине тяжкий
И страшными были невзгоды.

В строках этих содержится намек на стихийные бедствия в бассейне реки Хуанхэ и борьбу с ними в далекую эпоху легендарных правителей Яо, Шуня и Юя (XXIII—XXII вв. до н. э.).

Поэт делится своими размышлениями, в которых минувшее соотносится с современной ему жизнью, он как бы говорит нам, что без прошлого нет настоящего. Таково восприятие поэтом Сунской эпохи, которая для нас давно уже стала далекой историей. И произведение это можно рассматривать как поэтическое выражение образа или философии жизни древних китайцев с присущими ей чертами и приметам времени. Но и наше настоящее, как настоящее для любого поколения, своим чередом, с каждым новым мгновением обращается в историю. В историю для будущего.

Творцы поэзии жанра цы своими произведениями напоминают нам, что они обладали умением наблюдать и думать, искать, изображать. Они владели живописью, словом, способностью вводить в стихи глубокий философский подтекст.

Огромной покоряющей силой обладает поэтическое творчество Лу Ю, принадлежащего к прославленной плеяде сунских певцов. Талант его, подчеркивает Е. А. Серебряков в своем весьма обстоятельном и единственном на европейских языках исследовании²⁴, расцвел в драматическую эпоху, когда феодальные правители Китая пошли на унижительный мир с иноземными захватчиками и предали интересы страны. Через все творчество Лу Ю проходит горькая мысль о тяжелой участи китайского народа под иноземной властью чжурчженей. Его творчество принадлежит к поэзии цы, в котором особенно сильна патриотическая лирика, а также раздумья о народных чаяниях и родном крае.

В стихотворении «Завещаю сыновьям» Лу Ю говорит, что, умирая, он «не пожалел бы суety и треволнений жизни», но

Я скорблю о том, что не едины
Девять округов моей отчизны,

Верю: войско движется на север,
Земли Чжунюаня восстановит.

Завещание поэта заканчивается обращением:

Не забудьте мне сказать об этом
У могилы — в час грядущей тризны!²⁵

²³ См. Су Ши. В Чибн размышляю о древних. Перевод М. Басманова. — «Иностранная литература», 1975, № 4, стр. 185.

²⁴ Е. А. Серебряков. Лу Ю. Жизнь и творчество. Изд-во ЛГУ, 1973; см. также: Лу Ю. Поездка в Шу. Перевод, комментарии и послесловие Е. А. Серебрякова. Изд-во ЛГУ, 1968.

²⁵ Лу Ю. Завещаю сыновьям. В сб. «Поэзия эпохи Сун». М., 1959, стр. 252.

Поэтическое наследие Лу Ю, составляющее свыше девяти тысяч стихотворений, в том числе произведений в жанре цы, вызывало неизменный интерес и встречало заслуженно высокую оценку у китайского читателя. Оно дошло до нас через семь с лишним веков и сохранило свою художественную ценность.

В стихах цы нашли свое отображение умонастроения и чувства простого люда — крестьян, ремесленников, рыбаков.

В поэзии жанра цы постоянно ощущается какая-то особая включенность во все многообразие окружающей природы. В живой природе древние певцы открывали для себя прекрасное, прекрасное как смысл человеческого существования.

Изображению родной природы, ее красок и явлений посвящены едва ли не наиболее яркие, взволнованные строки стихотворений жанра цы. Примечательно, однако, что пейзажные зарисовки обычно передают читателю определенные мысли и настроения, требуют философского осмысления. Но поэзия жанра цы, как и философия, является скорее постижением не собственно объектов, а их отношений, взятых с эмоциональной стороны. Круг объектов, которые могут быть доступны поэтическому освоению, практически безбрежен, ничем не стеснен.

Чем естественнее средства выражения, тем естественнее сам мир художника, его ощущения, творческий его замысел. И тем непринужденнее бывает переход от разума к чувству. Образное постижение живой природы сопряжено с воздействием художника на чувства, которые своим путем сообщают впечатлительному человеческому разуму.

Пейзажные изображения в поэзии жанра цы характеризуются многообразием. Они часто связаны с разными погодными явлениями, различными временами года, порождаемыми ими превращениями в природе. И природа у творцов произведений цы всегда проникнута светом и тенью. Это восприятие помогает достигать гармонии, воспроизведение которой обуславливает правдивость жизненного изображения.

Песенно-поэтический жанр цы неразрывно связан с жизнью народа, развитием вкусов, изменением мироощущения. Бесспорная истина, что искусство обладает своеобразием и что поэзия — особая система образного мышления. Бесспорно и то, что поэтическое творчество разных народов несет в себе как национальную, так и этнографическую специфику. Ценность поэзии цы в том и состоит, что созданные древними поэтами произведения через грядущие столетия донесли до нас национальное своеобразие и социальную специфику. Качественные эти особенности оказались настолько устойчивыми, что явились как бы канвой для дальнейшего движения китайской словесности, ее обогащения, вбирания в себя всего лучшего, не изменяя при этом самой себе.

К числу наиболее известных произведений, написанных Су Ши в жанре цы, принадлежит стихотворение «Ночью возвращаюсь в Линьгао». Мы приводим здесь лишь третью и четвертую строфы:

Я потому
Всегда был недоволен,
Что жил, себе принадлежать не смея.
Когда же обрету я снова волю
И суету сует забыть сумею?

Ночь на исходе.
Затихает ветер.
Зыбь на воде, где свет и тени спорят...
Возьму мой челн, места покину эти,
Остаток дней отдам реке и морю²⁶.

Под воздействием наблюдаемого, испытываемого поэт стремился найти наиболее выразительные средства и формы языка, позволяющие достоверно и непосредственно раскрыть душевные движения в их наиболее емкой и полной форме, в живой и подлинной взволнованности. И порой кажется, будто непосредственные ощущения, на которых фиксируется внимание художника, несколько отодвигают собой жизненные ситуации и явления.

На первый взгляд подобное впечатление может возникнуть при чтении стихотворения Су Ши — «Написанное в Праздник середины осени». Поэт рисует голубизну неба, в котором растворилось облако на закате. Передает ощущение скованной все вокруг прохлады, царящую прозрачность воздуха, бесшумно скользящий по небу «Круглый сосуд из яшмы, к востоку перемещаясь, путь Млечный пересекая». Все здесь, кажется, отвлеченно, созерцательно. Своеобразная мгновенность фиксации времени, явлений окружающего мира. Но в этом своеобразии творческого приема.

В лучших традициях поэзии жанра цы написано стихотворение Су Ши на известную мелодию «Гадание»:

Ущербный месяц. Редкие утуну²⁷.
Часы звенеть капелью перестали²⁸.
Всё спит. Лишь кто-то,
Погруженный в думы,

Бредет один
Виденнем угрюмым,
Он, лебедь,
Оторвавшийся от стаи.

²⁶ Су Ши. Перевод М. Басманова. «Иностранная литература», № 4, 1975, стр. 184.

²⁷ Одна из разновидностей платана.

²⁸ Имеются в виду водяные часы.

В этих строках привлекает внимание некая необычная ситуация, явление скорее исключительное, частное. Но частное в песенно-поэтическом жанре цы — больше, чем частное, редкое, случайное. Воплощенное в лирической поэзии состояние автора отображает черты поэтического образа, который воспринимается как индивидуализированное и типичное отображение внутреннего мира человека.

Вдруг встрепенулся, повернулся круто, Нигде
 Во взоре скорбь, но кто об этом знает! Не отыскал себе приюта...
 Все ветки перебрал, Студёная Уцзян,
 Но почему-то И клён листву роняет ²⁹.

Все здесь зримо и отчетливо, а вместе с тем объемно, просторно. Но чтобы сохранить свои краски и аромат, цветам нужна неповрежденная корневая система. В поэзии Су Ши таятся глубокие традиции поэтического творчества, воспринятые им от своих великих предшественников. Достаточно здесь отметить сильнейшее поэтическое видение автора. Иными словами, здесь выражено восприятие нерасторжимой взаимосвязи человека, его мироощущения и живой природы, всего мироздания. Таковы широкоохватные, раздвинутые горизонты мировосприятия поэта, органическая включенность в жизнь человеческого духа. Именно такое ощущение позволяет поэту столь же непосредственно, сколько и естественно перейти, вернее, продолжить свои наблюдения и раздумья, которые охватывают теперь уже сферу его жизни, день минувший и будущий, все то, что принято называть человеческой долей. И оттого воспоминания и грустные мысли Су Ши, вызванные личной тревогой и болью, как бы становятся мотивированными, то есть не похожими на «цветы, вырванные из родной почвы».

* * *

Песенно-поэтическая лирика жанра цы обращена к человеку; побуждает в нем способность ощущать себя участником повествования, непосредственным участником изображаемого. Эта способность к сопереживаниям переплетается с сотворчеством, способствуя познанию человеком самого себя. Мы не просто получаем представление о чужих и своих возможностях, но в то же время как бы раздвигаем их границы, расширяем сферы своих познаний. И нередко это приводит нас и к откровению, и к каким-то открытиям в самих себе.

В стихотворении, написанном Су Ши на распространенную в свое время мелодию «Бабочка прильнула к цветку», рисуется картина сада, где все отивело. «Лишь алеют цветы кое-где. Возвращаются ласточки в дом, отраженный в зеленой воде». Передается движение ветра, который с каждым порывом все сильнее — «с ивы пух он уносит с собой». В рост пошла молодая трава, наполняющая все вокруг своим благоуханием. Автор видит мир в живой, реальной динамике, в неостановимом обновлении, преобразовании, становлении. Но вот поэт, подобно тому как он поступает и в других стихотворениях, продолжает свою мысль, словно бы продлевая область видения — «смотря в себя»:

За стеною — с качелями двор, Но все тише их голоса,
 Здесь — дорога у самой стены. И не слышится смех озорной...
 И доносится до меня Я расчувствовался совсем,
 Смех красавиц с той стороны. Только им это все равно! ³⁰

В песенно-поэтическом творчестве Су Ши прослеживается сквозная тема лирического восприятия самого времени, с многообразными его красками в разные сезоны года, лирического познания естественного окружения, постижения памяти и предвосхищения. Но есть в нем еще нечто, есть тут зона художественной веры и авторской независимости.

Сильнейшее влияние на творчество Су Ши оказала поэзия Тао Цяня (Тао Юань-мин) (365—427), к которому он относился с большим восхищением, признаваясь, что любит «лишь стихи Тао Юань-мина» ³¹. Значительную часть своего творчества Су Ши посвятил своеобразным подражаниям стихотворениям Тао Цяня, которые составили целую книгу поэтических его версий.

В великом Тао Цяне поэт видел человека, наделенного твердой волей и независимым характером. Человека и художника, ставшего для Су Ши высоким примером, достойным уважения и подражания. Он восхищался Тао Цянем, который не захотел «за пазлу риса» сгибаться и унижать свое человеческое достоинство перед правителями и их прислужниками. С глубоким пониманием относился Су Ши к тому, что Тао Цянь отказался от чиновничьей карьеры, снял с себя «сановный головной

²⁹ Су Ши. Перевод М. Басманова. «Иностранная литература», № 4, 1975, стр. 183—184.

³⁰ Там же, стр. 181.

³¹ См. Л. Эй д л и н. Тао Юань-мин и его стихотворения. М., 1967, стр. 126.

убор» и отдался труду земледельца, навсегда избрав жизнь в сельской глуши, чтобы посвятить себя творчеству и общению с верными друзьями.

Говоря о любимом поэте, Су Ши указал, что он «не имеет фаворитов среди других поэтов и любит только стихи Тао Цяня, который написал их немного, но от души, просто и вместе с тем изысканно, сухо и вместе с тем поистине сочно. Начиная с Цао Чжи и кончая Ли Бо и Ду Фу, никто не достиг его таланта».

Преклонение Су Ши перед Тао Цянем не ограничилось лишь сферой поэзии. Глубокое разочарование вызывала у поэта окружающая реальность: недовольство и гнев низов, беспощадный феодальный гнет, обнищание крестьянства, произвол и самоуправство чиновничества, господствовавшей знати. Однако Су Ши не выступал за изменение существовавшей социальной структуры. В противоборстве реформаторов, во главе которых стоял первый министр двора Ван Ань-ши, и родовой аристократии Су Ши был в лагере противников реформаторов, видя в них бездарных «выскочек и карьеристов», задавшихся целью разрушить устоявшиеся в течение веков каноны конфуцианства, отлучить от государственных дел цзюньцзы — «благодарных мужей», которые, по глубокому его убеждению, только и способны были достойно хранить и продолжать великие традиции государственности, строго блюсти высокие принципы нравственности. Су Ши, несомненно, идеализировал государственное устройство Китая в эпоху Сунской династии. И мы видим, что он явно заблуждался в том, что порочна не сама социальная система, а лишь низкие чиновники. Утопичны были и его проекты об улучшении и усовершенствовании управления. Вместе с тем движимый, по сути, гуманными идеалами, Су Ши искренне пытался во время своей государственной службы облегчать страдания обездоленных и разоренных стихийными бедствиями, а также незаконным лихоимцев. В одном из посланий к высшей власти по поводу упорядочения налоговой системы Су Ши, озабоченный массовым разорением крестьянства, подчеркивал: «Земель у богатых с каждым годом становится больше, но налогообложение не повышается. У бедняков же земли остается все меньше, а налоги не уменьшаются...»

В литературных источниках отмечается, что Су Ши вел простой образ жизни, уважительно относился к земледельцам, близко принимал их нужды и невзгоды. Выполняя обязанности помощника губернатора Хуанчжоу, Су Ши ничем не стремился выделяться: носил скромные одежды, как все простолюдины, не расставаясь с матерчатой обувью и головной повязкой — непременной принадлежностью простых сельчан во время полевых работ. Поэт дорожил своим постоянным общением с сельчанами, которые отвечали ему взаимностью, ценили его человечность и симпатии. Эти особенности Су Ши нашли свое отображение в его поэзии, в частности в цикле стихотворений о деревне: «Сановника во мне здесь чтят... Я ж — местный житель, в сущности, давно!»

Для Су Ши поэтическое творчество, безусловно, имело первостепенный этический смысл, нравственное значение. В известной мере это было своего рода противостоянием сложившейся для него жизненной ситуации. И не только противостоянием. Вместе с тем творчество Су Ши содержало в себе фактор активного воздействия на конкретную ситуацию, которая сложилась вокруг него в связи с занятой поэтом позицией. И, на наш взгляд, активное влияние творчества поэта носило действительный характер и достигало своей цели. Этика здесь понимается нами как аспект смыслового строения песенно-поэтических произведений жанра цы, где не разъяты нравственное начало и художественная цель, эстетическая природа поэзии.

Нравственным кодексом Су Ши служило конфуцианство, в духе которого поэт был воспитан. Конфуцианство было в эпоху Су Ши господствующей морально-этической системой, которая, возникнув задолго до Сунской эпохи, истолковывалась в ту пору как высшие моральные принципы и устой общественной жизни.

Су Ши, исповедовавший конфуцианские догматы, не смог преодолеть исторической ограниченности в своем мировоззрении. Только прискорбным заблуждением можно объяснить то, что Су Ши порой воспевал добродетели господствовавшего правителя Сунской династии. Поэт, однако, искренне верил в справедливое государственное правление, которое, как ему казалось, стремилось заботиться о нуждах простого народа, подобно тому, как это было, согласно конфуцианской версии, во времена легендарных императоров седой старины Яо, Шуня и Юя. В соблюдении нравственных принципов Су Ши видел для себя чувство долга, чести, достоинства.

Вне всякого сомнения, этическая позиция Су Ши постоянно была сопряжена для него с риском и опасностью. Это, однако, не удерживало поэта. Не удерживало его от открытого выражения своих нравственных принципов, которые вместе с ним исповедали известные слои, люди, близкие ему по идеям и стремлениям. Этические принципы и поведение Су Ши, которые были для него отнюдь не просто желанием или стремлением, находили свое выражение как в поэтическом его творчестве, в трактатах и проектах, так и в борьбе с конкретными носителями зла, эгоизма, высокомерия, с бесчестием и продажностью вельмож и придворных сановников. Не останавливали Су Ши и угрозы его врагов. Он убежденно шел на жертвы. Этика, таким образом, была для поэта принципами практического его поведения, то есть того, как ему, цзюньцзы — до-

стойному мужу в лучшем смысле, надлежит вести себя, какие поступки и действия для него морально мотивированы и оправданы.

В знаменитом стихотворении «Скорбно вздыхаю, глядя на плоды личжи» Су Ши неустранимо поднял голос в защиту заветов справедливости, преданных забвению. Поэт гневно осуждал тех, кто не останавливался ни перед чем, чтобы доставить экзотические плоды личжи — «глаз драконий» из южных земель в Лоян, столичный город. И возчики «Шли день за днем, а темными ночами в канавах придорожных отдыхали». Они должны были доставить личжи в таком виде, «Как будто миг назад сорвали ветку — Роса на свежих листьях серебрится, приемля дар, наложица владыки, довольная, в гареме веселится».

Гражданская совесть Су Ши обращена к человеческому разуму и совести. Гневные слова поэта, объективно выступившего в защиту простого люда, обличали тех, кто ради собственных удовольствий не щадил ни людских жизней, ни чужой крови:

Пусть тучи пепла ветер поднимает	Чем горькие народные страданья?
И пусть тысячелетья кровь струится.	Когда б хлеба взошли при теплом ветре
Хочу, чтобы небесный повелитель	И дождь прошел не поздно и не рано,
С заоблачных высот сошел к крестьянам.	Когда б не мерзли и не чахли люди —
Важнее ли плоды прекрасной личжи,	Я верил бы в его благодеянья! ³²

Су Ши мужественно выступал против всякой мерзости и низости, против всего, что омрачает жизнь людям, что уродует красоту, оскорбляет человеческое достоинство. Поэт, отмечает В. А. Кривцов, не мог мириться со злом, которое видел вокруг себя, но он не находил путей к избавлению от этого зла. В этом была его трагедия, источник идейных противоречий и моральных мучений, породивших политическую поэзию Су Ши, полную гнева и ненависти к злу, поэзию, в которой отчетливо слышен голос народного страдания³³.

С этой точки зрения многочисленные произведения песенно-поэтического жанра цы, созданные Су Ши и получившие широкое распространение в современном ему обществе, приобрели определенный моральный смысл, стали фактом ясно выраженного нравственного поведения, то есть приобрели значение этического поступка поэта. И по своему содержанию, и по социальным условиям, в которых выступал художник, и по силе воздействия на умонастроение людей песенная поэзия Су Ши, которая неизменно по своему смыслу была подчинена художественной цели, представляла в его время как акт большого нравственного характера, вызывала широкий и многозначный общественный резонанс: как со стороны солидарного с поэтом социального слоя, так и со стороны лагеря его противников, отвечавших ему всеми доступными им карательными мерами.

Глубокое проникновение в жизнь, близость Су Ши к бытию простого люда, личное его общение с сельчанами, отзывчивость и сочувствие, которые поэт неизменно проявлял к обездоленным и несчастным, вера в добро и справедливость — все это помогает нам понять причину того, что именно в его песенно-поэтических произведениях, как и вообще в лирической его поэзии, нередко встречаются образы простых сельчан, простолюдинов. В этом также нельзя не видеть источника, из которого Су Ши черпал народную лексику и символику, столь характерные для поэтического его творчества.

Вне связи с этим нельзя также рассматривать и то, что за поэтическим творчеством Су Ши установилось определение «мужественной поэзии». Не очень многие поэты Китая удостоились такой оценки их творчества. Тем большее удивление вызвало предание маонстами имени и поэзии Су Ши анафеме. А между тем, по справедливому замечанию современников поэта, близких ему по духу, мыслям и тревогам, песенно-поэтические произведения, созданные около тысячи лет назад Су Ши в жанре цы, надлежит исполнять не семнадцатилетней барышне под аккомпанемент бамбуковых дощечек, а богатырского сложения молодцу под звуки гонгов и литавр³⁴. Внимание в этой связи заслуживает стихотворение Су Ши «В Чибн размышляю о древних», в котором, как нами уже отмечалось, поэт обращается к памяти прошлого китайского народа, чтобы воздать должное подвигам воинов далекой истории и противопоставить тем самым беззаветное служение «мужественных сынов» своскорыстию и бесчестию современных поэту сановников.

Уже в самом зачатке стихотворения подчеркивается:

Великая эта река	Героев, что жили в веках,
Течет и течет на восток.	Их славных деяний следы —
	Все смысл беспощадный поток ³⁵ .

³² «Поэзия эпохи Сун». М., 1959, стр. 127—128.

³³ Там же, стр. 17.

³⁴ См. «Иностранная литература», 1975, № 4, стр. 180.

³⁵ Там же, стр. 185.

Строки эти не могли восприниматься иначе, как обвинение, брошенное в адрес тех, кто обрекал народ на страдания и нищету, кто повинен был в разорении и беззаконии, царившими в стране. Здесь — изображенная мысль, изображенное ощущение. И в этом — истинная художественность, сопереживание и сочувственность творца песенно-поэтического произведения. Здесь — движение мысли, а не просто осуждение во имя назидания. Поэт славил отвагу и труд, мудрость и настойчивость древних, то есть все то, чего не доставало многим его современникам.

* * *

Су Ши принадлежал к числу людей многогранной одаренности. Он был талантливым поэтом, выдающимся художником и каллиграфом. Одаренность Су Ши, по признанию его современников, была загадочной, поистине непостижимой. Истинны индивидуальны. И здесь напрашивается известное высказывание нашего поэтического гения. «Всякий талант неизъясним, — писал Пушкин в «Египетских ночах». — Каким образом ваятель в куске каррарского мрамора видит сокрытого Юпитера и выводит его на свет, резцом и молотом раздробляя его оболочку? Почему мысль из головы поэта выходит уже вооруженная четырьмя рифмами, размеренная стройными однообразными стопами?»

Благодаря своей широкой эрудиции Су Ши еще в молодые годы получил доступ к государственной службе, однако успехи его при дворе вскоре сменились неудачами и осложнениями. Столкнувшись со своими политическими противниками, Су Ши избрал не путь компромиссов и выгодных сделок, а твердой и настойчивой борьбы, которая оказалась для поэта неравной. Одна неудача сменялась другой. Поражения Су Ши в противоборстве с бесчестными вельможами, самодурами и придворными интриганами привели к нескончаемым преследованиям поэта, а затем и к заключению в тюрьму по ложному обвинению. Су Ши был отрешен от государственной службы, выслан из столицы и долгие годы находился в изгнании, в разлуке с семьей и близкими.

Такова цена, которую заплатил Су Ши за бескомпромиссность и твердость нравственных своих принципов. Правда, история китайской литературы говорит нам о том, что в печальной своей судьбе Су Ши не одинок. Трагическая участь постигла многих предшественников Су Ши — талантливых поэтов Китая. Достаточно здесь напомнить имена лишь нескольких гениальных художников слова, разделивших роковую долю: Цюй Юань, Тао Цянь, Ли Бо... Поразительнее всего, что в хунвэйбинском угаре ни одного из этих бессмертных творцов человеческих ценностей маоизм не пощадил, объявив все культурное наследие китайского народа «ядовитыми сорняками» феодализма. Никому, однако, не удавалось перечеркнуть то, что создавалось народным гением в течение тысячелетий и что относится к общечеловеческой духовной памяти.

Жизнь — главный, хотя и суровый для Су Ши учитель. Опального поэта, однако, жестокие эти испытания не сломали, не смогли погасить в нем творческого горения. Ничто, казалось, не было способно повергнуть его в запутанность «брожения ума и чувств». Избрав безвестный край, Су Ши поселился в местечке Дунпо, на земле нынешней провинции Хубэй. Примечательно, что названию этому суждено было стать впоследствии вторым именем поэта — Су Дун-по.

Символика, метафоричность, обобщение также характерны для песенно-поэтического творчества Су Ши. Интерес в этом отношении представляет стихотворение в жанре цы, написанное Су Ши на мелодию «Песнь пещерного духа». Стихотворению предпослано авторское введение, в котором рассказывается о том, что семи лет поэт повстречался в Майчжоу со старой монахиней по фамилии Чжу, а имени он не запомнил. Было ей тогда девяносто лет. По ее словам, она в свое время, следуя за настоятельницей, прибыла во дворец правителя княжества Шу. Однажды стояла сильная жара. Правитель вместе со своей супругой Хужуй ночью пошли к пруду Мохэ, чтобы насладиться прохладой. Там он сложил стихотворение в жанре цы, и монахиня Чжу смогла запомнить его. Но прошло сорок лет. Монахиня Чжу давно нет в живых, и никто не знает этого стихотворения. «Мне, — пишет в заключение Су Ши, — все же врезались в память первые две строки. На досуге я все ломал голову над тем, не написано ли стихотворение на мотив «Песнь пещерного духа». И я решил дополнить те строки³⁶.

Приводим зачин этого стиха:

Изваяна словно
Из яшмы и льда,
Что в зной

И прохладу и свежесть дарят...
Порыв ветерка во дворец у пруда
Донес оловинный елва аромат.

³⁶ Там же, стр. 182.

Далее рассказывается, как полог расшитый был на миг приоткрыт, как миг этот успел подстеречь месяц: «На ложе она не спала до поры, И пряди волос ее падали с плеч».

Вдруг вся встрепенулась.	Лишь в бездне небесной
Я руку ей дал.	Возникла звезда,
Ни звука нигде	Путь Млечный прошла
На притихшем дворе.	И исчезла, сгорев.

В этих строках смысл вещей находит выражение в своей собственной символике, в национально-историческом своеобразии. Скорее это не законченный образ, а лишь намек, поэтическая посылка, которая не без труда поддается расшифровке.

«Который час ночи теперь?» —	Ковш Звездный
Я спросил.	Почти над землю висит,
«Час третьей стражи»,—	И месяц бледнеет,
Сказали в ответ.	И близок рассвет.

Здесь также ощутимо стремление поэта поставить символ на место конкретного образа. Автор словно бы избегает натуралистической приземленности или фактографичности в изображении конкретных обстоятельств и непосредственного восприятия происходящего. Символичность содержится уже в самом заглавии стихотворения. В этом и художественная значимость «Песни горного духа». Истина всегда облачена в тайну. Чтобы открыть ее, надо проникнуть в тайну.

Характерны также заключительные строки произведения:

Не сплю и все думаю: вот-вот —	Что так незаметно и год промелькнет,
И западный ветер подует опять...	Я этого, право, не мог ожидать! ³⁷

* * *

Наивно, однако, было бы полагать, что известные художники — авторы сунских цы, творчество которых рассматривается нами в этой работе, были истинными поборниками социального раскрепощения народа, убежденными заступниками угнетенного крестьянства, непримиримыми противниками феодализма в Китае. Нет, всего этого о них сказать нельзя. В большинстве своем они происходили из привилегированных слоев общества и классовой своей принадлежности в общем не изменяли, а творчество некоторых из них не было чуждо эстетству, замкнутости, искусства для элиты и пользовалось успехом в феодально-аристократической среде. Это были произведения убогие по содержанию, хотя утонченные по форме и языку, доступные лишь для избранных и посвященных.

Однако наиболее талантливые мастера сунских цы, творчество которых сохранило свое значение на многие века, принадлежали к людям передовых взглядов своего времени, нередко выступали с позиции гуманности и справедливости. Национальная самобытность явственно проступает в их произведениях. Редкое стихотворение их не имеет традиционных примет сунского Китая, его природы, жизни народа, преданий, нравов, обычаев.

Именно в их творчестве обнаруживаются раздумья и мечты, которые эти великие художники вынашивали о мире добра, гармонии и красоты. Они были движимы поисками высоких идеалов, стремлением осмыслить общественную реальность и воспеть в своих лирических стихах извечную неделимость природы и человека. Конкретное понимание окружающего мира, осмысленные в поэтических категориях художественные образы и высокое искусство слова сделали песенно-поэтическое творчество сунских мастеров привлекательным для нашего современника в художественном и нравственном отношении.

Напевно, мелодически воспринимается стилизация Ли Цин-чжао в ее «Строфах из граненой яшмы». В стихотворении «Гуйхуа», написанном на мелодию «Когда вещает кукушка», в символической форме рассказывается о коричном дереве, овеянном в Китае легендами. Предание гласит, что лунный рельеф представлялся древним китайцам в виде ветвистого коричного дерева, под кроной которого заяц толчет в ступе зелье бессмертия. Девятый день девятого месяца по китайскому лунному календарю отмечается как традиционный праздник, во время которого было принято совершать прогулки и любоваться освещенным лунным светом пейзажем.

В своем неярком палевом уборе
Ты — кроткое и нежное создание.

Пускай в тени ты держишься, но всюду
Разносится твое благоуханье.

³⁷ Там же, стр. 182.

И потому, продолжает поэтесса, зачем благоухающему этому творению «цвет голубого неба», зачем ему «пунцовая окраска». Ведь среди цветов, «растущих в Поднебесной», гуйхуа считается «первой не напрасно».

Ревнует мэйхуа,	Когда в беседке,
И хризантема	В Праздник Полнолуния,
Вздыхает, недовольная судьбою,	Все восхищаются одной тобою.

Цветы мэйхуа и хризантемы здесь столь же символичны, как и гуйхуа. Цветок дикорастущей сливы мэйхуа — олицетворение благородства, чистоты, стойкости. Мэйхуа расцветает раньше других деревьев, когда еще снег лежит вокруг и дуют холодные ветры. Нежнейшие лепестки мэйхуа распускаются на ветвях как вызов снежной стуже: они не страшатся ледящего снега, превосходят его своей чистейшей белизной и излучают тончайшее благоухание.

Хризантема вместе с мэйхуа, гуйхуа, лотосом, декоративной вишней и многими другими цветами принадлежит к излюбленным образам в китайском словесном искусстве. Бамбук — полый внутри, то есть свободный от всего наносного и аморального, стройный и негнбаемый — символизирует непреклонного духом, верного своему долгу цзюньцзы — «благородного мужа». А ветка ивы — олицетворение покорной девы, страдающей в одиночестве.

В отличие от мэйхуа, хризантема цветет до поздней осени, когда многие цветы погибают от наступающих холодов и заморозков. Однако хризантема также олицетворяет близкие мэйхуа качества: твердость, достоинство, красоту. Стихотворение Ли Цин-чжао заканчивается строфой:

Наверное, не слишком понимали	Что незамеченною ты осталась
И чувствовали красоту поэты,	И не была до сей поры воспета ³⁸ .

Традиционные символы китайской поэзии, как бы выступая вместо конкретных образов, позволяют художнику обобщать, передавать определенные понятия, намеки, фиксировать личное отношение автора к окружающему миру. Эта поэтика условностей и иносказаний приносит скрытый смысл, создает свой подтекст с его переносными значениями, скрытыми сравнениями, а нередко таит в себе связь с явлениями историческими, социальными, бытовыми. Такова природа образа китайской поэзии, представляющей одну из главных категорий словесного искусства в прошлом и настоящем. Аллегория, опосредованное выражение идеи, олицетворение и другие разновидности символики не только придают поэтической речи некую загадочность, привлекательную недосказанность, но стимулируют читателя к своеобразному соучастию, к сотворчеству, к доосмыслению того, что намеренно не договорил автор. Все это напоминает выражение «Вайвай чживэй — вкус вне вкуса». В сущности, любой образ по природе своей в какой-то мере символичен, поскольку общее в нем олицетворяется в единичном. С этой точки зрения мы вправе говорить, что в китайском искусстве слова символичность в той или иной мере содержится едва ли не в каждой метафоре, сравнении, параллели и т. д.

Поэтика условностей и иносказаний в значительной степени характерна, пожалуй, для всех творцов поэзии жанра цы. В стихотворении Лу Ю «Славно мэйхуа» символика как форма художественного образа восходит все к тем же традиционным образцам из мира цветов. В нем поэт воспевае мэйхуа, которая в глухом уединении, где ветхий мостик за двором. И когда вновь наступает вечер, освещенный заревом багровым, мэйхуа по-прежнему остается одна, погруженная в свою печаль, «да шум дождя, да ветра дуновенья».

Таково лирическое восприятие поэта, грустное по своей тональности, преломленное сквозь призму личного сочувствия, хотя сам зачин стихотворения выглядит несколько эскизно, как набросок или намек. Автор осторожно относится к процессу рождения образа, не торопится, помня, что растение вызревает своим чередом и тащить его из земли руками нельзя.

Главное содержится во второй, заключительной строфе, где воздается хвала цветку мэйхуа с его тонким благоуханием, которое только обладает жизнестойкостью, а все остальное увядает и становится прахом.

Зачем тебе с весенними цветами	Увянут все равно
За первенство докучливые споры!	И прахом скоро станут,
Пускай, завидуя друг другу,	Лишь запах нежный
Спорят сами.	Не исчезнет скоро!

Незавершенность или впечатление незавершенности — одна из особенностей жанра цы. Она проистекает из определенного идейно-эстетического понимания: невозможно завершить то, что не получает либо не имеет своего завершения в реаль-

³⁸ Ли Цин-чжао. Строфы из граненой яшмы. Перевод с китайского Михал-ла Басманова. М., 1974, стр. 42.

пости, в общественной жизни и в мире окружающей природы. Иными словами, речь идет о том, что не обладает пределами, затвердевшими формами, а находится в извечном движении, изменении, развитии. Все, что нескончаемо, неохватимо, безмерно. Незавершенность сообразна непрестанной смене времен года: весны и осени, лета и зимы; чередованию дня и ночи, холода и тепла, света и тьмы и т. д.

Художественное впечатление, которое производит песенно-поэтическое искусство на человека, представляет собой не просто воздействие на него, но и возникновение ответного сигнала, который подтверждает определенное восприятие произведения. Произведения жанра цы часто оставляют читателю, как невидимому соавтору, закончить то или иное стихотворение, своим воображением дорисовать полюбившиеся образы. Важна при этом и сама способность, таящаяся в человеке, к дальнейшему соучастию в творчестве, к углублению и обогащению образа.

Существенно при этом и соблюдение меры и пропорции. Чем меньше сказанных слов, чем экономнее выразительные средства, тем больший простор для размышлений, воображения для довоссоздания картины. В поэзии жанра цы выше всего всегда ценилось немногословие, краткость, намек.

Иными словами, не подавать все в разжеванном виде, но подводить читателя к творческим решениям, дать ему самому обнаружить в едином акте осмысления и переживания все таящееся в произведении, то есть представить мир людям, чтобы они могли преобразовать его силою своего разума и сердца. В этом, быть может, одна из причин того, что на одни и те же мелодии цы, как нами уже ранее указывалось, создавалось огромное не подающееся учету множество песенно-поэтических произведений, столь различных по содержанию, бесконечно многообразных по замыслу и воплощению, по краскам и оттенкам.

В поэзии жанра цы важнейшим является лирическое начало, с его тончайшей фиксацией мыслей, чувств, порывов, вызываемых самыми различными внешними обстоятельствами и внутренними переживаниями человека. Порой это глубоко личное восприятие явлений окружающего мира, в котором первичные ассоциации рождают множество других, представляя собой нечто высшее, подлинное, истинное.

В стихотворении Синь Ци-ци «Провожая Фын Цин» поэт пишет о грусти расставания; этой же теме расставания, разлуки, вообще характерной для поэзии жанра цы, посвящают стихотворения и Ли Цин-чжао и Ли Юй, как и другие сунские поэты.

* * *

Китайские поэты Сунской эпохи, создавая свои произведения в жанре цы, понимали, что и в самых обычных, простых вещах можно увидеть подлинную красоту окружающей жизни и средствами художественного постижения реальности раскрыть неизведанные области прекрасного. Они также понимали, что по самому своему характеру выражаемый в поэтическом слове образ, созданный на мотив полюбившейся мелодии, всегда богаче, полнее, многограннее зрительного восприятия предмета. Отсюда наполненность поэзии цы образностью и красочностью языковой палитры, изречений, литературных намеков и афоризмов, увлекающих и чарующих читателя.

В произведениях жанра цы вместе с образами, выступающими в развивающемся сюжете, постоянно присутствует и образ лирического героя, который возникает перед нами через раскрытие его душевного состояния, переживания, конкретных жизненных обстоятельств, в определенный момент его видения и настроения. В этом находит свое проявление эстетический идеал лирического характера, обогащающий представление о духовной жизни человека, а в широком смысле слова — определенной части современного поэту общества. Разумеется, образ лирического героя не во всем и не всегда совпадает с личностью самого автора. Поэту дано больше: отображать не только свои жизненно-эстетические взгляды, переживания, но чувства и умонастроения современников, общественные их позиции. В произведениях жанра цы мы нередко обнаруживаем именно такие художественные образы, которые создавались с помощью отбора жизненного материала, творческой типизации, художественного вымысла. И потому взятые вместе и осмысленные в масштабах данного жанра произведения цы охватывают огромную панораму общественной жизни Китая на протяжении нескольких веков, отображая широкое духовное развитие в Китае, выявляя особенности лирических характеров во всем их многообразии и сложности.

Лирическая природа стихотворений цы весьма существенно усиливалась музыкальным началом, мелодическим звучанием, напевностью.

Повествовательное начало в песенно-поэтических произведениях цы либо вовсе отсутствует, либо развито довольно слабо. Лишь в некоторых стихотворениях встречается относительно развернутая повествовательность. Основное в произведениях цы — не в рассказе о каких-либо событиях, но в выражении к ним личного или общественного отношения, эмоционального по преимуществу. В этом, пожалуй, отличие литературной поэзии жанра цы от фольклорного песенно-поэтического искусства, для которого, особенно эпического жанра, характерна более развитая повествовательность. В многочисленных произведениях этого жанра затрагиваются извечные темы жизни и

смерти, встречи и разлуки. В них рассказывается о горькой и безрадостной участи женщины феодального общества, о тяжелой солдатской доле.

Немало сунских цы посвящено любви, которая предстает перед нами как чувство возвышенное и благородное — чувство, способное вселять в человека радость, огорчения, восторг и страдание. Властно вторгаться в человеческую судьбу, оставлять глубокий след, жить в памяти. Тема любви в сунских цы никогда не бывает прямолинейной и однозначной. Она свободна от пошлости и натурализма. Всегда столь же прекрасна, сколь и многосложна. Здесь и любовь счастливая и нежная, но чаще всего — неразделенная, жестокая, мучительная.

По справедливому замечанию М. Басманова, горечь разлуки и неразделенной любви, ожидание встречи с любимым и тоска по ушедшей молодости — важные мотивы стихотворений Ли Цин-чжао, написанных в жанре цы. При этом поэтесса нередко прибегает к приемам, обычным для китайской песенной поэзии: аллегории, параллелизмам, зачинам, повторам. Обычно в первой строфе содержится описание пейзажа или обстановки, тогда как во второй, часто самостоятельной строфе выражается основная мысль, идея стихотворения.

Лирика Ли Цин-чжао едва ли не всегда автобиографична. В ее стихах нашло свое выражение то, что пережито и испытано ею самой. Это и очень ранняя смерть любимого мужа и личные невзгоды, тяжкие скитания, одиночество, старость на чужбине.

Лирические стихотворения Ли Цин-чжао раскрывают перед нами размышления поэтессы, свободные от назидательности, назойливого поучения. Сердечная проникновенность голоса одна из черт поэзии Ли Цин-чжао, как и вообще сунских цы.

Поэтам Сунской эпохи свойственно стремление познать и воплотить своего рода художественную концепцию неделимости природы и человека, нерасторжимой взаимосвязи всего живого на земле.

Многочисленные стихотворения жанра цы — это чарующая романтика мира живой природы, цветов и растений с их бесконечной гаммой красок, образов, благоуханий.

Мир цветов широко вошел в образную систему и поэтической лексики жанра цы. Здесь поэты черпали любимые свои метафоры, здесь обретали прообразы нравственных поступков и моральных критериев. В лучших из сунских цы выражены законы гражданского долга и чести.

* * *

Н. В. Гоголь назвал песню душой народа. Мысль эту можно отнести также и к песенной поэзии жанра цы, корнями своими уходящей глубоко в почву народного искусства. В основе сунских цы лежит опыт китайского народа, его историческое движение и судьбы. И хотя видение авторов сунских цы не возвышалось над мироощущением героев песенных произведений, оно передает, однако, своеобразие времени, обстановку феодальной жестокости, суровость жизни. В их произведениях отображена общественная реальность: горечь и страдания человека феодального Китая, подневольная жизнь простого люда, страдавшего от междоусобных войн, самоуправства, произвола.

Сунские поэты опирались также на великое поэтическое наследие, на опыт и поиски предшественников. Оставляя глубокий след в памяти поколений, песни и стихи жанра цы в немалой мере воздействовали на жизнь и судьбу людей разных эпох, помогая им помнить свою историю, чтить лучшие традиции прошлого. По самобытности языка и стиля, по глубине мысли сунская поэзия жанра цы принадлежит к явлениям выдающимся и неповторимым.

Сунская поэзия — это память времени. Что знали бы мы о нравах и умонастроениях, характерах и быте людей, давно минувшего времени, если бы оно не сохранилось для нас в поэтическом слове сунских певцов, способном как бы воскресить жизнь китайского средневековья во всех многосложностях, понсках, мечтах и стремлениях обрести смысл человеческого бытия. Речь при этом идет не просто об исторической летописи, но о поэтическом творчестве непреходящего эстетического достоинства. О художественных ценностях общечеловеческого значения.

Антигуманизм — курс культурной политики Пекина

А. Н. Желуховцев,
кандидат филологических наук

Китайская печать не первый год ведет борьбу с идеями гуманизма в литературе и искусстве. Понятия «гуманизм» и «человечность» стали в маоистском Китае бранными; обвинение в приверженности этим благородным идеям означает преследования и репрессии. Согласно пекинским «теоретикам», гуманизм может быть только буржуазным, социалистического же гуманизма не существует вовсе; «человечность» — понятие, свойственное также либо буржуазии, либо «ревизионистам», а потому, мол, чуждое всему «революционному»; народность литературы отвергается как понятие «иностранное».

Борьба против гуманизма и человечности, прежде всего в области культуры, для пекинских руководителей столь важна, что они готовы идти на моральные издержки в глазах мирового общественного мнения. За такой «твердой» позицией скрываются определенные политические причины. Нападки на гуманизм, человечность, народность литературы в Китае уже более тридцати лет сопровождалась антисоветскими выступлениями маоистов; эти два фактора стали неразрывными в практике пекинских руководителей. Конечно, позиция Мао Цзэ-дуна и его сторонников не всегда была столь откровенной, как сегодня. В прошлом ему не раз приходилось идти на компромисс, маневрировать, подчас отступать под давлением интернационалистических сил в КПК. Но в общем антигуманизм «линии Мао Цзэ-дуна в литературе и искусстве» носит последовательно принципиальный характер. В этом нельзя не видеть выражения подлинной сути понимания литературы и искусства и их общественной роли маоистами.

Теоретической основой маоистского курса в этой сфере по сию пору остаются яньаньские выступления Мао Цзэ-дуна¹ — «лучшее сочинение», как высокопарно характеризует их «Жэньминь жибао», являющееся «путеводным маяком для всех коммунистов и революционеров, осуществляющих революционизацию идеологии»². Уже в

1942 г. Мао Цзэ-дун занял позицию противопоставления гуманизма и «революционности», ведущую к отрицанию гуманизма. Тогда же он выступил против «теории человеческой сущности», заявив, что «в мире существует лишь конкретная человеческая сущность и нет абстрактной человеческой сущности. Мы стоим за пролетарскую человеческую сущность, за человеческую сущность широких масс народа...»³. Конечно, такое заявление могло бы привести к признанию социалистического гуманизма, но далее Мао Цзэ-дун заговорил откровеннее: «Подлинная любовь к человеку возможна, но лишь после того, как во всем мире будут уничтожены классы»⁴.

Советская критика уже дала оценку антигуманистической направленности этих выступлений Мао Цзэ-дуна, указала на тяжелые последствия, которыми чревато для китайской культуры насильственное навязывание «идей Мао Цзэ-дуна» китайскому народу. Е. Д. Сурков писал о выступлениях в Яньани: «Только человек, совершенно не владеющий диалектическим анализом, способен на такое беспомощное блуждание среди простейших логических антиномий. Мы видели это на примере китайских критиков, рядовых деятелей современной китайской публицистики. Мы видим это и на примере их «вождя и учителя», который, затвердив однажды истину о том, что в классовом обществе не может быть ни мысли, ни чувств, безразличных к интересам классовой борьбы, уже не может совместить эту истину с таким понятием, как пролетарский, социалистический гуманизм. Поэтому скатывается к «архиреволюционной», а на самом деле обычной левацкой фразе, выхлещивает из коммунизма его гуманистическую целеустремленность. Не замечая при этом, что таким образом он превращает великую коммунистическую идею в нечто механистически-бездушное и казарменно-бесчеловечное»⁵.

В вопросе о гуманизме «идей Мао Цзэ-дуна» несовместимы с марксизмом-ленинизмом, они диаметрально противоположны ему, как и во всем остальном. Марксизм

¹ Ленин и проблемы современного Китая. М., 1974.

² «Жэньминь жибао», 22.V.1975.

³ Мао Цзэ-дун. Избр. произв. Пекин, 1969, т. 3, стр. 112 (на рус. яз.).

⁴ Там же, стр. 113.

⁵ Е. Сурков. Амплитуда спора. М., 1968, стр. 135—136.

всегда решительно выступал как против буржуазной «гуманистической» болтовни, так и против попыток всякого рода «истинных социалистов» поставить гуманизм над социализмом и коммунизмом. «Марксизм разоблачил антигуманность эксплуататорского общества, он очистил гуманизм от всего, что ослабляло его, лишало его принципы действительности, делало их отвлеченными. — он придал гуманизму новую боевую и творческую силу. — справедливо отмечал Б. С. Рюриков, полемизируя с попытками антисоветчиков на Западе противопоставить гуманизм коммунизму. — Маркс назвал свой гуманизм реальным, тем самым отграничивая его от туманных и расплывчатых понятий, мешающих ясно и точно определить суть подлинной человечности»⁶.

После победы китайской революции влияние международного коммунистического движения и воздействия примера первой страны социализма было настолько велико в Китае и внутри КПК, что в 50-х гг. в стране получили распространение взгляды, противоположные «идеям Мао Цзэ-дуна». На китайский язык было переведено большое количество произведений советской литературы, документы КПСС по вопросам литературы и искусства⁷. Появились исследования о советской литературе, созданные под влиянием советской литературной науки. В июле 1954 г. известный критик Ху Фэн обратился с письмом в ЦК КПК, в котором критиковал идеологически и организационно политику в отношении культуры, ссылаясь на высказывания В. И. Ленина, документы КПСС и творческую практику в Советском Союзе. Ху Фэн широко использовал советский опыт, ссылаясь на творчество М. Горького и М. Шолохова, называл своих оппонентов «вульгарными механицистами», упрекал их в схематизме. «Основной принцип социализма, — писал, ссылаясь на советские источники, Ху Фэн в 1955 г. в приложении к журналу «Вэньбао», — есть забота о человеке, есть принцип освобождения человечества, есть принцип гуманизма». Критика Ху Фэна, начавшаяся еще в 1953 г., в 1955 г. приняла размах общекаитайской кампании. Но в ходе критики Ху Фэна проблема гуманизма еще не выделилась в вопрос самостоятельного значения.

В фокусе идеологической борьбы проблема гуманизма встала в 1957—1960 гг. в связи с кампанией против Ба Жэня. Старый коммунист, бывший подпольщик, писатель и критик Ван Шу-жэнь выступал в печати под псевдонимом Ба Жэнь, смысл которого можно прочитать как «Вера в человека».

Деятельность Ба Жэня в китайском литературоведении проходила под знаком рас-

пространения в Китае понятий и категорий общепринятых в советском литературоведении. Ба Жэнь, например, принадлежит специальная работа «Советский человек по произведениям советской литературы». В 1956 г. Ба Жэнь был главным докладчиком на юбилейных торжествах памяти Лу Синя. В своих работах он неустанно подчеркивал гуманистическую направленность творчества великого китайского писателя. «Во всех произведениях Лу Синя последовательно придерживался глубоко усвоенного духа гуманизма, выражал надежду, что все «нелюди-людоеды опомнятся и вернут себе первоначальный облик; выражал надежду, что «потерявшие человеческий облик» подаваемые люди очнутся и обретут достоинство личности и тогда возникнет мир «настоящих людей»⁸.

С позиций социалистического гуманизма Ба Жэнь трактовал не только историко-литературные вопросы, связанные с творчеством Лу Синя, но и назревшие проблемы современного литературного процесса. Его критические статьи приобрели широкий общественный резонанс и принесли ему всекаитайскую известность. Популярность его выступлений, несомненно, была связана с тем, что Ба Жэнь бескомпромиссно подвергал критике промаонистские тенденции в китайской литературе. И не случайно именно его маонисты выбрали в качестве первой своей жертвы для нанесения удара против тех, кто выступал в Китае за социалистический гуманизм и человечность.

Статья Ба Жэня «О человечности», в которой наиболее четко и откровенно он высказал свои взгляды, была написана в период развязанной маонистами провокационной идейно-политической кампании «пусть расцветают сто цветов» и опубликована в январе 1957 г.⁹. Очень скоро статья подверглась проработке на страницах печати (Ба Жэнь ответил на критику в июле 1957 г.¹⁰). В своей статье он писал: «У нас есть такие писатели, которые не хотят показывать человечность простых людей ради того, чтобы поставить произведения на службу классовой борьбе и чтобы отразить в них пролетарские «истины». Доходят до утверждений, что если в произведении человеческого слишком много, то оно утрачивает классовые позиции. Но ведь это же «высокомерие!» В мире все дела совершают люди, невозможно вне человеческого оставаться позицию, осуществлять свои идеалы. «Высокомерие» — вот что приводит к утрате позиций, а также и к потере идеала. Если в обществе душат или препятствуют человеческим привязанностям, чаяниям и устремлениям простых людей, то находятся люди, поднимающиеся на протест и борь-

⁶ Б. С. Рюриков. Реальный гуманизм. Статьи. М., 1972, стр. 453, 447.

⁷ И. М. Надеев. «Культурная революция» и судьба китайской литературы. М., 1969, стр. 138—148.

⁸ Ба Жэнь. Рассказы Лу Синя (Лу Синь ды сяошо). Шанхай, 1957, стр. 25.

⁹ «Синьган», 1957, № 1; «Вэньбао», 1960, № 2.

¹⁰ «Жэньминь вэньсюэ», 1957, № 7.

бу. Эти устремления, привязанности и чаяния исходят из человеческой природы. А классовое общество всегда подавляет человеческую природу, из чего и возникает классовая борьба.

В действительности установка пролетариата на классовую борьбу — это борьба за освобождение всего человечества, поэтому классовая борьба есть борьба за освобождение личности. Величайшие произведения в истории литературы — это неизменно те, что проникнуты полнокровным гуманизмом. В подавляющем большинстве произведения вдохновляли людей на освобождение от классовых оков... В классовом обществе такие произведения были оружием, подрывающим общественные устои классового общества. Но все подобные произведения воздействовали благодаря человечности. Человечность и есть гуманизм»¹¹.

Отсюда Ба Жэнь делал вывод: «На этом основании я полагаю, что утверждение о том, что произведения нашей литературы и искусства недостает человечности, равносильно тому, что им недостает гуманизма, основанного на самой человеческой природе, недостает того общего, что вызывает всеобщий отклик»¹².

Свою позицию Ба Жэнь основывал на комментарии К. Маркса и Ф. Энгельса, который он цитировал из «Философских тетрадей» В. И. Ленина. Он процитировал следующее место: «Имущий класс и класс пролетариата представляют одно и то же человеческое самоотчуждение. Но первый класс чувствует себя в этом самоотчуждении удовлетворенным и утвержденным, воспринимает отчуждение как свидетельство своего собственного могущества и обладает в нем видимостью человеческого существования. Второй же класс чувствует себя в этом отчуждении уничтоженным, видит в нем свое бессилие и действительность нечеловеческого существования. Класс этот, употребляя выражение Гегеля, есть в рамках отверженности возмущение против этой отверженности, возмущение, которое в этом классе необходимо вызывается противоречием между его человеческой природой и его жизненным положением, являющимся откровенным, решительным и всеобъемлющим отрицанием этой самой природы»¹³.

Исходя из этого положения классиков марксизма, Ба Жэнь делал вывод: «В таком случае, по какой причине мы против того, чтобы в произведениях литературы и искусства, служащих классовой борьбе, было больше человечности и чтобы классовые боицы в них еще ярче светились человеческим светом?»¹⁴.

Сила позиции Ба Жэня заключалась в том, что он опирался на действительное по-

ложение вещей в китайской литературе, в которой официально насаждалась тенденция отрыва от реальной действительности, от подлинной жизни народа. Литература сознательно замалчивала трудности, переживаемые страной, поскольку причиной их был «особый курс», провозглашенный самим Мао. Литературные герои из современной действительности, а не ходульные «винтики» типа пресловутого Лэй Фэна для такого направления были не только излишни, более того — опасны.

Идейные истоки взглядов Ба Жэня проследить нетрудно: помимо ссылки на «Философские тетради» В. И. Ленина, которую он привел сам, Ба Жэнь в своих теоретических трудах широко использовал материалы советского литературоведения, опубликованные в китайском переводе.

Отвечая на критику официальной печати. Ба Жэнь писал: «Главной идеей статьи «О человечности» было поправить чрезмерную односторонность наших писателей в изображении героев: была надежда, что писатели, создавая образы классовых бойцов, будут еще больше выявлять их положительные человеческие качества; а также надежда, что волнующие и своеобразные образы классовых бойцов будут полнокровными и жизненными... Я также призывал к тому, чтобы не применять к своим методам борьбы с классовым врагом»¹⁵.

Высказывания Ба Жэня, если следовать их действительному смыслу, вполне ясны. Он не требовал пересмотра тематики или отхода от классового анализа, но усматривал в официально одобряемых произведениях безжизненный схематизм, скованность, страх перед жизненной правдой. Однако дело не только в литературных позициях. Ба Жэнь считал, что классовая борьба прекратится с уничтожением классовой эксплуатации внутри китайского общества. Это в корне противоречило установке Мао Цзэ-дуня на дальнейшее обострение классовой борьбы по мере строительства нового общества, противоречило его тезису о том, что эта борьба затянется на необозримые годы. Призыв Ба Жэня не применять методы борьбы с классовым врагом в отношении честных коммунистов, как мы знаем, остался без внимания. Вспомним репрессии, которые обрушились на головы сотен тысяч китайских коммунистов во время «культурной революции».

Одним словом, Ба Жэнь выступил против тех явно антинародных тенденций маоистской политики, которым в недалеком будущем предстояло восторжествовать в Китае. В заключение своей статьи Ба Жэнь говорит о преобразовании общества и о том, что же составляет цель этого преобразования. «Все делается ради человека. — пишет Ба Жэнь. — Человек — начало и конец всего»¹⁶. Но и эти его взгляды находились

¹¹ «Вэнь бао», 1960, № 2, стр. 42.

¹² Там же.

¹³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 2, стр. 39.

¹⁴ «Вэнь бао», 1960, № 2, стр. 43.

¹⁵ «Жэньминь вэньсюэ», 1957, № 7, стр. 77.

¹⁶ Там же.

в непримиримом противоречии с «идеями Мао Цзэ-дуна» и маоистской тенденцией в культурной политике. Впрочем, тогда, в 1957 г., Ба Жэнь был подвергнут критике только за «теорию человеческой сущности», поскольку именно против этой теории выступил Мао Цзэ-дун в Яньани в 1942 г. В своей речи Мао Цзэ-дун критиковал «надклассовую человеческую сущность» и «абстрактную человеческую сущность». В высказываниях Ба Жэня речь шла именно об изображении, как он выразился, «классовых бойцов», так что обвинения не были аргументированными. Первую волну критики Ба Жэнь благополучно пережил, очевидно, поддержанный единомышленниками внутри КПК.

Критическая проработка 1957 г. не сломила Ба Жэня. Ученый-коммунист продолжал свою деятельность в прежнем направлении, ставя проблему гуманизма и человечности в центре своей деятельности. Промаоистски настроенные круги китайского руководства, в то время не решаясь еще на открытые антисоветские заявления, повели борьбу против его взглядов.

В начале 1958 г. Мао Цзэ-дун, стремясь изолировать китайскую литературу от литературы советской и литератур других социалистических стран, провозгласил свой собственный новый «творческий метод» для китайской литературы, призванный заменить социалистический реализм — метод «сочетания революционного реализма и революционного романтизма»¹⁷. Ныне этот метод провозглашен основным для китайской литературы и искусства, с той только разницей, что после опубликования двух последних стихотворений Мао Цзэ-дуна 1 января 1976 г. китайская печать часто ставит романтизм в этом методе сочетания на первое место¹⁸.

Выступление Мао Цзэ-дуна, в котором он навязал художественной интеллигенции свой пресловутый «метод», встретило с ее стороны сопротивление. В частности, Ба Жэнь переиздал тогда свой основной двухтомный труд «Очерк теории литературы». В послесловии автор сообщил, что переработанная книга задержалась в издательстве на год, но все-таки вышла в свет в 1959 г. без существенных исправлений. На 714 страницах этого труда Ба Жэня не нашлось места, чтобы хотя упомянуть об «открытии» Мао Цзэ-дуна; зато автор посвятил отдельную главу «Особенностям социалистического реализма», причем в пункте пятом этих особенностей заявил: «Социалистический реализм с необходимостью включает в себя факторы революционного романтизма, революционный романтизм является органической составной частью социалистического реализма»¹⁹.

¹⁷ «Хунци», 1958, № 1.

¹⁸ «Жэньминь жибао», 1.1.1976.

¹⁹ Ба Жэнь. Очерк теории литературы (Вэньсюэ лунь гао). Шанхай, 1959, стр. 703.

Этим заявлением Ба Жэнь как бы снимал вопрос о «теоретическом вкладе» Мао Цзэ-дуна в литературную науку, то есть об «открытии» им нового творческого метода для китайской литературы и искусства. Мало того, в книге Ба Жэня содержится теоретическое обоснование взаимосвязей советской и китайской литературы как литератур социалистических: «Реальные закономерности сегодняшней общественной жизни Советского Союза станут завтра реальными закономерностями нашей общественной жизни, поэтому литература и искусство СССР должны быть главным примером в нашей учебе у произведений литературы и искусства зарубежных стран. Фактически хотя со времени «движения 4 мая» новая литература и научилась многому у произведений европейской буржуазной литературы, однако литература революционной демократии, возглавляемая Лу Синем, еще больше занимала у русской литературы нового времени и советской литературы. Влияние русской литературы на новую китайскую литературу уже превратилось в собственную традицию новой китайской литературы. Сегодня китайское общество ставит своей целью достижение того, что уже достигнуто советским обществом; точно так же мы должны взять своей целью достижения советской литературы и искусства, чтобы двигаться вперед. Если говорить о направлении литературы и искусства, то это социалистический реализм»²⁰.

Эти слова были опубликованы всего год спустя после первой попытки Мао Цзэ-дуна разорвать связи с советской литературой, перечеркнуть их, а впоследствии извратить характер этих связей в прошлом. По существу, Ба Жэнь игнорировал «теоретический вклад» Мао Цзэ-дуна в самой серьезной научной марксистской работе, которая когда-либо выходила в Китае по общетеоретическим вопросам литературоведения. С точки зрения маоистов, это было актом политического вызова.

Творческая и общественная деятельность Ба Жэня, пропагандировавшего в статьях и книгах марксистско-ленинские взгляды на литературу и искусство, пожалуй, сделала его наиболее заметной фигурой среди китайских теоретиков литературы. В этом действительная причина того, что именно Ба Жэнь стал главной мишенью маоистской кампании, направленной против влияния советской литературы и советской литературной теории в Китае. Эта полемика и прямое преследование Ба Жэня маоистами прошли несколько стадий, поскольку прямая и скорая расправа с ним оказалась непростым для них делом. В центре кампании борьбы с Ба Жэнем находилась концепция гуманизма и человечности литературы и искусства при социализме.

Начиная с 1960 г. можно сказать, что главной темой китайской прессы стал Ба

²⁰ Там же, стр. 667—668.

Жэнь, его статьи, взгляды, высказывания. Словно по команде, на Ба Жэня обрушилась вся печать. Университетские вестники посвятили этой критике целые отдельные номера. Застрельщиком кампании выступил журнал «Вэнь бао», а первым «стрелком» оказался уже тогда известный Яо Вэнь-юань.

Развязанная маоистами кампания против Ба Жэня имела ряд особенностей, которые делали ее непохожей на предыдущие проработки, ставшие стереотипными. Во-первых, Ба Жэнь не был все же столь крупной фигурой, как павшие до него жертвами маоистов критики и писатели: Ху Фэн, Дин Лин, Фэн Сюэ-фэн и др. Во-вторых, главное, в чем обвиняли Ба Жэня, — это публикация статьи «О человечности». Казалось бы, опубликованная в 1957 г. и тогда же раскритикованная, она была забыта. Однако бурный взрыв критики Ба Жэня спустя три года говорил, что это не так. Впрочем, характер критики был на этот раз несколько необычен. Авторы проработочных статей не жалели злости в нападениях и не скупилась на «огульные обвинения».

Кампания травли Ба Жэня проходила под знаком подготовки к третьему всекитайскому съезду работников литературы и искусства и должна была создать в преддверии съезда обстановку напряженности и политической борьбы. Критика Ба Жэня вела в русле общеполитической кампании против «ревизионизма», причем кампания эта принимала все более отчетливую антисоветскую направленность. И не удивительно, что вскоре Ба Жэнь был объявлен последователем «ревизионистов».

Началась эта кампания с опубликования статьи Яо Вэнь-юаня²¹ «Критика «теории человеческой сущности» Ба Жэня». Однако автор и не подумал вдаваться в смысл высказываний Ба Жэня. Он ограничился тем, что, протипитировав некоторые из них (те, которые привелись выше), не стал спорить, безапелляционно заявив: «Все это с начала и до конца сплошной обман. Раз сам употребил слово «человечность», то тем самым он полностью отрицает классовое содержание социальной жизни»²². Иначе говоря, Яо Вэнь-юань не намерен был племенизировать и вообще отказался обсуждать высказывания Ба Жэня о «классовых боях» и «классовой борьбе», прозвучавшие из уст деятеля, который способен употреблять понятие «человечность» без предвзятости. Так с легкой руки Яо Вэнь-юаня утвердился постулат, что Ба Жэнь — сторонник абстрактной, общечеловеческой сущности, служащей на пользу эксплуататорским классам. Дальше он принялся расправляться с этим «классовым врагом». Все разглагольствования Ба Жэня о социализме, заявлял Яо Вэнь-юань, — это «дымные снаряды», а «секрет», то есть суть, в том,

что Ба Жэнь «стоит на позициях буржуазии»²³. Знаменательно, что в этой статье были предвосхищены все стереотипы обвинений социалистической интеллигенции, которые станут обычными особенно в период «культурной революции». «Ба Жэнь надеется на такие произведения, — писал Яо Вэнь-юань, — которые для видимости размахивают флагом служения пролетариату, прикидываются стоящими на пролетарских позициях, но мысли и чувства всех положительных героев в них полностью обуржуазились: по внешнему виду герой — революционный боец, но все его чувства — бешеный индивидуализм. В произведениях воспеваются и приукрашиваются мораль и вкус буржуазного индивидуализма. Такие произведения действительно существуют. А Ба Жэнь говорит о том, как произведения с буржуазной тенденцией должны маскироваться»²⁴. Что касается главного — гуманизма, то в статье Яо Вэнь-юаня он всецело трактуется как буржуазное понятие.

Впоследствии чуть ли не вся литература, созданная за годы существования КНР, была обвинена в том, что она «под красным знаменем выступала против красного знамени». Теперь, после «культурной революции», гораздо легче судить о подлинном смысле филиппик маоистов против буржуазного индивидуализма. Ведь те же выражения были применены начиная с 1966 г. по адресу и многих видных советских писателей.

Вслед за статьей Яо Вэнь-юаня последовали другие выступления с критикой Ба Жэня, в частности известного критика Ли Си-фаня²⁵. Автор также сурово осуждает взгляды Ба Жэня, и в этом не вносит ничего нового. Однако кое в чем его критика отлична от обвинений Яо Вэнь-юаня. Так, Ли Си-фань тогда признавал, что классическое искусство и литература способны воздействовать на людей иного класса и иной эпохи²⁶. Критикуя Ба Жэня, он говорит, что «общечеловеческий гуманизм не имеет ничего общего с пролетарским революционным гуманизмом»²⁷. А это уже означало ненароком признание пролетарского революционного гуманизма. Кроме того, Ли Си-фань заявлял, что целью выступления Ба Жэня было «положить начало новому направлению в творчестве»²⁸.

После Ли Си-фаня выступили и другие авторы, но важно отметить общую тенденцию — она сводилась ко все более и более теоретической полемике. Каков был ее теоретический уровень, можно судить на примере Ма Вэнь-бина, который посвятил свою статью разбору цитаты из Маркса и Энгельса, приведенной Ба Жэнем. Ма Вэнь-бин писал: «Когда Ба Жэнь цитирует марк-

²³ «Вэнь бао», 1960, № 2, стр. 34.

²⁴ Там же, стр. 36.

²⁵ «Вэнь бао», 1960, № 7, стр. 35—43.

²⁶ Там же, стр. 37.

²⁷ Там же, стр. 39.

²⁸ Там же, стр. 41.

²¹ «Вэнь бао», 1960, № 2, стр. 31—41.

²² Там же, стр. 32.

системные сочинения, чтобы пояснить «человеческую природу», он, согласно своим реакционным целям, подменяет понятия Маркса или же согласовывает идеи Маркса с буржуазной идеологией Гегеля и Фейербаха, к тому же опуская рациональное зерно Гегеля и Фейербаха и развивая их отсталые и реакционные стороны»²⁹.

При всей вульгарности такой критики она, сознательно или нет, переводила кампанию в русло чисто теоретического обсуждения. А вскоре критическая кампания незаметно сошла на нет.

Возникает вопрос: почему кампания критики Ба Жэня, распавшаяся на несколько этапов, была столь длительной и отличалась известной нерешительностью со стороны маоистов?

Видимо, объяснить это следует тем, что Ба Жэня защищали, что у него были тогда единомышленники и покровители, позволившие ему выступать довольно долгое время в печати — три года, несмотря на критику! — и постаравшиеся свести проработочную кампанию на нет. В послесловии к своему последнему сборнику статей 1957 г. Ба Жэнь не случайно упомянул, что ему скоро исполнится шестьдесят лет, намекая тем самым, что ему, мол, терять нечего. О своей раскритикованной статье «О человечности» сам автор сказал: «В статье конца никак не сведены с концами, но я исходил из предположения, что в нашем теперешнем обществе классы скоро будут ликвидированы»³⁰.

Стремление Ба Жэня «очеловечить» современную китайскую литературу понятно: она в этом остро нуждалась. Писатель, преисполненный гражданского мужества, выступил против мертвящих схем: «Я хочу писать о людях, об историческом пути борьбы и пробуждения китайского народа, чему я был очевидцем, с чем я соприкасался, что пережил вместе с ним»³¹. Ба Жэнь сознавал опасность своего открытого заявления: «Я не знаю, получу или нет в будущем возможность разработать эти идеи и выразить эти чувства»³². Такой возможности Ба Жэнь не получил. Его выступление было одной из последних прямых попыток связать китайскую литературу с жизнью народа, правдиво показать живого человека. Приближалось всеобщее наступление на деятелей китайской культуры, и Ба Жэнь пострадал прежде других. С тех пор схема и шаблон стали господствующими в китайской литературе и искусстве, обескровленных жесткой культурной политикой маоистов, вытравливающих прежде всего все человеческое, все то, что называют словом «гуманизм».

²⁹ «Вэнь бао», 1960, № 12, стр. 18.

³⁰ «Жэньминь вэньсюэ», 1957, № 7, стр. 74.

³¹ «Жэньминь вэньсюэ», 1957, № 7, стр. 77.

³² Там же.

Следующей ступенью в развитии антигуманистической тенденции после осуждения взглядов Ба Жэня стал поход маоистской критики против гуманистического наследия прошлого. Для первой половины 60-х гг. особенно характерны выступления маоистов против зарубежного классического наследия европейских стран, а после «культурной революции», начавшейся в 1966 г., центр тяжести критической кампании против гуманизма и человечности в литературе и искусстве переместился на советскую литературу.

Поход маоистов против гуманизма был вызван их стремлением обработать сознание молодого поколения в духе верности «идеям Мао Цзэ-дуна», освободить китайскую молодежь от всякого чуждого этим «идеям» влияния. Маоисты четко сознавали, что для достижения этой цели неизбежна борьба с влиянием передовой мысли и культуры в Китае.

В статье Чжао Ли «Вкратце о работе по изучению иностранной литературы» прямо говорится об «отрицательном влиянии» классиков на молодежь, которая видит в них единственную отдушину в сфере культурных интересов. «Буржуазная идеология самых разных оттенков, которую вобрала в себя европейская буржуазная литература, — пишет Чжао Ли, — в том числе и та идеология, которая некогда, в определенный исторический период, играла прогрессивную роль, будут ли это идеи освобождения личности и личного счастья, которые прославляли писатели-гуманисты Возрождения (от Бокаччо до Шекспира), будут ли это идеи индивидуального протеста, которые проповедовали писатели активного романтизма и критического реализма в XIX в. (от Байрона до Ромэн Роллана) или же реформизма (от Гюго до Бернарда Шоу), вплоть до исповедуемого Толстым «непротивления злу насилием», — все они прямо противоположны пролетарской коллективистской идеологии и точке зрения классовой борьбы... Если мы не подвергнем острой критике все разномастные оттенки непролетарской идеологии в литературных произведениях иностранных классиков, позволим им распространяться среди читателей, то они неизбежно окажут негативное влияние и затормозят наше дело (социалистического, коммунистического идейного воспитания). Фактически, если судить по откликам некоторых молодых студентов и читателей, они уже оказывают такое воздействие»³³.

В европейской классической литературе маоистов особенно раздражали описания человеческих чувств. Ведь им нужно было воспитывать в Китае людей, для которых, кроме воли «вождя», не было бы ничего святого. Если проклятия в адрес романтической любви еще можно объяснить прагматическими причинами, то проклятия в адрес родительских чувств можно понять только как циничную подготовку к растлению моло-

³³ «Гуаньмин жибао», 9.VIII.1964.

дого поколения, которому предстояло справиться со старшими по возрасту. Например, прикрываясь словами о «буржуазности» Бальзака, маонисты осудили популярнейший в Китае роман «Отец Горнио». Критик Лю Линь в статье «Сущность отцовской любви старого Горнио» пишет об этом романе Бальзака: «Автор с несравненной силой сатирически разоблачил алчность и мерзость французской финансовой аристократии, но через пропаганду так называемой абстрактной отцовской любви приукрасил представителя буржуазии, воспел реакционную теорию человечности. Бальзак потратил немало страниц, чтобы умышленно, тщательно и образительно обрисовать его отцовскую любовь, снова и снова прославляет его как «представителя отцовской любви», «настоящего отца» и т. д. Однако, с нашей точки зрения, отцовская любовь торговца-спекулянта всего лишь пустячное чувство, отраженное в сфере чувства буржуазных принципов эгоизма и личной выгоды, на нем глубоко запечатлено буржуазное клеймо.

Действительно, с внешней стороны можно утверждать, что отец Горнио ради дочерей целиком пожертвовал собой. Однако у этой жертвы Горнио... было две совершенно ясные цели: удовлетворение буржуазного тщеславия и своего рода капиталовложение, так как в глазах папаша Горнио на любовь к дочерям выменивается любовь дочерей». И в заключение статьи декларация: «если сейчас вновь находятся люди, которые отцовскую любовь изображают общечеловеческим чувством, то это совершенно реакционно»³⁴.

Политика отрицания маонистами великого наследия мировой культуры вылилась в сожжение книг, закрытие библиотек, прекращение издательской деятельности в сфере литературы и искусства. После разгрома Хунвэйбинновщины в 1966—1968 гг. китайская печать продолжала превозносить «культурную революцию» и хулить мировую культуру, которая превратилась в недоступный запретный плод для многомиллионного народа. Возьмем для примера пространную маонистскую декларацию конца 1970 г., которая использует вульгарный социологизм для аргументации в пользу маонистского курса на духовную изоляцию китайского народа: «Если говорить о буржуазном «Возрождении» в Европе XVI в., «Просвещении» и «критическом реализме» XVIII—XIX вв., то они в течение длительного времени выдавались за «непревзойденные вершины» предателем, интриганом и штрейкбрехером Лю Шао-ци и его представителями в области культуры, «четыремя молодчиками» типа Чжоу Яна (имеются в виду, кроме Чжоу Яна, видные деятели китайской культуры: Ся Янь, Тянь Хань и Ян Хань-шэн. — А. Ж.). На деле выдвинутые буржуазией лозунги «гуманизма» и «свободы, равенства и братства» в конечном

счете служили идеологической подготовкой для захвата буржуазией политической власти и упрочения ее господства. В прославленных представительных произведениях той эпохи: «Гаргантюа и Пантагрюэль» (Рабле) и «Путешествие Робинзона Крузо» (Дефо) — изображены именно такие герои. Этот «великан» Гаргантюа проповедует, что «каждый может разбогатеть и иметь пропасть денег, жить свободно, как захочется», то есть именно крайний буржуазный эгоизм, своеволие и погоня за наслаждениями. Так называемый цивилизатор необитаемого острова Робинзон является предтечей тех колонизаторов, которые, насаждая огнем и мечом христианскую религию буржуазной цивилизации, торговали неграми, захватывали необитаемые острова, истребляли туземное население. Робинзон — захватчик чистой воды! Что же касается «критического реализма» эпохи заката капитализма, то он применялся для спасения безнадежно больного капиталистического строя. «Критика» этих буржуазных писателей исходила из глубокого сочувствия к гниющей, умирающей буржуазии, они указывали на язвы капиталистического общества в надежде найти средства для излечения этих язв. Произведения «критического реализма» в целом либо насаждают пассивный гнилой пессимизм, либо проповедают смиренное многотерпение и самоотрешенность человека; либо восхваляют «доброту богатых», а также какого-нибудь благородного «спасителя мира», либо же торгуют пустыми бесплодными утопическими иллюзиями — и все ради того, чтобы примирить острые классовые противоречия и укрепить кровавое господство буржуазии... Что же это за «непревзойденная вершина»? «Все это — горсть праха и больше ничего»³⁵.

Во время «культурной революции», когда маонисты окончательно сбросили маску, они открыто выступили против гуманизма и человечности на основе антимарксистских «идей Мао Цзэ-дуна». В статье «Жэньминь жибао», прямо названной «О контрреволюционной сущности гуманизма»³⁶, утверждалось ни больше ни меньше как то, что в СССР «гуманизм стал центральным лозунгом контрреволюционного ревизионистского курса». Ведущему органу маонистов не понравилась статья, опубликованная в газете «Правда», где говорилось о том, что советская культура «стала активным фактором строительства коммунизма», потому, что «высоко подняла знамя гуманизма».

Далее автор-маонист с умным видом изрекал: «Гуманизм с самого начала был буржуазным мировоззрением, между ним и пролетарским мировоззрением — научным коммунизмом — нет ничего общего». Разумеется, под научным коммунизмом в статье подразумеваются все те же пресловутые «идеи Мао Цзэ-дуна», в чем строкой ниже

³⁵ «Жэньминь жибао», 21.XII.1970.

³⁶ Там же, 19.I.1968.

³⁴ «Гуанмин жибао», 16.VIII.1964.

автор сам признается, произносая как заклинание: «Иден Мао Цзэ-дуна учат нас...»

Гуманизм для китайского критика — это жупел, а произведения искусства, в которых выразился дух гуманизма и человечности советской культуры, по его словам, «предательство пролетариата». В числе таких произведений оказались всемирно известные книги советских авторов, такие, например, как «Поднятая целина» и «Судьба человека» М. Шолохова, «Битва в пути» Г. Николаевой, «Дом у дороги» А. Твардовского, «Мать» Ч. Айтматова, «Люди не ангелы» И. Стаднюка и др.

Ненависть к гуманизму советской литературы приводит маоистского критика к поистине чудовищным выводам. Трудно поверить, но тем не менее черным по белому на страницах «Жэньминь жибао» написано, что такие книги о войне, как «Солдатами не рождаются» К. Симонова, «Третья ракета» и «Окружение» В. Быкова, «восхваляют немецко-фашистскую армию» с помощью «гуманизма» и «проповеди человечности». Эти кощунственные заявления рассчитаны на обмен китайского читателя, который оказался по воле маоистов в духовной изоляции от всей мировой культуры, и прежде всего от наиболее ненавистой и опасной для пекинских руководителей советской культуры.

В настоящее время антисоветизм пекинских руководителей принимает все большие масштабы. Этому служат и специальные сборники, полные злобной клеветы на советское общество и политику КПСС. Причем нередко пекинские пропагандисты пытаются черпать аргументы для своей грязной цели на страницах советской литературы, нещадно извращая и передергивая смысл.

Современная китайская литературная продукция, выпускаемая сегодня после шестилетнего перерыва, призвана служить одной цели: быть иллюстрацией пресловутого маоистского положения о продолжении классовой борьбы при социализме, изображать противоречия и конфликты с помощью навязанного шаблона с обязательным разрешением их в маоистском духе. Такой воинствующий антигуманизм привел также к расцвету милитаристских тенденций в литературе и искусстве современного Китая³⁷.

В 1972 г. китайские руководители предприняли попытку установить культурные связи со странами капиталистического мира. В Китай стали приглашать на гастроли знаменитые оркестры для исполнения «беспрограммной музыки». В печати появились, казалось бы положительные, рецензии на такие гастроли. Так, говоря о концерте филардельфийского симфонического оркестра под управлением Юджина Орманди (США),

рецензент писал о пасторальной симфонии Бетховена: «Это хорошо знакомое произведение, горячо любимое широкими слушателями нашей страны»³⁸.

Однако уже в 1974 г. маоисты развязали истерическую кампанию против европейской классической музыки. Исходя из «идей Мао Цзэ-дуна», его враждебной марксизму культурной политики, критик Чу Лань писал: «После великой пролетарской культурной революции до сих пор есть люди, которые придерживаются ревизионистского взгляда, будто «беспрограммная музыка не имеет социального содержания». Это реакционно. Мы никак не можем допустить влияния буржуазной музыкальной культуры на наше подрастающее поколение, не можем допустить отравления детского духа идеологией преклонения перед иностранным. Возьмем, к примеру, девятую симфонию Бетховена, шедевр западной классической музыки. Хоровой финал этой симфонии «Обнимитесь, миллионы» пропитан буржуазным гуманизмом. Если дело пойдет так и дальше, то все феодальные, буржуазные и ревизионистские произведения литературы и искусства пролезут сквозь лазейку «здоровых и светлых общечеловеческих чувств» и станут отвоевывать позиции у пролетариата. Они отравят широкие массы рабочих, крестьян и солдат»³⁹.

С 1974 г. гастроли зарубежных мастеров в Китае прекратились, исполнение классических произведений европейской музыки было отвергнуто из-за воинствующего антигуманизма «идей Мао Цзэ-дуна».

Ныне писатель Хао Жэнь — один из самых активных маоистских авторов — открыто заявляет, что темой его произведений является «классовая борьба» и «борьба линий», а главной задачей — создание образа маоистского «героя», живого воплощения «идей Мао Цзэ-дуна»⁴⁰. Именно эти взгляды еще в 1957 г. критиковал Ба Жэнь, когда говорил, что в китайской литературе видят противоречие между изображением «классовых бойцов» и изображением их человеческих качеств, потому-то эти образы и получают обескровленными и нежизненными. Со времени выступления Ба Жэнь прошло около двадцати лет, но указанные пороки современной китайской литературы существуют и по сей день вместе с сохранением «линии Мао Цзэ-дуна в литературе и искусстве», а после «культурной революции» они усугубились еще больше.

В своем отрицании гуманизма социалистического искусства маоисты не одиноки сегодня они оказались в одном лагере с реакционными идеологами Запада, со всякого рода советологами, потратившими не мало бесплодного труда в попытках доказать несовместимость гуманизма и научно

³⁷ А. Н. Желоховцев. Новая направленность китайской культуры. — В кн.: Идеологическая борьба и современная культура. М., 1972, стр. 404—418.

³⁸ «Гуанмин жибао», 19.IX.1973.

³⁹ «Жэньминь жибао», 14.I.1974.

⁴⁰ «Жэньминь жибао», 8.VIII.1975.

го коммунизма⁴¹. Попыталась возвести китайскую стену между гуманизмом и коммунизмом и маоистская критика. Но она выступила с негодными средствами, потерпев полное фиаско. Другое дело — «идеи Мао Цзэ-дуна», которым гуманизм, человечность, или, как сказано в оригинале, «человеческая сущность», антагонистически чужды. Антигуманистическая суть «идей Мао Цзэ-дуна» выявилась в полной мере во время кампании против Ба Жэня: в отрицании культурного наследия человечества, в практике «культурной революции», в тщетных попытках ниспровержения социалистического гуманизма советской литературы и искусства.

«Лучшие, прогрессивные произведения мировой культуры, в том числе и китайской,

всегда выражали мечту людей о счастливой жизни, о равенстве и братстве, были вдохновлены высокими идеями революционного гуманизма, — отмечал в редакционной статье журнал «Коммунист». — Марксизм-ленинизм учит поднимать на качественно новую, высшую ступень лучшие традиции искусства прошлого. Следуя этому учению, искусство социалистического реализма показывает, что благородные идеалы трудового человечества осуществляются в классовой борьбе с угнетателями, в упорном труде в период построения социализма и коммунизма»⁴².

Поход маоистов против гуманизма способствовал разоблачению их пресловутой «революционности» и основательно скомпрометировал маоизм в глазах мирового общественного мнения.

⁴¹ См. Б. С. Рюриков. Реальный гуманизм, стр. 447.

⁴² Против догматизма и вульгаризации в литературе и искусстве. М., 1964, стр. 4.

ВОСПОМИНАНИЯ

На родине Лу Синя

(к 40-летию со дня смерти великого китайского писателя)

В. Н. Рогов

Со студенческих лет я увлекся творчеством основоположника современной китайской литературы, революционного писателя Лу Синя. Как только научился читать по-китайски, попробовал переводить его произведения, даже те, которые были уже известны по-русски. В этом большую помощь мне оказывали мой учитель В. С. Колоколов, а также в разное время: в Москве — Цюй Цю-бо, Ли Ли-сань, в Харбине и Чунцине — писательница Сяо Хун, в Нанкине и Чунцине — переводчик, профессор русской литературы Цао Цзин-хуа, в Шанхае — переводчики русской литературы Цзян Чунь-фан, Чэнь Бин-и, Сюй Лэ-жань, Шэн Цао-ин, Гу Юн-чжун, Гэ Бао-цюань и переводчики китайской литературы В. А. Жилин, Г. П. Кожеуров. Корреспондентская работа почти не оставляла времени заниматься переводом художественных произведений, мои переводы всякий раз опаздывали для опубликования в Москве¹. Начиная с 1937 г. в Нанкине и Шанхае я стал собирать материалы для биографии Лу Синя, при каждом удобном случае посещал лусиневские места в Нанкине, Шанхае, Ханчжоу, Сиане, Пекине, встречался с близкими ему людьми: с его вдовой Сюй Гуан-пин (литературный псевдоним Цзин Сун) и младшим братом Чжоу Цзянь-жэнем, с литераторами Сюй Шоу-чаном, Сюй Цзинь-венем, Сюй Ци-си, Сяо Хун, Фэн Сюэ-фэном, Цзоу Тао-фэнем, Мао Дунем, Тянь Ханем, Ян Хань-шэном, Тань Хань-нянем, поэтессой и композитором Ань Оу, художником Чэнь Янь-цяо, китайскими лусиноведами Тан Тао, Ян Ци-юнем, Ван Ши-цином, Ху Юй-чжи и др. Всем им я неизменно задавал один и тот же вопрос: о чем, по-вашему, нужно непременно написать в биографии Лу Синя? Своими воспоминаниями, советами, редкими библиографическими изданиями они всячески поддерживали мое намерение написать биографию писателя. Время, однако, летело быстро, происходили бурные события войны и освобождения Китая, и моя мечта о биографии любимого писателя так и осталась невыполненной. После образования КНР появилась возможность более тщательно изучать его литературного наследия в шанхайском и пекинском музеях Лу Синя, побывать в Шаосине, Кантоне и даже в Японии — в Токио и Сендае: здесь в 1902—1909 гг. он учился. Единственное лусиневское место, которое мне не довелось посетить, — это город Амой, где писатель с августа 1926 г. укрывался после бегства из Пекина от преследований милитаристов и до января 1927 г. преподавал китайскую литературу в университете.

В 1951 г. мне предстояло возвращение на родину, и я решил накануне отъезда в Советский Союз во что бы то ни стало поехать в город Шаосин, провинция Чжэцзян, где родился и провел детство Лу Синя.

Ниже приводятся записи об этой поездке на родину Лу Синя так, как они были написаны тогда, в конце 1950 г.

¹ Только в конце Великой Отечественной войны мне удалось издать небольшой сборник: Лу Синь. Избранное. М., Гослитиздат. 1945. В него вошли переводы моих друзей-китаеведов, мой перевод «Подлинной истории А-Q» и небольшая статья «Литературное наследство Лу Синя». Повесть «Подлинная история А-Q» с тех пор несколько раз переиздавалась на русском языке и на языках народов СССР. На 1976 г. ее общий тираж в СССР превысил два миллиона экземпляров.

* * *

Поездку в Шаосин организовали мои друзья Цзянь Чунь-фан и Фэн Сюэ-фэн, близко знавшие Лу Синя. Из Шанхая нас выехало шесть человек. Кроме Цзянь Чунь-фана и Фэн Сюэ-фэна, были еще Ян Ци-юнь, знаток рукописей Лу Синя, Ван Ши-цин, биограф писателя (его книга «Биография Лу Синя» тогда вышла третьим изданием в Пекине в издательстве «Сяньлянь»), и поэт Сунь Юн, переводчик Шандора Петефи и других восточноевропейских писателей, которых в свое время издавал Лу Синь. Шаосинец Сунь Юн был прекрасным гидом по своему родному городу и для всех нас, включая китайских товарищей, выполнял функцию переводчика с шаосинского диалекта и особенно трудного для понимания диалекта уезда Иу, на котором говорил Фэн Сюэ-фэн,— одним из 32 местных диалектов провинции Чжэцзян.

В поезде Шанхай-Ханчжоуской железной дороги состоялась беседа с Фэн Сюэ-фэном о деятельности Лу Синя в Шанхае в самые последние годы его жизни. Для меня беседа эта была настоящим кладом.

Фэн Сюэ-фэн² — старый коммунист, до антияпонской войны нелегально работал в Шанхае среди писателей, интеллигенции и студенчества. В 1925 г. молодой писатель Фэн Сюэ-фэн слушал в Пекине курс лекций Лу Синя «История китайской прозы», дружил с его соратниками по литературному обществу «Вэйминшэ» («Общество еще без названия»), которое возглавлял Лу Синь. В 1926 г. в Шанхае Фэн Сюэ-фэн сотрудничал в журнале Лу Синя «Бэньлю» («Бурный поток») и в 1931 г. редактировал литературный двухнедельник «Шицзы цзетоу» («На перекрестке»), созданный Лу Синем и в том же году закрытый на третьем номере за антияпонское выступление. Фэн Сюэ-фэн был близким другом и соратником Лу Синя, непревзойденным знатоком его творчества и литературной деятельности³. В этом я мог лично убедиться, когда составлял сборник высказываний Лу Синя о русских классиках и советских писателях «Лу Синь и русская литература» (Шанхай, Изд-во «Эпоха», 1949, на кит. языке), вышедший с интересным предисловием Фэн Сюэ-фэна. О близкой дружбе Фэн Сюэ-фэна и Лу Синя говорит хотя бы то, что он, так же как и Цюй Цю-бо, писательница Сяо Хун и другие, неоднократно скрывался на шанхайской квартире Лу Синя.

Беседа началась после ужина с разговора о работе созданного большого редакционного совета по изданию нового полного собрания сочинений Лу Синя в десяти томах. Совет уже приступил к работе, собирает все неизданные произведения, по воз-

² В 1958 г. Фэн Сюэ-фэн подвергся критике со стороны маоистов как «правый» элемент. Дальнейшая его судьба неизвестна. См. С. Д. Маркова. Маоизм и интеллигенция. М., 1975, стр. 55.

³ В ответ на мою просьбу помочь составить сборник переводов художественных и публицистических произведений Лу Синя шанхайского периода жена писателя Сюй Гуан-пин в письме ко мне 17 марта 1947 г. писала: «Если вы пожелаете, чтобы я высказала мое мнение о статьях, написанных Лу Синем в шанхайский период, то вы можете в любое время навестить меня или послать письмо, что еще надежнее. К тому же есть еще один друг, который, может быть, лучше, чем я, знает этот период жизни Лу Синя. Это товарищ Фэн Сюэ-фэн. Вы можете побеседовать с ним. От него вы получите вполне достоверные сведения относительно творческой жизни Лу Синя в шанхайский период и направления его мысли, а также о деятельности Лиги левых писателей и т. д. Это вам будет очень полезно для изучения взглядов Лу Синя. Кроме того, кое-что вы сможете извлечь из написанных им статей в 1933 г., но лучше всего узнать от близкого его друга, который активно участвовал в его деятельности». Оригинал письма Сюй Гуан-пин сохранился у меня.

Задуманный еще в 1947 г. сборник Лу Синя на русском языке по многим причинам составить, перевести и издать в Шанхае оказалось очень трудным делом. Он создавался в тяжелое время предсмертной агонии гоминьдановской диктатуры. После образования КНР появилось много советских специалистов, стали приезжать разные советские делегации. Тогда, после моего переезда в Пекин, впопыхах, с большим количеством опечаток и ошибок в собственных именах и транскрибировании, тиражом всего одна тысяча экземпляров появился так называемый «шанхайский» сборник: Лу Синь. Рассказы, статьи, письма, Шанхай, Изд-во «Эпоха», 1949, который молниеносно разошелся среди советских людей в КНР.

возможности восстанавливает цензурные купюры, устанавливает даты и собственные имена, составляет научный аппарат, подбирает иллюстрации и т. д. Все китайские товарищи, ехавшие в Шаосин, активно работали в редакционном совете⁴.

Неожиданно меня стали спрашивать: когда выйдет собрание избранных сочинений Лу Синя на русском языке? Оказывается, А. А. Фадеев, во время приезда в Пекин во главе первой делегации работников советской культуры и искусства в дни образования КНР в октябре 1949 г., обещал, что в течение 1950 г. выйдет издание сочинений Лу Синя на русском языке⁵.

Хотя от меня этого и не требовалось, но я начал оправдываться и говорить о трудностях издания публицистики, фельетонов и статей Лу Синя, так как нам, русским, многие упоминаемые собственные имена неизвестны и нет необходимых биографических справочников. Некоторые из упомянутых лиц стали врагами китайского народа, и разобраться в этом без помощи китайских товарищей невозможно.

— С именами врагов,— заговорил Фэн Сюэ-фэн,— которых сам Лу Синь ругал, церемониться не следует. В подавляющем большинстве они так и остались врагами. Профессор Чжан Ши-чжао сейчас член комитета законодательных предложений и даже член Народного политического консультативного совета, но он вряд ли откажется от этих постов, если мы напомним ему, что в свое время против него, как представителя реакции, Лу Синь вел непримиримую борьбу, и об этом, конечно, умалчивать нельзя. Тем более не обидится генерал Фу Цзо-и, который сам признал, что был защитником феодального Китая. Бывших друзей Лу Синя, которые потом стали предателями, немного. И кстати сказать, у Лу Синя с ними были в свое время большие разногласия. Например, с писателем Линь Юй-таном.

Тогда я привел пример допущенной мною ошибки с включением письма писателю Тянь Цзюню (Сяо Цзюнь) в «шанхайский сборник», не зная, что он занимает враждебные политические позиции: для меня было достаточно, что перевод его интересной книги о маньчжурских партизанах «Деревня в августе» был в 1939 г. издан в Москве, а сам писатель находился в Яньани.

— Не беда,— возразил Фэн Сюэ-фэн,— во-первых, Тянь Цзюнь исправляется и отказывается от своих ошибочных позиций. Во-вторых, Лу Синь ругал Тянь Цзюня за его самовлюбленность. Однажды Лу Синь познакомил Тянь Цзюня с американской писательницей Агнесой Смедли, после чего тот даже стал завивать себе волосы. Лу Синь смеялся.

На другой день мы приехали в Шаосин — большой, старинный город в восточной части приморской провинции Чжэцзян. Ян Ци-юнь рассказывал нам: — Сегодня Шаосин, как видите, большой, оживленный окружной или уездный город, с населением более ста тысяч человек, но он овеян многими легендами и преданиями. И в этом его особенность. А так город как город, каких в Китае много. Лежит он в стороне от железнодорожной линии, соединяющей торговый порт Нинбо, город Ханчжоу и главный порт страны Шанхай. Шаосинцы гордятся многими своими земляками, учеными, поэтами, художниками. Славится Шаосин желтым рисовым вином и производством искусственной фольги для праздничных украшений, да еще чиновниками-службистами. Все это можно встретить в любой части страны...

Как только мы устроились с жильем, пошли осматривать живописный город, с его каналами и мостиками, храмами и кумирнями, с многочисленными мастерскими, лавками и магазинами. В переполненной гостинице для нас, семи человек вместе с шофером, мест не оказалось. Мы, чтобы жить вместе, удобно разместились в одном из заброшенных храмов. В первый день осмотрели на площади памятник казненной революционерки, жительницы Шаосина, поэтессы Цю Цзинь (1875—1907). Она, так же как и Лу Синь, была членом тайного антиманьчжурского общества Гуанфу. Руководителя

⁴ Полное собрание сочинений Лу Синя (на кит. яз.) в десяти томах было издано в Пекине в 1956—1958 гг.

⁵ Собрание сочинений Лу Синя (на русском языке) в четырех томах было издано в Москве в 1954—1956 гг.

общества радикального прогрессивного ученого Чжан Тай-яня (1868—1936), земляка, писатель считал своим учителем. В 1905 г. Гуанфу вошло в Тунмынхой — общество, созданное Сунь Ят-сеном⁶. Лу Синь вступил в общество в Токио в 1908 г. и по возвращении на родину в следующем году продолжал поддерживать дружбу и связи с некоторыми его деятелями.

Цю Цзинь была казнена 1 июля 1907 г. за участие в подготовляемом обществом Гуанфу антиманьчжурском восстании в соседних провинциях Чжэцзян и Аньхуэй. Восстание было раскрыто властями, и его участники казнены. Мы посетили обычный одноэтажный саманный дом с черепичной крышей, в котором жила отважная революционерка. Потом побывали в здании средней школы и педагогического училища, где в 1910—1911 гг. работал Лу Синь. Кроме стен, здесь ничего не напоминало о писателе.

Зимой 1911—1912 гг. Лу Синь написал часть задуманного большого романа «Думы о былом»⁷ о событиях, относящихся к 90-м годам прошлого столетия, спустя более сорока лет после тайпинского восстания, связанных со слухами о новом появлении «длинноволосых» (тайпинов). Никаких указаний о месте, где происходили эти события, нет. Вполне можно предположить, что они происходили в Шаосине, но абсолютно ясно, что само произведение не является автобиографическим. В нем повествуется об отношении разных слоев общества, точнее сказать учительства, к народному восстанию и содержится критика старой системы школьного образования. Это произведение появилось в январском номере журнала «Сяошо юэбао» за 1914 г. под псевдонимом Чжоу Чо. После смерти писателя оно было вновь опубликовано в журнале «Сиван» и затем вошло в XX том полного собрания сочинений, изданного в 1938 г. Лу Синь не включил «Думы о былом» ни в один из своих сборников и, как известно, своим первым художественным произведением считал известный рассказ «Дневник сумасшедшего» (апрель 1918 г.). В автобиографии, например, он писал: «Рассказы я начал писать в 1918 г. и помещал их в журнале «Новая молодежь».

Вопрос о месте «Думы о былом» в наследии Лу Синя я обсуждал с Ян Ци-юнем и Ван Ши-цином. По их мнению, Лу Синь не считал его своим первым художественным произведением потому, что оно написано не на современном литературном языке «байхуа», а на старом книжном языке «вэньянь». Фэн Сюэ-фэн высказал мнение, что Лу Синь «Думы о былом» не считал рассказом, а лишь фрагментом незаконченного романа и поэтому не включал его в свои сборники.

— Можно только пожалеть,— говорил Фэн Сюэ-фэн,— что большой роман остался незаконченным. В Пекине и особенно в Шанхае Лу Синь стал заниматься публицистикой и вскоре перестал писать рассказы. Даже его воспоминания, в основном написанные в Амое, где он находился в изгнании, по существу, тоже публицистика. Писатель не принимал непосредственного участия в революционных событиях, но всегда стоял на стороне всех антиимпериалистических и антиправительственных выступлений и не мог оставаться в стороне от начавшейся в 1924 г. революции. Ему было не до большого романа. Но это не дает нам права недооценивать «Думы о былом» — интересное и значительное произведение. Это не рассказ, а часть незаконченного романа.

Буржуазно-национальная революция 1911 г. застала Лу Синя в Шаосине безработным. Незадолго до этого махровый реакционер директор педагогического училища уволил его с должности инспектора (это соответствует нашему заведующему учебной частью). После вступления в Шаосин новой армии он был назначен директором учи-

⁶ Члены Гуанфу после того, как их организация волилась в Тунмынхой, становились сторонниками «трех народных принципов» Сунь Ят-сена и при вступлении в Лигу принимали следующую клятву: «Я клянусь перед небом отдать все силы свержению маньчжурской династии, восстановлению китайского суверенитета, учреждению республики и решению аграрной проблемы на базе справедливого перераспределения земли и торжественно обещаю быть верным этим принципам. Если же я нарушу оказанное мне доверие, то я подчинюсь самым суровым наказаниям, какие можно представить». Цит. по: Г. Ефимов. Очерки по новой и новейшей истории Китая. М., 1951, стр. 147—148.

⁷ Есть русский перевод В. Ф. Сорокина, озаглавленный: «Былое». «Восточный альманах». Сборник. Вып. 4. М., 1961.

лища, но проработал недолго. По рекомендации своего друга Сюй Шоу-чана, члена общества Гуанфу, Цай Юань-пэй, земляк, и член того же общества, ставший министром просвещения правительства Сунь Ят-сена — первого временного президента Китайской республики, пригласил Лу Синя работать в министерстве. В мае того же года вместе с министерством он переехал из Нанкина в Пекин...

После отъезда Лу Синя из Шаосина в Нанкин, в январе 1912 г., в его жизни и творчестве были пекинский период (1912—1926), когда он стал известным писателем, более года скитаний (1926—1927) и шанхайский период (1927—1936), когда он твердо становится на путь революционного писателя.

К моему большому сожалению, я никогда не встречался с любимым писателем: в качестве корреспондента ТАСС я приехал в Шанхай в январе 1937 г., через три месяца после того, как его не стало. По-моему, исчерпывающую характеристику этих периодов дал его ближайший друг и единомышленник коммунист Цюй Цю-бо. В предисловии к «Сборнику публицистических произведений Лу Синя» в 1933 г. он писал: «Лу Синь прошел путь от теории эволюции к теории классовой борьбы. Из отступника сословия шэньши он стал подлинным другом пролетариата и трудового народа и даже борцом за их дело. После долгой борьбы, начавшейся еще до революции 1911 г. и продолжающейся до наших дней, он принес с собой в новый лагерь неопределимые революционные традиции, рожденные в процессе тяжелых испытаний и глубоких наблюдений писателя»⁸.

За двадцать четыре года он в 1913 и 1916 гг. приезжал в Шаосин к матери, а в декабре 1919 г. приехал в последний раз и увез ее в Пекин, где она прожила в его доме до 1944 г., дожив до 78 лет. После этого он в Шаосине не бывал, но не переставал интересоваться родным городом. Многие рассказы в его сборниках «Ключ» и «Блуждания», воспоминания в сборнике «Утренние цветы собирают вечером» написаны по воспоминаниям молодости, проведенной в Шаосине. Несколько лет он работал над составлением «Сборника из различных древних книг области Гуйцзи» (старинное название Шаосина) и над поэтическим сборником Цзи Кана (древнего поэта III в., вольнодумца из района Шаосин).

Не будет ошибкой сказать, что Шаосин занимает большое место в художественном творчестве писателя. Не говоря о воспоминаниях, которые, естественно, носят автобиографический характер и относятся к Шаосину. В течение нескольких дней, проведенных в этом городе, который писатель называл Вэйчжуан, Лучжэнь или просто «S», в этом было нетрудно убедиться.

Свои впечатления о Шаосине и встречах с шаосинцами начну с родословной Лу Синя, тем более что в нашем советском лусиневедении многие факты из жизни молодого Лу Синя, когда он еще не был знаменитым писателем, малозвестны.

Основным документом для биографии Лу Синя служит его короткая автобиография, написанная им специально для русского перевода «Подлинной истории А-Q», которая была издана в 1929 г. в двух разных переводах: Б. А. Васильева ленинградским издательством «Прибой» и в переводе группы студентов под редакцией В. С. Колоколова в Москве издательством «Молодая гвардия». Затем в моем переводе она была издана в сборнике Лу Синя «Избранное» в 1945 г. Гослитиздатом.

Интересно отметить, что предисловие Лу Синя к повести, написанное по просьбе переводчика Б. А. Васильева, было помечено 26 мая 1925 г., что дает основание утверждать, что первый иностранный перевод основного художественного произведения Лу Синя был сделан на русский язык меньше, чем через четыре года после его появления на родном языке. Первый перевод на французском языке появился в 1929 г., а на английском — в 1931 г., то есть десять лет спустя после того, как повесть была написана. Автобиография, где Лу Синь рассказывает о Шаосине, была переведена мною для сборника «Избранное» в 1945 г. и с тех пор с некоторыми уточнениями несколько раз переиздавалась на русском языке.

⁸ Цит. по переводу М. Е. Шнейдера в сб.: Цюй Цю-бо. Очерки и статьи. М., 1959, стр. 240.

Теперь, в Шаосине, с помощью китайских лусиневедов, особенно Ван Ши-цина, автора первой биографии Лу Синя, и неутомимого Ян Ци-юня, создавалась возможность лично осмотреть все места, где проходили молодые годы писателя, поговорить с теми, кто еще помнил писателя. Из родственников тогда оставался в живых только дядя Лу Синя, 69-летний Чжоу Мэй-цин, мелкий землевладелец. Дядя и племянник вместе учились в одной частной школе. Он подробно рассказал о школе и школьных товарищах.

— Учились мы в частной школе «Саньвэй шу» («Кабинет трех чувств») у известного шаосинского сюца Шао Цзин-у. Он был настоящий книжник и очень хороший человек. Во всех частных шаосинских школах раньше учеников лупили и они учились из-под палки, и только в нашей школе учеников не били. В школе было 14 учеников, сейчас из них в живых осталось только трое: я, помещик Ван Фу-линь из села Чжанмуцзяо да купец Чжан Сян-яо, сейчас ему 71 год и он очень болен. Остальные стали служащими разных фирм и учреждений и разъехались из Шаосина кто куда. Характер у молодого Лу Синя был во многом странным. Он с презрением относился к богатым, не любил ничего одалживать и даже к богатым из своего клана в гости не ходил. Его страстью было перерисовывать картинки из книг, нарисованные картинками он всем раздавал.

Присутствующий при разговоре Ван Гуань-фу, управляющий местной электростанцией, хорошо знавший семью Лу Синя, потому что в детстве его учителем был самый младший брат писателя, возразил на его слова.

— В детстве у Лу Синя, — утверждал он, — все же был один друг из богатой семьи, мой однофамилец, но вот только имя его я запомнил. На скопленные деньги они покупали книги в общую библиотеку. В прошлом году этот человек умер и пожертвовал все книги Дому культуры имени Лу Синя, где и собираются открыть музей его имени. Это здание бывшей Синьтаймынь (Новая усадьба) семьи Чжоу.

Кроме этого, Ван Гуань-фу дал характеристику трем братьям семьи Чжоу.

— Старшим был Чжоу Шу-жэнь, будущий писатель (Лу Синь, как известно, — это псевдоним); второй — Чжоу Цзо-жэнь тоже стал писателем, но совершенно иного направления и был профессором, как и Лу Синь. У третьего — Чжоу Цзянь-жэня я учился. Старший не хотел держать императорских экзаменов, так как не собирался идти в чиновники. Второй брат мечтал сдать экзамены на звание ученого старого типа, а третий увлекался цветами и растениями, видимо, хотел быть ботаником.

Мы побывали в библиотеке Дома культуры, где нам показали книги, принадлежавшие молодому Лу Синю. Детские книги с картинками вряд ли сохранились с тех времен, видимо, их подбирали по названиям из более поздних изданий. Наиболее старыми среди них была книга «Цзянь люэ» («Извлечение из Зеркала») — школьный сборник исторических рассказов из «Всеобщего зеркала, просвещению помогающего» известного историка Сыма Гуана и четыре книжечки «Шаньхайцин» («Книга гор и морей») с изображением древних мифов и фантастических животных по древнекитайским географическим представлениям в обработке даоских монахов-ученых. Принадлежали ли именно Лу Синю эти экземпляры — не известно, но известно, что в детстве эти книги он любил читать. Здесь же хранятся литографическим способом изданные две книги, написанные Лу Синем в Нанкине: «Горнорудные богатства Китая» и «Краткий очерк геологии Китая», — и две рукописные тетради «Лекции по гигиене и физиологии», бесспорно ему принадлежащие, последняя книга — две тетради записей его лекций в педагогическом училище Ханчжоу, сохранившиеся у одного из его учеников, сын которого подарил их Ван Гуань-фу. В библиотеке мы обнаружили уникальную реликвию семьи Чжоу «Юэчэн Чжоу чжипу» («Родословная книга семьи Чжоу из города Юэ»). Из пяти томов, написанных в 20 экземплярах, сохранилось только четыре. Четвертый том, по словам переплетчика, был отобран у него судебным чиновником в 1892 г., когда судили деда писателя Чжоу Цзе-фу.

По записям родословной книги мы проследили, что семья Чжоу переселилась в округ Юэ провинции Чжэцзян из провинции Хэнань в эпоху южных и северных династий Сун (420—479). В книге имеется запись, сделанная внуком 11 поколения в

восьмом году правления императора Тун-чжи маньчжурской династии Цин (1869), за 12 лет до рождения Лу Синя. Запись гласит: «Наша семья первоначально носила фамилию Цзи. Мы являемся потомками владетельного князя Вэня, жившего при императоре Хуань-ване династии Чжоу (719—298 гг. до н. э.). Последующие поколения, под фамилией Чжоу, жили в уезде Жуань, провинция Хэнань. Здесь наш род при династии Сун (960—1127) стал разрастаться и вел жизнь, придерживаясь правил морали и гуманности. В семье появились ученые, получавшие назначения по всей стране». В другой части родословной книги имеется краткая запись: «Семья Чжоу раньше звалась Цзи. Это была известная фамилия в уезде Жуань, провинция Хэнань». Затем дается перечисление мест в районе Ханчжоу—Шаосина, куда переселилась семья Чжоу, возглавляемая «ученым мужем» (ученая степень не упоминается) Чжоу Гун-цином. Он-то и является главой семьи Чжоу, обосновавшейся в Шаосине. Таким образом, становится известным, что предки Лу Синя переселились в Ханчжоу из захваченной монголами столицы Кайфына одновременно с императорским двором династии Сун. Со времени переселения на юг Чжоу Гун-цина, прапрадеда Лу Синя, в семье Чжоу насчитывалось 14 поколений. В двенадцатом поколении Чжоу Фу-цин, дед Лу Синя, получил высокое ученое звание ханьлин (член императорской академии) четвертой степени и занимал какой-то высший цензорский пост в столице. Отец, Чжоу Фэн-и, был простой шэньши (образованный землевладелец). Он получил старое образование, но нигде не служил.

Родословная книга семьи Чжоу, при всей ее неполноте, недостатках и понятных преувеличениях, представляла большой историко-литературный интерес.

В Синьтаймынь нас встретил Шэнь Юй-вэй, студент скульптурного отделения художественного училища, ваявший портрет Лу Синя и руководивший реставрацией обеих усадеб семьи Чжоу.

— На этом месте, — рассказывал скульптор о родном доме Лу Синя, — Дунчанфан (Восточный зал), 51, была последняя усадьба семьи Чжоу, занимавшая площадь немного больше 60 акров. Дом, в котором родился и провел детство Лу Синь, к сожалению, не сохранился. Имение со всеми домами и постройками в 1919 г. было продано за 14 тыс. серебряных юаней. Лу Синь получил одну четверть этих денег, на которую вместе с братом Чжоу Цзо-жэнем построил дом в Пекине в переулке Бадаовань. Все имение, больше чем 70 комнат, новыми хозяевами было перестроено.

Семья Лу Синя занимала юго-западный угол большого имения, от него ничего не осталось, кроме прорубленной в стене калитки, чтобы не ходить через главные ворота и не мешать новым хозяевам. Сохранились два старых коричневых дерева да «Сад сотни трав», который теперь больше похож на обычный огород. Мы ходили туда и подробно все осматривали. Из головы не выходило поэтическое описание этого места из воспоминаний Лу Синя, написанных им в Амое 16 сентября 1926 г.

Главный вход Синьтаймыня, так же как и главный вход старой усадьбы — Лаотаймынь, одинаково украшен лепкой и резьбой по дереву. Мы подробно осмотрели Лаотаймынь на западной стороне Восточного зала, недалеко от новой усадьбы. Старая усадьба была построена больше двухсот лет тому назад. Над красными дверями Лаотаймыня в прихожей на лакированной черной доске золотыми иероглифами написано: «ханьлин»; рядом на другой доске официальная надпись: «Ученый Чжоу Фу-ци назначен императором в палату ханьлин». На доске с правой стороны еще одна надпись из двух огромных каллиграфически написанных вырезанных иероглифов: «Вэнь Куй»⁹ — «Глава литературы» и подпись Чжоу Цин-фань — цзюйжэнь (ученый второй степени, выдержавший императорские экзамены в столице). Это не дед Лу Синя, может быть, какой-то родственник семьи Чжоу. После входа, прихожей и внутреннего двора расположен первый «Зал гуманности и добродетели». Он украшен колоннами с драконами, вырезанными по дереву неким Ши Му. Фигурами драконов свое жилище

⁹ Куй — название одной из звезд созвездия Большая Медведица, отсюда — Куй Син — даосский дух, покровитель литературы.

могли украшать только члены императорской фамилии, к которой семья Чжоу не принадлежала. Ян Ци-юнь объяснил это так:

— Народное предание утверждает, что во времена «Тайпин тяньго» («Небесного государства великого благоденствия»), созданного восставшими тайпинами (1851—1864), в Лаотаймыне семьи Чжоу останавливался, и, по-видимому, не на короткое время, один из князей тайпинов.

На территории Лаотаймынь сохранился «Зал глубокой добродетели и далеко идущего света», где жила старая хозяйка до своей смерти в 1910 г., и павильон госпожи Цзэн, жены какого-то родственника Чжоу Юй-линя. Оба помещения перестроены и в них ничего от обстановки того времени нет. Кроме них, много других типичных построек сановников старого времени. Все они, дом за домом, разделенные в промежутках внутренними двориками, уходят в глубь усадьбы. По другую сторону моста через канал находится давно уже проданная, пришедшая в полное разрушение третья усадьба семьи Чжоу — Гоцяотаймынь (Усадьба за мостом). Я упоминаю о ней только для того, чтобы напомнить, что старая семья Чжоу когда-то была одной из знатных и богатых в Шаосине.

После осмотра усадеб мы отправились на кладбище семьи Чжоу на холмах Юаньшань (Холмистое угодье), Линьшань (Холмы каштановых побегов) и Сяонаньшань (Малые южные холмы). Здесь содержатся в порядке могилы прадедушки, дедушки и бабушки писателя. К сожалению, даты смерти или похорон, чем мы особенно интересовались, не отмечены, но рассказ хранителя семейных могил был интересен.

— Недалеко от Линьшаня, — рассказывал он, — был древний храм «Лэйхуэй» («Встреча с громом»). Говорят, что один богатый шаосинец решил приобрести это место для семейного кладбища, но его старый отец побоялся дурной приметы — лежать в гробу рядом с храмом в честь грома. Тогда это место купила семья Чжоу. В четвертом поколении это дало себя знать. Чжоу Шу-жэнь прогремел на всю Поднебесную, появился писатель Лу Синь!

У могилы прадедушки хранитель могил рассказал нам предание о кладе семьи Чжоу.

— Богатая, знатная, процветающая семья Чжоу, главой которой был императорский ученый ханьлинь, — рассказывал старик, — по неизвестной причине стала разоряться. Старая усадьба Чжоу с флагом на шесте у ворот была продана Чжу Жэнь-гуну. Этот выскочка в одном из домов усадьбы раскопал и присвоил клад семьи Чжоу, но клад не принес ему счастья. Семья Чжу через двадцать лет разорилась. Сейчас в Лаотаймыне в крайней бедности живут его брат Чжу Жэнь-шоу и его родственник Шэнь Чунь со многими детьми. Этот Чжу Жэнь-шоу — одноклассник и друг детства Лу Синя. От голода он выжил из ума, а Лу Синь прославился на всю Поднебесную. Вот вам, что значит чужой клад!

У нас, знающих произведения Лу Синя, рассказ невольно вызвал один и тот же вопрос: а не послужило ли семейное предание о кладе сюжетом лусиневского рассказа «Блеск» о неудачнике деревенском учителе Чэн Ши-чэне, шестнадцать раз проваливавшемся на императорских экзаменах и утопившемся в озере, потому что ему не удалось найти клада¹⁰. Это косвенно подтвердил Ян Ци-юнь, со слов Сюй Гуан-пин рассказавший о том, что «лаосань», третий сын в семье Чжоу Цзянь-жэня, любит распевать странные слова песенки детских лет:

Расстояние от крыльца
Такой же длины,
как веревка колодца.

¹⁰ Чжоу Ся-шоу (псевдоним Чжоу Цзо-жэня, брата Лу Синя) считает, что прообразом Чэн Ши-чэна был Чжоу Цзы-цин, один из старших родственников Лу Синя, неудачник на императорских экзаменах: «Персонажи в рассказах Лу Синя», Шанхай, 1954, стр. 122. Но, по-моему, эта книга крайне тенденциозна, с попыткой реабилитировать предательство автора (он сотрудничал с японскими оккупантами), и я не очень доверяю его выводам.

Он не знал значения этих слов, но говорил, что они были связаны с тем, что в старой усадьбе росло коричное дерево, которое было посажено у крыльца на расстоянии веревки от колодца, а ветви достигали крыльца дома. Когда Ян Ци-юнь рассказал об этом смотрителю могил, тот без малейшего колебания заявил: «Вот именно там-то, как говорят Чжу Жэнь-шоу и нашел клад семьи Чжоу». Мы попросили устроить встречу с этим Чжу Жэнь-шоу, но нам ответили, что «он ничего не помнит и говорит что попало». Встреча с другом детства Лу Синя, возможным прототипом героя рассказа «Блеск», так и не состоялась.

Не удалось мне также получить определенный ответ на вопрос: а не происходит ли Чжу Ань, первая жена Лу Синя, из семьи этих Чжу, купивших усадьбу Лаотай-мынь? Ведь у нее такой же фамильный иероглиф, как и у них. Кроме того, когда дед Чжоу Фу-цин в 1892 г. разорился, Лу Синю было 11 лет, то есть столько, когда по старинному феодальному обычаю происходили помолвки детей, и можно предположить, что разорение семьи вынудило жившую в бедности мать Лу Синя пойти на такую помолвку. Меня также смущали слова брата писателя Чжоу Цзянь-жэня, сказанные мне 14 ноября в Пекине, когда я спросил его, что за человек была первая жена Лу Синя.

— Первая жена Лу Синя Чжу Ань, — ответил Чжоу Цзянь-жэнь, хорошо знавший свою родню и проживший с ней в Шаосине до 1919 г., — была простой женщиной старых взглядов, неграмотная, с маленькими ножками. В старое время считалось, что главное для жены — рожать детей и быть послушной мужу. Она как будто была дальней родственницей семьи Чжоу. Свадьбу в Шаосине справляли по всем старым обычаям. Сначала они жили обычно и даже хорошо. Когда брат Цзо-жэнь вернулся из Японии, он женился на японке. Жена Лу Синя ревновала к ней своего мужа и через мать уговаривала Лу Синя взять в дом вторую жену. Это послужило ухудшению их отношений. Все эти годы Чжу Ань жила с матерью в пекинском доме Лу Синя, где и умерла в 1947 г., через три года после смерти матери писателя.

В этом ответе человека, знавшего в деталях жизнь своей семьи, вызвали сомнения два обстоятельства. Первое — слова: «Сначала жили они обычно и даже хорошо». Но ведь это неправда. Лу Синь сразу после свадьбы в июне 1906 г. вернулся учиться в Японию, откуда появился в Китае только через три года, в июне 1909 г., затем с января 1912 г. жил в Нанкине и с мая того же года — в Пекине, куда Чжу Ань приехала только в декабре 1923 г. В августе 1926 г. Лу Синь уезжает из Пекина и в октябре 1928 г. в Шанхае женится на Сюй Гуан-пин. Второе — не верится, чтобы Чжоу Цзянь-жэнь, взрослый человек, присутствовавший на свадьбе «по всем старым обычаям» и проживший в Шаосине в одной семье с первой женой Лу Синя тринадцать лет, мог так неопределенно сказать: «Она как будто была дальней родственницей семьи Чжоу». Этого не могло быть хотя бы потому, что на китайских свадьбах обычно присутствующим сообщается родословная вступающих в брак. Все это дает основания предположить, что Чжу Ань, возможно, была не «дальней родственницей семьи Чжоу», а происходила из семьи Чжу, купившей у семьи Чжоу их усадьбу, в одном из зданий которой на правах бедной жилицы до 1919 г. продолжала жить мать Лу Синя.

До поездки в Шаосин я ничего не знал о семье Чжу, и слова, сказанные мне Чжоу Цзянь-жэнем незадолго до этой поездки в Пекин, я тогда принял на веру. Насколько верно такое предположение о вызванной разорением первой женитьбе Лу Синя, утверждать нельзя. Мы даже не установили года рождения Чжу Ань.

Во всяком случае, во время поездки в Шаосин мы имели возможность удостовериться в разорении когда-то богатой семьи императорского сановника и его сына-шэньши. Слова смотрителя могил показывали, что простые шаосинцы знают и гордятся Лу Синем.

В Шаосине Лу Синь прошел все стадии школьного воспитания императорского Китая. В старом феодальном обществе рождение мальчика-первенца в семье считалось счастьем: появлялся продолжатель рода. Это событие обставлялось многими суеверными обычаями, основанными на традиционных народных и религиозных буддий-

ских или даосских обрядах. Прежде всего, ребенка следовало оберегать от злых духов, от всяческой нечисти и от болезней. Чтобы их обмануть и отвести от первенца, имя младенца не произносилось вслух, его звали «аго» — шенок, «амао» — котенок и даже «сяоды хэшан» — маленький монах, то есть человек никчемный, и т. д. или давали не мужское, а женское имя. В нашей компании, например, был блестящий переводчик русской и советской литературы, мой старый друг Цзян Чунь-фан. Он был первенец в семье шанхайского купца, ему было дано женское имя Чунь-фан — «Весенний цветок». На ребенка надевали всяческие амулеты, прежде всего серебряный обруч. Жунь-ту, маленький друг Лу Синя, который учил его ловить птиц, носил серебряный обруч на шее, а сам Лу Синь — «воловью вожжу» с миниатюрными серебряными острыми и колючими вещичками, которых боятся злые духи и дьяволы. К мальчику-первенцу приглашали наставника, буддийского или даосского монаха, который, как писал Лу Синь, в китайском представлении был человек презренный, не имел ни дома, ни семьи и не мог стать чиновником, поэтому черти его не беспокоили. В своих воспоминаниях «Мой первый наставник» Лу Синь не без юмора описывает господина Лун (Дракон), именно такого своего наставника, монаха из храма «Чансин» («Длительное счастье»).

И вот мы входим в храм «Чансин», расположенный за мостом у пагоды. Нас встретил Ци Сян, внук наставника Дракона. Затем мы побывали в молельне «Тугу» («Земли и зерна») напротив храма. По воскресеньям в ней собираются крестьяне и приносят жертвы духам-покровителям земледельцев. Таких молелен и кумирен в Шаосине несколько десятков, и никто не знает, в какой из них жил бедняга батрак А-Ц. Лу Синь в своей повести назвал «Храм земледелия», где ютился и был схвачен А-Ц. В нем, как и в молельне «Земли и зерна», всегда было темно, был земляной пол и у стены против входа — земляной алтарь, на котором никогда ничего не стояло. Кто знает, может быть, в молельне «Земли и зерна» жил А-Ц? Вообще у нас сложилось убеждение, что люди и события повести и рассказов Лу Синя, которые он относит к так называемой «культуре Вэйчжуана и Лучжэня», несомненно, взяты из жизни Шаосина.

У своего буддийского наставника Дракона Лу Синь ничему особенно не научился, но зато добродушная простая крестьянка, ворчливая старая няня А-чан поведала мальчику много разных сказок, легенд и преданий и даже рассказывала о «длинноволосях» тайпинах, которые приходили в Шаосин, знакомила его с народными приметами и поверьями. Она подарила ему купленную на гроши иллюстрированную книжку «Шаньхайцзин», из которой он вначале перерисовывал картинки, а когда научился грамоте, то с увлечением читал подписи. Все это с детства возбудило у него любовь к народной мудрости, к истории и к природе.

Выложенная широкими каменными плитами дорожка от Лаотаймыня по переулку через улицу и канал ведет напротив — к зданию № 7, где была частная школа «Саньвэй шу» («Кабинет трех чувств»). Здесь мы вновь окунулись в эпоху молодого Лу Синя. На стене над воротами по камням вырезана надпись «Панхуан таолу» («Грустная чаша блужданий») с подписью «Юй Вэнь-и из Баогуаня», по бокам дуйцзы (парные стихотворные строки). На одной: «От травы Чжанюй с четырех сторон дул ветер» — и на другой: «От цветов Чжаочана ветерок и роса по всему двору». Комната, где учился подросток Лу Синь со своими тринадцатью однокашниками, освобождена от постояльцев и реставрирована. На небольшом возвышении стоит низкий полированный столик из сандалового дерева. За ним восседал хозяин и учитель школы сюацй Шоу Чжун-у. Над этой кафедрой, несомненно, подлинная лакированная доска с надписью «Саньвэй шу», подписанная «Лян Тун-шу из Цзяньтана». Под ней висит свиток картины с изображением пары пятнистых оленей (символ долголетия) на фоне сосновых деревьев (символ прямоты и стойкости) с подписью «Писал Чэнь Чжао-юй из свиты почтенного У из уезда Улинь весной года Цзя-у». По бокам висят дуйцзы с каллиграфически написанными изречениями: «Почитание родителей и дружба братьев — наивысшее спокойствие» и «Стихи и книги доставляют удовольствие человеку», подписанные Шань Чжоу-лянем. Картина вызывает явное сомнение в подлин-

ности, слишком уж она чистенькая и новая. Перед столиком учителя на возвышении стоят столы учеников. За одним из них, с вырезанным иероглифом, одиннадцатилетний Лу Синь начал зубрить премудрость классических книг. За окном во внутреннем дворе растут высокие каштаны, под которыми, оставив зубрежку, от которой стоял гул, весело играли ученики во время перемен.

Нас познакомили с опрятно одетой 76-летней старушкой Цзэн, вдовой учителя Шоу Чжун-у.

— Давно это было,— сказала она,— я была еще невестой, а потом молодой женой. Мне тогда не разрешалось входить в кабинет мужа, где он учил детей. Одно могу сказать, что не один раз я слышала, что ученик Юй-цай из семьи Чжоу был умный и способный мальчик.

Характерно, что она сказала не школа, а кабинет мужа. Это не случайно. Школу «Саньвэй» («Трех чувств») называли «шуу», что в буквальном переводе значит «кабинет для чтения книг».

Про своего мужа она не без гордости сообщила, что он выдержал императорские экзамены в Шаосине и был сюцай (первая ученая степень выдержавшего экзамены в уездном городе), но потом стал против экзаменов и отговорил своих племянников сдавать экзамены.

— Чжун-у был честный и строгий человек,— продолжала она рассказ о муже,— учеников он не бил и принадлежал к «фаньмань фумин пай» (течению, выступавшему против маньчжурской династии, за восстановление китайской династии Мин), из-за чего происходили разные неприятности.

По вечерам, после походов по Шаосину и встреч с его жителями, мы собирались в храме за столом и обменивались впечатлениями, записями бесед и болтали обо всем. Как-то Ян Ци-юнь, обегав все книжные магазины и старые лавки букинистов, достал старинную книгу «История Шаосина», неизвестно когда отпечатанную. С сожалением он сообщил, что книжная лавка «Можунь тан», в которой любил бывать Лу Синь, в последние дни гоминьдановского режима разорилась и закрылась. Пришел Фу Ши-чан, работник местного отделения Общества китайско-советской дружбы, разместившегося в Синьтаймыне. Он немного говорил по-русски и успел рассказать мне, что шаосинцы мало знают об СССР, но очень хотят знать больше, и что на меня прохожие показывают пальцем как на первого советского человека в их городе. С ним пришел молодой крестьянин, очень подвижной и энергичный.

— Вот познакомьтесь,— отрекомендовал Фу Ши-чан,— это товарищ Чжан-гуй, внук Жунь-ту и сын Шуй-шэна, о которых писал Лу Синь в рассказе «Родина»¹¹.

¹¹ Русский перевод названия рассказа «Гусян» как «Родное село», по-моему, неверен. Лу Синь. Родное село. Собр. соч. Т. 1. М., 1954, «Гусян» означает «Родина, родные места» (см. «Китайско-русский словарь» (под ред. проф. И. М. Ошанина, М., 1952, стр. 577). Гусян — родина, следует понимать в смысле место рождения, родные края. Первый иероглиф «гу» значит причина, повод, старый, прежний, бывший, привычный, родной. Второй иероглиф «сян» в разные времена означал низовую административную единицу в деревенской местности: деревня, село, волость, поселок, в общем деревенская местность. Село по-китайски сянциунь (деревенское поселение) или цзянсян (место, откуда происходит семья). Синонимами гусян являются гуту (родная земля) и цзясян (место, откуда происходит семья). Не случайно в словообразовании тун сян — земляк, использованы иероглифы тун (общий, одинаковый) и сян (деревенская местность — не обязательно село). Земляком (тунсян) пекинец называет пекинца, шанхаец — шанхайца, кантонец — кантонца и т. д., но это вовсе не значит, что они из одного села. Город Шаосин, о котором идет речь в рассказе, в древние времена был столицей царства Юэ и на протяжении больше полутора тысяч лет селом никогда не был. Когда Лу Синь писал рассказ, там было около ста тысяч жителей.

Помню, в 1944 г. я редактировал первый вариант перевода Л. Д. Позднеевой для сборника Гослитиздата «Избранное», и ни я, ни издательские редакторы не смогли убедить ее в том, что название рассказа переведено неверно. Она настояла на заглавии «Родное село» и отвергла правильное название рассказа «Родина», опасаясь, что читатель поймет в смысле «отечество». В 1971 г. появился новый перевод В. Сухорукова под названием «Родина». См. Лу Синь. Повести и рассказы. Библиотека всемирной литературы. М., 1971.

Понятно, молодой Чжан-гуй не мог ничего рассказать о Лу Синя. Его дед Жунь-ту умер двадцать лет назад, сам он живет в деревне Дапуцунь на берегу моря. Перед нами стоял один из потомков героев Лу Синя, о которых писатель говорил: «Они должны жить новой жизнью, которой мы не знали». Пророческие слова сегодня стали действительностью. Мы интересовались старым Шаосином, но в нем уже была совсем новая жизнь. Это было бурное время крушения и ломки старого общества. Прошел первый год после образования Китайской Народной Республики, только что начинали пробиваться ростки нового, Народного Китая. Писателя, как и прототипов его героев, уже не было в живых. Они не дожили до великого национального освобождения и уничтожения феодального землевладения — основы всех зол и несчастий своего народа, но исполнились пророческие слова писателя-революционера Лу Синя о незримой высокой стене, разделяющей людей, которая исчезнет, и о детях, которые должны жить новой жизнью. Мечта, по словам писателя, как дорога, которую прокладывают люди на земле, стала действительностью. Примерно через год я снова побывал в районе Шаосина и видел, как внук Жунь-ту вместе с другими крестьянами отбирали землю у феодалов-помещиков, осуществляли великий плебейский передел земли. Ради одного этого имело смысл совершить поездку на родину Лу Синя.

На этом моя поездка на родину Лу Синя вместе с китайскими лусиноведами закончилась. На память о ней в вагоне поезда поэт Сунь Юн написал в моем блокноте переведенные им строки Гёте:

Чтобы понять писателя вполне,
Надо побывать на его родине.

ОЧЕРКИ И СООБЩЕНИЯ

Филиппины: надежды и проблемы

В. И. Григорович

Если бы потребовалось одной фразой определить, что такое Филиппины, можно было бы сказать: это страна контрастов и противоречий, надежд и ожиданий. Оснований для такого определения более чем достаточно дают и история, и сегодняшняя действительность этого архипелага, вытянувшегося вдоль меридиана почти на две тысячи километров на самом восточном краю Азии, за которым начинается Великий, или Тихий, океан...

* * *

Живя в Большой Маниле, часто забываешь, что находишься на острове. Манильскую бухту можно увидеть лишь на нарядном приморском бульваре Рохаса и в пролетарском районе Северного порта. Но город так велик и разбросан, настолько перенаселен и переполнен машинами, что поездка на море — почти роскошь: слишком много времени придется потратить. Поэтому можно месяцами жить в Маниле и не видеть моря. Но забыть о нем здесь нельзя. Оно присутствует всюду: в ресторанах и на рынках, в магазинах сувениров и в живописи. И не просто присутствует. Именно море во многом определяет жизненный уклад жителей этого огромного разноликого города и всего архипелага.

Филиппинцы не делают из точности культа. Эта их «национальная особенность» проявляется на каждом шагу. Если спросить местных жителей, какое количество островов образует Филиппинский архипелаг, можно услышать самые неожиданные ответы: никто не знает точно, сколько их, какая часть их населена или хотя бы имеет официальное название. Площадь примерно трети островов не превышает квадратной мили, а многие существуют... временно, в момент отлива. «Точнее было бы называть нас страной не «семи тысяч островов», шутят филиппинцы, а скажем, «страной чертовой дюжины»: ведь на долю тринадцати крупнейших островов приходится 93% всей территории страны, а два крупнейших — Лусон на севере и Минданао на юге — составляют примерно две трети всей филиппинской суши».

Свои особенности и у экономической географии страны, вызывающие бесчисленные проблемы. Прежде всего это проблема транспорта и экономических связей, то есть проблема единства филиппинского национального рынка, или экономического единства страны в целом.

Проблема коммуникаций — одна из сложнейших и первостепенных для любой развивающейся страны; экономическое развитие без дорог немыслимо, говорит сотрудник правительственного органа по вопросам планирования и развития. На Филиппинах эта проблема намного острее, чем в других странах. Помимо необходимости создания дорог на отдельных островах, а это в условиях архипелага сложнее и дороже, чем на материке, нужно каким-то образом соединить эти «самостоятельные» дороги в единую систему, то есть связать между собой хотя бы крупнейшие острова.

Филиппинский архипелаг образуют три группы островов. В первую входят Лусон — самый крупный остров архипелага, на котором расположена Большая Манила, и прилегающие к нему тысячи островов и островков на севере. Это — наиболее развитая в промышленном и сельскохозяйственном отношении часть страны. На острове находится единственная в стране железная дорога. Но даже на Лусоне дорог мало, они, как правило, плохи и перегружены. Во многие северные и северо-восточные части острова невозможно попасть ни поездом, ни машиной. Здесь и сейчас живут племена, которые на сотни лет отстали в развитии от манильцев.

В другую входят второй по величине остров — Минданао и архипелаг Сулу с прилегающими к ним множеством островов на юге. Это — наиболее богатая потенциально и наименее развитая в экономическом отношении часть страны. На Минданао есть места, куда, вероятно, до сих пор не ступала нога современника. Именно здесь несколько лет назад было обнаружено племя тасадаев, живущее в каменном веке. Дороги здесь — одна из самых острых проблем.

Наконец, третья группа островов — средняя, или Висайская. В ней два острова — расположенные рядом Самар и Лейте — были недавно соединены мостом («вторым по

длине в Азии», — с гордостью подчеркивают филиппинцы). Эта часть архипелага заселена давно и густо, но и здесь о дорогах можно говорить лишь как о проблеме. Такие крупные острова этой группы, как Панай, Негрос, Себу и Боколь, соединить мостами и дорогами вообще едва ли удастся. Это касается и островов Миандоро и Палаван.

Правда, на Лусоне с японской помощью ведется строительство «сквозной дороги», которая должна будет пройти с севера на юг по территории нескольких крупных островов и соединить все три части архипелага. Но как соединить отдельные участки этой дороги в непрерывную магистраль — данный вопрос остается открытым; на сегодняшний день строить мосты через широкие и глубокие морские проливы не под силу ни экономически, ни технически даже развитым странам.

Что касается авиасвязи, последняя развита на Филиппинах слабо. Не хватает самолетов, аэродромов, квалифицированных кадров, дорого обходится импортное горючее. Учитывая, что это самый дорогой вид транспорта, для небогатой развивающейся страны авиасвязь в буквальном смысле — роскошь. В настоящее время она существует между считанными островами.

Остается связь по морю. Но сегодняшняя морская связь — опять-таки современные дорожные корабли, которых в стране единицы, причалы, портовые и навигационные сооружения, складские помещения. На Филиппинах их нужно строить заново. Все это — время и огромные деньги. В итоге большинство островов архипелага и сегодня соединены между собой главным образом с помощью нехитрой парусной лодки — винты так же, как это было сотни лет назад.

Конечно, не следует преувеличивать значения географической среды в развитии того или иного народа, подчиняющемся объективным закономерностям. Но недооценивать это влияние на Филиппинах — значит во многом не понять проблем и характера страны.

* * *

Представляясь иностранцу, житель архипелага с гордостью скажет, что он — филиппинец. В литературе и печати существуют своего рода общенациональные имена, которыми филиппинцы называют сами себя: «тао», что переводится примерно как «простой человек», «крестьянин», и «Хуан де ля Крус» — собирательное имя «среднего филиппинца». Но когда два филиппинца встречаются впервые, они, как правило, прежде всего выясняют, кто они и откуда родом, при условии, конечно, если с первых слов находят общий язык в прямом смысле. Чаще всего таковым оказывается английский, им может быть тагальский или один из висайских диалектов. Но вполне может статься, что два филиппинца — особенно если они не имеют образования или живут в разных местах архипелага — не смогут понять друг друга.

Согласно разным данным, на островах проживает от 80 до 100 народностей, племен и этнических групп. Филиппинцы — выходцы из различных районов страны не схожи между собой и внешне: ростом, комплекцией, чертами лица и цветом кожи. Но главное различие между ними — все они говорят на разных языках или диалектах, которые нередко весьма далеки друг от друга.

Официально общенациональными языками являются английский и тагальский, но многие обитатели южных небольших островов не знают ни того, ни другого. Английский язык для филиппинцев — чужой, это язык колонизаторов. Он распространился в тех слоях общества, которые непосредственно общались с американцами, — главным образом в бизнесе и политике. Что касается «тао» — ему английский не нужен: с родными и соседями, с помещиком, полицейским или судьей он общается на родном ему языке или диалекте.

Тагальский язык в отличие от английского — «свой», филиппинский. Но от этого не намного легче: на нем говорит примерно 20% населения — в основном жители Большой Манилы и части Лусона, а $\frac{1}{3}$ населения страны его не знают, и для них он практически тоже «чужой». Более распространены висайские диалекты, на которых говорит почти 40% населения страны. По этой причине многие выходцы из центральной части архипелага не могут примириться с тем, что именно тагальский, а не один из висайских языков выбран в качестве общенационального средства общения. Следует, однако, сказать, что хотя висайцы — самая многочисленная народность Филиппин, сами они неоднородны в лингвистическом отношении. Выходец с Висайских островов, говорящий на себуано или масбате, иногда с трудом понимает своего «земляка», говорящего на суригао.

Языковая и этнографическая разобщенность страны порождает много мелких и крупных проблем. Так, одни филиппинские писатели и поэты пишут на английском языке, другие — на тагальском, третьи — на висайских диалектах, а есть и такие, кто все еще сохраняет верность испанскому. На каком языке должен творить филиппинец? Это лишь один из больших вопросов. Казалось бы — на любом. Но стоит заговорить на эту тему — и непременно услышишь жалобу: число читателей крайне ограничено, а это, как правило, исключает возможность издаваться. В итоге небольшие народности, прежде всего нуждающиеся в развитии культуры и образования, не могут пользоваться их плодами. Это вынуждает многих филиппинских авторов писать

на английском языке. «Но вправе ли мы назвать такого автора национальным?» — спрашивают себя филиппинцы. И многие из них с горечью говорят об одном из крупнейших современных филиппинских поэтов — Хосе Гарсии Вилье, живущем в Нью-Йорке и пишущем на английском языке, что он больше американский поэт, чем филиппинский.

Но язык не только литература. На Филиппинах до недавнего времени существовало большое число газет, журналов, радио и телевизионных станций. Газеты выходили на нескольких языках, но из числа крупнейших только четыре — на местных, в то время как на английском было 8 наименований, которые по тиражу и влиянию являлись основными органами печати. Примерно так же обстояло дело на радио и телевидении. После введения в стране военного положения в Маниле выходят три крупные газеты, претендующие называться общенациональными. Все они — на английском языке. Лишь небольшая манильская «вечерка» имеет тагальский вариант. Незначительным тиражом выходит газета на китайском языке. Основная же масса населения, особенно сельского, практически не имеет возможности читать из-за языкового барьера, не говоря уже о низкой грамотности, об относительной дороговизне периодики, об ограниченных возможностях доставки прессы во многие районы страны. Правда, в ряде городов и провинций выходят местные газеты — 2—4 небольшие странички местных новостей и объявлений, но опять-таки, как правило, на английском языке. В итоге даже «образованное» население имеет смутное представление о том, что происходит в стране, а тем более в мире.

Многоплеменность является одной из причин отсутствия на Филиппинах единой национальной культуры. Нелегко обстоят дела также со школой и образованием. К сложным аспектам этой проблемы добавляется еще один больной вопрос: на каком языке учить детей? Для многих филиппинцев образование вообще труднодоступно, обучение же на языке, которого они не знают, — цель почти не достижимая.

Словом, проблемы, вытекающие из многоязычности страны, требуют безотлагательного решения. Пока государственная политика в этой сфере концентрируется на идее постепенного насаждения нового языка — так называемого пилипино. По замыслу новый язык должен основываться на тагальском и вобрать в себя прижившиеся слова и термины других местных языков и диалектов, английского, а также сохранившиеся вкрапления испанского языка. И хотя «оптимисты» уже сейчас называют тагальский язык не иначе как пилипино, справедливости ради следует признать, что попытки искусственного приживания этого «филиппинского эсперанто» пока не принесли ощутимого успеха. «Язык декретом не создашь», — утверждают «пессимисты». А тем временем указом президента республики с 1975 учебного года, начавшегося, как это принято на Филиппинах, в июле с приходом освежающего сезона дождей, тагальский и английский языки введены в качестве обязательных предметов во всех начальных школах.

«Регионализм», как называют это явление филиппинцы, сказывается не только во внешних чертах жителей архипелага и в различии их языков. Его глубокая печать лежит на всем укладе жизни филиппинцев — на их быте, традициях, обычаях и даже манерах. Так, у христиан (а 90% филиппинцев — католики), как и положено по христианским обычаям, имя и фамилия даются раз и навсегда: менять их в принципе нельзя. Зато у живущего где-нибудь в провинции Катобато, на Минданао, мусульманина — моро — может быть и пять и шесть имен. Их можно и менять. Достаточной причиной может служить мнение, что прежние имена не принесли владельцу счастья. Не менее серьезный повод — болезнь, ибо считается, что новое имя предохранит от подобных заболеваний в будущем.

И лишь одна страсть присуща, пожалуй, в равной мере всем филиппинцам, независимо от их происхождения, места жительства, языка или религии, — это любовь к петушиным боям. Петушиные бои — национальный вид «спорта» и повальная «болезнь» филиппинцев. «Тао» без колебаний ставит свое последнее песо на любимого, пусть даже не своего петуха в надежде выиграть. Но он не будет особенно переживать, если и проиграт. Ведь пойти на петушиный бой и принять участие в игре — едва ли не единственное развлечение, доступное ему.

* * *

По численности населения Филиппины вышли на 14—16-е место в мире. Еще 20—25 лет назад население страны приближалось к 20 млн. По последним данным, оно перевалило за 43 млн. «Взрыв народонаселения» — одна из модных тем в кругах филиппинской общественности и в печати. «Эксперты» бьют тревогу. Встревожены официальные власти.

Если не обуздать нынешние темпы прироста населения, превышающие 3% в год, то к 1995 г. число филиппинцев удвоится и достигнет 80 млн., предупреждает заместитель министра образования и культуры А. Албаракни. Это катастрофа. Тогда никакие реформы и программы экономического развития не помогут нашей небольшой стране одолеть проблемы, с которыми мы не справляемся уже сейчас — при 40 млн.

Таких проблем, как уточняют местные специалисты, много. Но главное: в стране не хватает «культурных земель», работы, жилья. Все более острый характер приобретает продовольственный кризис. Специалисты утверждают, что решать эти проблемы следует прежде всего путем снижения темпов прироста населения. С этой целью власти разработали и сейчас пытаются реализовать «срочную» программу «контроля за рождаемостью» и «планирования семьи». Для подготовки условий ее осуществления в школах вводится специальный предмет, посвященный «проблемам народонаселения», на местах создаются консультации и медицинские пункты, ведется соответствующая кампания средствами массовой информации.

Но, как известно, проблема «перенаселения» поставлена некоторыми социологами с ног на голову. В самом деле, Филиппины по территории не такая уж маленькая страна. Площадь архипелага превосходит по размерам, например, территорию Великобритании, которая, как известно, не знает проблемы абсолютного перенаселения. Филиппины не могут быть отнесены даже к числу густонаселенных. Плотность ее населения в полтора раза ниже, чем в той же Великобритании.

Огромные территории Филиппин и по сегодняшний день не освоены, а большие площади, принадлежащие частным лицам, либо никак не используются, оставаясь «мертвым богатством», либо эксплуатируются их владельцами в целях личного обогащения, в ущерб интересам страны и населения. Проблема нехватки земли на Филиппинах, как и многие другие проблемы, — это не следствие перенаселения, а прежде всего результат существующей системы землевладения. Это проблема не демографическая, а социальная, порожаемая господствующей в стране системой распределения, или, говоря иными словами, существующими отношениями собственности.

Вот лишь один пример. На островах имеется по крайней мере 10 млн. га пригодных для обработки земель, а при условии мелиорации — 20 млн. Используется на сегодняшний день 5 млн. га. Большая часть используемых земель — это крупные латифундии и плантации, специализирующиеся на выращивании сахарного тростника, бананов и ананасов, кокосовых орехов и табака, идущих на экспорт.

Экспорт плантационной сельскохозяйственной продукции обеспечивает поступление необходимой стране иностранной валюты, заявляют местные экономисты, чиновники и владельцы плантаций.

Это, конечно, так. Но парадокс заключается в том, что значительная часть этой «необходимой стране иностранной валюты» тратится на закупку за рубежом риса и других продовольственных продуктов, которые при другом профиле сельского хозяйства Филиппины сами могли бы продавать на внешних рынках, как это и было в прошлом. Так, подобно галльскому петуху, Филиппины не могут выйти из заколдованного мелового круга, которым обвели сами себя. Отказ от подобной практики дал бы стране возможность избавиться от многих «головных болей», в том числе таких, как поиски внешних рынков, зависимость от капризов мировых цен, нехватка земли и продовольствия и т. д. Но одновременно крупные плантаторы и латифундисты, оптовики и прочие «посредники» лишились бы возможности наживать баснословные личные состояния. А это уже социальная проблема, которая может быть решена лишь радикально и в общенациональном масштабе.

А пока крестьянство, составляющее на сегодняшний день большинство населения страны, задыхается без земли, без риса, без работы. Миллионы земледельцев либо вовсе не имеют наделов и вынуждены батрачить на крупных латифундиях и плантациях, либо десятилетиями арендуют крохотные участки земли у крупных и мелких помещиков, выплачивая им в качестве арендной платы от половины до трех четвертей урожая натурой. Именно сюда, в отсталую, полуфеодалную филиппинскую деревню, уходят корни одного из самых серьезных и болезнетворных социальных противоречий страны — проблемы скрытой, относительной перенаселенности, которая поразила все филиппинское общество, но особенно уродливые формы приобрела в крупнейшем и ведущем городе страны, ее гордости и ее позоре — Большой Маниле.

Большая Манила — это примерно два с половиной десятка смежных городов (включая собственно Манилу) и муниципалитетов, расплзшихся на десятки квадратных километров во все стороны от огромной Манильской бухты. Население этого супергорода вместе с административно не входящими в него, но вплотную примыкающими бесчисленными городками и населенными пунктами Южного Лусона составляет едва ли не 20% всех жителей Филиппин. Большая Манила и ее окрестности — это мозг и сердце страны. В ее границах расположена официальная филиппинская столица — город Кесон и президентский дворец Малаканьян. В Маниле сосредоточен громоздкий государственный, политический пропагандистский аппарат; сконцентрированы промышленные предприятия и торговые центры страны, ее банки и компании, а также университеты, колледжи, культурные и медицинские учреждения. Большая Манила напоминает непропорционально большую голову на небольшом и слабо развитом теле.

Большая Манила является средоточием редких социальных контрастов и противоречий, которые разъединяют не только людей. Невидимой, но непроходимой границей

они разделили на белые и черные клетки сам город. Новый, дорогой и изящный, район Макати, с его вызывающе богатыми частными дворцами, бассейнами и «собственной» полицией, закрытыми привилегированными клубами и американскими торговыми центрами, отделен от трущоб бедняков Тондо и Северного порта такой же глубокой пропастью, какая отделяет миллиардера от нищего, просящего на улице милостыню. В Большой Маниле сосредоточена $\frac{1}{3}$ всего городского населения страны и основная масса безработных, число которых превышает 10% всего трудоспособного населения страны.

* * *

Живя в Маниле, можно часто наблюдать однообразную, но не перестающую волновать картину. В сердце так называемого «туристского пояса» и рядом с парком им. Хосе Рисаля, с трибун которого президент республики принимает военные парады и произносит свои речи по особенно торжественным случаям, в мелкую Манильскую бухту вдается намытый из морского песка полуостров. На нем, отгороженное от шумного и дымного города, утопает в зелени белое ажурное здание, одно из красивейших в городе. В узких воротах день и ночь дежурят военные патрули: белые каски и португезы, автоматические винтовки со штыками-кинжалами. От ворот вдоль ограды тянется длинная вереница уставших от зноя и ожидания, терпеливых и покорных людей. Стоя, сидя, а то и лежа в тени забора или пальм, часами ждут они, когда очередной группе ожидающих будет разрешено пройти в ворота. Отгороженное от города здание — американское посольство, а ждущие под забором люди — филиппинцы, надеющиеся получить американскую визу. Подобные очереди можно видеть в здании министерства труда, расположенном в Интрамуро — так с испанских времен называется историческая сердцевина города. Ту же картину можно наблюдать на улице Падре Фаура — в консульском отделе министерства иностранных дел, где выдаются заграничные паспорта, и у здания комиссариата иммиграции, расположенного на берегу реки Пасиг, недалеко от президентского дворца. Ныне только в США насчитывается примерно миллион филиппинцев. Многие десятки тысяч их уехали в различные страны Азии, Западной Европы и даже Африки.

Некоторые из «охотников за счастьем» надеются подзаработать за границей денег, чтобы по возвращении домой «встать на собственные ноги», открыть «свое дело». «Выбиться в люди» дома честно и без посторонней помощи практически невозможно из-за крайне низкого уровня заработной платы: установленный президентским декретом ее «обязательный минимум» минимум равен 8 песо в день, то есть примерно одному американскому доллару. Но в условиях массовой безработицы очень немногие могут рассчитывать на то, что предприниматели, особенно мелкие и средние, согласятся платить этот «обязательный минимум». Даже средние чиновники, полицейские и имеющие работу специалисты с высшим образованием получают, как правило, от 50 до 100 долл. в месяц — сумму, которой хватает на самое скромное питание, исключая даже мысленно о молоке, мясе или о яйцах.

Однако подавляющее большинство филиппинцев покидает страну не столько в надежде «выбиться в люди», сколько ради возможности найти за рубежом любую работу. Бесчисленные авантюристы и мошенники превратили нелегальную вербовку рабочей силы за рубеж в доходный бизнес, жертвами которого стали многие наивные и доверчивые люди. Выступая против нелегальной вербовки рабочей силы в другие страны, правительство официально поощряет организованную эмиграцию и принимает меры для ее развития, заключая соответствующие соглашения с другими странами.

«Во-первых, «экспорт» рабочей силы позволяет нам в какой-то степени смягчить усиливающееся давление безработицы на внутреннем рынке труда, разъясняет министр труда Блас Опле, во-вторых, филиппинцы, уезжающие за рубеж, увеличивают поступления в казну иностранной валюты, переводя деньги родным и близким».

Следует признать, что и сам министр, и другие ответственные представители властей прекрасно понимают, что такими мерами не накормишь миллионы людей, которые не всегда имеют возможность купить себе рис, бананы и дешевые овощи, составляющие типичный рацион филиппинца. Никак не решая проблемы безработицы и голода по существу, политика поощрения экспорта рабочей силы чревата, однако, весьма отрицательными последствиями, которые болезненно дают о себе знать уже сегодня, но еще серьезнее проявятся в будущем.

* * *

Филиппины, вероятно, как никакая другая страна, раздроблены во всех отношениях — и географически, и лингвистически, и даже религиозно, хотя принято считать, что эта христианская страна — «бастион» католицизма в Азии. И все же не эта раздробленность определяет в наши дни лицо страны, не она порождает ее самые глубокие и животрепещущие проблемы. Филиппинское общество расколото глубокой экономической и социальной пропастью, которая, с одной стороны, противопоставила

десятки миллионов нищих и бесправных городских и сельских тружеников безумно богатой и всевластной горстке «избранных», принадлежащей к так называемой элите, а с другой — и поныне делит страну на фактически все еще феодальную деревню и на быстро развивающийся по капиталистическому пути город.

Социальная и экономическая структура современного филиппинского общества своими глубокими корнями уходит в феодальную экономику Испании XVI в. Конкистадоры насильственно переносили на филиппинскую почву вместе со своей религией и свои порядки. В конце XIX — начале XX в. место Испании занял «молодой империалистический хищник» — Соединенные Штаты Америки, подбирившийся к лакомого «азиатскому пирогу». За время полувекового «законного» колониального господства на Филиппинах американцы соединили оставленный Испанией феодальный уклад с так называемым «свободным предпринимательством». Место испанских вельмож заняли хозяева американских монополий и их агента — филиппинские помещики и компрадоры. В ходе однобокого, «экспортного» развития филиппинской экономики в стране быстро образовалась пропасть между местной элитой, составляющей ничтожный процент населения, но сосредоточившей в своих руках неограниченные богатства и политическую власть, и многомиллионными массами нищих крестьян, опутанных «вечными», неоплатными долгами арендаторов, а также быстро увеличивающейся армией наемных трудящихся в городах и деревне.

В годы второй мировой войны филиппинский народ, покинутый американскими «покровителями», мужественно боролся против японских оккупантов. Он рассчитывал, что после победы его жизнь изменится в лучшую сторону. Но эти надежды не оправдались. О тех годах филиппинский журналист Эрнандо Абайя писал в своей книге «Предательство на Филиппинах»: «Теперь, когда японцев уже нет, а помещики вернулись в свои поместья, крестьянин, отразивший нападение японцев и завоевавший в этой борьбе свою свободу, оказался в том же положении, в каком он был и до прихода японцев... Он... опять скован цепями старого порядка»¹. Так, Соединенные Штаты во второй раз за полвека украли у филиппинского народа его победу, чтобы затем «великодушно подарить» ему такую «независимость», которая была выгодна им самим.

В 1946 г., в канун получения Филиппинами формальной независимости, М. Roxas признал, что страна стояла перед необходимостью накормить голодных и оказать помощь больным, объявить войну инфляции и безработице, решить жилищную проблему, которая, как он выразился, для большинства граждан носила скандальный характер, искоренить порочную систему отношений, которыми были опутаны безземельные крестьяне и арендаторы, и, наконец, осуществить индустриализацию². Это признание зафиксировало ту степень деградации, до какой довела страну американские «благотетели», считавшие Филиппины собственной вотчиной. Оно может также служить своего рода «точкой отсчета» для тех изменений, которые произошли в стране в последующие десятилетия. Что касается политики Roxasa и ему подобных — все их усилия на деле были направлены не на то, чтобы вытащить страну из глубокой ямы, в которую ее столкнули Соединенные Штаты, а на то, чтобы в угоду США сохранить существующее положение вещей. Стоявшие перед страной острые социальные и экономические проблемы с годами не только не находили решения, но, напротив, становились все более гипертрофированными и болезненными.

Преемник Roxasa на посту президента в своей речи «по поводу вступления» пообещал: «Следующие четыре года будут годами позитивного труда и успехов». А еще четыре года спустя его преемник, и в такой же речи, поклялся, что он, наконец, «улучшит условия жизни всех филиппинцев, как жителей деревни и заброшенных сельских районов, так и рабочих, живущих в городах и промышленных центрах»³. Менялись президенты, менялись широкообещательные «программы социальных и экономических мер», которые должны были «раз и навсегда» спасти «бастон западной свободы» в Азии от социальной и экономической деградации, а нищета, разорение, безработица продолжали усугубляться и к середине 60-х гг. достигли опасного предела. Вступая в 1965 г. в должность, нынешний президент Фердинанд Маркос заявил: «наш народ дошел до крайней точки... Я слышал плач тысяч... Я видел лицо отчаяния, видел, как выглядит голод. Я видел их в наших деревнях, хижинах и лачугах — по всей стране». «Мы переживаем кризис» — таков был его вывод⁴.

К началу 70-х гг. всем на Филиппинах было ясно, что страна нуждается в глубоких и неотложных социальных преобразованиях, особенно в сельском хозяйстве, в сфере трудовых отношений, образования, здравоохранения. Правда, многие буржуаз-

¹ Э. Абайя. Предательство на Филиппинах. М., 1948, стр. 210.

² См. At the Helm of the Nation. Inaugural addresses of the Presidents of the Philippine Republic and the Commonwealth. Manila, 1973, pp. 41—53.

³ Там же, стр. 83—90.

⁴ Там же, стр. 115—116.

ные реформы неоднократно объявлялись и ранее. Но все они так и остались на бумаге, ибо практически любая попытка наталкивалась на непреодолимое сопротивление элиты и оппозиционных сил на местах и в центре, особенно в конгрессе. Президент и правительство были бессильны что-либо сделать в условиях существовавшей системы «американской демократии». Страна была фактически неуправляемой. Дело дошло до того, что, например, для сохранения в деревне полуфеодалальных форм землевладения и землепользования помещичья олигархия обзавелась собственными «частными армиями». С помощью вооруженных наемников, а их число по всей стране достигало нескольких десятков тысяч человек и превысило численность филиппинской армии и полиции, помещики терроризировали не только крестьян, но и всех, кто был неугоден им.

В обстановке анархии, гангстеризма и повальной коррупции официальная оппозиция властям поставила себе на службу так называемую «Филиппинскую компартию идей Мао Цзэ-дуна», созданную в конце 1968 г. по указке из Пекина. В 1972 г. вооруженные отряды маоистской «новой народной армии» совершили ряд террористических актов в Большой Маниле и за ее пределами с целью «создания революционной ситуации».

Одновременно на острове Минданао и островах архипелага Сулу, населенных мусульманами, разгорелась вооруженная борьба — сначала между мусульманами и христианскими переселенцами, вылившаяся вскоре в столкновения мусульманских повстанцев с посланными на острова правительственными войсками. О размахе этой борьбы говорит тот факт, что за несколько лет в ней погибли тысячи людей.

В сентябре 1972 г., после попытки покушения на министра обороны Х. П. Энриле, президент Маркос ввел в стране военное положение. Действие конституции было приостановлено, а вскоре она была заменена новой. Были практически ликвидированы парламент, профсоюзы и политические партии, проведены массовые аресты противников нового режима. Армия и полиция разоружили около полутора сотен «частных армий», изъяли из частного владения свыше полумиллиона единиц огнестрельного оружия. Были закрыты старые газеты, радио- и телевизионные станции. «От привлекательной, но оказавшейся непригодной демократии американского образца, которая существовала на Филиппинах 37 лет, отказались в пользу строгого и спартанского «нового общества» — так оценило события агентство Франс Пресс.

Подавив, таким образом, оппозицию и укрепив свое положение, президент Маркос заявил, что намерен приступить к осуществлению социально-экономических реформ, и объявил программу создания в стране так называемого «нового общества».

«Сперва мы расширим наш экспорт и сократим импорт. Одновременно будем развивать иностранный туризм. Это позволит свести платежный баланс страны с положительным сальдо и создать запасы иностранной валюты, необходимые для развития страны на этом этапе. Вместе с иностранными займами мы используем эти валютные резервы на развитие инфраструктуры и проведение аграрной реформы в стране. А потом, на третьем этапе строительства «нового общества», приступим к индустриализации». Так охарактеризовал цель и существо программы создания «нового общества» один из высших чиновников новой администрации, занимавшийся в правительстве вопросами перспективного развития экономики.

Не вдаваясь в подробности декларированной президентом Маркосом «революции сверху» и не касаясь вопроса о том, как реформы осуществляются на практике, следует подчеркнуть, что объективная программа «нового общества» направлена на создание благоприятных условий для развития национального филиппинского капитала, ставит своей целью стимулирование развития в стране капиталистических отношений. Об этом прежде всего свидетельствует довольно серьезная перестройка государственного и политического аппарата и проявленная при этом решительность, последовательность и бескомпромиссность. Значительно окрепшая национальная буржуазия намерена отныне контролировать политическую власть в стране. С этой целью она без колебаний пошла на ликвидацию политического господства старой помещичье-компрадорской элиты, которая до последнего времени стояла преградой на пути любых преобразований в стране.

Важную, хотя и не самую трудную, задачу администрации Маркоса в значительной степени удалось решить: государственная машина, по крайней мере в ее верхнем звене, перестроена, фактически ликвидирована организованная оппозиция новому режиму внутри страны. В настоящее время принимаются меры по перестройке среднего и низшего звеньев государственной и политической власти. Нужно отметить, что президент встретил в широких кругах общественности не только понимание, но и значительную поддержку. Процесс перестройки пока не завершен, но он продвинулся дальше других преобразований.

Интересам национальной буржуазии отвечает и объявленное программой «нового общества» намерение установить в стране «мир и порядок», без которых, естественно, невозможно «нормальное» развитие национального капитала и укрепление существующего в стране строя. Вероятно, впервые в истории Филиппин объявлена решительная

война повальной коррупции, взяточничеству, массовой организованной преступности, клановости, вопиющей бюрократии, которые являются серьезным тормозом развития.

Укрепление и стимулирование развития капиталистических отношений являются главным содержанием реформы в области аграрных отношений. Ликвидация феодальных пережитков стала неотложной необходимостью, ибо без этого невозможно развитие капитализма в деревне, объединение и развитие национального рынка. Не случайно аграрная реформа не распространяется на крупные капиталистические латифундии, даже если их владельцы не являются сторонниками Маркоса.

Президент Маркос в своем интервью корреспонденту американского журнала «Ньюсуик» недавно следующим образом охарактеризовал значение аграрного вопроса для Филиппин: «Суть проблемы заключается в том, что экономика большинства развивающихся стран основывается на сельском хозяйстве. А раз это так — осуществление преобразований в сельских районах становится жизненно важным. Речь идет не только о доходах крестьян, но и обо всей экономике страны. Крестьяне настолько подавлены феодальной системой, что, во-первых, для них нет смысла увеличивать производство. Во-вторых, деревня не может служить рынком сбыта для продукции, производимой местной промышленностью. И в-третьих, крестьяне плодят детей, которым достается доля еще худшая, чем их отцам».

Хозяйство сегодняшнего безземельного крестьянина-арендатора зачастую носит натуральный характер. Арендатор не заинтересован в увеличении производства, даже если бы у него была такая возможность. И дело, конечно, не в том, что он «консервативен и ленив», как это пытаются представить зарубежные и некоторые местные «эксперты». Незаинтересованность крестьянина в увеличении и совершенствовании производства объясняется слишком высокой арендной платой и чудовищными долгами, которые поглощают все, что он может произвести сверх необходимого минимума. Цель аграрной реформы — замена малопродуктивного, тянущего сельское хозяйство вниз мелкого арендатора земельным собственником, который станет поставщиком продовольствия и сырья на местные рынки и в то же время перспективным покупателем товаров национальной промышленности.

Казалось бы, земельная реформа должна встретить поддержку в деревне, исключая помещиков, против которых она направлена. Но, как показывает жизнь, проведение ее натолкнулось на «неожиданные» и весьма серьезные трудности. Не в малой степени это объясняется сильными клановыми традициями, характерными для филиппинского общества вообще, а для деревни — особенно, которыми умело пользуются в своих интересах помещики и крупные землевладельцы. Однако более глубокая причина трудностей в проведении аграрной реформы заложена в ней самой — в ее куцей и неглубоком характере: во-первых, географически она распространяется не на всю территорию страны и касается только земель, на которых выращивается рис и кукуруза; во-вторых реформа предусматривает выкуп земель у помещиков и продажу наделов арендаторам, которые должны будут выплачивать их стоимость правительству в течение 15 лет. «Новый фермер», как его уже сейчас называет печать, может рассчитывать на необходимую ему финансовую помощь от специальных сельских банков, но только под залог своей собственности, которой у многих просто нет. Кроме того, он обязан вступить в кооператив, где его права также будут зависеть от размеров собственности. Такое «решение» аграрного вопроса вполне устраивает национальную буржуазию и более крупных собственников в деревне, но оно не привлекает крестьянина-бедняка.

Интересам национальной буржуазии подчинены также реформы в области трудовых отношений, образования и здравоохранения. Их цель — построить отношения между трудом и капиталом на основе «классового мира» путем сотрудничества предпринимателей, контролируемых представителями профсоюзов и правительства и, в случае необходимости, принудительного арбитража. Реформа в области образования, по существу, направлена на подчинение учебных программ в государственных школах и вузах интересам и потребностям национального капитала. Что касается здравоохранения, то реформа его необходима, ибо при существующем ныне в стране высоком уровне ранней смертности, широком распространении социальных болезней и недоступности для большинства филиппинцев медицинского обслуживания нельзя рассчитывать на повышение производительности труда в местной промышленности.

Программа «нового общества» предусматривает также создание условий для выхода национального филиппинского капитала на мировой рынок. Это предполагает необходимость отказа от односторонней ориентации в области внешней политики и внешнеэкономических связей. В последние годы заметно активизировались и расширились торговые и экономические связи Филиппин с Японией, странами Западной Европы, и особенно с соседними странами — членами АСЕАН. Однако страну прежде всего волнует проблема филиппино-американских экономических отношений.

До последнего времени экономические отношения между Филиппинами и США регламентировались невыгодными для филиппинцев неравноправными соглашениями, навязанными Соединенными Штатами «в обмен» за предоставление Филиппинам политической независимости. Так, суть соглашения Лэнгли — Лауреля, срок действия

которого истек в 1974 г., сводилась к тому, что «в обмен» на некоторые, весьма ограниченные привилегии филиппинским товарам на американском рынке (так называемые «квоты» на продажу сахара в США по более высоким по сравнению с мировыми ценам, что давало филиппинским «сахарным баронам» возможность баснословного личного обогащения) внутренний рынок Филиппин фактически бесконтрольно эксплуатировался американскими монополиями.

Такого рода неокOLONиальные отношения фактически блокировали развитие национального филиппинского капитала. Будучи не в состоянии конкурировать с США «на равных» даже на собственном рынке, он должен был в лучшем случае довольствоваться ролью «младшего партнера» и поставщика дешевого сырья. Такие грабительские отношения вполне устраивали горстку компрадоров и старую элиту, но именно они предопределили остроту и непримиримость противоречия между «нуворишами» и старой элитой, которую не могли понять многие иностранные и филиппинские комментаторы. Массовые аресты «оппозиционеров», изъятие их собственности, контроль государства и военных над деятельностью «подозрительных» местных и иностранных компаний — все эти шаги администрации Маркоса после введения военного положения были беспрецедентными для Филиппин.

Было бы, однако, заблуждением думать, что Филиппины хотя бы сейчас порвать или ослабить свои экономические связи с Соединенными Штатами. Напротив, они надеются не только сохранить их, но и расширить. Об этом не устает повторять президент Маркос. Новая администрация делает все от нее зависящее, чтобы привлечь в страну американский капитал, американские товары и компании, расширять торговлю с США и получать пресловутую «американскую помощь». Более того, создатели «нового общества», как и старая элита, рассчитывают на сохранение военного присутствия США на Филиппинах, сомнения в чем не осталось после недавних переговоров по этому вопросу между двумя странами и последовавших затем заявлений президента и министра иностранных дел Филиппин.

Но сегодняшние Филиппины хотят, чтобы тесные экономические и политические отношения между двумя странами впредь строились на новой, «равноправной» основе, чтобы хозяином на местном рынке был филиппинский капитал. Они хотели бы «войти в долю» с монополиями США и на этой основе развивать национальную экономику в направлении, выгодном для филиппинского капитала, требуют «справедливого» дележа прибылей, а не обогащения доллара и горстки компрадоров за счет грабежа филиппинского рынка и национального капитала.

Стремление Филиппин освободиться от пагубной для страны односторонней экономической ориентации поставило Манилу перед необходимостью отказа от внешнеполитической самоизоляции, в которой страна находилась в течение последних десятилетий. Такой курс привел страну к тому, что она оказалась в одной компании с такими однозными режимами, как тайваньский, южнокорейский и южновьетнамский. После героической победы народов трех стран Индокитая стало очевидным, что такая внешнеполитическая ориентация Филиппин не может рассчитывать на понимание ни внутри страны, ни за ее пределами. Филиппины поддержали инициативу о роспуске агрессивного блока СЕАТО, который вскоре вынужден был объявить о своем банкротстве, и решительно становятся на путь осуществления более независимого внешнеполитического курса. В течение последних лет президент Маркос неоднократно заявлял о намерении пересмотреть внешнюю политику страны. После введения военного положения он приступил к осторожному, но довольно последовательному осуществлению своих обещаний.

Министр иностранных дел Филиппин Карлос Ромуло в одном из недавних выступлений следующим образом «сгруппировал» главные цели «нового курса» Филиппин в области внешней политики. Во-первых, это «диверсификация рынков сырья» и одновременно поиски новых рынков сбыта для филиппинских товаров. Во-вторых, использование регионализма «как средства, способствующего национальному развитию», особенно в тех ситуациях, когда страна не в состоянии справиться с возникающими проблемами сама. Наконец, нормализация и расширение отношений с социалистическими странами и «третьим миром», причем, как подчеркнул Ромуло, «не только в целях развития экономики, но и по политическим причинам и соображениям безопасности».

Правительство Маркоса сделало серьезные шаги в направлении налаживания политических, экономических и культурных отношений с социалистическими странами. Достаточно напомнить, что Филиппины уже установили дипломатические отношения почти со всеми социалистическими странами Европы и Азии, включая Монгольскую Народную Республику, Демократическую Республику Вьетнам, а также Кубу.

Все более регулярный характер принимают филиппино-советские культурные и торгово-экономические контакты. В 1972 г. СССР посетила супруга президента Филиппин. Создано общество дружбы «Филиппины — СССР», почетным председателем которого является госпожа Маркос. В конце 1974 г. между обществами дружбы двух стран было подписано соглашение о культурном сотрудничестве.

Поворотным пунктом советско-филиппинских отношений явился состоявшийся не-

давно официальный визит в нашу страну президента Республики Филиппины Фердинанда Э. Маркоса и его супруги, губернатора Манилы Имельды Маркос.

Визит президента Маркоса в Советский Союз был первым посещением Советского Союза высоким филиппинским государственным деятелем, и уже в силу этого он стал знаменательным событием в отношениях между двумя странами. Однако значение этого визита выходит за рамки такой оценки. Главным итогом посещения президентом Маркосом Советского Союза явилось опубликование совместного коммюнике об установлении дипломатических отношений между Союзом Советских Социалистических Республик и Республикой Филиппины. В коммюнике выражена уверенность обеих сторон в том, что установление дипломатических отношений отвечает интересам обеих стран и будет способствовать укреплению международного сотрудничества и всеобщего мира. Отныне, как это подчеркивается в совместном коммюнике, отношения между СССР и Филиппинами будут основываться на устойчивом фундаменте принципов мирного сосуществования⁵.

Во время пребывания филиппинских гостей состоялись официальные советско-филиппинские переговоры, в ходе которых были обсуждены вопросы советско-филиппинских отношений и перспективы их развития, а также некоторые актуальные международные проблемы, представляющие взаимный интерес. В итоге было опубликовано совместное советско-филиппинское заявление. 2 июня 1976 г. в Большом Кремлевском дворце состоялось подписание советско-филиппинских документов, в том числе торгового соглашения, которое предусматривает расширение торговли между двумя странами на равноправной и взаимовыгодной основе. Обе стороны высказались за налаживание научно-технического сотрудничества, подчеркнули важность культурного обмена и согласились поощрять его, равно как и обмен в области образования и спорта.

Успех переговоров был предопределен тем фактом, что они проходили в период заметных положительных сдвигов в мире, в условиях, когда характерными чертами современной международной жизни стали разрядка напряженности, утверждение принципов мирного сосуществования в отношениях между государствами с различным социальным строем. Эти позитивные перемены, особенно заметные в Европе, несомненно могут быть использованы и в интересах упрочения мира и безопасности в Азии для процветания и счастья народов этого континента.

Отметив во время пребывания в СССР, что Филиппины приветствуют мирное сосуществование и дух разрядки, которые направлены на уменьшение напряженности между великими державами в качестве предпосылки для обеспечения всеобщего мира и международной безопасности, президент Маркос, в частности, заявил: «Приветствуя разрядку, мы убеждены в том, что для того, чтобы она стала действительно эффективной, ее необходимо распространить на все районы мира, поскольку на нашей небольшой планете разрядка, как и сам мир, неделима. Она не может быть выборочной, поскольку напряженность в каком-либо районе мира может легко разрушить хрупкое построение мира. Следовательно, разрядка должна распространяться на Азию не в меньшей мере, чем на Европу, Ближний Восток, Латинскую Америку и Африку. Мы верим, что Советский Союз внесет свой вклад в достижение этой цели»⁶.

В совместном заявлении обе стороны высказались также за принятие действенных мер к прекращению гонки вооружений и осуществлению всеобщего и полного разоружения; они подтвердили свою солидарность с народами, борющимися против империализма и колониализма во всех их формах и проявлениях.

Визит президента Маркоса в СССР, установление дипломатических отношений между двумя странами и подписание ряда важных документов, заложивших основу дальнейшему развитию отношений между народами обеих стран, были с одобрением встречены, как это явствует из филиппинской печати, самыми широкими кругами обществественности Филиппин.

Проведение внешнеполитического курса, который позволит Филиппинам утвердить свою самостоятельность на международной арене, встречает широкое одобрение и за пределами страны. Критический пересмотр не оправдавшей себя односторонней внешнеполитической и внешнеэкономической ориентации позволит стране найти наконец верный путь обеспечения своей безопасности и утверждения себя как независимого и полноправного члена сообщества государств Юго-Восточной Азии.

⁵ См. «Правда», 8.VI.1976.

⁶ «Правда», 1.VI.1976.

Китайская деревня прежде и теперь

(к 80-летию со дня рождения Пэн Бая)

*А. М. Малухин,
кандидат исторических наук*

7 ноября 1927 г. была установлена первая в Китае советская власть Хайлуфэнского освобожденного района в провинции Гуандун. Председатель советского правительства Пэн Бай в своей речи на съезде советов в Хайфэне говорил: «Под ясным небом развеваются алые стяги, знаменуя путь Маркса, путь Ленина, путь Сунь Ят-сена. Повсюду красные нероглифы. Наша Красная площадь в самом деле красная от алых полотен, весь город поистине превратился в Красный Хайфэн!»

Глядите, что происходит вокруг: обездоленные, истрадавшие люди, все и каждый преисполнены чувства ликования, веселятся, поют и танцуют, точно в новогодний праздник.

А какими были эти новогодние праздники для измученных бедняков? Нет топлива, ничего нет к столу — ни риса, ни рыбы, ни свинины; нет фына денег на ладони. Сплел бедняк корзину, несет и думает, не попасться бы на глаза землевладельцу, а то сразу вырвет из рук, пустит в ход кулаки, надает пощечин. Из обоих глаз покатятся слезы и начнет бедняк просить пощады у хозяина. Вот в каком положении жили деревенские массы! При любых обстоятельствах неси арендную плату. А к концу года требование помещика становится непреклонным. Не уплатишь — «тигр проглотит», запрячут тебя в тюрьму. Крестьянину оставалось бежать и скрываться в тростнике.

Теперь не то: Хайфэн отвоеван у извечного врага, создается Советская власть, упразднены все долговые обязательства, земля передается во владение крестьянам.

Пламенный революционер-трибун рисовал перед своими слушателями — простыми тружениками картины светлого будущего, которое, как ему казалось тогда, наступит очень скоро: «можно будет крупными машинами пахать землю... в каждой волости и в каждой деревне можно будет зажечь электрические лампочки, построить водопровод, помещения для радостного отдыха, школы, читальни... Каждый наш новый год будет чем далее, тем величественнее!»

Лучшие ожидания и надежды выдающихся представителей китайского общества той поры, к каким относился и Пэн Бай, далеко еще не сбылись. Трудящимся массам пришлось целую четверть века вести политическую и вооруженную борьбу до того, как была создана Китайская Народная Республика. Им и до сих пор еще не удается в должной мере вкусить замечательных плодов победы своей многолетней революции.

Исторические социальные преобразования в деревне — аграрная реформа и кооперирование сельского хозяйства, открывшие было путь для его социалистического переустройства и развития, ныне выглядят намеренно оборванной ретроспективой. За этой минувшей «золотой порой» в жизни нынешней деревни тотчас произошел аварийный сход ее с рельсов революционных завоеваний, вызванный волюнтаристскими опытами маоистского руководства.

Китайское крестьянство опять не видит просвета в своей жизни. Прошла еще одна четверть века — уже вслед за победой народной революции, а каждый новый год открывает крестьянам все ту же отнюдь не радостную перспективу — изнурительный физический труд, полуголодное существование и бесправное положение, по сути подобно тому как было при феодальных эксплуататорах.

Осуществляемый маоистским руководством в народном хозяйстве курс «развивать сельское хозяйство как основу, а промышленность как ведущую силу» ложится главной тяжестью на крестьянские плечи. Деревня служит важнейшим источником накоплений для государства, поставляет ему предельно возможную часть своей продукции и притом во всем должна сама себя обеспечивать.

Производство же зерна в Китае на душу населения упало к 1974 г. до 268 кг против 286 кг в 1957 г. Снижение произошло в результате волюнтаристской политики маоистов, а также роста населения при незначительном увеличении посевных площадей, когда в стране остаются не распаханными 100 млн. га целинных земель. Материальное обеспечение труженика сельского хозяйства вчетверо хуже обеспечения го-

родского рабочего, получающего всего лишь 50—60 юаней в месяц¹. Беспощадно выжимая прибавочный продукт из труда рабочего, маоистский режим с еще большей жестокостью отнимает часть необходимого продукта труда крестьянина.

Китай по-прежнему крестьянская страна: более 80% его жителей — труженики сельского хозяйства, как было и полвека тому назад. Послевоенный демографический взрыв увеличил примерно в полтора раза население и городов и деревень, а соотношение масс горожан и селян осталось тем же самым.

Город не успел испытать серьезную нужду в людских ресурсах деревни: промышленный расцвет продолжался недолго, ряды рабочего класса росли за счет люмпен-пролетарских и других старых слоев городского населения. У банизации в освободившемся Китае вообще не произошло, не образовались новые города, так же как, по сути, не образовались и новые деревни. Современная карта городов и сельских районов выглядит так же, как много лет тому назад. Образно говоря, это «живая окаменелость»².

Полвека тому назад крестьяне-арендаторы, составлявшие подавляющее большинство земледельцев, отдавали помещику за аренду земли 70—80% урожая. Снижение этой платы на 25% было основным лозунгом революционного крестьянского движения, организатором и руководителем которого являлся Пэн Бай. Движение подняло огромные массы крестьянства на участие в революции 1925—1927 гг. в союзе с рабочим классом Шанхая, Кантона и других городских центров.

Теперь фактически крестьянин в Китае получает за труд для личного потребления, как и тогда при помещике, менее одной четвертой доли уродившегося зерна. При маоистском режиме урожай в деревне распределяется следующим образом: 20% его поглощает налог, 30% — обязательная «продажа излишков» кооперативом государству, более 25% уходят в «фонд общественного накопления», в «фонд общественного потребления», в «резерв», «фонд» и в «запас на случай войны и стихийных бедствий».

«Фонды» условно принадлежат народной коммуне и большой производственной бригаде. Частично они расходуются на нужды кооперативов — покупку и производство удобрений и инвентаря, строительные работы в деревне и т. п. По существу же, «основа народного хозяйства» — земледелие «развивается» исключительно за счет урезывания личного потребления земледельцев, без гроша помощи от государства.

Труженику достается от двух или трех урожаев в году всего лишь 300—350 цзиней неободранного зерна³. Этого не хватает на питание, особенно в семьях, где имеются больные или немощные старики и малые дети. Члены кооператива с трудом перебиваются, питаются бататом, овощами, лепешками из хлебных отходов и даже корой. Пищевой рацион крестьянина едва достигает 2100 калорий, при минимальной потребности 2600 калорий⁴.

Между новогодним праздником и весенним урожаем многим крестьянским семьям угрожала бы голодная смерть, если бы не действовала кабальная система продоловольственных ссуд. За них надо расплачиваться, а расплачиваться, как правило, нечем. Вот и пребывают крестьяне в вечных должниках народной коммуны, обязанных ей бесконечной отработкой на водохозяйственных стройках и подсобных предприятиях. На родине Пэн Бая — в провинции Гуандун, постоянно от одной трети до половины деревенских дворов являются «семьями должников». В его время такими же должниками, только перед помещиком, были безземельные крестьяне-арендаторы.

Пэн Бай впервые в Китае громко заявил о необходимости быстрейшей замены тяжелого физического труда крестьян машинами. Конечно, в то время еще рано было рассчитывать на быстрый переход в китайском земледелии к тракторной вспашке. Но важно то, что мысль об этом рождалась не как утопия или агитка, а как реальное представление о насущной проблеме недалекого будущего. Действительно, широкая возможность механизации сельского хозяйства в КНР открылась, когда развернулось производственное кооперирование деревни.

В 1955 г. даже Мао Цзэ-дун в своих двузначных «идеях» отвел место рассуждению о том, что китайской деревне необходимо «совершить скачок от мелкого хозяйства, использующего рабочий скот и мелкий сельскохозяйственный инвентарь, к крупному механизированному хозяйству, включая подъем целинных земель с переселением туда людей, осуществляемый в крупных масштабах с применением техники». На совершение такого скачка с целью повышения «очень низкого» в стране «уровня производства товарного зерна и промышленного сырья», чтобы обеспечить «дело социалистической индустриализации», требовались, по расчету Мао Цзэ-дуна, три пятилетки. Таким образом, скачок должен был к началу 70-х гг. устранить «острое про-

¹ 1 юань равен 45 копейкам.

² К. Маркс в заметке о тайпинском восстании назвал Китай «живой окаменелостью». — К. Маркс и Ф. Энгельс, т. 15, стр. 529.

³ 1 цзинь равен 500 граммам.

⁴ «Cahiers du Communisme», 1975, № 12.

тиворечие» между «уровнем производства» и «потребностями государства в этих материальных ресурсах»⁵.

Позднее оказалась в действити совершенно противоположная линия Мао Цзэ-дуна в сельском хозяйстве, когда подвергся ожесточенным нападкам Лю Шао-ци за то, что в его докладе на VIII съезде КПК в 1956 г. было подчеркнуто противоречие между характером социалистических производственных отношений в стране и устаревшим характером производительных сил, в частности в деревне. Пекинская пропаганда до сих пор клеймит Лю Шао-ци за «выступление с абсурдной теорией забегания вперед с механизацией сельского хозяйства».

Проводившийся в 1958—1959 гг. «курс трех красных знамен» надолго прервал процесс технической реконструкции сельского хозяйства КНР, начатый в первой пятилетке. Эта настоятельная проблема, наряду с другими проблемами внутреннего развития страны, оказалась заторможенной перипетиями ожесточенной борьбы за власть, происходящей в маонистском руководстве уже в течение двух десятилетий.

Между тем вопросы технической реконструкции китайского сельского хозяйства упорно выдвигает сама жизнь. Хотя в последние годы маонисты поневоле чувствуют себя озадаченными этими вопросами, в стране по-прежнему не создаются необходимые предпосылки для их решения: этой проблеме места в государственном бюджете КНР; нет современной индустриальной базы, кроме лоянского тракторного завода, созданного двадцать лет назад с помощью Советского Союза; наконец, еще не выбраны и не спроектированы типы машин и механизмов, наиболее рациональные для применения в китайских условиях. Нет даже достаточно совершенной рисопосадочной машины и вообще механизмов для работы на орошаемых полях.

Проблема роста продукции сельского хозяйства упирается не только в посевные площади, но и в развитые системы водохранилищ и водообеспечения. Необходимо гидротехническое строительство на реках Хуанхэ, Хуайхэ и Хайхэ требует 10 млрд. долл. А таких средств у китайского правительства нет, ибо его доходы поглощает создание военно-промышленного комплекса и ядерное вооружение.

Проводимая за счет крестьянства бессистемная механизация земледелия в местных масштабах сильно ограничивает самую возможность применения и появления мощных, наиболее эффективных машин. По явно завышенным данным, механизация охватывает лишь около одной четвертой части всех работ в земледелии. Это в основном полив полей из колодцев и открытых водоемов с помощью помп, тракторная вспашка, транспортировка удобрений и продукции. Одновременно на тех же угодьях широко применяется и ручной труд. Хозрасчетной единицей в кооперативах остается малая производственная бригада, поскольку сельскохозяйственный инвентарь, составляющий техническое имущество, как правило, мелкий и примитивный.

Мао Цзэ-дун в своих теоретизированиях всегда делал особую ставку на крестьянство. Официальная историография в КНР апологизирует его старые концепции о «революционной крестьянской войне» и приоритете крестьянства в классовой борьбе, приписывает Мао Цзэ-дуну роль организатора и вождя крестьянского движения в китайской революции. Таким апологизированием освещается и нынешняя ставка маонизма на крестьянство. Фактически же она реализуется как социально-экономическая политика выжимания соков из деревни под псевдореволюционными лозунгами.

Состояние дел в китайской деревне в настоящее время доказывает, что маонистский курс опоры на сельское хозяйство в КНР осуществляется не в интересах крестьянства, а вопреки им. Что же касается прошлого, то превозносимые апологетами «заслуги» Мао Цзэ-дуна в решении крестьянского вопроса никак не могут отождествляться с успешной реализацией политики партии в ходе китайской революции и с ее победой. В результате победы революции в Китае крестьяне получили землю и перестали умирать с голоду. Но конечно же, это объективно не зависело от какой бы то ни было ставки Мао Цзэ-дуна на крестьянство.

В свете нынешних юбилейных дат развертывания китайской революции в 1925—1927 гг. ярко выступает деятельность подлинного организатора и руководителя крестьянского движения в Китае Пэн Бая, осуществлявшего политику коммунистической партии в деревне. Он начал свою деятельность за 4—5 лет до того, как Мао Цзэ-дун впервые занялся вопросами крестьянского движения в качестве преподавателя на курсах организаторов этого движения в революционном Кантоне, созданных благодаря усилиям Пэн Бая.

Пэн Бай принадлежит к тому ряду исторических фигур, чья политическая биография неотделима от истории и является ее частью. Своим редким даром вождя крестьянских масс, неустанным трудом революционера, бесстрашным и самой героической гибелью он вписал в историю китайской революции славные страницы⁶.

⁵ Мао Цзэ-дун. Вопросы кооперирования в сельском хозяйстве. М., 1955, стр. 19.

⁶ О жизни и деятельности Пэн Бая см. книгу: А. М. Малухин. Пэн Бай — герой китайской революции. М., 1975.

Современные проблемы китайской деревни удивительно перекликаются с чаяниями и заботами Пэн Бая, с его пролетарским мировоззрением и энергичным поиском путей неотложного улучшения жизни крестьянства и изменения его судьбы в будущем. В этом году отмечается 80-летие со дня рождения Пэн Бая — первого и непревзойденного руководителя крестьянских масс марксистско-ленинского типа в Китае.

Родился Пэн Бай 22 октября 1896 г. Он стал изучать марксизм-ленинизм, будучи студентом Токийского университета Васеда в 1917—1920 гг., затем был слушателем Коммунистического университета трудящихся востока в Москве. Видный деятель КПК Цюй Цю-бо писал о Пэн Бая: «Вступив в Коммунистическую партию Китая в период 1920—1921 гг., он явился одним из инициаторов создания партийной организации в Гуандуне». Цюй Цю-бо вспоминал о том, как Пэн Бай в 1924 г., обнаруживая свое теоретическое превосходство перед своими товарищами по руководящей работе, настаивал на включении аграрно-крестьянского вопроса в программные установки партии: «он по сравнению с другими товарищами намного лучше понимал марксизм-ленинизм»⁷.

Созданная Пэн Баем в 1922 г. форма революционного движения в деревне — крестьянский союз — быстро приобрела жизненную силу. Крестьянские союзы охватили миллионы бедняцко-батрацких масс. На основе союзов создавались отряды крестьянской самообороны от помещичьих ополчений и разбойничьих шаек.

Еще осенью 1926 г., когда начался Северный поход Национально-революционной армии, Пэн Бай прозорливо разглядел и стал открыто разоблачать в печати изменническую тактику Чан Кай-ши, предупреждая об опасности перерождения верхушки гоминьдана после смерти Сунь Ят-сена. Он решительно руководил борьбой крестьянских союзов против поднявшей голову контрреволюции, проявляя личную храбрость в вооруженных схватках с врагами революции.

После уханьского переворота он вместе с Чжу Дэ и Чжоу Энь-лаем был в числе организаторов Наньчанского военного восстания 1 августа 1927 г. — даты рождения НОАК. Когда НОАК потерпела поражение в Гуандуне, Пэн Бай и Е Тин с частью войск пробились в уезды Хайфэн и Луфэн, поднимая там восстание. В результате одержанной победы была образована Хайлуфэнская революционная база — первая советская власть в стране.

Замечательному коммунисту было присуще стремление всегда находиться на переднем крае революции, являться первым борцом в ее начинаниях. Таким начинанием была аграрная революция в Китае — сплошная конфискация помещичьих земель. Она впервые осуществлялась в Хайлуфэне. «Богатый материал хайлуфэнской политической власти, — отмечало Политбюро ЦК КПК 3 января 1928 г., — победа ее и опыт являют собой прецедент и должны быть использованы во всех последующих крестьянских восстаниях: способы проведения восстания и сплочение солдат с массами, решительность в уничтожении помещиков и шеньши, конфискация и раздел земли, строительство Советской власти, осуществление политики Советов, создание революционной армии рабочих и крестьян, организация Советов в каждом районе и в каждой деревне, опыт партизанской войны, героическая борьба по защите революционных территорий»⁸.

* * *

На китайских железных дорогах редко увидишь дальний пассажирский поезд. В вагонах же и на перронах просторно, строгий порядок, оберегаемый жандармами. Это один из парадоксов, каких много в современной китайской действительности. Ведь на поездку требуется разрешение. Да и билет стоит недешево. В деревне все приковано к месту жительства, подобно крепостным полурабам. Самовольно оставивший место работы и жительства лишается пайка, что равносильно голодной смерти.

В январе этого года в местной печати была проведена кампания против поездок в города учащейся молодежи, высланной на жизнь в сельские местности. У разлученных семей вызывали глубокое неудовольствие опубликованные обращения «наиболее сознательных» представителей молодежи с призывами встречать Праздник весны — лунный новый год вместе с крестьянами, а не с родителями, как полагается по традиции.

Маонистская экономическая политика не только обусловила растущее противоречие между численностью населения и количеством жизненно необходимого продукта. Это трагическое следствие антинародной политики связано также с низким уровнем занятости людей и производительности их труда. В том и состоит причина принудительной высылки молодежи из перенаселенных городов, огромной массы лишних ртов, рабочих рук и свежих умов. В политическом докладе на первой сессии ВСНП 4-го созыва 13 января 1975 г. была названа цифра — около 10 млн. учащихся, высланных в горные и сельские районы. Зарубежные обозреватели и ученые считают эту цифру заниженной.

⁷ Цюй Вэй-то. Памяти Пэн Бая. (б. м.), (б. г.), стр. 6—7.

⁸ «Лиши яньцзю», 1958, № 8, стр. 10.

В деревни одной только провинции Хэйлуцзян отправлен 1 млн. молодежи из Пекина, Шанхая, Тяньцзиня и других центров. А ведь китайская деревня сама далеко не вакуум для размещения большой массы людей. Известно, что давно обжитые районы, куда в основном направляется молодежь, страдают от аграрного перенаселения. Численность трудящихся в них превышает 300 работающих на 100 га пашни, а в такой населенной стране, как Чехословакия, она составляет 17 работающих жителей.

Причина, конечно, не только экономическая, но и политическая. Молодежь, прежде всего бывшие хунвэйбины «культурной революции», — это в социально-политическом отношении взрывоопасная масса неустroенных и недовольных людей. Массу разряжают и рассредоточивают по строгой системе. Яо Вэнь-юань в статье «О социальной базе антипартийной группировки Линь Бяо» подчеркнул огромное значение, которое придается маонистами «направлению в деревню и отдаленные сельские районы большого числа молодежи»⁹.

Характер жизни и труда молодежи, посланной в районы провинции Хэйлуцзян, имеет военизированную основу. Юноши и девушки опекаются военными и кадровыми работниками — ганьбу. Только провинциальные органы послали из Харбина и других городов для этой цели в деревни более 11 тыс. ганьбу. Одна из главных задач их деятельности — «перевоспитание» молодежи. В нем принимают непосредственное участие органы общественной безопасности, которые расследуют «саботаж и преступления», связанные с посылкой молодежи в сельскую местность. Перед новогодним праздником все работники общественной безопасности были мобилизованы на проведение «месяца любви к людям», когда потребовалась особая индивидуальная опека молодых людей в связи с праздничными посещениями, попытками уехать к родным, ростом «нежелания работать» и других негативных настроений.

Юноши и девушки высылаются в деревни уже со средним образованием. Они могли бы нести в деревню грамотность, составить там немалый отряд новой интеллигенции. Однако маонистский режим не заинтересован в подобной миссии грамотной молодежи. Письма из деревень, опубликованные за рубежом, полны горьких жалоб на то, что там ценят только изнурительный физический труд, нечего читать, нет даже газет. Вся культурно-просветительная жизнь сводится к общению с полуграмотным агитатором партийной ячейки.

Как это не похоже на те начинания в просвещении крестьян, которые осуществляли первые коммунисты вместе с Пэн Баем в хайфэнских деревнях, да еще при феодальных порядках! Крестьянский союз открывал дневные и вечерние школы для детей и взрослых, библиотеки-читальни — «дома книги», устраивались громкие читки, лекции, показывались сценические представления, диапозитивы. Политическое просвещение хайфэнских крестьян дало прекрасные плоды. Это был самый боевой и стойкий отряд крестьянского движения в стране.

Пэн Бай начинал свою деятельность в деревне с таких нововведений, как открытие медпункта с аптекой, организация бесплатной акушерской помощи, распространение самых элементарных научных знаний в борьбе с болезнями. Нынче же в китайской деревне занимаются медициной «босоногие врачи». В сентябре исполняется восемь лет, как Мао Цзэ-дун утвердил обследовательский доклад «Рост «босоногих» врачей и направление революции в области медицинского образования».

По сообщению агентства Синьхуа из Шанхая от 1 апреля, только в окрестностях этого центра насчитываются 9300 «босоногих» врачей. В каждой большой производственной бригаде работают без отрыва от производства по 3—4 таких «врача». Этих специалистов готовят в течение нескольких месяцев также без отрыва от производства их более «опытные» коллеги.

Указывая на процесс обнищания деревни начала двадцатых годов, вызванный прогниванием в нее торгового капитала, Пэн Бай в своей книге «Крестьянское движение в Хайфэне» отмечал: «Прежде в деревне было немало людей, знавших грамоту и носивших обувь, а теперь уже не только не встречаются грамотные крестьяне, но и совершенно исчезли следы обуви на земле». Узаконенное название «босоногий» врач дает достоящее представление о том, какие следы людей можно видеть ныне на деревенских тропах.

Горькие параллели невольно возникают и при взгляде на жилье крестьян. В той же провинции Гуандун на плодороднейших землях уездов Чжуншань и Шуньдэ между Кантоном и Гонконгом члены производственных бригад по-прежнему живут в сырых и темных шалашах. Именно такую бедственную жизнь описывал Пэн Бай в своем песеннике для пропаганды среди крестьян:

Крыша из веток, без потолка.
Пара конур из травы сплетена.
В частые дырки светит луна.

⁹ «Хунци», 1975, № 3.

В уезде Сянь провинции Шаньси, который славится образцовым по проведению движения «в сельском хозяйстве учиться у Дачжая», за 8 лет построены тысячи пещер. В них поселены крестьянские семьи. Этот быт выдается за достижение.

Маонисты пытаются решить проблему повышения эффективности труда в сельском хозяйстве без каких-либо усилий со стороны государства и капитальных затрат. Пока эта проблема решается путем простого увеличения количества физического труда. Прибывающая в деревни молодежь, например, включается в производственные бригады. Осуществляются другие методы и формы использования труда молодежи. Насаждаются опыт Чжучжоу — промышленного города провинции Хунань. Этот метод применяется в пригородных районах. Городскую молодежь удерживают в деревне уже не сельские власти, а сам город. Предприятия и учреждения, откуда направлены юноши и девушки, осуществляют контроль за ними. Органы власти и школы прикреплены к молодежным фермам. Там постоянно находятся кадровые работники для надзора и руководства, а для передачи опыта подключаются «бедняки и низшие середняки» числом до одной трети каждой группы. К концу 1975 г. в провинции Цзянси насчитывалось 1400 таких молодежных ферм.

О том, как воспитывают молодых людей не гнушаться никаким трудом, свидетельствует такой «образец», ярко описанный радиостанцией Хубэй 24 августа 1975 г. 19-летнего юношу, имеющего среднее образование У Хуан-куана, сына военного, заставили убирать нечистоты голыми руками. «Вначале он чувствовал отвращение, — говорилось в радионформации, — но потом, изучив труды председателя Мао, он спросил себя, почему он испытывает отвращение к грязи, и ответил себе: потому что его мысли еще далеки от возвышенных мыслей бедных крестьян и низших слоев середняков».

Воспитательные меры, порождающие «подвиги» подобного рода, не в состоянии искоренить иждивенческий характер отношения к труду в навязанных условиях. Пропаганда опыта Чжучжоу все чаще упрекает молодежь в наличии таких настроений, а предприятия — в неохотном оказании помощи и уклонении.

В необжитые, отдаленные районы молодежь, как правило, не едет. Поднятие целинных массивов там предварительно требует больших капитальных вложений. Выдвинутая Мао Цзэ-дуном в 1955 г. установка о переселении масс людей на целинные земли с обеспечением обработки их машинами не осуществилась. Взамен был найден сомнительный паллиатив — расширение посевного клина путем использования «целины» на старых, обжитых местах. Этой «целиной» явились крутые горные склоны и овраги, требующие огромного труда для превращения в пашню. Так, в 1964 г. родился опыточин большой производственной бригады Дачжай, освященный девизом Мао Цзэ-дуна: «В сельском хозяйстве учиться у Дачжая». Вот уже 12 лет под этим девизом проводится в Китае непрерывная кампания, называемая маонистской пропагандой «крестьянским движением в условиях социализма».

Дачжай — горная деревня, в которой живут 83 семьи — 400 человек, составляющих все население большой производственной бригады. «Дух Дачжая» выразился в решении бригады: «три не просить» и «три не скупиться». Не просить у государства зерна, денег и материалов. Не скупиться в сдаче зерна государству, как можно меньше оставлять в фондах бригады и минимум-минимумом для личного потребления.

Метод Дачжая заключается в «изучении полей, гор, леса и оврагов» на предмет расширения за их счет посевной площади для получения всякий раз новых избытков от урожая сверх ранее запланированного. Дачжайцы спланировали и террасировали 8 крутых горных склонов и 1 пологий склон, заровняли 7 глубоких оврагов. Террасы полей площадью до 10 му увеличили примерно вдвое. Прежде было более 20 террас, каждая из которых не достигала 1 му. Они превращены в сплошной участок площадью 50 му для заправки трактором. За зиму, когда обычно производится эта реконструкция полей, дачжайцы переместили 420 тыс. м³ земли и 7,6 тыс. м³ камня. Прорыт канал длиной 7 км.

«Работа египетская» — синоним тяжелого труда рабов, соорудивших с помощью простых рычагов пирамиды фараонов, — едва ли подойдет для названия трудной и небезопасной деятельности дачжайцев, кирками обрабатывающих скалистые склоны горы Тигровая голова. Подросток Гу Лай-сяо, орудя тридцатифунтовой киркой, никак не мог отделить от скалы огромный камень. Но, увидев, как беззаветно трудится рядом старый воин Чжан Энь-дэ, которому за шестьдесят, и притом уже несколько лет он страдает болезнью желудка, подросток вспомнил призыв Мао Цзэ-дуна: «не бояться лишений, не бояться смерти», с разбега устремился с киркой на грозно свисающий камень, ударил изо всех сил, и камень поддался¹⁰.

Организаторы такой «работы египетской» дачжайцев подбадривают их повторением притчи Мао Цзэ-дуна «Юй-гун передвинул горы». Результаты же изнурительного труда многих зим в общем-то ничтожны. Прибавилось всего лишь несколько га пашни. Весь пахотный клин Дачжая составляет только 54 га. Где уж тут развернуться

¹⁰ «Дух Дачжая передается от поколения к поколению», Шэньси, 1972, стр. 19—20.

7 тракторам разного типа, которыми снабдили власти эту образцовую производственную бригаду в демонстрационных целях!¹¹

Во всем уезде Сиян, где находится Дачжай, за 6 лет при участии, по сути, всех жителей в движении Дачжая посевной клин был расширен только на 3 тыс. га. Это очень скромный итог затраты огромного труда. В районе Юйлин провинции Шэньси за 5 лет затратили 270 млн. трудодней на то, чтобы переместить корзинами на коромыслах более 700 млн. м³ земли и камня, а на каждого сельского жителя и после этого приходилось всего лишь 1,6 му пашни¹².

Маонисты безрассудно и безжалостно пользуются огромными трудовыми ресурсами страны, заставляют заниматься тяжелой, по-существу, непродуцительной работой тысяч людей там, где потребовался бы один-другой экскаватор. В Гуандуне многие тысячи крестьян строили 8 лет дамбу-акведук через пролив на небольшой остров Хайлин, чтобы проложить по нему канал для пресной воды длиной 4,6 км. А ведь вместо этого подлинно древнеримского сооружения можно было построить обыкновенный водопровод.

«Дух Дачжая» изнуряет миллионы людей физическим и психологическим перенапряжением. Прославляется как образец тот факт, что в Дачжае выходят на работу все нетрудоспособные члены семей, могущие стоять на ногах. Чтобы сохранить у женщин постоянную трудоспособность и не увеличить в деревне количество бесплодных ртов, 28 молодых крестьянок Дачжая из 66 были подвергнуты стерилизации.

Важным условием успешного освоения опыта Дачжая является неприменное участие ганду всех ступеней в труде вместе с крестьянами. Кадры уездного уровня обязаны находиться на физической работе 100 дней в году, кадры коммуны — 200 дней, и руководство производственной бригады — 300 дней, причем днем они должны трудиться со всеми, а вечером «заниматься своим делом». В ясный день у этих ганду все тело в пыли, в дождливый — в грязи¹³.

«Норма 100, 200 и 300 дней» была одобрена на состоявшемся осенью 1975 г. всекитайском совещании по распространению «опыта Дачжая в ведении классовой борьбы и опоры на собственные силы в борьбе с природой». Совещание выдвинуло задачу к 1980 г. превратить одну треть уездов страны в уезды дачжайского типа.

Пэн Бай осуществлял в 1923 г. интересный опыт облесения гор. Этой работой с большим успехом руководили крестьянские союзы. Главной целью Пэн Бай считал развитие у крестьян «общественной психологии». Была немалая конкретная польза от древонасаждения: поверхность гор меньше подвергалась размывам от дождей, уменьшалась опасность наводнений в сильные ливни. Кроме того, крестьяне могли организованно пользоваться хворостом и древесной пропорционально вложенному ими труду в посадку деревьев и уход за лесом.

В движении Дачжай всякая личная заинтересованность не только ограничивается, но даже преследуется маонистской моралью. В докладе об обследовании района Юйлин провинции Шэньси, сделанном обследовательской группой Провинциального комитета КПК, изобличается как мошенничество стремление производственной бригады зарабатывать наличные деньги и ее членов увеличивать свой доход. В докладе строго осуждается интерес крестьян к подсобным работам и своему подсобному хозяйству с целью приработка¹⁴.

В статье Янь Цюня «Как осваивать основной путь Дачжая» предписывается «не смотреть на Дачжай лишь только как на образец производства», а прежде всего помнить, что «борьба в вопросе политической линии идет не только в обществе, но и в партии, не только в отсталых отрядах, но и в авангардных»¹⁵.

В опубликованных журналом «Хунци» материалах, содержащих критику «линии Линь Бяо», а затем романа «Речные заводи», отражена серьезная обеспокоенность маонистского руководства состоянием настроений в деревне, явным недовольством кадровых работников и крестьян экономической политикой режима. Маонистам трудно противопоставить этому растущему недовольству убедительную аргументацию в пользу своей политики. Основательные попытки вести такую работу, по сути, не предпринимаются. Слова Мао Цзэ-дуна: «серьезный вопрос — просвещение крестьян» приводятся пропагандой в оправдание ее беспомощности¹⁶. Действительно, что может она противопоставить так называемым «клеветническим утверждениям Линь Бяо» о том, что «крестьяне испытывают недостаток в пище и одежде»? Невозможно опровергнуть и другое утверждение Линь Бяо — о том, что направление грамотной молодежи в сель-

¹¹ «Жэньминь хуабao», 1973, № 10.

¹² «Хунци», 1975, № 12, стр. 70.

¹³ «Жэньминь хуабao», 1973, № 10.

¹⁴ «Хунци», 1975, № 12.

¹⁵ Там же, стр. 59.

¹⁶ «Хунци», 1975, № 12, стр. 59.

ские и горные районы является «видоизмененным трудовым перевоспитанием»¹⁷, то есть разновидностью практики принудительных «школ 7 мая».

Теоретический орган маонистов бьет тревогу о процветании настроений отшельничества, элементов «буржуазного права» и «тенденций стихийного капитализма» в деревне¹⁸. Поэтому, требует журнал, «нельзя глядеть только на то, хорош ли урожай, высок ли уровень производства. Гораздо важнее обращать внимание на то, насколько правильно усвоен основной опыт Дачжая. Надо смотреть, верна ли идеолого-политическая линия». При этом маонизм требует «вести классовую борьбу год за годом, месяц за месяцем, день за днем»¹⁹.

Между китайским городом и деревней маонизмом возведена стена политической отчужденности. Нет ничего напоминающего о той смычке между городом и деревней, которая так помогла рабочим и крестьянам СССР в двадцатых годах укрепить свой союз, быстро восстановить и поднять народное хозяйство, развить советскую демократию.

Маонистский режим изолирует темную и нищую деревню не только от городских, но и от местных сельских политических центров. Несколько миль — достаточное расстояние для того, чтобы деревня была отрезана от внешнего влияния. Есть и такие деревни, «где никто не читает газет и не слушает радио, не имеет никакого представления о том, что происходит в политической жизни страны (не говоря уже о том, что происходит за границей)»²⁰.

Современная китайская деревня живет в обстановке почти натурального хозяйства, примитивного изготовления самых необходимых предметов, замкнутой торговли, в отрыве от города. Маонистский режим отбросил деревню в политическом и экономическом отношении далеко назад. Революция принесла ей великое историческое завоевание — земля обобществлена. Однако во многом ином крестьянство опять не видит просвета в жизни, как было при помещике, до революции.

Насаждаемый в деревне культ самоограничения и полуголодного самообеспечения является государственной политикой маонистского руководства. Она осуществляется как многолетний опыт ликвидации всякого попечения центральной и местной власти о судьбе крестьян, доведенный непосредственно до каждой хижинки.

Существование маонистского государства, не обремененного заботами о народе, мыслится за счет бедственной жизни народа, в особенности крестьян, составляющих подавляющую массу населения страны.

Восьмидесятилетие со дня рождения замечательного вождя революционного движения китайского крестьянства Пэн Бая, ретроспективные представления о его коммунистических идеалах, его организационной и политической деятельности в двадцатых годах выступают ярким контрастом по сравнению с той мрачной действительностью, которая существует в китайской деревне при маонистском режиме.

¹⁷ «Хунци», 1975, № 3.

¹⁸ «Хунци», 1975, № 2.

¹⁹ «Хунци», 1976, № 1, стр. 72.

²⁰ «China News Analysis», February 20, 1976, p. 7.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Надежный путь к миру и безопасности в Азии

Издательство «Наука» выпустило в свет фундаментальную монографию, посвященную одной из актуальнейших проблем современности — борьбе за мир и коллективную безопасность в Азии¹.

В последние годы и в нашей стране, и за рубежом эта тема привлекает повышенный интерес со стороны прессы, дипломатов, государственных деятелей и ученых, самых широких кругов общественности. И рецензируемая монография призвана его во многом удовлетворить. Она впервые дает систематизированное аналитическое исследование различных аспектов этой большой проблемы.

Важное достоинство работы состоит в том, что автор рассматривает проблему обеспечения безопасности в Азии в неразрывной связи с происходящим в мире процессом разрядки, на фоне общего изменения соотношения сил в мире. Обширная документация, использованная при подготовке этого труда, позволяет не только детально исследовать те принципы и организационные начала, которые могут лечь в основу коллективной безопасности в Азии, но и проследить истоки зарождения этой цели.

Такой ретроспективный обзор — не просто дань истории. Он представляется весьма важным и актуальным в связи с попытками буржуазной, а также маоистской пропаганды исказить побудительные мотивы, которыми руководствуется Советский Союз при выдвижении своей инициативы. Убедительным опровержением попыток приписать советской идее какие-то конъюнктурные соображения служат первые главы работы, где прослеживается история зарождения подлинно равноправных отношений молодой Советской республики с соседними странами Востока.

Эпоха колониализма принесла народам Азии много лишений и бед. Колониализм означал прежде всего захватнические войны, войны, которые велись не только против регулярных сил сопротивления, а против целых народов, во имя закабаления всех, кто не был истреблен. Карательные войны

предпринимались «цивилизованными» правителями колоний каждый раз, когда местное, «туземное» население восставало против несправедливых эксплуататорских и расистских порядков. Вот почему вопрос о прочном мире в Азии, обеспечении здесь надежной безопасности и принципа неприменения силы находится в прямой связи с национальным освобождением народов, долгие века живших в колониальном бесправии. Именно так, подчеркивается в работе, ставил вопрос В. И. Ленин. Национальное освобождение превращает страны Азии в суверенных субъектов международного права и дает им выход на международную арену в качестве активных участников решения всех важнейших проблем мира.

Опираясь на многочисленные документы, автор показывает, что идея обеспечения коллективной безопасности в Азии логически вытекает из основополагающих принципов внешней политики, заложенных в первых ленинских декретах Советской власти. Призыв к справедливому и демократическому миру, миру без аннексий и контрибуций, без колониальных и иных захватов, отмена неравноправных царских договоров, разоблачение интриг и тайных соглашений западных держав, направленных на раздел Азии на сферы влияния, подмандатные территории и кондоминиумы, наконец, установление отношений сотрудничества с соседними азиатскими странами, ленинское решение национального и аграрного вопросов и создание СССР убедительно показали народам Азии, что в лице первой страны победившего социализма они имеют верного союзника в общей борьбе против колониализма и империализма. История это многократно подтвердила.

Решающий вклад, который внес Советский Союз и его вооруженные силы в разгром сил фашизма в годы второй мировой войны, открыл широкие перспективы борьбы народов Азии за свое национальное и социальное освобождение. Судьбы национально-освободительного движения в Азии тесно переплелись в послевоенные десятилетия с борьбой за мир и безопасность. Этот вывод приобретает особое значение в свете попыток маоистских кругов в Пекине изобразить разрядку как «обман народов», противопоставить задачу упрочения всеобщего мира, меры по разоружению и предотвращению войны интересам национально-освободительной борьбы.

Автор убедительно показывает, что выдвинутая Советским Союзом в 1969 г. идея обеспечения безопасности в Азии коллективными усилиями всех стран явилась результатом глубокого анализа основных тенденций развития международной обстановки в

¹ И. И. Коваленко. Советский Союз в борьбе за мир и коллективную безопасность в Азии. М., 1976, 431 стр.

этом районе, исходила из понимания насущных нужд азиатских народов. Главная задача, которую преследовал при этом Советский Союз, как отмечается в работе, состоит в том, чтобы прекратить вмешательство в любой форме во внутренние дела государств, предоставить всем странам этого региона полную возможность для развития по пути мира, демократии и социального прогресса (стр. 241).

Достоинство советской инициативы, отмечается в работе, заключается также в том, что она в обобщенной форме учитывает опыт, накопленный странами Азии в сфере борьбы против империализма, за мир, национальную свободу и справедливое переустройство общественных отношений. Вот почему у нее обнаруживается много общего с решениями исторической Бандунгской конференции, с теми задачами, которые стоят перед всеми участниками движения неприсоединения, с рядом миролюбивых инициатив, выдвинутых за последние годы азиатскими странами, как, например, предложение стран АСЕАН о нейтрализации района Юго-Восточной Азии или предложение о превращении Индийского океана в зону мира.

Такое совпадение интересов открывает широкое поле для сотрудничества Советского Союза со странами Азии. Цели этого сотрудничества заключаются в том, чтобы положить конец любому вмешательству извне во внутренние дела народов Азии, обеспечить их суверенитет в области внешней политики, их право на осуществление назревших социально-экономических преобразований и самостоятельный выбор путей развития. «Сегодня почти все единодушно признают, — отмечает автор, — что Азия стоит перед необходимостью осознать и принять новый характер взаимоотношений государств и народов, при котором конфронтация уступает место диалогам и сближению, настороженность и подозрительность — доверию, а изоляция и враждебность — широкому политическому, экономическому и культурному сотрудничеству» (стр. 182).

Такая возможность, о которой мечтали и за которую боролись многие поколения жителей Азии, вытекает не из субъективных пожеланий, а из объективных закономерностей развития нынешней международной обстановки, изменения соотношения сил в мире в пользу социализма, который всей своей созидательной деятельностью, своей мощью и авторитетом утверждает на земле новые, невиданные ранее, справедливые принципы взаимоотношений между народами, превращая их из утопии в реальность.

В этой же связи автор подчеркивает важность развития равноправных и взаимовыгодных экономических отношений молодых развивающихся стран Азии с Советским Союзом и другими странами социализма. Закрепление и расширение таких отношений позволяет государствам Азии ограничивать эксплуататорскую деятельность иностранного монополистического капитала,

укреплять суверенитет над своими природными ресурсами и свою экономическую самостоятельность, одним из проявлений которой является возможность выбирать партнеров по внешнеэкономическому сотрудничеству.

Большой интерес представляют те разделы рецензируемой работы, в которых автор опровергает попытки буржуазных кругов Запада дискредитировать советскую идею путем подмены ее различными схемами и концепциями, не имеющими ничего общего с объективным учетом складывающейся в Азии обстановки. Хорошо известно, например, что некоторые деятели в США использовали ссылки на «вакуум силы» в Азии, будто бы образовавшийся здесь после развала колониальных империй, для продвижения собственных экспансионистских планов и реставрации колониальных порядков в новой форме.

Автор пишет, что все рассуждения о необходимости заполнения «вакуума силы» в Азии представляют собой «разновидность концепции ничейных земель», которая имела широкое хождение на Западе в эпоху великих географических открытий (стр. 364). Ссылками на «коллективную оборону» и интересы безопасности перед лицом мифической «коммунистической агрессии» они пытаются оправдать свое военное присутствие в Азии, политику сколачивания военных блоков. События последних лет убедительно показали, что подобные аргументы призваны оправдать стремление империалистических кругов к установлению своего неоколониалистического господства в Азии.

Тем не менее и сейчас в работах ряда буржуазных ученых, в газетных публикациях на Западе можно встретить утверждение о том, что главное, как отмечает автор, состоит «не в отказе от политики силы вообще, а в приведении действующих в данном районе сил в «некое равновесие» (стр. 361). Сторонники концепции «баланса сил» хотят представить дело таким образом, будто все их усилия создать военные базы и арсеналы в Азии направлены не против национально-освободительного движения, а продиктованы лишь желанием «уравновесить советское присутствие».

В частности, представители Пентагона не раз пытались использовать подобные ссылки, чтобы оправдать строительство комплекса американских военных баз на острове Диего-Гарсия в центре Индийского океана, а также дислокацию соединенной 7-го флота США в этом океане. Несостоятельность подобных предлогов очевидна. Советский Союз не имеет военных баз ни в районе Индийского океана, ни где бы то ни было в Азии. Выдвигаемая им идея обеспечения коллективной безопасности в Азии не имеет ничего общего с концепциями, послужившими оправданием для сколачивания замкнутых военных блоков. Со своей стороны, Советский Союз всегда считал, что наличие блоков и замкнутых группировок, противостоящих другим государствам, а также

военных баз на чужих территориях служит одним из самых опасных источников напряженности и конфликтов.

Во время визита в Индию в ноябре 1973 г. Л. И. Брежнев отмечал, что по-настоящему прочный мир «должен покоиться не на каких-то полюсах силы и соперничества, о которых за последнее время кое-где стало модным говорить, а на уважении прав, суверенитета, законных интересов всех без исключения стран, будь они «большие» или «малые», входят они в те или иные политические группировки или нет. Речь идет не о том, чтобы научиться более изощренным способом манипулировать так называемым балансом сил, а о том, чтобы исключить из международных отношений применение силы. Для этого необходимо объединение конструктивных усилий всех государств»².

Хорошо известно, что сколоченные империализмом военно-политические блоки преследовали цель противопоставить одни страны Азии другим и тем самым создать предлог для вмешательства в чужие внутренние дела. Напротив, идея коллективной безопасности в Азии исходит из принципа универсальности, то есть равноправного участия в этом ответственном деле всех без исключения стран Азии, их тесном сотрудничестве в общих целях. «Любая региональная организация, подчеркивает автор, должна носить открытый характер. Она должна предусматривать возможность присоединения к ней любого государства, которое стоит на позициях мирного сосуществования и признает принцип равной безопасности для всех» (стр. 401).

Ни одна из стран не получила бы при этом никаких односторонних преимуществ за счет других. Это вполне очевидно. И если иные бужуазные деятели и хотя бы доказать обратное, то делают они это лишь потому, что коллективная безопасность явилась бы эффективным средством, с помощью которого государства Азии смогли обезопасить себя от пронсков империализма, его экспансионистских планов.

В последнее время различные буржуазные доктрины взяты на вооружение маонистами, которые зарекомендовали себя яростными противниками распространения разрядки на Азию. Расхождение позиций Пекина и других стран Азии в этом отношении очевидно. В то время, как большинство стран Азии выступает против политики сколачивания военных баз и блоков, против милитаризации Индийского океана, Пекин открыто призывает США не уходить даже из тех стран Азии, правительства которых настаивают на демонтаже американских военных баз и эвакуации американских гарнизонов.

Вполне очевидно, что с сохранением американского «присутствия» в Азии Пекин связывает свои стратегические расчеты на

сохранение напряженности в различных районах Азии — на Дальнем Востоке, в Юго-Восточной Азии, в районе Индийского океана и на Ближнем Востоке. В последнее время все явственнее обнаруживается макиавеллистское стремление пекинских правящих кругов играть на противоречиях, разделяющих империализм и национально-освободительное движение. Такую беспринципную игру в Пекине хотели бы прикрыть туманными рассуждениями в духе теории «двух сверхдержав». Маонисты ставят знак равенства между Советским Союзом, выступающим защитником всех угнетенных народов и непримиримым борцом против агрессивных войн, и США, империалистические цели азиатской политики которых хорошо известны в Азии.

Подобные инсинуации понадобились маонистам, с одной стороны, для того, чтобы оправдать свою политику закулисных сделок с представителями реакционных кругов Запада за счет интересов соседних стран Азии, а с другой — вбить клин в отношения между развивающимися странами Азии и Советским Союзом в целях изоляции первых и подчинения их своему влиянию. В свете таких расчетов становится ясно, что пекинские проповеди «двух сверхдержав» льют воду на мельницу непримиримых противников дела свободы народов Азии. Отмечая это, автор пишет: «Ради достижения своих гегемонистских целей маонисты идут на блокирование с самыми реакционными силами, нисколько не заботясь о том, что пострадает их репутация «непримиримых борцов» против империализма» (стр. 212).

Но несмотря на все эти пронски, идея обеспечения безопасности в Азии коллективными усилиями всех стран континента находит правильное понимание в широких кругах азиатской общественности. Она получает широкий резонанс. В книге говорится: «Борьба за упрочение мира и безопасности в Азии коллективными усилиями превращается в важное направление внешнеполитической деятельности все большего количества государств, становится в центр внимания всех общественных сил континента» (стр. 409).

Представителям официальных кругов стран Азии импонирует советский подход к ее реализации. Как подчеркивает автор, Советский Союз призывает к конструктивной дискуссии, которая могла бы сблизить точки зрения, углубить понимание общих задач. Каждая страна, независимо от того, большая она или малая, могла бы внести свой полезный вклад в это общее дело.

Работа И. И. Коваленко обобщает обширный материал о международной жизни на Азиатском континенте, жизни достаточно сложной, полной противоречий и столкновений между силами, выступающими за мир, национальную свободу и социальное обновление, с одной стороны, и империалистическими кругами, а также приверженцами различных экспансионистских доктрин — с другой. Глубокий анализ затрагиваемых

² Визит Леонида Ильича Брежнева в Индию. М., 1973, стр. 111.

проблем позволяет выделить те движущие силы и тенденции, которые преопределяют будущее Азии. Работа является серьезным исследованием, посвященным внешнеполитической деятельности КПСС и Советского правительства, направленной на обеспече-

ние мира и безопасности всех народов на континенте, которому принадлежит все возрастающая роль в современной мировой политике.

Ю. К. Луговской

* * *

Японский синолог о кампании «критики Линь Бяо и Конфуция»*

Рецензируемый труд японского китаеведа Цуёси Такидзавы был опубликован в разгар кампании, в декабре 1974 г., когда цели ее, не говоря о результатах, были еще не ясны. Это представляет определенный научный интерес, ибо позволяет нам ознакомиться с самыми свежими впечатлениями, методологией исследования, свободного от влияния официальных итогов кампании. Следует отметить научно-популярный характер книги, рассчитанной на массового японского читателя. После публикации II—IV глав в журнале «Цукуру» автор учел замечания и пожелания читателей и при подготовке книги к печати значительно дополнил ее. Книга многопланова и охватывает очень широкий круг проблем внутренней и внешней политики Китая, проблемы взаимоотношения Японии и Китая, КПЯ и КПК и многие другие.

Нет нужды пересказывать эту интересную книгу, автор которой обоснованно критикует Мао Цзэ-дуна и его приспешников за извращение марксизма и антисоветизм. Остановимся на том, что больше всего интересовало Ц. Такидзаву и японских читателей, когда были опубликованы ее первые главы. Прежде всего их интересовали теоретические основы и методы организации кампании «критики Линь Бяо и Конфуция». Во-вторых, судьба Чжоу Энь-лая, проблемы борьбы группировок и позиция официальной японской прессы. И, наконец, для японцев, воспринявших в области духовной культуры многое от конфуцианства, судьба Конфуция и его учения отнюдь не безразличны. Вот почему многие читатели спрашивали Ц. Такидзаву о причинах антиконфуцианской нап-

равленности и эволюции мировоззрения Мао — можно ли считать его конфуцианцем?

Начало кампании «критики Линь Бяо и Конфуция» Ц. Такидзава связывает с появлением статьи Ян Юн-го «Конфуций — это реакционный идеолог, упорно защищавший рабовладельческий строй»¹. Анализируя многочисленные статьи, появившиеся в центральной печати КНР с августа 1973 г. по февраль 1974 г., автор отмечает: «Первое чувство, возникающее после прочтения всех этих статей, можно выразить следующими словами: несмотря на такой широкий размах кампании, в ее ходе повторяются и провозглашаются сравнительно примитивные по своей логике аргументы. В этом состоит первая необычность кампании» (стр. 6). По мнению Ц. Такидзавы, теоретическая платформа кампании сводилась к следующим положениям:

1) Поскольку учение Конфуция воплощало в себе идеологию и мораль господствующего класса в период рабовладения, оно было реакционной идеологией — орудием господства над рабами и орудием эксплуатации рабов. И в дальнейшей истории Китая конфуцианство постоянно использовалось правящими классами в качестве орудия классового господства.

2) После того как Цинь Ши-хуан заменил рабовладельческий строй феодально-помещичьим, он стал «прогрессивным героем». Предпринятое им сожжение конфуцианских книг и закапывание заживо видных конфуцианцев имело целью сломить конфуцианство и конфуцианцев, пытавшихся защитить и возродить рабовладельческий строй, и, следовательно, по выражению Ло Сы-дина, было «революционным актом».

3) Ван Мин, Лю Шао-ци, Линь Бяо были отравлены ядом конфуцианской идеологии. Поэтому они превратились в контрреволюционеров, ревизионистов, агентов империалистической буржуазии и Советского Союза. Так, Линь Бяо был «буржуазным карьеристом, интриганом, двурушником, предателем, изменником родины, последователем Конфуция, контрреволюционным, ревизионистским ультраправым элементом».

4) Вот почему весь китайский народ в настоящее время должен активно участво-

* Цуёси Такидзава. Китай в период кампании «критики Линь Бяо и Конфуция». Токно, 1974.

¹ «Жэньминь жибао», 7.VIII.1973.

вать в «кампании критики Конфуция», иными словами, участвовать в современной классовой борьбе. В ходе кампании народ должен уяснить преступления Линь Бяо, разоблачить преступные действия «мошеников типа Линь Бяо», вести с ними борьбу.

5) Для уничтожения ревизионизма необходимо обладать революционным духом «идти против течения» (здесь и далее цитаты из доклада Ван Хун-вэня на X съезде КПК), «не бояться исключения из партии, не бояться отстранения от занимаемой должности, не бояться тюрьмы» (стр. 7—8).

Далее Такидзава подробно рассматривает каждое положение маоистской пропаганды. Прежде чем ознакомить читателя с критическими доводами японского ученого, следует отметить, что Такидзава, правильно вычленив основную аргументацию организаторов кампании «критики Линь Бяо и Конфуция», пропустил один весьма важный аргумент, а именно проблему формационной принадлежности Китая во времена Конфуция. Известно, что в историографии КНР долгие годы шли споры о степени развитости рабовладельческой формации в Древнем Китае и времени смены ее феодализмом. В течение первого десятилетия в КНР спокойно сосуществовали самые противоположные точки зрения, разница в сроках смены рабовладения феодализмом колебалась порой от двух до десяти веков². Поэтому в то время Конфуций выражал интересы то рабовладельцев, то феодалов. Однако в 60-х гг. в китайской исторической науке наблюдался процесс вытеснения всех полярных точек зрения и утверждения концепции Го Мо-жо. По мнению президента АН КНР, переход от рабовладения к феодализму произошел в Китае на грани периодов Чуньцю — Чжаньго, то есть в VI—V вв. до н. э. Трудно сказать, согласны ли все историки КНР с такой концепцией. Думаем, что вряд ли, ибо она возникла не в ходе естественного развития науки, а декретировалась сверху. По существу, проблема периодизации древней истории Китая остается открытой, хотя формально господствует концепция Го Мо-жо. Она представлена в «Первоначальном варианте истории Китая», рекомендованном в качестве учебника для всех вузов КНР³.

Связь Конфуция с гибнущим рабовладельческим строем, его защита интересов рабовладельцев — вот и все, что составля-

ет скучную теоретическую платформу зачинщиков кампании. Через все многочисленные статьи и выступления красной нитью проходит утверждение, что реакционность Конфуция объясняется его защитой гибнущего рабовладельческого строя, прогрессивность же Цинь Ши-хуана доказывается тем, что он смело встал на защиту нового, более передового феодального строя. А отсюда пересбрасывается истинный мостик к современности: реставратор прошлого Линь Бяо сравнивается с Конфуцием, Мао Цзэ-дун же сопоставляется с Цинь Ши-хуаном. Поэтому появление статьи Го Мо-жо «Проблема периодизации древней истории Китая» было отнюдь не случайным. В статье, правда, не говорилось о Конфуции, но было сказано главное — будто во времена Конфуция происходило загнивание рабовладельческого строя. Сейчас, по прошествии нескольких лет, становится более ясным смысл одного высказывания Го Мо-жо. Говоря о причинах неоднократной смены собственной точки зрения на время перехода Китая от рабовладения к феодализму, Го Мо-жо пишет: «Три раза менял я точку зрения по поводу границы между рабовладельческой и феодальной формацией, отношу ее то к VIII, то к III, то к V вв. Почему я смог в третий раз изменить свою точку зрения? Дали мне ключ, научили меня шевелить мозгами и позволили уверенно разрубить этот gordien узел древнекитайского общества не что иное, как произведение председателя Мао»⁴.

Можно с полным основанием сказать, что эти слова не были просто данью времени. Организаторы кампании как бы подчеркивали, что председатель Мао считает VI—V вв. до н. э. временем перехода от рабовладения к феодализму. Мао Цзэ-дуну необходимо было отделить Конфуция от Цинь Ши-хуана, поместить их в разные антагонистические классовые формации. Ян Юн-го, как философу, оставалось лишь связать учение Конфуция с интересами гибнущего рабовладельческого класса. Поэтому вряд ли можно согласиться с Ц. Такидзавой, будто началом кампании «критики Линь Бяо и Конфуция» был август 1973 г., она началась в середине 1972 г. со статьи Го Мо-жо; кстати, первая статья Ян Юн-го, прямо связанная с кампанией, появилась в том же 1972 г.⁵ Поэтому не совсем понятно, почему Цуэси Такидзава начинает кампанию именно с августовской статьи Ян Юн-го.

² См. Л. С. Переломов. Проблема периодизации древней и средневековой истории Китая в китайской историографии (о генезисе феодальных отношений). — «Историческая наука в КНР», М., 1971, стр. 64—82.

³ См. «Первоначальный вариант истории Китая» («Чжунго шибяо»), т. 1—4. Пекин, 1969.

⁴ Го Мо-жо. Проблема периодизации древней истории Китая. — «Хунци», 1972, № 7, стр. 57.

⁵ См. Ян Юн-го. Борьба двух линий в идеологии периода Чуньцю — Чжаньго (О социальных сдвигах периода Чуньцю — Чжаньго на основании полемики конфуцианцев с легистами). — «Хунци», 1972, № 12, стр. 45—54.

Рассмотрим теперь, как Цуёси Такидзава оценивает основные аргументы организаторов кампании.

Автор согласен, что конфуцианство было реакционной идеологией, ибо оно «...являлось идеологическим оружием эксплуатации и угнетения в руках господствующих классов всех позднейших династий» (стр. 9) и поэтому заслуживает критики. Непонятно лишь, почему в стороне остались буддизм, даосизм, ислам и ламанизм, оказавшие, по мнению автора, гораздо большее влияние на духовную жизнь китайцев, нежели конфуцианство (стр. 10). Такидзава считает, что для «...большой части 800-миллионного китайского народа (пожалуй, более 90%) учение Конфуция — Мэн-цзы не имеет никакого значения» (стр. 10), что «конфуцианские идеи и моральные нормы функционировали на уровне горстки господствующего класса» (стр. 11) и т. п. Действительно, не следует переоценивать влияние и роль конфуцианства, однако едва ли можно согласиться со столь категорической оценкой. Конфуцианство оказало значительное влияние на развитие духовной культуры, этнического самосознания, бытовых привычек и, наконец, формирование национального характера китайцев. Такидзава прав, когда упрекает маонистов в том, что они умышленно ограничиваются лишь переоценкой старой идеологии, в то время как «...более необходимой стороной переделки идеологии является активное, современное, идейное воспитание в духе социалистической идеологии — марксизма-ленинизма в сочетании с материальными условиями и практикой общего развития социалистической системы; критика реакционных идей двухтысячелетней давности — предмет научной деятельности ученых-специалистов по древней философии, а не марксистский метод руководства народом» (стр. 11).

Критикуя маонистов, автор отмечает, что согласно методу исторического материализма к «прогрессивным» личностям относят тех, кто «...боролся против эксплуатации и угнетения» (стр. 12). Поскольку же Цинь Ши-хуан был деспотом, эксплуатировавшим народ, он никак не может быть отнесен к этой категории. Поэтому его антиконфуцианский террор никак нельзя считать «революционным актом» (стр. 14). Такое внимание к Цинь Ши-хуану вызвано тем, что Линь Бяо видел в Мао «...самого большого в истории Китая феодального тирана, похлепца Цинь Ши-хуана» (стр. 15). Маонистам необходимо было реабилитировать Мао Цзэ-дуна, поэтому они возвели Цинь Ши-хуана в ранг героя.

Ц. Такидзава сомневается, был ли Линь Бяо в такой степени «отравлен ядом конфуцианских идей», как ему приписывали его противники. Он отмечает, что Линь Бяо родился в бедной семье и не получил образования, обычного для детей привилегированных сословий. Он не может быть причислен к «благородным людям, постиг-

шим учение Конфуция — Мэн-цзы. К ним следует скорее отнести самого Мао, уже в раннем детстве овладевшего основами конфуцианства» (16—20 стр.). По мнению автора, «...именно сторонники абсолютизации Мао Цзэ-дуна во главе с Цзян Цин, то есть «левые культурной революции» и «сторонники проведения кампании критики Конфуция», преданные Мао в абсолютно конфуцианском духе, являются самыми ревностными последователями учения Конфуция и Мэн-цзы» (стр. 20).

Далее, организаторам кампании, по мнению Такидзавы, требовалось во что бы то ни стало «списать» все «бесчинства, допущенные в ходе культурной революции», на счет Линь Бяо и «закрепить в глазах народа отпущенные грехов Мао Цзэ-дуну и левым», узаконить фракционность внутрипартийной борьбы (стр. 23—28), направленной на дальнейшую узурпацию власти группой Мао. Автора интересует характер этой власти, которую он отказывается отождествить с социализмом. «Как мы должны понимать социалистическое государство, которое осуществляет политику насилия, «используя» плохого человека; что это за «социалистическое» государство, которое намеревается обожествить диктатуру ныне здравствующей личности путем превращения в героя классовой борьбы тирана, жившего две тысячи лет назад; государство, которое все преступления власти имущих сваливает на «использованного» человека (имеется в виду Линь Бяо)». Не будет преувеличением назвать Китай, как выражается Ц. Такидзава, «социал-феодализмом» (стр. 28). Так японский китаист оценивает изменения, происходящие в надстройке КНР.

Заслуживают внимания те страницы книги, где автор анализирует проблему китайско-японских отношений на примере освещения кампании «критики Линь Бяо и Конфуция». В самом начале кампании японская пресса, при всей своей сдержанности, не могла не коснуться сути политического движения в соседней стране. Так, например, «Асахи симбун» 8.XII.1973 г. сопроводила сообщение о «критике» заголовком: «В Китае совершается вторая культурная революция». Аналогичный заголовок дала на другой день «Ёмиури»: «Вторая культурная революция — критика Конфуция». «Однако, — пишет далее автор, — после того как японские газеты в феврале 1974 г. обратились к китайскому правительству с «просьбой» «разрешить» направить в Пекин постоянных корреспондентов, с января — февраля 1974 г. они совершенно перестали касаться странностей кампании «критики Конфуция» (стр. 4). Средства массовой информации держали народ в неведении, «...в результате чего 100 млн. японцев вынуждены были довольствоваться искаженными представлениями о Китае» (стр. 30).

Ц. Такидзава был одним из немногих китаеведов Японии, кто в 1974 г. подробно

осветил первые девять месяцев кампании «критики Линь Бяо и Конфуция» (август 1973 — апрель 1974 гг.), отметил, что в КНР идет ожесточенная борьба группировок. Цель этой борьбы ясна — «захват власти». Позиция «левых» известна, ибо они действовали на поверхности событий. Можно согласиться с трактовкой автора, что «восхваление императора Цинь Ши-хуана» было вызвано итогами X съезда КПК (август 1973 г.). На этом съезде в состав ЦК КПК было введено много представителей умеренных, возросла их доля и в Политбюро. По мнению Такидзавы, «... тот факт, что в «Уставе партии», зачитанном на X съезде Ван Хун-вэнем — этой надеждой крайне левых, не смогли ни разу назвать имя Мао Цзэ-дуна (слова «идеи Мао Цзэ-дуна» встречаются всего лишь два раза), означал падение авторитета Мао Цзэ-дуна — единственного высочайшего «победного знамени» крайне левых...» (стр. 33). Именно сентябрь 1973 — начало января 1974 г. явились периодом бурного восхваления Цинь Ши-хуана⁶. Левым было необходимо срочно укрепить пошатнувшийся авторитет председателя. С середины января 1974 г. кампания восхваления Цинь Ши-хуана стала несколько затихать. Автор не исключает возможности преднамеренного ограничения этой кампании сверху, поскольку левые добились лишь «кратковременного пропагандистского эффекта», более того, их пугало, что чрезмерное восхваление злодеяний Цинь Ши-хуана может помочь «китайскому народу рассмотреть всю лживость подобной кампании» (стр. 35).

Следует специально остановиться на трактовке автором позиции группы так называемых прагматиков во главе с Чжоу Энь-лаем, ибо этот вопрос до сих пор недостаточно ясен. Прежде всего, кто входил тогда в группу Чжоу? «Группа Чжоу опирается на широко представленных в ней «невоспламеняемых» кадровых работников среднего звена и руководителей в партии, правительстве и армии (премьер Чжоу пользовался поддержкой в правительственных органах Китая, имел сторонников в армии, глубокое доверие к нему питали демократические партии, группы и интеллигенция), на боевых друзей в ЦК партии (Е Цзянь-ин — заместитель председателя, Лю Бо-чэн, Чжу Дэ, Сюй Ши-ю, Чэнь Сянь, Ли Сянь-нянь, Дун Би-у, Дэн Сяопин — члены ПБ ЦК), на подчиненных ему ответственных лиц, которые с давних пор либо были «невоспламеняемы» в отно-

шении культурной революции, либо ненавидели ее» (стр. 46). Как видим, сторонников у Чжоу было немало, но они были весьма разнородны. По мнению автора, группа Чжоу Энь-лая умышленно избрала позицию «крайне левых критиков». Такидзава обращает внимание на беседу Чжоу Энь-лая с министром иностранных дел Японии Охирой 4 января 1974 г., в которой Чжоу в инсказательной форме дал понять, что осуждает позицию ультралевых (стр. 48). Как известно, смерть Чжоу Энь-лая и смещение со всех постов Дэн Сяопина сильно подорвали позиции «прагматиков» в КПК.

В заключение остановимся на освещении автором проблемы влияния конфуцианства на мировоззрение Мао. После опубликования первой главы читатели засыпали автора письмами с просьбой привести дополнительные доказательства в пользу тезиса: Мао — конфуцианец (стр. 51). И Такидзава привел в книге новые многочисленные примеры, доказывающие большое влияние конфуцианских догм на формирование идей Мао. Здесь и его собственные признания, высказывания Шрама и Сигэки Каидзуки, перечень конфуцианских цитат из «Собрания сочинений» Мао (стр. 51—63). «... вряд ли будет преувеличением сказать, — заключает автор, — что в КПК... именно Мао Цзэ-дун тот человек, который в максимальной степени обладает конфуцианским образованием и в максимальной степени может использовать его» (стр. 61). Этот вывод не лишен оснований.

Заканчивая книгу, Цуэси Такидзава предсказывает резкое падение авторитета Мао, ибо действительность, антинародный курс группировки Мао заставили отойти от него даже такого преданного маониста, каким был на протяжении десятков лет Линь Бяо (стр. 147). «Где гарантия того, — пишет автор, — что 800-миллионный народ не станет бунтарской силой, в миллионы раз мощнее мятежа Линь Бяо, когда он обнаружит, что марксистско-ленинское социалистическое государство, которое он строил в течение 25 лет, на самом деле превратилось в социал-феодалное государство, современную империю Цинь Ши-хуана во главе с Мао Цзэ-дуном?» (стр. 147). Прошло два года, и апрельские события 1976 г. на площади Тяньаньмэнь показали, что китайский народ начинает понимать всю пагубность антинациональной политики группы Мао.

Книга Цуэси Такидзавы написана с объективных позиций, некоторые положения автора (в частности о сроках начала кампании, степени конфуцианского влияния на народ и т. п.) спорны, однако в целом это полезное исследование военно-бюрократического режима, установленного маонистами.

*Л. С. Переломов,
доктор исторических наук
Г. А. Кулик*

⁶ Начало было положено статьей: Юй Чэнь-у. Историческое значение унификации письменности Цинь Ши-хуаном. — «Гуанмин жибао», 25.IX.1973, а 31.X.1973 в «Жэньминь жибао» появилась статья группы авторов из пединститута пров. Шэньси «Цинь Ши-хуан — политик, нанесший решительный удар по возрождению рабовладельческого строя» и другие.

Политика Пекина в Африке

Укрепление позиций революционного освободительного движения происходит в соответствии с ленинской стратегией развития мирового революционного процесса, борьбы человечества за социализм, составляющей основное содержание современной эпохи. Национально-революционные силы, опираясь на учение Ленина, используя сложившиеся в большинстве бывших колоний в послевоенный период изменение соотношения сил в пользу социализма, ослабление империализма и кризис его власти в колониях, помощь и поддержку социалистических стран, добились политического освобождения, создали независимые национальные государства, играющие ныне важную роль на международной арене. Перед молодыми независимыми государствами Африки стоит ныне важная задача — обеспечить экономическую независимость, ликвидировать остатки колониализма, противостоять политике неоколониализма, которую стремится навязать им империализм. В стане неоколониалистов оказались и маоисты. Они пытаются обеспечить экономическое и политическое проникновение Китая в освободившиеся страны, установить гегемонию над национально-освободительным движением. Проблемам разоблачения гегемонистской сущности политики маоистов и раскрытия великодержавных замыслов китайского руководства в отношении стран Африканского континента посвящена работа советских китаеведов М. В. Фомичевой и А. С. Красильникова*, подготовленная Институтом Дальнего Востока АН СССР. В ней использован обширный круг источников и материалов на китайском, английском, французском, немецком и португальском языках, привлечены официальные документы правительства КНР, материалы съездов КПК, заявления, интервью, записи бесед китайских руководителей, программные статьи и другие официальные публикации в центральных органах китайской печати. Авторы обстоятельного и чуть ли не единственного крупного труда по упомянутой теме поставили перед собой задачу документально показать, какую роль пекинские лидеры отводят Африканскому континенту в своих великодержавных замыслах установления мировой гегемонии. Маоисты хотели бы рассматривать

Африканский континент как стратегический, политический и экономический резерв в своей борьбе за гегемонию. Африка вместе со странами Азии, расположенными в непосредственной близости к Китаю и являющимися в глазах маоистов «исторической сферой влияния» Китая, должна, по замыслам Пекина, сыграть важную роль в создании обособленной афро-азиатско-латиноамериканской группировки стран, находящейся под контролем Китая и изолированной от мира социализма. Африканский континент, как подчеркивают авторы, — это один из первоочередных объектов, своего рода плацдарм маоистов в борьбе за мировую гегемонию (стр. 3).

Книга М. В. Фомичевой и А. С. Красильникова охватывает хронологически довольно широкий период политической деятельности маоистского руководства в Африке. Авторы подробно исследуют деятельность лидеров Пекина в отдельных африканских странах начиная с конца 50-х годов. Наиболее глубоко анализируется в работе возросшая активность маоистов в 60-е годы.

Китайское руководство еще в начале 60-х годов включило Африку в круг своих первоочередных внешнеполитических интересов. С тех пор маоисты наращивают усилия, стремясь подчинить революционное движение народов Африки своим националистическим целям.

В книге рассматриваются и объясняются изменения в политике лидеров Пекина в отношении Африки в 70-е годы. Вскрываются истинные причины и цели, внешне «мягкого» политического курса Пекина в Африке. Авторы справедливо отмечают, что почти все события, происходившие на Африканском континенте за последние 15 лет, подвергались активному целенаправленному воздействию со стороны мелкобуржуазной маоистской идеологии и псевдореволюционной внешнеполитической практики пекинского руководства. Заслугой авторов является то, что им удалось довести изложение событий в книге почти по всем затронутым направлениям до сегодняшнего дня. Это придает работе особую политическую актуальность и значимость.

В книге убедительно показано, что вся деятельность маоистов в отношении африканских стран направлена на то, чтобы изменить характер и направление национально-освободительной борьбы народов Африки в угодном Пекину направлении, помешать распространению и восприятию ими научной марксистско-ленинской идеологии, подорвать их сотрудничество с миром социализма, навязать им теоретические установки маоизма, доказать на примере Африки, так сказать, универсальность «китайской модели» революции и «китайского опыта построения социализма» для всех развивающихся стран (стр. 4).

Большой интерес представляет первая глава рецензируемой работы, в которой даны основные стратегические установки и

* М. В. Фомичева, А. С. Красильников. Китай и Африка. (Подрывная деятельность маоистов в Африке). М., 1976, 262 стр.

концепции Пекина по вопросам национально-освободительного движения в целом, показано своеобразие условий и характера освободительной борьбы народов Африки и несостоятельность теоретических концепций и позиций маоистов для сегодняшней Африки. Особенно интересен раздел, в котором сделано сопоставление доктрин «африканского социализма» с маоистскими концепциями (стр. 44—58), а также критика конъюнктурной антинаучной оценки положения в Африке, данной лидерами КПК (стр. 59—69).

Строя свою стратегию в отношении Африки, маоисты исходят из того, что националистическая идеология, являющаяся естественным порождением колониализма, служит благодатной питательной средой для протаскивания всевозможных реакционных идей, для отвращения молодых развивающихся стран от путей и методов переустройства общества на основе богатого опыта социалистических стран. В этих целях маоисты широко используют такие объективные моменты, как глубокая социально-экономическая отсталость африканского общества, сохранение остатков докапиталистических формаций, демографические и психологические особенности народов Африки, отражающие колониальное прошлое континента.

Среди реакционных теорий, которые маоисты навязывают народам Африки, особая роль отводится антисоветизму, концепциям о «бедных и богатых» странах, о «больших и малых» государствах, о «сверхдержавках» (главным образом в плане их противоборства), о «промежуточных зонах», о «трех мирах» и т. д. Во внутреннем плане, игнорируя растущие силы рабочего движения в Африке, они поддерживают национал-реформистскую идеологию и мелкобуржуазный утопический социализм (стр. 50). В последнее время пекинские лидеры пошли еще дальше. Они стали искать опору среди самых реакционных кругов, вплоть до расистов. Если свои великодержавные гегемонистские устремления Пекин в 60-е годы еще маскировал лозунгами антиимпериализма, прикрывался ультрареволюционной демагогией, то с конца 60-х годов маоисты стали, по существу, открыто вступать в сговор с империализмом и вести торг с ним за спиной национально-освободительного движения. В настоящее время очевидно, что китайское руководство выступает в Африке не как противник, а как союзник империалистических держав.

Добиваясь распространения контроля Китая над Африканским континентом, китайские руководители беспрерывно манипулируют тезисом о «гегемонии двух сверхдержав», создающих будто бы в одинаковой мере угрозу для африканских и других «малых и средних стран». Более того, маоисты пытаются противопоставить Африку Советскому Союзу, всему социалистическому содружеству, а США втянуть в проти-

воборство с СССР на этом континенте. Они внушают африканским руководителям бредовую идею, будто СССР выступает в роли неокolonизатора, стремится эксплуатировать африканские народы, присваивать себе богатства континента. В своей оголтелой антисоветской борьбе маоисты используют все еще распространенное в некоторых африканских кругах недоверие к белым народам, стремятся, с одной стороны, свалить на страны социалистического содружества — решительных противников неокolonизма — ответственность за преступления колонизаторов, а с другой — убаюкивая африканцев якобы общностью исторических судеб Китая и Африки, пытаются проникнуть в страны континента, навязать его народам свой диктат. Многочисленные факты, приведенные в книге, убедительно подтверждают этот вывод.

Удачна, на наш взгляд, и вторая глава рецензируемой книги, в которой дана периодизация внешнеполитического курса китайского руководства и впервые в нашей литературе обоснованы основные этапы деятельности Пекина в Африке за 15-летний период (с конца 50-х до 1973—1974 гг.), показаны особенности и специфика тактической линии маоистов на континенте на каждом из характеризуемых этапов. Важен анализ тактических маневров Чжоу Энь-ляя во время его визита (в 1963—1964 гг.) в десять стран Африки и разоблачение гегемонистских устремлений Пекина в период созыва второй межправительственной конференции афро-азиатских стран в Алжире в 1965 г. (стр. 90—98, 203—204 и др.).

Проникновение маоизма в африканские страны осуществляется по политической, экономической и военной линиям. Политическое проникновение предусматривает создание в руководящих государственных кругах, политических партиях и общественных организациях африканских стран прокитайских группировок, развертывание активной маоистской пропаганды, организацию подрывной деятельности против негодных Пекину правительства, политических партий и отдельных лидеров. Маоисты используют сепаратистские группировки, карьеризм, жидивенческие настроения тех или иных государственных и политических деятелей Африки. Усиленной идеологической обработке, как показано в книге, подвергаются приезжающие в Пекин африканские делегации и африканские студенты, обучающиеся в Китае. Разоблачение попыток маоистов распространить контроль в Африке с помощью политических средств нашло освещение почти во всех разделах книги, однако наиболее полно эта тема раскрыта в главах III и IV (стр. 123—173, 195—252).

Экономическое проникновение маоистов в страны Африканского континента, несмотря на низкий технико-экономический потенциал Китая, осуществляется путем предоставления долговременных беспроцент-

ных кредитов, займов, заключения соглашений на строительство различных промышленных, сельскохозяйственных и других объектов, а также путем направления в Африку специалистов, инструкторов (стр. 119—122). Разумеется, помощь оказывается главным образом странам, которые Пекин хотел бы использовать в своей политике. Китай, например, участвует в «строительстве» нескольких крупных объектов: железной дороги «Танзан» протяженностью 1800 км, идущей от столицы Танзании Дар-эс-Салама к столице Замбии Лу-саке; шоссе на дороге в Сомали протяженностью свыше 1000 км, которая свяжет столицу страны Могадишо с отдельными «северными районами»; порта в Нуакшоте (Мавритания) и др. Вкладывая средства в подобные объекты, Пекин прежде всего преследует собственные цели. Дорога «Танзан» открывает для Китая доступ к минеральным богатствам Медного пояса в Замбии, к хромовым рудам Родезии, урану и другим видам стратегического сырья юга Африки.

Из ближайших экономических интересов Пекина можно указать на создание в Африке рынков сбыта для китайских товаров, которые не имеют спроса в развитых капиталистических странах, а также на получение надежных источников для приобретения некоторых видов ценного сырья — меди, никеля, хрома, олова, хлопка. В целом экономическая помощь Китая странам Африки имеет определенное значение лишь для немногих государств. В большинстве же случаев она носит показной характер. Пекин нередко лишь обещает помощь, чтобы связать страны-получательницы, и меньше всего заботится о выполнении своих обязательств. Затягивая под различными предлогами предоставление помощи, китайские лидеры намеренно создают своего рода «состояние ожидания». Пекин стремится делать упор на строительстве небольших предприятий, в основном легкой, пищевой промышленности, сельскохозяйственных ферм, то есть таких, которые не требуют серьезных затрат, но дают возможность оказывать пропагандистское влияние на широкие слои населения. В рецензируемой работе приведены интересные фактические данные, подтверждающие вывод авторов об использовании маонистами своей экономической помощи для достижения чисто политических целей в отдельных африканских странах (ОАР, Алжире, Гане, Гвинее, Мали, Конго, Танзании, Замбии, Сомали и др.).

Осуждая на словах колониализм и расизм, маонисты на деле активно торгуют со странами, где у власти находятся расистские режимы. Так, Китай вывозит из Родезии большое количество хрома, в Родезии и ЮАР закупает медь. Это является еще одним доказательством того, что китайские лидеры руководствуются не интересами народов Африки, а интересами своей собственной политики.

Маоистские лидеры все настойчивее пытаются внедриться в вооруженные силы стран Африканского континента. Это они делают путем поставок оружия, военной техники, сооружения различных военных объектов в тех африканских странах, которые имеют наибольшее значение как в ближайших, так и в стратегических замыслах Пекина.

Наряду с разоблачением эгоистической неоколониалистской политики маоистов в Африке авторы книги справедливо отмечают, что помощь и поддержка со стороны социалистических стран и других революционных сил является непременным условием для успешного развития освободительной борьбы за независимость и подлинную свободу. Наглядным подтверждением этому явились события последних лет в Анголе и в некоторых других бывших португальских колониях в Африке. Деятельность Пекина в данном случае полностью сокнулась с действиями империалистических, неоколониалистских и расистских сил. В Мозамбике, например, маонисты длительное время опекали раскольнический Революционный комитет Мозамбика (КОРЕМО), тогда как подлинным организатором борьбы против португальских колонизаторов за установление в стране демократического режима был Фронт освобождения Мозамбика (ФРЕЛИМО), являющийся в настоящее время правящей Революционно-демократической партией Народной Республики Мозамбик. В Гвинее-Бисау маонисты поддерживали раскольническую группировку ФЛИНГ, противопоставляя ее Африканской партии независимости Гвинеи и островов Зеленого Мыса (ПАИГК) — ныне правящей Революционно-демократической партии Республики Гвинея-Бисау и Республики Островов Зеленого Мыса. На юге Африки маонисты поддерживали Национальный союз Юго-Западной Африки (СВАНУ), игнорируя в то же время авторитетную прогрессивную Народную организацию Юго-Западной Африки (СВАПО), которая действительно ведет активную борьбу за освобождение Намибии, незаконно оккупированной расистами ЮАР. Китайские представители усердно поддерживают Панафриканский конгресс (ПАК) — реакционную организацию, выступающую с крайне националистическими и даже расистскими позициями (стр. 156—172). О предательской роли маонистов по отношению к национально-освободительной борьбе народов хорошо сказал на XXV съезде КПСС председатель Южно-Африканской коммунистической партии Юсуф Даду: «С каждым днем растет каталог предательств, совершаемых маонистами, которые попирают принципы пролетарского интернационализма и солидарности с освободительной борьбой. Пекинское руководство не гнушается ничем — будь то содействие усилению военной машины империализма, поощрение изменников делу национального освобождения, поддержка на-

и более реакционных западных политиков или объятия с палачами чилийского народа. Народы Африки никогда не забудут его преступного вмешательства в Анголе на стороне расистских сил Форстера, ЦРУ и давних прислужников империализма в Анголе — Халдена Роберто и Жонаса Савимби»¹.

Наиболее показательным примером гегемонистского и предательского курса мао-цзэдуновского руководства явился его преступный сговор с врагами ангольского народа. Пекин наряду со странами НАТО предоставил оружие в распоряжение главы пресловутого ФНЛА Х. Роберто, которого маонисты поддерживали с 1960 г. В Заир были направлены китайские инструкторы для обучения в специальных лагерях наемников, брошенных затем против армии Народной Республики Ангола. Активно поддерживая врагов ангольского народа, маонисты в то же время злобно нападали на интернациональную помощь МПЛА и НРА со стороны Кубы и других стран, клеветнически называли ее «агрессией»², а саму Кубу выставляли как «орудие», «марионетку» в руках СССР и в его «экспансии» в Африке³.

Очевидно, что, делая ставку на ФНЛА и УНИТА, китайские стратеги в сотрудничестве с Западом, США и ЮАР пытались подавить прогрессивные силы в Анголе, создать там послушное Пекину правительство.

Как известно, ни помощь оружием, ни пропагандистская шумиха, поднятая Пекином, не спасли реакцию, расистов и интервентов в Анголе. Они потерпели полное поражение, явившееся и серьезным поражением политики группы Мао Цзэ-дуна в

Африке. Газета «Франкфуртер альгемайне», подводя итоги политике маонистов в Африке, 25 февраля 1976 г. писала: «Китайская Народная Республика, которая всего лишь 5 лет назад была самой влиятельной коммунистической страной в Черной Африке, подводит теперь плачевный итог своей политики к югу от Сахары...»

Действия Пекина в Анголе были резко осуждены лидерами ряда стран Африки, например Центральным Комитетом Демократической партии Гвинеи в ноябре 1975 г., другими партиями и прогрессивными деятелями Африки. В газете «Журнал де Ангола» 17 декабря 1975 г. была опубликована редакционная статья под заголовком «Раскольническая деятельность маонистов в Анголе», в которой подчеркивалось, что «китайцы, поддерживая реакционеров против народа, демонстрируют свое стремление играть империалистическую роль».

Воина в Анголе и успешная победа в ней прогрессивных сил, опирающихся на интернациональную помощь социалистических государств, помогли многим политическим кругам Африки покончить с представлением о маонистском руководстве как о «защитнике» интересов угнетенных народов.

Таким образом, можно констатировать, что выводы и положения о предательской политике и подрывных действиях маонистов в Африке, изложенные в рецензируемой работе «Китай и Африка», находят все новые и новые подтверждения. Обзоряемый труд — серьезное, политически актуальное исследование, в котором раскрываются неблагоприятные замыслы китайского руководства в отношении Африканского континента, убедительно разоблачается подлинный смысл действий маонистов, направленных на установление контроля Пекина над Африкой, — будет, безусловно, интересен как специалистам, так и широкому кругу читателей.

Ф. И. Димин

* * *

Критика японских адептов «идей Мао Цзэ-дуна»

В гегемонистских планах Пекина Японии отводится особое место. Стремясь вовлечь эту страну в орбиту своей политики, маонисты не брезгают никакими средствами. Чтобы создать в Японии благоприятное от-

ношение к предпринимаемым ими на международной арене антисоветским акциям и закамуфлировать антинародную сущность маонистского режима, маонистское руководство осуществляет в отношении японского демократического движения непрерывные идеологические диверсии. С действиями пекинской пропаганды смыкаются усилия ревизионистских обществоведов в самой Японии, пытающихся приукрасить маонистский режим, истолковать маозим как «высшее достижение марксистской общественно-политической мысли». Распространяя созданный в Пекине миф о «вкладе» Мао Цзэ-дуна в развитие марксистско-ленинской теории, они отдали себя в услужение реакционным силам, которые своей основной идейно-по-

¹ «Правда», 1.III.1976.

² «Жэньминь жибао», 30.I.1976.

³ «Жэньминь жибао», 11.I.1976.

литической задачей считают отрицание достигнутого реального социализма, извращение марксистско-ленинского учения с целью подрыва единства мирового коммунистического движения.

Рецензируемая монография* посвящена критическому анализу философских и социологических концепций некоторых представителей японской общественно-политической мысли, стоящих на промаоистских позициях и пытающихся обосновать тезис о «вкладе» Мао Цзэ-дуна в развитие марксизма-ленинизма. Не приходится говорить об актуальности темы настоящего исследования. Вскрывая несостоятельность попыток отдельных японских философов и социологов истолковать «идеи Мао Цзэ-дуна» как «вершину марксизма-ленинизма в наши дни», показывая отрицательное влияние маоизма на развитие передовой общественно-политической мысли в Японии, автор своим исследованием помогает разоблачению маоизма и ревизионистских концепций его сущности, которые пытаются распространять отдельные буржуазные и ревизионистские теоретики за пределами Китая, надеясь придать этому мелкобуржуазному течению некую «универсальную» значимость.

Обобщая содержащийся в книге теоретический и фактический материал, хотелось бы выделить несколько вопросов методологического характера, имеющих немаловажное значение для понимания подлинного содержания маоизма и тех концепций японских общественников, которые выступают в роли его адептов.

В наше время маоизм является общественно-политическим течением, которое широко используется буржуазными и мелкобуржуазными общественниками для обоснования теорий, ревизионистская сущность которых давно разоблачена марксистско-ленинской наукой. Автор подчеркивает, что адепты маоизма в Японии — Ниндзима Ацуёси, Суганума Масахиса, Фукусима Масао, Номура Конти и другие, используют маоистские теории для подтверждения ложений, носящих открыто ревизионистский характер. Такая функциональная роль маоизма наглядно проявляется, например, в области философии. Ревизуя марксизм, Ниндзима Ацуёси прибегает к приему, широко применяемому буржуазными и ревизионистскими теоретиками: он делит марксизм на «старый» и «новый», противопоставляет Энгельса Марксу, пытается доказать «немарксистское» содержание работ Ленина и на этой основе отрицать ленинское учение. Автор показывает, что подобная ревизионистская позиция в области истории марксизма-ленинизма стала для Ниндзимы исходной в его попытке истолковать маоистскую «философию» как «развитие марксистского учения», преодолевающее «недостатки» «старого» марксизма. В области

исторического материализма маоизм в Японии используется для ревизии ленинского учения о диктатуре пролетариата, о соотношении объективного и субъективного факторов в революционном движении, о путях преобразования общественного сознания. Японские апологеты «идей Мао Цзэ-дуна», например М. Суганума, смазывают различия переходного периода и первой фазы коммунизма — социализма, переносят законы первого на второй, провозглашают лозунг «осуществления непрерывной социалистической революции». Маоистскую концепцию «продолжения революции в условиях диктатуры пролетариата» Суганума пытается истолковать как «углубление» и «развитие» марксизма-ленинизма. Это типично троцкистская концепция, отбрасывающая этого теоретика в лагерь самых заурядных «левых» ревизионистов.

Связь маоизма с ревизионизмом автор также прослеживает, касаясь отдельных вопросов теории социалистического строительства и национально-освободительного движения. В книге уделено внимание характеристике взглядов Фукусима Масао, который особенно настойчиво рекламирует маоистскую «модель» социализма и маоистские методы социалистического строительства, опирающиеся на ревизионистскую концепцию «национального коммунизма».

Содержащийся в монографии анализ взглядов представителей ревизионистского течения японской общественно-политической мысли с логической неизбежностью подводит к следующему выводу: приемля маоизм как теорию, смыкающуюся с традиционными «левореволюционистскими» концепциями и служащую интересам борьбы против марксизма-ленинизма, ревизионистские теоретики в Японии невольно подтверждают оценку, данную марксистским общественно-научным сообществом, как мелкобуржуазному течению, не имеющему ничего общего с марксизмом-ленинизмом.

Как маоизм, так и традиционный «левый» ревизионизм в лице анархизма, троцкизма и других течений прикрываются трескучей революционной фразой, тот и другой пытаются камуфлировать свою мелкобуржуазную сущность ссылками на марксистско-ленинское учение, тому и другому приписывая претензии на «развитие» и «углубление» марксистско-ленинской теории. Но как свидетельствует история идейно-политической борьбы, «левый» ревизионизм легко перерождается в правое течение, смыкаясь на почве антикоммунизма и антисоветизма с самыми реакционными силами. В этом отношении родство маоизма с «левым» антикоммунизмом, прослеживаемое в рецензируемой работе, помогает глубже вскрыть теоретическую основу осуществляемого маоистским руководством курса на блокирование с мировым империализмом и реакцией.

Раскрытие органической связи маоизма с «традиционными» ревизионистскими концепциями, анализ вопросов, в связи с которыми

* Б. В. Поспелов. Японская общественно-политическая мысль и маоизм. М., «Наука», 1975, 224 стр.

японские идеологи ревизионистского толка развернули теоретическую борьбу против марксизма-ленинизма, используя для этого различные постулаты маонизма, не исчерпывают содержания и научной проблематики рецензируемой монографии.

Вторая пекинской пропаганде, агенты маонизма в Японии пытаются обосновать тезис о «национальной» специфике маонизма, представить его как «китаизированный марксизм». Автор показывает, что домыслы о «вкладе» Мао Цзэ-дуна в «развитие» марксизма-ленинизма большей частью опираются именно на изыскания в области генезиса маонистских концепций и их связей с традиционными китайскими теориями. Это второй круг вопросов теоретического и методологического характера, поднятых в книге и получивших в ней глубокое освещение.

Автор убедительно показывает, что стремление японских обществоведов промаонистского толка доказать «марксистскую» сущность маонизма как «китаизированного марксизма» ссылками на его связь с китайскими традиционными теориями лишь еще раз разоблачает его мелкобуржуазный, антимарксистский характер. В книге отмечается, что в качестве основного подтверждения тезиса о «китаизации» Мао Цзэ-дуном марксизма в работах некоторых японских обществоведов выдвигается постулат о связи маонизма с китайскими крестьянскими утопическими теориями прошлого, в особенности с китайской традиционной утопией «датун», лежащей в основе социально-политических представлений идеологов тайпинского восстания середины XIX в. Таких взглядов придерживаются, например, Такаги Такэо, Ямагути Итиро, Ямамото Хидэо и др. Действительно, в работах Мао Цзэ-дуна и другой маонистской литературе ясно просматривается наличие прямой преемственности между идеологией тайпинов и маонистскими концепциями. Крестьянские реакционно-утопические представления приписывают весь маонизм, составляя его основу, лишь замаскированную марксистской фразеологией.

Автор справедливо подчеркивает, что «крестьянское происхождение» маонизма и его связь с традиционной китайской теорией «датун» лишь оттеняют антимарксистское содержание маонизма. Как известно, марксизм является научной теорией, раскрывающей роль рабочего класса в осуществлении социалистической революции. Он зародился как теоретическое отражение высшего этапа освободительной борьбы трудящихся, как научная революционная теория эпохи крушения империализма и торжества социалистических революций. Появление марксизма связано с зарождением рабочего класса, в нем обобщена и в теоретической форме выражена историческая миссия рабочего класса как строителя нового общественного строя, вытекающая из объективных условий его существования как основной производительной силы общества.

Крестьянство же, занимающее особое ме-

сто в системе общественного производства, в состоянии выработать лишь мелкобуржуазную теорию общественного развития. Что же касается крестьянских утопий периода феодализма, в которых японские теоретики усматривают истоки маонизма, то они были всего лишь провозвестниками буржуазных общественных отношений и по своему характеру отнюдь не являются марксистскими. Поэтому автор совершенно прав, когда он объявляет абсолютно беспочвенными попытки некоторых японских обществоведов доказать марксистскую сущность маонизма как «китаизированного» марксизма.

Касаясь методологической основы вышеприведенных рассуждений японских социологов о генетических истоках маонизма, автор пишет: «Конечной причиной ошибочного рассмотрения «идей Мао Цзэ-дуна» как «национального» варианта марксизма-ленинизма, необоснованного заключения о «творческом» развитии автором этих «идей» марксистско-ленинской теории, с чем мы встречаемся в работах некоторых японских Китаеведов, оказывается неглубокое усвоение ими марксизма-ленинизма, мешающее им понять самую суть этого учения» (стр. 128—129). Им присуще такое толкование марксизма, которое, «предавая забвению самую суть этого учения — его связь с объективными историческими условиями общественного развития, акцентирует его внешнюю сторону, обращает внимание на его революционный пафос, его гуманистическую направленность, которые трактуются либо абстрактно, либо в интересах осуществления целей, прямо противоположных тем, которые провозгласил марксизм» (стр. 129).

В этом отрывке сформулирована суть методологической ошибки тех японских социологов, которые пытаются истолковать маонизм как «китайскую» разновидность марксизма.

Обширный материал для научной критики маонизма содержится в разделах, посвященных отношению к маонистским концепциям некоторых японских «советологов». В частности, в книге характеризуются взгляды Кикуги Масанори и Ямада Кэйдзи на роль и место маонизма в истории освободительной борьбы народов Китая. Кикуги и Ямада также пытаются доказать тезис о так называемой «китаизации» Мао Цзэ-дуном марксизма и на этой основе противопоставляют «идеи Мао Цзэ-дуна» ленинизму и опыту социалистического строительства в СССР.

Из рецензируемой книги явствует, что апология маонизма, противопоставление маонизма ленинизму у японских «советологов» выливается в защиту анархизма, мелкобуржуазного левачества. Раскрытая автором идейно-теоретическая позиция этих советологов, оказавшихся в лагере сторонников маонизма, лишь оттеняет такие элементы в толковании проблемы человека маонистами, которые не имеют ничего общего с идеалом социалистического гуманизма и задачей подлинного освобождения человека.

С другой стороны, отношение японских «советологов» к маоизму объективно подчеркивает его действительное отличие от ленинизма, его несовместимость с ленинской теорией строительства социализма.

В книге уделено много внимания анализу отношения некоторых идеологов «левого» радикализма в Японии к маоизму. Это одна из наиболее сложных идейно-теоретических проблем, освещенные которой предполагают наличие достаточной подготовленности в сфере тех общественных наук, которые включает в себя данная проблема в целом. Думается, что автор справился с поставленной задачей. В его книге мы находим немало ценных выводов, верных заключений и оценок относительно содержания и эволюции воззрений леворадикалистских идеологов в Японии. Основательно, со знанием дела охарактеризованы в ней взгляды Уэмэмото Кацуми, вскрыты причины его постоянного сползания в лагерь апологетов маоизма. Они, как показывает автор, заключены в исходных теоретико-философских представлениях Уэмэмото, в его политических симпатиях, характеризующихся антисоветизмом и антикоммунизмом. Смыкание Уэмэмото с маоизмом поэтому представляется естественным и закономерным.

Большое внимание автор уделит анализу взглядов Курода Канити и его отношению к маоизму. Этот леворадикалистский идеолог вот уже несколько лет выступает в Японии в качестве критика маоизма. Автор проявил научную принципиальность, сумев за ультрареволюционной фразеологией Куроды и его резкими нападками на маоизм разглядеть антисоветскую, антисоциалистическую основу его критики маоизма. В книге правильно отмечается, что эта критика лишена научной основы, она не в состоянии выдвинуть в качестве альтернативы маоизму подлинно революционную теорию, ибо ультралевацкие концепции Куроды так же далеки от марксизма-ленинизма, как и сам маоизм. Вместе с тем автор обоснованно констатирует, что при всей непримлемости исходных позиций Куроды его критика в адрес маоизма подмечает в последнем такие черты, которые характеризуют его как мелкобуржуазное националистическое течение.

Предпринятый автором книги анализ взглядов некоторых представителей идеологии «левого» экстремизма в Японии свидетельствует о том, что в стремлении развязать мировую термоядерную войну, в желании уничтожить Советский Союз и весь социалистический лагерь ультралевацкие идеологи и маоисты едины. Как подчеркивается в книге, «это свидетельствует о том, что антисоветизм, антигуманизм могут стать той платформой, на которой маоисты и ультралевые деятели находят общий язык, несмотря на критику, которую некоторые «левые» теоретики направляют в адрес Мао Цзэ-дуна» (стр. 214).

В заключительном разделе книги говорится о том отрицательном воздействии, которое оказывают маоистские концепции на развитие общественно-политической мысли в Японии. Автор совершенно справедливо подчеркивает, что, проникая в эту страну, они становятся тормозом для развития передовых философских и общественно-политических взглядов. Следование этим концепциям, их некритическое восприятие означают попятное движение общественно-политической мысли, деградацию и застой научного знания. Можно полностью присоединиться к словам автора, которыми он заключает свою книгу: «Философские и социологические концепции, отстаиваемые некоторыми промаоистскими теоретиками в Японии, стоят в одном ряду с различного рода ревизионистскими, буржуазными теориями... Они играют отрицательную идейно-политическую роль... мешая подлинно творческому развитию марксизма-ленинизма».

Теоретическая борьба с маоизмом, опровержение его лженаучных концепций становятся одним из важных условий развития передовой общественно-политической мысли в Японии» (стр. 218).

Издание книги явилось заметным событием в жизни советского востоковедения. Оно свидетельствует, что наши ученые-востоковеды все более углубленно исследуют проблемы идейно-политической жизни современной Японии, те проблемы, которые сейчас особенно остро стоят перед общественно-политической мыслью этой страны.

Б. В. Валентинов

Путь маоистов*

В начале нынешнего года венгерское издательство им. Кошута выпустило в свет рассчитанную на широкий круг читателей на-

* Ф. Варнаи. Путь маоистов. Будапешт, 1976, 314 стр.

учно-публицистическую книгу «Путь маоистов». Ее автор, Ференц Варнаи, — член редакционной коллегии и заведующий внешнеполитическим отделом газеты ЦК ВСРП «Непсабадшаг». Главную свою задачу автор видит в том, чтобы ответить на основной вопрос: как могло случиться, что антимарксистские концепции и практика стали господствующими в партии, которая начиная со своего возникновения развивалась с идейной и политической помощью Коммунистического Интернационала, международного коммунистического движения и КПСС? Ука-

зывая, что ответ на этот вопрос требует исторического подхода, автор показывает, что более чем полувекковая история Компартии Китая является историей то скрытой, то открытой внутрипартийной борьбы, в которой, как сейчас уже очевидно, сталкивались два курса: сторонники марксистско-ленинского, интернационалистского курса боролись с представителями непролетарского курса, придерживающимися националистических концепций, которые считали и считают коммунистическую партию главным образом средством восстановления «былого величия Китая», с мелкобуржуазными революционерами, которые основали только некоторые части или отдельные лозунги марксизма, но на деле выступают против его существа.

Автор подчеркивает во Введении, что борьба против маоизма — это не борьба между двумя партиями или двумя государствами, как это пытаются представить сами маонисты и их буржуазные апологеты, а борьба всего международного коммунистического движения против опаснейшей разновидности ревизионизма. Ф. Варнаи пишет, что сейчас задачей марксистско-ленинских сил является борьба не только против международного империализма, но и против политики маонистского руководства Китая. Автор приводит также слова первого секретаря ЦК ВСРП тов. Яноша Кадара о том, что, если бы даже шла речь только о борьбе маонистов против Советского Союза, это все равно означало бы выступление против пролетарского интернационализма. Отношение к Советскому Союзу тов. Янош Кадар определил как «измеритель политического мировоззрения».

Опираясь на большое число синологических источников, в том числе на целый ряд работ советских китаеведов, Ф. Варнаи вскрывает корни маонистских концепций и причины их распространения в Китае. Автор указывает вместе с тем, что его работа не является историческим исследованием; в книге выделяются лишь те моменты из истории Китая и КПК, которые помогут читателю понять корни маонистских концепций, причины их распространения в Китае.

Книга тов. Ф. Варнаи состоит из четырех глав, введения и заключения. Первую главу («Борьба между интернационалистами и националистами от создания Коммунистической партии Китая до образования Китайской Народной Республики») автор делит на четыре раздела, каждый из которых соответствует следующим этапам новейшей истории Китая: подготовка и осуществление национальной революции в период с 1921 по 1927 г., Вторая революционная гражданская война (1927—1936 гг.), Национально-освободительная война против японских захватчиков в период 1937—1945 гг., Народно-освободительная война против Гоминьдана (1946—1949 гг.). В каждом из разделов главы автор выделяет основные вехи, вокруг которых ведется документированное изложение и анализ исследуемого материала. Для первого раздела, например, такими вехами

являются: первый съезд КПК (автор называет его учредительным съездом), дискуссия о едином фронте (в связи с общностью задач антиимпериалистической и социальной борьбы), первая революционная гражданская война, роль крестьянства в революции, контрреволюционный переворот Чан Кай-ши. Говоря о большой организующей и политико-идеологической роли учредительного съезда КПК, автор вместе с тем вскрывает и обозначившуюся на нем борьбу двух тенденций: первой — за пролетарскую партию ленинского типа, второй — за организацию типа «легальных марксистов». Он указывает также и на определенные сектантские тенденции съезда. Во втором и третьем разделах книги автор отводит большое место формированию мировоззрения Мао, раскрытию его национализма и антикоммунистической позиции. Обобщая анализируемый материал, Ф. Варнаи приходит к выводу, о том, что оппозиция Мао марксизму-ленинизму и его политическая борьба против Коминтерна коренятся в националистической мелкобуржуазной идеологии. Своей политической практикой он доказал неприятие им идеи руководящей роли рабочего класса и союза рабочего класса и крестьянства.

Вторая глава работы Ф. Варнаи называется «Переход на социалистический путь развития. Период плодотворного сотрудничества с социалистическими странами». Глава охватывает период от образования КНР до конца 50-х годов: ее основные разделы: завершение демократических преобразований и восстановление народного хозяйства (1949—1953 гг.), начало социалистической индустриализации, VIII съезд КПК. В этой главе преобладает позитивный материал, однако вместе с тем автор раскрывает подлинную сущность «дела» Гао Гана и Жао Шу-ши, показывает проявление антисоветизма и национализма в политике китайского руководства. В последнем разделе главы Ф. Варнаи много внимания уделяет ревизии Мао Цзэ-дунем решений VIII съезда КПК, в частности, анализу его речи на Верховном государственном совещании в феврале 1957 г. «К вопросу о правильном разрешении противоречий внутри народа».

Центральное место в книге занимает III глава «Деформация социалистического развития. Разрыв КПК с международным коммунистическим движением». Ее основные разделы: отход от генеральной линии, политика «большого скачка» (1958—1960 гг.); политика урегулирования в экономике, борьба маонистов за власть и за изменение линии международного коммунистического движения (1961—1965 гг.); «культурная революция» (1966—1969 гг.). Последнюю главу своей книги, в которой рассматривается период после 1969 г., Ф. Варнаи назвал «Попытки консолидации маонистской власти». В этой главе пять разделов: IX съезд и провокации на советско-китайской границе, «дело» Линь Бяо, X съезд КПК, новый внешне-

неполитический курс: сближение с империалистическими державами, продолжение борьбы за власть. Материалы книги доведены до 1975 г., в последнем разделе главы рассматривается кампания «критики Линь Бяо и Конфуция», новая Конституция КНР, современная борьба «прагматиков» и «радикалов».

В Послесловии автор отмечает, что маоизм, возникший в китайском коммунистическом движении, является таким идеологическим течением, такой политической практикой, которые враждебны марксизму-ленинизму. По своим социальным истокам — это мелкобуржуазное течение. Пример Китая показывает, что выдвигание национализма и шовинизма на первый план в стране, ставшей на путь строительства социализма, как это произошло в КНР, приводит к постепенной деформации основ социализма, к серьезной угрозе для завоеваний револю-

ции, к отходу от социализма. Показав, что в КНР не достигнуто крупных успехов в развитии народного хозяйства, автор подчеркивает, что деформированная политическая надстройка оказывает воздействие и на базис, что действительные социально-экономические проблемы Китая остаются нерешенными и что политика маоистов противоречит интересам мира и прогресса, интересам самого китайского народа.

Книга тов. Ф. Варнаи — заметное явление в венгерском и социалистическом китаеведении, значительный вклад в дело борьбы с маоизмом за социалистическую перспективу КНР.

*Л. М. Гудошников,
доктор юридических наук
Л. В. Гречко*

XXV съезд КПСС и проблемы современного Китая

В докладе Генерального секретаря ЦК КПСС тов. Л. И. Брежнева «Отчет Центрального Комитета КПСС и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики», в выступлениях делегатов и зарубежных гостей форума советских коммунистов подчеркивался принципиальный характер марксистско-ленинской политики Советского Союза по отношению к Китаю, а также раскольнический, антисоциалистический и проимпериалистический курс маоистских лидеров.

Президент Академии наук СССР, академик А. П. Александров в своей речи на съезде указывал на необходимость развития фундаментальных исследований, призывал ученых нашей страны увеличивать свой вклад в дело строительства развитого социалистического общества.

Советские китаеведы, учитывая всю важность и актуальность возложенных на них как научных, так и идеологических задач, имея в виду глубокую органическую связь между решениями XXV съезда и направлениями развития всей советской науки, планируют дальнейшее исследование проблем современного Китая в качестве своей долгосрочной программы. Именно этой теме была посвящена состоявшаяся 2 апреля 1976 г. в Институте Дальнего Востока АН СССР научная конференция.

Конференцию открыл директор Института, член-корреспондент АН СССР М. И. Сладковский. «Новые теоретические и политические выводы по проблемам Китая, содержащиеся в докладе Л. И. Брежнева на XXV съезде КПСС, — отметил тов. М. И. Сладковский, — обогащают науку китаеведения и должны быть положены в основу наших исследований. Ими следует руководствоваться и в научно-организационной и во всей идеологической деятельности».

Определяя конкретные задачи советского китаеведения вообще и ученых Института Дальнего Востока в частности, М. И. Сладковский отметил, что слова Л. И. Брежнева о том, что «полноводный поток научно-технического прогресса иссякнет, если его не будет постоянно питать фундаментальные исследования», имеют прямое отношение и к китаеведению. Однако, подчеркнул

М. И. Сладковский, нельзя допускать того, чтобы написание фундаментальных трудов отрывало нас от текущих задач. Фундаментальные исследования должны вытекать и определяться стоящими перед наукой задачами в тесной связи с практикой.

В докладе была дана оценка деятельности Института за период со времени XXIV съезда КПСС и намечена программа исследовательских работ на десятую пятилетку. Среди планируемых работ особое место должно занять трехтомная «История Китая в новейшее время», фундаментальный труд большого коллектива. М. И. Сладковский определил также ряд актуальных проблем — политика КПСС в отношении коллективной безопасности в Азии, разоблачение маоистских и буржуазных измышлений по поводу советско-китайских отношений.

Заместитель директора ИДВ АН СССР, кандидат философских наук В. А. Кривцов в своем докладе «Борьбу против маоизма — на уровень задач, поставленных XXV съездом КПСС» подчеркнул, что особое внимание съезд уделил дальнейшему раскрытию характера политики нынешнего китайского руководства. Он указал, что эта политика не только откровенно направлена против большинства социалистических государств, но и прямо смыкается с позициями самой крайней реакции во всем мире, милитаристов, врагов разрядки, расистов и фашистов... На съезде говорилось о большой опасности для всех миролюбивых народов мира лихорадочных попыток Пекина сорвать разрядку, не допустить разоружения, посеять недоверие и вражду между государствами. Съезд констатировал стремление Пекина спровоцировать мировую войну, а самому погреть на этом руки. Подчеркивая, что такая политика Пекина глубоко противоречит интересам всех народов, Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев сказал на съезде: «Мы будем давать отпор этой поджигательской политике, защищать интересы Советского государства, социалистического содружества, мирового коммунистического движения».

В. А. Кривцов наметил некоторые конкретные задачи ученых Института в деле разоблачения контрреволюционной сущности маоизма.

Доктор экономических наук Е. А. Коновалов представил на конференции доклад «XXV съезд КПСС о государстве развитого социалистического общества и маоистские извращения экономической роли и функции государства при социализме». Отмечая, что в условиях развитого социалистического общества роль государства постоянно возрастает, и анализируя ряд мероприятий маоистского руководства в области промышленности и сельского хозяйства, автор отметил, что за последние годы в КНР сло-

жила экономическая система, которая по своим целям и задачам противопоставлена социалистической, что маонисты широко используют государственную и кооперативную собственность, отдельные преимущества социализма (централизованное управление, общественные формы распределения и пр.) для достижения корыстных, великодержавных, гегемонистских целей. Расширение власти маонистского государства означает административное вмешательство в различные стороны общественной, хозяйственной, семейной жизни трудящихся, создание авторитарной хозяйственной системы, где в основу положены волевые, субъективистские решения высшего руководителя.

Являясь недемократическим и антисоциалистическим по своей сути, маонистское государство обособило свой «интерес» от классовых интересов рабочих и крестьян. Маонистское государство не выполняет социальных функций по всестороннему и гармоничному развитию личности. В этом состоит его антинародный характер. Учитывая гегемонистскую, великодержавную направленность внешней политики маонистов, Китай может использовать плоды тяжелейшего труда более чем 800-миллионного народа для реализации авантюристических, экспансионистских планов в ущерб делу мира, делу социализма.

Об антисоциалистическом курсе маонистов во внутренней политике говорилось также в докладе доктора юридических наук Л. М. Гудошников. Современное развитие Китая, отметил он, свидетельствует о действительной тенденции в сторону ужесточения маонистской диктатуры. Это проявляется, во-первых, в ограничении гражданских прав. Так, из новой конституции исключены положения о материальных гарантиях социально-экономических прав граждан, что делает их провозглашение чисто формальным. Во-вторых, происходит дальнейшее усиление карательно-репрессивного аппарата маонистской диктатуры. Значительно усилены полномочия органов общественной безопасности, которые совмещают выполнение функций органов прокуратуры, полиции, разведки и контрразведки. Целый ряд карательных функций передан организации народного ополчения, деятельность которого не ограничена рамками законности, а подчиняется лишь требованиям так называемой «линии масс», служащей удобной ширмой для проведения всякого рода незаконных акций. Так например, отряды народного ополчения используются маонистами для внеэкономического принуждения трудящихся. Сходные карательные функции выполняет и армия, которая, по признанию китайской печати, является «главной составной частью государственной власти».

Власть в Китае, подчеркнул докладчик, по-прежнему представляет собой диктатуру военно-бюрократической маонистской группировки. Маонисты опираются на армию и насилие, а также широко используют социальную демагогию.

Продолжая великодержавные традиции феодальных правителей «Срединной империи» и националистического режима, указывалось в докладе кандидата филологических наук Т. Р. Рахимова, современные пекинские лидеры рассматривают все без исключения неханьские народы как «национальные меньшинства», не имеющие якобы территориальной общности. Разоблачая эти шовинистические домыслы, Т. Р. Рахимов обращает внимание на тот факт, что дискриминационная политика китайских властей в последние годы еще более усилилась. Из новой конституции КНР изъято положение о запрещении дискриминации и гнета в отношении любой национальности, а также указание о том, что государство должно проявлять заботу о нуждах всех национальностей.

Лишая неханьские народы элементарных политических прав, ликвидируя их культуру и язык, отметил докладчик, маонисты открыто проводят курс на скорейшую насильственную ассимиляцию неханьских народов.

«...Мы готовы нормализовать отношения с Китаем на принципах мирного сосуществования, — заявил в своем выступлении на XXV съезде КПСС тов. Л. И. Брежнев, — ...Дело за китайской стороной». Четкая, конструктивная и принципиальная позиция Советского правительства в советско-китайских отношениях — неотъемлемая часть всей стратегии сил социализма, направленной на создание подлинно мирного климата на всей Земле.

Какова же внешнеполитическая программа маонизма? Как рассматривают в Пекине отношения между КНР и СССР? Давая исчерпывающий ответ на эти вопросы, кандидат исторических наук В. С. Мясников в своем докладе на конференции подчеркнул, что на практике маонисты осуществляют политику диаметрально противоположную принципам мирного сосуществования. Вместо взаимного уважения территориальной целостности и суверенитета — активное выдвижение территориальных притязаний к нашей стране и вооруженные нарушения границ СССР. Вместо гарантии взаимного неападения — отказ от любых обязательств в этой области. Вместо невмешательства во внутренние дела — организация на территории СССР провокационных вылазок, засылка через границу шпионско-диверсионной агентуры. Вместо равенства и взаимной выгоды — свертывание и замораживание экономических связей и научно-технического сотрудничества, отказ от культурных связей. Вместо мирного сосуществования — ориентация внешней политики Китая на конфронтацию с социалистическим дружеством, законодательное закрепление маонистской группировкой антисоветского курса в качестве государственной политики довольно длительного исторического периода.

В настоящее время прослеживается тенденция пекинской дипломатии «замкнуть» советско-китайские отношения так назы-

ваемой «погранично-территориальной проблемой», якобы «оставленной историей» в наследство двум государствам, обусловить решение всех вопросов советско-китайских отношений состоянием пограничных переговоров в Пекине. Выдавая следствие за причину, то есть состояние отношений выводя из искусственно созданного ими «пограничного вопроса», маоисты в то же время любыми способами делают невозможным прогресс на переговорах. Фактически препятствуя ведению переговоров путем отклонения всех конструктивных предложений советской стороны, абсолютизируя свой проект отношений о «статус-кво», протаскивая идеи «спорности» значительных участков советской территории и необходимости «развода войск» на них, пекинские лидеры одновременно сознательно дезинформируют общественность, утверждая, будто только из-за позиции советской стороны китайско-советские переговоры по пограничному вопросу не дали результатов. В целом, резюмирует автор, требования Пекина, которыми он обусловил переговоры, неприемлемы ни для одного суверенного государства. Они противоречат основным положениям современного международного права.

Кандидат исторических наук В. П. Ломыкин рассмотрел формы союзничества маоистов с самыми реакционными режимами и кругами буржуазного мира в совместных попытках воспрепятствовать процессу материализации разрядки в международных отношениях, в целях наращивания ракетно-ядерной мощи и агрессивных антисоциалистических потенциалов международного фронта сил реакции.

Характерной особенностью тактики маоистского внешнеполитического курса В. П. Ломыкин считает стремление лидеров КПК установить самые тесные контакты с реакционной оппозицией ряда империалистических держав, представляющей интересы военно-промышленного комплекса, предоставить им поддержку в их внутренней борьбе со сторонниками курса на улучшение отношений со странами социалистического сотрудничества.

Вместе с тем лидеры КНР стремятся активно использовать противоречивые аспекты правительственной политики буржуазных стран, в частности они поддерживают принятие программ роста вооружений, поощряют развитие и усиление военно-политических блоков, направленных против стран социализма.

Особое место в своих гегемонистских планах Пекин отводит развивающимся государствам, которые, как указал в своем докладе кандидат исторических наук А. С. Красильников, рассматриваются маоистами как районы своего будущего господства, резерв в борьбе против сил социализма.

Открытый переход китайского руководства на позиции, отстаиваемые самыми реакционными представителями империализма, несет угрозу свободе и независимости развивающихся государств. А о том, что этот

переход осуществлен, свидетельствует следующее: совпадение антисоциалистической направленности внешнеполитических концепций маоизма и империалистических доктрин; параллельные, а иногда и совместные действия Пекина и реакционных сил Запада, направленные на ослабление позиций мирового социализма, национально-освободительного движения; поддержка империалистических военно-политических блоков, действий империализма, реакции в «третьем мире». Эта политика китайского руководства вступила в острый конфликт с объективными законами развития классовой антиимпериалистической борьбы на международной арене, с необходимостью сплочения и укрепления единства всех революционных сил.

В докладе «Вопросы дальнейшего укрепления единства международного коммунистического и рабочего движения и задачи борьбы с маоизмом в свете решений XXV съезда КПСС» кандидат философских наук Б. В. Поспелов, рассмотрев выступления представителей коммунистических и рабочих партий на съезде советских коммунистов, отметил, что, отражая позицию мирового коммунистического движения по отношению к маоизму, представители этих партий решительно осудили маоизм как одну из разновидностей антикоммунизма; на примере революционного движения своих стран показали колоссальный вред, который наносят делу освободительной борьбы теории и практика маоистского руководства.

Антимаоистский фронт коммунистических и рабочих партий мира, как известно, сложился сразу же после того, как маоистское руководство попыталось развернуть подрывную раскольническую деятельность против мирового коммунистического движения. Встретив со стороны абсолютного большинства этих партий решительный отпор своим притязаниям, оно было вынуждено изменить тактическую линию. Сейчас главной целью пекинских раскольников стали попытки навязать нейтралистское отношение к маоизму, представить дело таким образом, будто существующие разногласия распространяются только на их отношения с КПСС и не затрагивают отношений с другими коммунистическими партиями.

«Нейтрализм» в отношении к антисоветскому, антисоциалистическому курсу лидеров маоизма объективно ослабляет единый фронт миролюбивых сил перед лицом координированных усилий империализма и маоизма, направленных в конечном итоге на провоцирование ядерного столкновения, на решение всех международных проблем вооруженным путем.

Завершилась конференция докладом кандидата исторических наук К. В. Кукушкина «О роли тов. Ван Миня в истории революционного движения». В выступлении на XXV съезде КПСС тов. М. А. Сулов среди ушедших от нас видных деятелей коммунистического, рабочего и национально-освободительного движения отметил и имя

тов. Ван Мина, верного сына китайского народа, посвятившего всю жизнь борьбе за освобождение Китая, за социалистическое развитие родины, за торжество принципов марксизма-ленинизма.

Мао Цзэ-дун и его приверженцы, изображая историю КПК и китайской революции как летопись «деяний» одного Мао Цзэ-дуна, объявили всех подлинных борцов за интересы китайских трудящихся, марксистов-ленинцев, интернационалистов «капитулянтами, классовыми и национальными предателями». Особенно грубым нападкам и фальсификациям со стороны маоистов подверглась деятельность тов. Ван Мина. Имя Ван Мина и сегодня не сходит с языка маоистских клеветников. Это объясняется тем, что Ван Мин всю свою жизнь отстаивал пролетарский интернационализм, линию Коминтерна, международного коммунистического движения, боролся за дружбу между народами Китая и СССР, за тесное сотрудничество между КПК и КПСС, решительно выступал против различных оппортунистических течений в КПК, беспощадно разоблачал теорию и практику маоизма.

До конца своей жизни Ван Мин самоотверженно боролся против антинародного, антисоциалистического курса Мао Цзэ-дуна, подчеркнул докладчик. В заключительных словах Ван Мина, которые он написал 23 марта 1974 г., за три дня до своей кончины, выражена непоколебимая вера в победу китайского народа над маоистской реакцией: «Китайские коммунисты, весь китайский народ непременно добьются избавления от реакционного господства Мао Цзэ-дуна, с тем чтобы построить свое светлое и счастливое социалистическое будущее и навсегда овладеть судьбой Китая. Этот вывод неизбежно вытекает из неумолимых закономерностей исторического развития».

Итоги конференции ученых Института Дальнего Востока АН СССР наглядно показали рост научного потенциала советского китаеведения, продемонстрировали пристальное внимание представителей общественных наук к наиболее острым и актуальным проблемам современного Китая и понимание большой важности идеологических задач, поставленных XXV съездом КПСС.

В. В. Зайцев

* * *

Проблемы формирования границ Китая в современной историографии

В свете решений XXV съезда КПСС, поставившего перед советской наукой задачи повышения качества и эффективности исследовательской работы, Институт Дальнего Востока АН СССР в конце мая 1976 г. провел конференцию, посвященную актуальным проблемам формирования границ Китая в освещении современной историографии.

С основным докладом выступил кандидат исторических наук В. С. Мясников. Он подчеркнул, что важнейшей задачей конференции является борьба с буржуазной и маоистской интерпретацией проблем формирования границ Китая. Он напомнил, что маоистская пропаганда и историография усиливают попытки навязать общественному мнению свою версию становления границ Китая, при этом особая роль отводится журналам, связанным с историческими науками. Возобновление издания исторических жур-

налов, закрытых в период «культурной революции», во многом было обусловлено стремлением пекинских лидеров придать научнообразный вид той схеме формирования границ Китая, которая была изложена в заявлениях правительства КНР и документах МИД КНР 1960—1969 гг.

Докладчик, привлекая большой документальный материал, дал характеристику основных черт и особенностей китайской историографии в исторической перспективе. Он отметил, что китайская историография до начала XX в. базировалась на конфуцианских канонах и идее незыблемости императорской власти. К началу XX в. в Китае сложилась историография, искаженная в трех измерениях: концептуальном, в плане интерпретации отдельных событий, а также в плане прямой фальсификации документов.

Буржуазно-националистическая историография Китая не могла всерьез пересмотреть цинско-китайские постулаты, она взяла на вооружение эти обветшалые концепции, лишь слегка их подновив. Основной акцент, как отметил докладчик, был сделан ею на события лишь XIX в. При этом, спекулируя на стремлении к национальному освобождению, на явлении национального угнетения Китая западными капиталистическими державами, они выдвинули реваншистский лозунг необходимости возвращения Китаю всех земель, якобы утраченных им в период упадка Циннов. Гоминьдановские авторы, как подчеркнул докладчик, придавали важное значение дискредитации национально-освободительного движения неханьских на-

родов, отрицая их право на самостоятельное развитие.

Докладчик обратил особое внимание на тот факт, что в начале 30-х гг. китайские коммунисты-интернационалисты в противовес гоминьдану сформулировали программу решения национально-территориального вопроса, которая основывалась на марксистско-ленинских принципах, в том числе на праве наций на самоопределение (I Всекитайский съезд Советов).

Переходя к анализу положения в тайваньской историографии, докладчик отметил, что после 1949 г. гоминьдановские деятели стремились использовать погранично-территориальные проблемы как средство идеологического воздействия на население страны. Особенно характерными были работы, воспевавшие великоханьский шовинизм, как «истинный патриотизм», причем размеры территориальных воделений служили своеобразным мериллом «величия национального духа». Много места в докладе было уделено вопросу об издании на Тайване во второй половине 60-х — начале 70-х гг. материалов, связанных с историей формирования границ Китая: документов, опубликованных в свое время в императорском Китае, и сочинений феодальных авторов по пограничным проблемам. С помощью новейшей копировальной техники в научную литературу в большом количестве были введены исторические материалы в их, так сказать, первоизданном виде, в том числе и с концептуальными шаблонами, выработанными еще в феодальном Китае, а также документальные материалы, достоверность которых во многих случаях нуждается в подтверждении. Перед советской историографией, подчеркнул докладчик, в этой связи выдвигается задача научной критики подобных публикаций.

Докладчик подчеркнул, что тайваньские политики уделяют пристальное внимание пограничной политике руководства КНР. Именно выдвигание официальным Пекином погранично-территориальных вопросов на передний план во взаимоотношениях Китая с соседними странами послужило средством смягчения тайваньской критики в адрес маоистов и, более того, — связующим звеном между великоханьскими идеологами Пекина и Тайбэя. Гоминьдановские авторы нередко даже критикуют Пекин за то, что он якобы недостаточно активно выступает за возвращение Китаю «утраченных территорий».

Докладчик показал, что исподволь в историческую литературу в КНР стали уже в 50-е гг. протаскиваться националистические идеи, зачастую имевшие явную антисоветскую окраску, в том числе идея правопреемства современным Китаем территориальных владений старых китайских императоров и др.

Открытый отход маоистского руководства от марксизма-ленинизма сказался самым непосредственным образом на разработке вопросов формирования границ Китая. Историческая наука была нацелена на

оправдание великоханьского гегемонистского курса Пекина, произошло полное смыкание китайской историографии с гоминьдановской как в вопросе об «утраченных территориях», так и в интерпретации истории формирования границ Китая. Маоистские историки, как и гоминьдановские авторы, неправомерно расширяют хронологические рамки истории формирования территории Китая. Для маоистской, как и для гоминьдановской концепции «пограничных проблем» Китая характерна идея воинствующего экспансионизма, прикрываемая выпященными рассуждениями о значении границ для национальной обороны страны. Но если гоминьдановские «теоретики» начала 30-х гг. спекулировали на патриотизме китайского народа перед лицом реальной угрозы поглощения Японией, то маоистские авторы, закрывая глаза на качественно иной характер современных границ Китая, придумывают миф «об угрозе с Севера» и т. д.

Докладчик отметил, что общим для гоминьдановской и маоистской историографии является и злобный антисоветизм. Китайскому читателю, как и в старое время, пытаются внушить мысль о том, что якобы существует «оставленный историей сегодняшний вопрос о советско-китайской границе». В заключение докладчик подчеркнул, что историческая наука КНР не только не стремится преодолеть построения феодальной и гоминьдановской историографии, дать отпор идеологическому наступлению тайваньской пропаганды по вопросам истории формирования и нынешнего положения границ Китая. Напротив, маоисты в зародыше подавили попытки критического переосмысления исторического материала в этой области. В настоящее время китайская историография выродилась в сумму официозных пропагандистских материалов, обслуживающих потребности экспансионистского курса пекинского руководства.

Предметом особого внимания конференции был вопрос об освещении в советской и китайской литературе международных отношений в Центральной Азии в XVIII—XIX вв. В сообщении отмечалась научная значимость и политическое звучание проблемы в связи с беспочвенными притязаниями маоистов на земли Советского Казахстана и республик Средней Азии, обращалось внимание на искажение маоистами самой истории присоединения народов Казахстана и Средней Азии к России. Докладчик призвал советских историков и далее продолжать разработку вопросов взаимоотношений России и цинского Китая с народами Центральной Азии.

Определенное внимание участники конференции уделили вопросу о дипломатической практике Пекина на переговорах по пограничным вопросам. В специальном сообщении приводились убедительные примеры того, что пекинская сторона на советско-китайских переговорах со времени первых открытых выступлений официального Пекина против СССР и КПСС на международной арене

упорно раздувает по существу технический вопрос об уточнении советско-китайской границы, то есть о демаркации и редемаркации линии границы, возводит его в сложную, трудноразрешимую проблему.

Одно из сообщений было посвящено анализу западной буржуазной историографии. При этом было отмечено, что буржуазная историография проявляла с первых дней Октябрьской революции заметный интерес к развитию советско-китайских отношений, имевший яркую политическую окраску. В наши дни западная историография живо прореагировала на выдвижение маонистами погранично-территориального вопроса на передний план во взаимоотношениях с соседними странами. Значительная часть буржуазных китайцев в работах, посвященных проблемам новейшей истории Китая и советско-китайских отношений, публикует карту «утраченных» Китаем земель, на которой часть территории СССР отмечена как земля, якобы ранее принадлежавшая Китаю. Вместе с тем отмечалось, что далеко не все западные авторы разделяют маонистскую версию о том, что «историей оставлен сегодняшний вопрос» о советско-китайской границе, во многих работах термин «неравноправный договор» берется в кавычки. В сообщении особое внимание было уделено вопросу о позиции буржуазной историографии относительно попыток маонистов оправдать выдвижение своих территориальных притязаний к СССР не только ссылками на «исторические права», но и на такие документы Советской власти по вопросам отношений с Китаем, как Обращение Совнаркома РСФСР «К китайскому народу и правительствам Южного и Северного Китая» (1919 г.) нота НКВД РСФСР МИД Китая (1920 г.), Соглашение об общих принципах для урегули-

рованных вопросов между Союзом ССР и Китайской Республикой (1924 г.). Докладчик подчеркнул, что многие буржуазные китайцевы предприняли попытку отыскать в ранних советских документах нечто такое, чем можно было бы оправдать позицию маонистов, но, как и следовало ожидать, эти поиски оказались тщетными.

Ряд выступлений был посвящен исследованию актуальных вопросов формирования вьетнамо-китайской и корейско-китайской границы в историографии Вьетнама и КНДР.

Проблема отображения китайско-индийского спора в индийских публикациях также была предметом специального внимания. В выступлении подчеркивалось, что в Индии ведется интенсивное исследование вопросов китайско-индийской границы, при этом делается упор на поиск дополнительных доказательств принадлежности Индии спорных и оспариваемых территорий. Докладчик отметил при этом, что позиция индийской историографии по ряду вопросов претерпевает известные изменения.

В выступлении о состоянии китайско-непальской пограничной проблемы докладчик дал краткий обзор источников по формированию китайско-непальской границы, осветил основные этапы переговоров, обратив при этом особое внимание на формы и методы, используемые китайским руководством для решения в интересах Китая пограничной проблемы с Непалом.

В прениях была отмечена несомненная польза проведенной конференции для изучения проблемы формирования границ Китая с марксистско-ленинских позиций.

Р. А. Мировицкая,
кандидат исторических наук

* * *

Актуальные вопросы сельского хозяйства КНР

В апреле 1976 г. в Институте Дальнего Востока АН СССР состоялась научная конференция на тему «Актуальные проблемы сельского хозяйства КНР».

Во вступительном слове заместитель директора ИДВ кандидат экономических наук В. П. Потанов остановился на основных проблемах сельского хозяйства, на его роли и месте в экономике Китая.

Развитие сельского хозяйства Китая свидетельствует о том, что уровень удовлетворения возрастающих потребностей в сельскохозяйственной продукции сдерживается рядом факторов как объективного, так и субъективного характера. Объективными трудностями развития производства являются: низкий уровень производительности труда, слабость материально-технической базы деревни, ограничивающие возможности расширения пахотного фонда, отсталая агротехника. К субъективным факторам прежде всего относится политика маонистского руководства. Его главная цель — создание мощного военно-промышленного потенциала страны обуславливает низкий объем капиталовложений в сельское хозяйство. Современный курс нынешнего руководства КНР в области сельского хозяйства обрекает его на медленные темпы развития.

В докладе кандидата экономических наук И. Н. Коркунова был дан анализ несостоя-

тельности аграрной политики китайского руководства, которому не удалось выдвинуть альтернативу положительному опыту строительства социализма в годы первой пятилетки. Отмечалось, что позиции маонизма по вопросам сельского хозяйства складывались под сильным влиянием опыта яньаньского периода, когда в условиях примитивной экономической жизни, войны и блокады преобладали натуральные отношения, эгалитаризм в распределении, организация трудовых армий.

В настоящее время курс «сельское хозяйство — основа экономики» понимается маонистами прежде всего в плане максимального изъятия прибавочного и части необходимого продукта крестьянского труда. Перераспределение доходов, производимых в сельском хозяйстве в пользу военно-промышленного комплекса ограничивает возможности развития гражданского сектора экономики, и в первую очередь самого сельского хозяйства. Низкий органический состав капитала в сельском хозяйстве определяет и низкую производительность крестьянского труда, что отрицательно сказывается на темпах роста всего народного хозяйства. Таким образом, причины трудностей, испытываемых сельским хозяйством Китая, нельзя объяснить частыми стихийными бедствиями, быстрым ростом населения, природными условиями.

В последнее время руководство КНР ищет выход из создавшихся трудностей на пути «дачжайзации» деревни, сущность которой заключается в попытках создания необратимых изменений в сельском хозяйстве, отрыва от масс, от социализма, дальнейшего повышения интенсификации труда без дополнительных капиталовложений, создания самообеспечивающихся военно-хозяйственных комплексов. Однако эта новая кампания не приведет к подъему сельского хозяйства, повышению жизненного уровня населения и укреплению маонистского режима.

Доклад кандидата экономических наук З. А. Муромцевой был посвящен исследованию развития сельскохозяйственного производства КНР в 60—70-е годы. В докладе были рассмотрены такие вопросы, как влияние курса «сельское хозяйство — основа» на развитие сельскохозяйственного производства, структурные изменения, стоимостные и натуральные оценки основных показателей развития сельского хозяйства.

Сформулированный в начале 60-х годов курс китайского руководства «Сельское хозяйство — основа, промышленность — ведущая сила» явился, по существу, вынужденной мерой, принятой для ликвидации последствий кризиса в экономике страны, вызванного политикой «большого скачка» и «народных коммун».

Так называемый «перевернутый приоритет» в стратегии экономического развития, который рекламируется маонистской пропагандой как одна из главных черт «китайского пути» к социализму, относится только

1961—1963 гг. Лишь в этот период при распределении финансовых, материальных и трудовых ресурсов учитывались в первую очередь потребности сельского хозяйства, а затем всех остальных отраслей. Но уже в 1964 г. по инициативе Мао Цзэ-дуна был выдвинут лозунг «в сельском хозяйстве учиться у Дачжая», в соответствии с которым крестьяне должны вести хозяйство, опираясь на «собственные силы».

Что касается помощи сельскому хозяйству со стороны государства, то централизованные капиталовложения стали выделяться деревне лишь в той степени, в какой это требует сглаживание противоречия между необходимостью расширения фонда накопления и низкой производительностью труда в целях форсированного развития военно-промышленного комплекса.

На сессии ВСНП в начале 1975 г. и на совещании по распространению опыта Дачжая осенью 1975 г. часть китайского руководства сделала попытки трактовать курс «сельское хозяйство — основа» как политику (хотя и в очень урезанном виде) модернизации сельского хозяйства.

Однако борьба маонистов за власть не позволила выработать сколько-нибудь последовательной программы укрепления сельского хозяйства.

Исследование развития сельского хозяйства Китая в 60—70-е годы показывает, что не маонистские установки, а именно отказ от них содействовал стабилизации и некоторому улучшению положения на сельскохозяйственном фронте.

Рассмотрение динамики структуры сельскохозяйственного производства, как было отмечено в докладе, свидетельствует о крайне низком уровне развития производительных сил в сельском хозяйстве. Отсутствие совершенствования структуры сельскохозяйственного производства показывает затруднения в осуществлении расширенного воспроизводства в этой отрасли.

Одним из наиболее сложных вопросов в исследовании структуры являются стоимостные оценки продукции подсобных промыслов. По мнению докладчика, стоимость продукции подсобных промыслов в настоящее время составляет 23—25 млрд. юаней, то есть примерно треть стоимости валовой продукции сельского хозяйства.

В докладе были также рассмотрены оценки натуральных показателей важнейших видов сельскохозяйственной продукции. Тенденция к повышению показателей экономического развития Китая, наметившаяся в последние годы в связи с публикацией отрывочных данных в китайской печати, требует, по мнению З. А. Муромцевой, не только внимательного изучения, но и критического отношения на основе тщательного анализа и синтеза отдельных показателей с учетом общего экономического состава народного хозяйства Китая и его отдельных отраслей.

Интересным в научном и практическом отношении явилось обсуждение на конфе-

решении некоторых сторон зернового производства в КНР, в частности политики китайского руководства в решении вопроса получения товарной продукции и попыток использования в отдельных районах КНР международного опыта «зеленой революции».

Так, кандидат географических наук К. Н. Черножуков в выступлении «К характеристике зон земледелия в Китае» обратил внимание на неравномерность развития отдельных сельскохозяйственных районов страны, на дифференцированную политику руководства КНР в отношении этих различных зон. По его мнению, в районах с наиболее благоприятными природными и экономическими условиями создаются зоны более высокого товарного земледелия. Им, в отличие от основной массы коммун, оказывается значительная помощь со стороны государства. Как правило, эти зоны расположены вблизи промышленных центров и занимают удобное транспортное положение. По значимости зоны товарного земледелия делятся на три категории: общекитайские, провинциальные и пригородные. К зонам, имеющим общегосударственное значение и дающим основную массу товарной продукции страны, относятся дельты рек Янцзы и Чжуцзян, равнины в нижнем и среднем течении Янцзы, приозерные равнины Дунтинху и Поанху и т. д.

В сообщении Ю. В. Минакова «Зеленая революция» в сельском хозяйстве Китая» был отмечен ее ограниченный характер, тем более, что, как и в странах Юго-Восточной Азии, «зеленая революция» в Китае носит «очаговый» характер. Заметнее она проявляется в отдельных районах интенсивного земледелия, пользующихся помощью государства, где применяются относительно передовые методы агротехники, используется больше сельскохозяйственных машин и минеральных удобрений. Однако на основной части пахотного фонда (до 80%) преобладают отсталые методы обработки земли и ведения сельского хозяйства.

В выступлении «Ирригация — как фактор повышения урожайности в сельском хозяйстве КНР» Б. Г. Портников рассмотрел технико-биологические аспекты орошения в Китае. Сельскохозяйственное производство на поливных землях находится в прямой зависимости от уровня агрометеорологической и агротехнической базы орошаемого земледелия. Низкий уровень энерговооруженности сельского хозяйства и малая степень механизации работ в орошаемом земледелии, незначительная эффективность оросительных систем, которые в большинстве случаев представлены самотечными объектами, являются основной причиной медленных темпов роста урожайности и производства сельскохозяйственных культур в районах орошаемого земледелия.

Одной из узловых проблем — обеспечению сельского хозяйства Китая минеральными удобрениями — было посвящено сообщение кандидата экономических наук В. П. Полякова «О производстве минеральных удобрений в КНР», в котором он привел расчеты

потребностей страны в удобрениях и степени их удовлетворения. По оценке, Китай произвел в 1975 г. около 30 млн. т минеральных удобрений, то есть примерно половину необходимого количества. Частично потребности в минеральных удобрениях страна покрывает за счет импорта. По прогнозам, Китай в 1980 г. сможет производить 45—47 млн. т минеральных удобрений.

В выступлении кандидата экономических наук Е. В. Бубенцова «Экспортные возможности КНР в области сельскохозяйственной продукции и их реализация на современном этапе» был затронут вопрос о тенденции сокращения доли сельскохозяйственного сырья в китайском экспорте и повышении доли готовой продукции, производимой из этого сырья. Наблюдается также стабильный рост китайского экспорта продукции животноводства. Заметные сдвиги в структуре внешней торговли произошли в 60-е годы, когда Китай стал ввозить в больших количествах зерно, хлопок, сахар. По мнению докладчика, Китай на ближайшее десятилетие останется крупным покупателем сельскохозяйственной продукции на мировом рынке. Дефицит валюты для этих закупок страна по-прежнему будет покрывать за счет экспорта готовых изделий и промышленного сырья (нефти, угля, руд и металлов).

В сообщении В. А. Ханиной «К вопросу о развитии животноводства КНР на современном этапе» освещалось состояние одной из важных отраслей сельского хозяйства Китая, на долю которой приходится 12% стоимости валовой сельскохозяйственной продукции. Было отмечено, что в 70-е годы несколько повысились темпы роста свиноводства, дающего до 90% производства мяса в стране. Вместе с тем по среднелетнему производству и потреблению этого продукта Китай продолжает занимать одно из последних мест в мире. Главной причиной отставания животноводства является нерешенность кормовой проблемы.

В работе конференции приняли участие сотрудники Института экономики мировой социалистической системы и отдела Китая Института востоковедения АН СССР. Выступившим в прениях кандидатом экономических наук В. П. Курбатовым была сделана попытка оценить уровень сельскохозяйственного производства и подсобных промыслов. Основное внимание в сообщении кандидата экономических наук Э. П. Пивоваровой было уделено расчетам объемов государственных и местных капиталовложений.

Таким образом, на конференции был затронут ряд важных проблем сельского хозяйства КНР. Обсуждение этих проблем показало значительный интерес к ним со стороны ученых ряда институтов АН СССР, а также определенные успехи в разработке вопросов сельского хозяйства КНР.

Е. В. Бубенцов

ЮБИЛЕЙ УЧЕНОГО

П. А. Миф

(к 75-летию со дня рождения)

Среди видных советских коммунистов — участников китайской революции и ученых-китаеведов 20-х — 30-х годов видное место занимает Павел Александрович Миф (Михаил Александрович Фортус, 1901—1939)¹.

Он родился в селе Большая Александровка, на Херсонщине; революцию встретил гимназистом; активно участвовал в молодежном движении, в гражданской войне. В 1921 году окончил в Москве Коммунистический университет имени Я. М. Свердлова, был оставлен там научным сотрудником и одновременно работал в Коммунистическом университете трудящихся Востока (КУТВ), где впервые серьезно занялся изучением революционного движения народов колониальных и зависимых стран. В 1923—1925 гг. находился на партийной работе в Донбассе.

Деятельность П. А. Мифа в области китаеведения делится на два больших периода: первый связан с работой в Коммунистическом университете трудящихся Китая (КУТК), второй — в аппарате Коммунистического Интернационала.

В КУТК (называвшийся вначале Университет им. Сунь Ят-сена) П. А. Миф был направлен вскоре после создания этого высшего учебного заведения на должность проректора (1926), а затем стал ректором (1927—1929). В университете учились и работали, овладевая опытом Октябрьской революции и социалистического строительства, многие впоследствии видные участники революционного движения в Китае.

П. А. Миф вел упорную борьбу с троцкистами, одно время активно выступавшим в стенах университета. Под его руководством в университете был создан первый центр марксистского научного китаеведения — Кабинет китаеведения, превратившийся затем в самостоятельный Научно-иссле-

довательский институт по Китаю. В КУТК и НИИ издавались лекции и учебные пособия по Китаю, печатался журнал «Материалы по китайскому вопросу» (1925—1928), на смену которому пришли потом сборники научных статей «Проблемы Китая» (1929—1935). Редактором обоих журналов был П. А. Миф.

НИИ по Китаю организовал издание первых монографий по актуальным проблемам Китая и китайской революции. В качестве первой работы такого типа может рассматриваться книга П. А. Мифа «Уроки шанхайских событий» (М., 1926), посвященная антиимпериалистическому движению «30 мая» 1925 г. в Шанхае, послужившему началом китайской революции 1925—1927 годов. Оперативно откликнувшаяся на самые последние события в Китае, книга эта ценна большим, тщательно собранным и умело проанализированным фактическим материалом, который до сих пор представляет определенный интерес.

Коминтерн и ВКП(б) уделяли исключительно большое внимание китайскому вопросу. В эти годы П. А. Миф участвует в работе VI и VII пленумов Коминтерна, выступает с речью о Китае на XV и XVI съездах ВКП(б).

В феврале 1927 г. он посетил Китай как глава пропагандистской группы ЦК ВКП(б), присутствовал на V съезде Компартии Китая. В 1928 г. П. А. Миф провел большую работу по подготовке и организации VI съезда КПК в Москве; участвовал в работе съезда, входя, по поручению НККИ, в комиссию съезда (аграрную, военную, организационную) по подготовке некоторых решений. Он участвовал затем в работе VI конгресса Коминтерна. Известно, какое большое положительное значение в истории китайской революции имели решения VI съезда КПК и VI конгресса Коминтерна, содействовавшие правильной ориентации китайских коммунистов и разработавшие те основные направления революционной деятельности, следуя которым КПК после длительной и трудной борьбы смогла добиться победы в 1949 г.

С марта 1928 г. П. А. Миф постоянно работает в аппарате Коминтерна, сначала —

¹ См. Видные советские коммунисты — участники китайской революции. М., 1970: А. М. Григорьев. Павел Александрович Миф. — «Народы Азии и Африки», 1969, № 2; В. Н. Никифоров. Из истории советского китаеведения. — «Вопросы истории», 1972, № 2.

в качестве заместителя заведующего Восточным секретариатом О. В. Куусинена, затем — специального помощника генерального секретаря Г. В. Димитрова. В конце 1930 — начале 1931 г. П. А. Миф конспиративно находился в Шанхае, участвуя в работе IV пленума ЦК КПК 6-го созыва (январь 1931 г.), резко осудившего лево-авантюристическую линию Ли Ли-сяня и поставившего во главе ЦК представителей интернационалистического направления Ван Минна, Цинь Бан-сяня (Бо Гу) и других.

Статьи и выступления П. А. Мифа внесли в то время значительный вклад в решение ряда теоретических вопросов, связанных с Китаем. Созданная теоретическая база позволила правильно определить тогдашний этап китайской революции как буржуазно-демократической и выработать правильную стратегию и тактику для китайских коммунистов.

Наряду с правильными основными положениями в работах П. А. Мифа «Китайская коммунистическая партия в критические дни» (М.—Л., 1928), «Китайская революция» (М., 1932) можно найти и отдельные неверные мысли: некоторую переоценку степени буржуазного развития Китая 20-х—

30-х годов, с чем связана определенная «левизна» оценок китайского революционного движения, преувеличение «правых» и недооценка «левых» ошибок КПК.

В работах Мифа, изданных после VII конгресса Коминтерна — «15 лет героической борьбы. К 15-летию Коммунистической партии Китая» (М., 1936), «Что происходит в Китае» (М., 1937), в вышедшем под его редакцией очерке «Китай» в первом издании БСЭ (БСЭ, 1936, т. 32), — в центре изложения выдвигаются задачи создания единого национального фронта в Китае и борьбы против агрессии японского империализма.

В последние годы своей деятельности П. А. Миф, продолжая работать в Коминтерне и возглавляя НИИ по Китаю, занимал также посты ректора КУТВ, директора Научно-исследовательского института национальных и колониальных проблем, был членом редколлегии журналов «Революционный Восток», «Материалы по национально-колониальным проблемам», «Тихий океан».

Имя П. А. Мифа, революционера, друга китайского народа, ученого, внесшего значительный вклад в изучение современного Китая, занимает почетное место в истории советского Китаеведения.

К 70-летию В. Н. Рогова

17 июля 1976 г. исполнилось семьдесят лет со дня рождения видного советского Китаеведа, известного журналиста, талантливого переводчика китайской литературы Владимира Николаевича Рогова.

В. Н. Рогов начинал свою деятельность на поприще Китаеведения как активист общества «Руки прочь от Китая!» и в 1924 г. как преподаватель в Университете трудящихся Китая им. Сунь Ят-сена, в котором учились многие видные китайские революционеры. В 1930 г. он окончил Московский институт востоковедения им. Нариманова, где учился у профессоров В. С. Колоколова, Б. К. Пашкова, А. И. Иванова. В 1930—1934 гг. В. Н. Рогов работал в Маньчжурии на КВЖД, пока угроза ареста со стороны японских оккупационных властей не вынудила его возвратиться на родину. В Маньчжурии В. Н. Рогов продолжал овладевать китайским языком, занимаясь с известной китайской писательницей Сяо Хун. Первые статьи В. Н. Рогова были посвящены Маньчжурии и печатались в журналах «Вестник Маньчжурии» и «Тихий океан». Затем вышли его книги «Водные пути сообщения Китая» (Харбин, 1932), «Материалы по экономической географии Китая» (М.,

1935), «Героическая борьба маньчжурских партизан» (М., 1938), (псевдоним Н. Федоров).

В 1937 г. В. Н. Рогов вновь в Китае, в качестве корреспондента ТАСС и «Правды». Он проехал всю страну по маршруту Шанхай — Нанкин — Ухань — Чунцин, освещал в советской печати ход антияпонской войны китайского народа, неоднократно бывал на фронте, встречался с советскими летчиками-добровольцами и китайскими военными и политическими лидерами. За свою работу в газете «Правда» В. Н. Рогов был награжден орденом Трудового Красного Знамени. В 1940 г. через Синьцзян он возвратился на родину.

В 1941—1943 гг. В. Н. Рогов работает в оккупированном Японией Шанхае, где организует издательство «Эпоха» и радиостанцию «Голос СССР». В трудных условиях оккупации он старался рассказывать правду о героической борьбе советского народа в годы Великой Отечественной войны, издавал советскую литературу на китайском языке.

Международный резонанс имела статья В. Н. Рогова «Положение в Китае. (По личным впечатлениям.)», опубликованная в журнале «Война и рабочий класс» (1943), в ко-

торой он разоблачал капитулянтские тенденции в гоминьдане.

В 1946—1952 гг. В. Н. Рогов продолжает работать в Китае, в Шанхае и Пекине, присутствует на провозглашении КНР 1 октября 1949 г. Затем он приезжает в КНР в 1957 и 1958 гг. С первого дня организации Общества советско-китайской дружбы В. Н. Рогов является членом правления, в настоящее время — заместитель председателя Общества. Он был главным редактором журнала «Советско-китайская дружба».

Длительное пребывание в Китае помогло В. Н. Рогову сблизиться со многими деятелями китайской культуры; он лично знал Лао Шэ, Мао Дуня, Го Мо-жо, Чжан Тянь-и, Ай Цина, Фэн Сюэ-фэна, Ху Фэна, Ся Яня, Тянь Ханя, Ян Хань-шэна, Чжао Шу-ли и др.

В. Н. Рогов внес заметный вклад в перевод произведений современной китайской литературы. Его перевод знаменитой повести Лу Синя «Подлинная история А—Q» издан в нашей стране общим тиражом более 2 млн. экз. Им переведены и другие произведения Лу Синя, а также Чжан Тянь-и, Чжао Шу-ли, Чэнь Дэн-кэ, пьеса «Седая

девушка». Под редакцией В. Н. Рогова вышли из печати «Избранное» Лу Синя (М., 1944), «Китайские рассказы» (М., 1944), а в шанхайском издательстве «Эпоха» «Рассказы. Статьи. Письма» Лу Синя (1949), сборник рассказов «Освобожденный Китай» (1951).

Статья В. Н. Рогова «Горький в Китае» («Интернациональная литература», 1940) была переведена на китайский язык. Статьи В. Н. Рогова по экономике, политике и культуре Китая печатались в журналах «Мировое хозяйство и мировая политика», «Интернациональная литература», «Международная жизнь», «Знамя», «Новое время» и др.

Свою деятельность журналиста и переводчика В. Н. Рогов неизменно подчинял общей цели укрепления дружбы и взаимопонимания между советским и китайским народами. Более 16 лет в общей сложности В. Н. Рогов проработал в Китае.

В день 70-летия коллектив ученых Института Дальнего Востока АН СССР, редколлегия журнала «Проблемы Дальнего Востока» горячо поздравляют Владимира Николаевича Рогова, желают ему здоровья и новых успехов в творческой деятельности.

Памяти товарища Чжу Дэ

6 июля 1976 г. в Пекине в возрасте 90 лет скончался Чжу Дэ — член Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК, председатель Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей, славный ветеран китайской революции, легендарный герой китайской Красной армии, один из старейших членов КПК.

Тов. Чжу Дэ родился в 1886 г. в деревне Мааньсян уезда Илун провинции Сычуань. В 1905 г. он окончил школу и сдал государственные экзамены, получив ученую степень «сюэя». В 1908 г. ушел добровольцем в армию. Синьхайская революция 1911 г. застала Чжу Дэ в Юньнани, где он служил в должности командира роты. Участвуя в боевых действиях против войск Юань Ши-кая на территории провинций Юньнань и Сычуань, Чжу Дэ становится командиром бригады.

В 1922 г. в Шанхае Чжу Дэ встретился с Сунь Ят-сеном и примкнул к Гоминьдану. В октябре 1922 г. Чжу Дэ уехал в Германию, где познакомился с китайскими коммунистами и вступил в КПК. Он учился на политическом факультете Геттингенского университета и одновременно изучал военное дело. После выезда из Германии Чжу Дэ около года прожил в СССР и в середине 1926 г. вернулся в Китай.

Чжу Дэ по праву считается одним из организаторов и выдающимся полководцем китайской Красной армии и Народно-освободительной армии Китая, он активный участник Наньчанского восстания 1 августа 1927 г., с 1932 г. — главнокомандующий китайской Красной армии, в период антияпонской войны — командующий 8-й полевой армией НРА, с 1945 по 1954 г. — главнокомандующий НОАК. Тов. Чжу Дэ с 1931 г. — кандидат, с 1945 г. — член ЦК КПК, член Политбюро, секретарь ЦК, заместитель председателя военного комитета ЦК КПК. В апреле 1959 г. тов. Чжу Дэ избран председателем Постоянного комитета ВСНП.

В апреле 1928 г. в районе Цзинганшаня дивизия Чжу Дэ объединяется с отрядом Мао Цзэ-дуна, образовав 4-й корпус ККА под командованием Чжу Дэ. Уже в 1929 г. возникли принципиальные разногласия между Чжу Дэ и Мао Цзэ-дуном, которому популярность Чжу Дэ мешала сосредоточить всю власть в своих руках. Эти разногласия существовали до последних дней жизни Чжу Дэ. На совещании в Цзуньи (январь 1935 г.) Чжу Дэ выступал против Мао, отстаивая политическую линию ЦК КПК. В период «чжэнфэна» («борьбы за упорядочение стиля») в 1942—1943 гг. Чжу Дэ осуждал массовые репрессии и преследования коммунистов, которые организовали Мао Цзэ-дун и Кан Шэн. С 1954 г. Чжу Дэ был фактически отстранен от практического руководства вооруженными силами КНР.

Чжу Дэ был противником «культурной революции». В августе 1966 г. он отстранен от должности заместителя председателя ЦК КПК. В 1967 г. хунвэйбинская печать обвиняла Чжу Дэ в постоянной оппозиции Мао Цзэ-дуну, называла его «одним из главных генералов черного штаба Лю — Дэна, действовавших заодно с Хэ Луном». Лишь с сентября 1970 г. центральная китайская печать начала упоминать Чжу Дэ как председателя Постоянного комитета ВСНП.

Президиум Верховного Совета СССР в своей телеграмме Постоянному комитету ВСНП подчеркнул, что «память о товарище Чжу Дэ — выдающемся революционере-интернационалисте, легендарном полководце и борце за освобождение Китая навсегда сохранится в сердцах советских людей».